

Еремей ПАРНОВ

Пиррон Люцифера

Критические
очерки магии и
оккультизма

Издательство
политической
литературы

Michael Machen

Gabriel.
 91 101 111 121 131 141 151 161 171 181 191 201 211 221 231 241 251 261 271 281 291 301 311 321 331 341 351 361 371 381 391 401 411 421 431 441 451 461 471 481 491 501 511 521 531 541 551 561 571 581 591 601 611 621 631 641 651 661 671 681 691 701 711 721 731 741 751 761 771 781 791 801 811 821 831 841 851 861 871 881 891 901 911 921 931 941 951 961 971 981 991 1001
 hamain

Samael
Machon

Raphael ♀ - ♀ - ♀
 ♀ + ♀ - ♀ X Rague

Sachul 生 子 子
Zebul

Anael ♀ . 8 .
 Sagun

Cassiel 𐌲𐌹𐌿𐌺𐌰 𐌲𐌹𐌿𐌺𐌰 𐌲𐌹𐌿𐌺𐌰

Michael
Machen

Gabriel.

hamaine

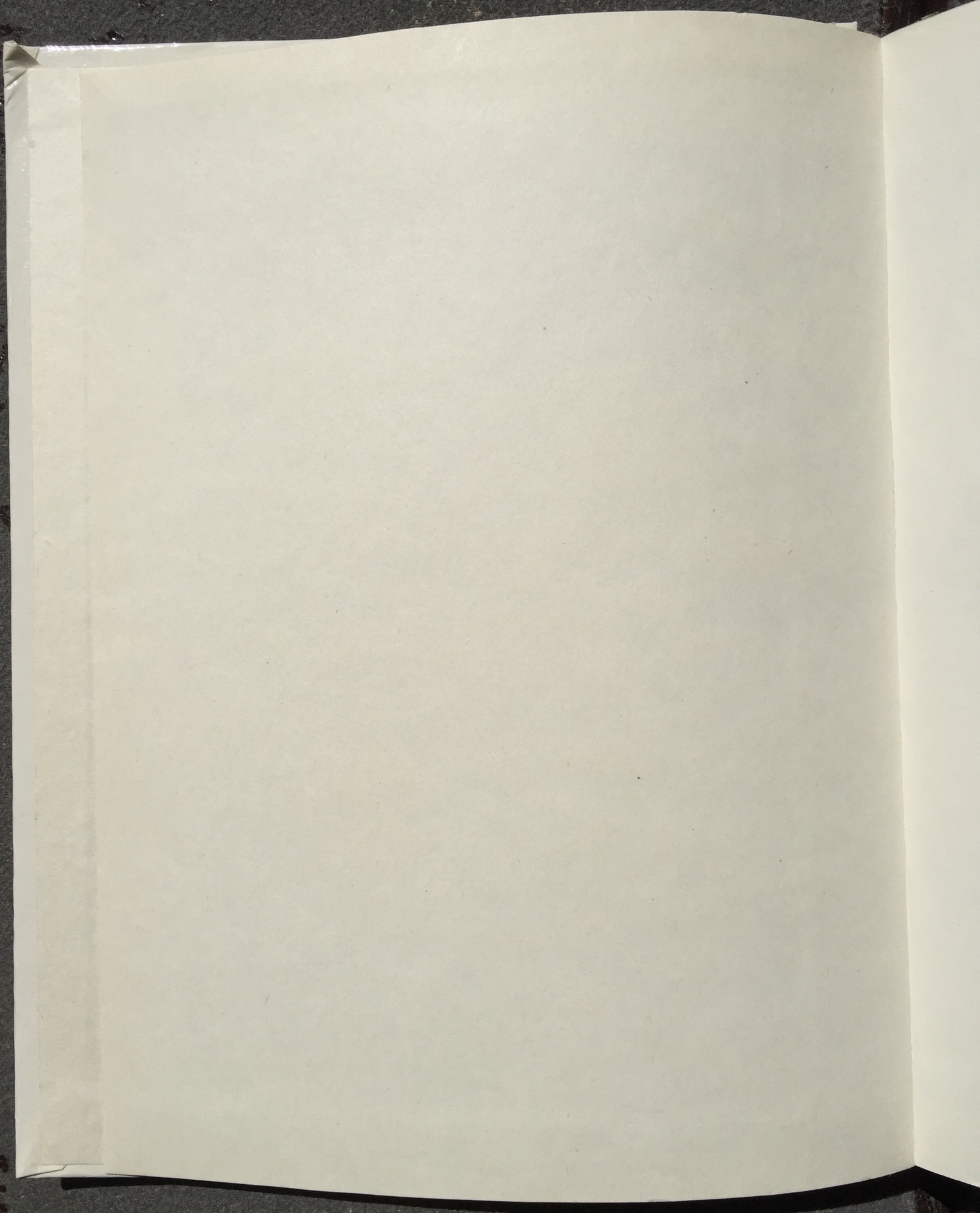
Samael 𐤌𐤓𐤕𐤌
Machon

Raphael ♀ - ♀ - ♀
 ♀ - ♀ - ♀ Raque

Sachiel 𐎲𐎠𐎫𐎠𐎡𐎹 𐎲𐎠𐎫𐎠𐎡𐎹
Zebul 𐎲𐎠𐎫𐎠𐎡𐎹

Anael ♀ . ☿ . ♄ .
♄ ♀ Sagun

Cassiel 𐌲𐌹𐌸𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌰

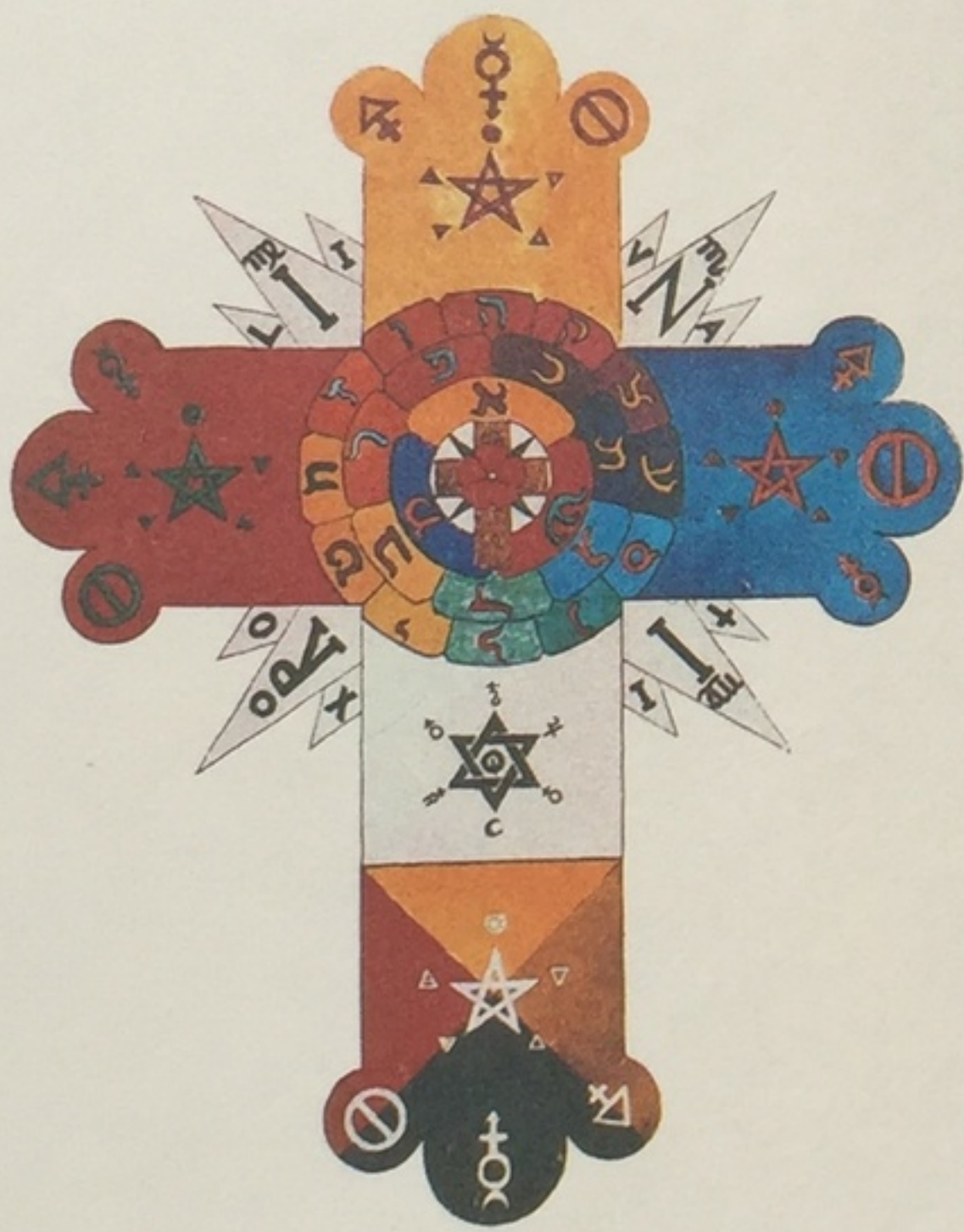

Тірон Люцифера

Еремей ПАРНОВ

Тирон

Критические
очерки магии и
оккультизма

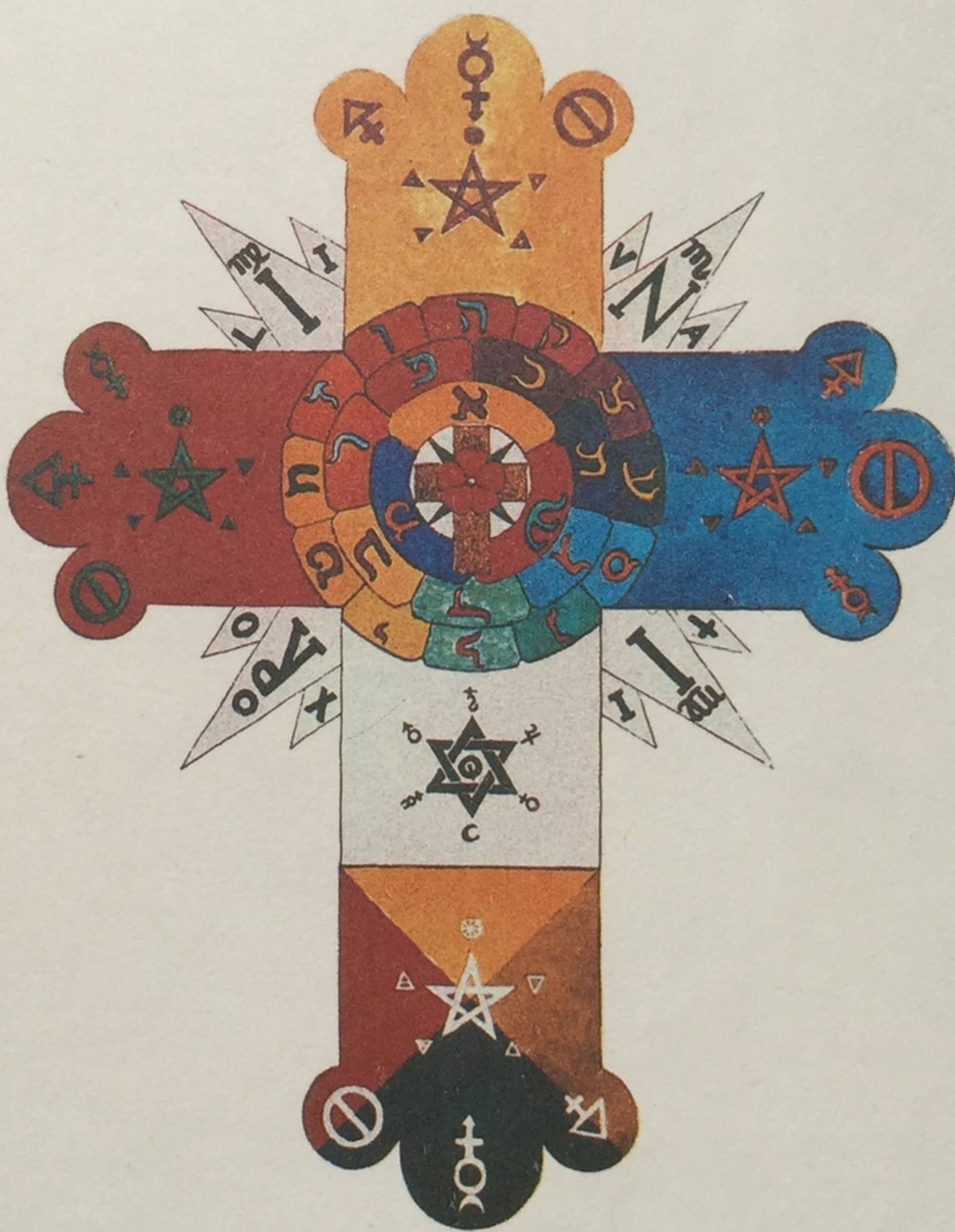
Люцифера

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

Еремей ПАРНОВ

Тирон

Критические
очерки магии и
окультизма

Н Люцифера

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

«Церковь Сатаны», «Сатанинская Библия»,
«Черная месса», «Легион дьявола», «Оргия кровопийц» —
это не только заголовки бульварных романов
и названия ледящих кровь киноподелок.
И книги и фильмы — «тезки» обществ и организаций,
насчитывающих ныне в странах капиталистического мира
десятки миллионов приверженцев.

Содержание

Возвращение Пана	6	«Дома» генитур	137
Помрачение	14	Древо жизни	161
Рыцарские игры	31	Киммерийские тени	177
Меч и роза	45	Роза и крест	190
Кольцо змея	55	Глаз в треугольнике	202
Тамплиеры	65	Синяя борода	224
Святой Грааль	78	Экзорцизм в Лудене	235
Молот ведьм	85	Черная месса	244
Изумрудная скрижаль	94	«Золотой восход»	253
Великая седмица	103	Проклятие свастики	263
Властительные связи	116	Бог Сатана	273
Ограниченный сфинкс	127	Ведовской балаганчик	283
		Краткий словарь специальных терминов	299

Возвращение Пана

Был голос: умер Пан! — И тени
Простерлись. — Слово на стене,
Над тягостью земных томлений
Встал белый призрак в тишине.
Он чертит погребальный камень
Огромным росчерком руки,
Вдоль стен кладбищенских, как
пламень,
Развешивает позвонки.

Теофиль Готье,
«Костры и могилы»

ВО ВРЕМЕНА императора Тиберия (14—37) распространилась удивительная легенда о корабельщике Таммузе, которому прозвучавший над морской бездной таинственный голос велел возвестить, что умер великий Пан. Когда весть об этом достигла Рима, император приказал доставить к себе Таммуза и после беседы с ним собрал совет виднейших философов. Они склонны были считать, что, по-видимому, великий бог лесов действительно умер.

Но это была ошибка. В средние века рогатый и козлоногий Пан, которого церковники стали называть демоном, не только вернулся на родные поляны, но и обрел невиданную власть. Вместе с ним возвратились веселое племя сатиров и прелестные нимфы, прилетевшие на ведьмовском помеле.

С той былинной поры пролетели сотни и сотни лет...

...Не верхом на метле, но оседлав рычащие мотоциклы, съезжалась к заброшенной часовне нечистая сила. Миловидные ведьмочки в изрядно потертых джинсах и мини-юбках, прикинув к кожаным спинам дьяволов, весело перекликались в шелестящей, грохочущей моторами тьме. Когда мчащиеся впереди приземистые «кадиллаки» и «форды», включив пылающие адским пламенем стоп-сигналы, свернули со скоростной автострады на заброшенную грунтовую дорогу, лихие гонщики в черных рогатых шлемах «ваффен СС» неохотно сбросили газ. Только-только вошли во вкус, и вот на тебе — прибыли. А ведь так упоительно, так вольготно было лететь в крошечную ночь. Все дальше от города, чей бесприютный, негреющий свет, словно уголья в покинутом очаге, угрюмо дотлевал где-то там позади. Они и впрямь летели на шабаш, оставив за плечами обыден-

ный быт и обыденную мораль с их ложью, бесконечными запретами, абсолютной бесцельностью и скукой. Близостью освобождения от всех и всяческих пут овевала разгоряченные лица могильная сырость уснувшей земли. Горьковатый дух омытой росой листвы пробился сквозь душную пыль и бензиновый чад. Полная и совершенная в своей холодной осенней прелести, вставала над заброшенным кладбищем луна. Посеребрив скорбные тисы и обозначив заросшие плющом мраморные плиты, она неудержимо рвалась в зенит, утверждая свою неизбывную власть над душами людей и чахлыми призраками, затаившимися среди развалин. Она словно не признавала убогого рационализма и пошлых условий века, загнавшего людей в железобетонные джунгли.

Сумрачными зеркалами взметнулись крышки багажников. Ничуть не стесняясь друг друга, приехавшие леди и джентльмены деловито расстались с привычной одеждой. Облачившись в ниспадающие волнистыми складками плащи с разрезами по бокам и вооружившись сверкающими двуручными мечами, мужчины образовали некое каре, в центре которого собирались склонные обычно к долгой возне женщины. Впрочем, на сей раз промедлений, связанных с туалетом, не возникло. Девушки оставили на себе только туфли и бижутерию, а элегантные матери семейств чисто символически прикрыли наготу газовыми накидками.

Чинно разбившись на пары, общество направилось к заброшенной часовне. После удара молнии, повредившего кровлю и оплавившего свинцовые переплеты витражного окна, ее постоянными обитателями стали совы, летучие мыши да жабы.

Первой, возглавившей шествие, паре в намеченной церемонии

отводилась центральная роль. Лысеющий с темени и потому особенно похожий на доминиканского монаха господин намеревался совершить таинственный обряд святого Секария, известный со времен средневековья как черная месса, а его привлекательной спутнице предстояло для этого лечь на алтарь, где уже заблаговременно укрепили семь высоких зеленых свечей. Привезенную в ящике из-под баночного пива и столь необходимую для задуманной церемонии восковую куклу, особым образом слепленную и «окрещенную» в католическом соборе, заботливо нес один из «стражей» с мечом, оберегавший «запад». Его сосед, обычно несший вахту на северной стороне магического круга, в котором разворачивалось действие, готовился нынешней ночью сыграть роль самого владыки преисподней. В его пластиковом мешке находилась маска, сделанная искусным таксидермистом на манер головы исполинского козла. Черная шерсть и тяжелые рога, между которыми устанавливали горящую свечку, были настоящими, хоть и взятыми от различных животных, а «пылающие» очи ловко имитировало светоотражающее покрытие. Да и золотая пентаграмма во лбу «князя тьмы» была изготовлена из анодированного металла по специальному заказу. Худо-бедно, но современность с ее неограниченными возможностями по части научно-технических новинок тоже сумела внести посильный вклад в исконные ритуалы средневековья! Никуда не денешься: атомный век, прогресс... Но так и хочется спросить словами поэта: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?..» Воистину есть нечто обескураживающее в той исторической траектории, которую, пронзив времена и пространства, описала магия, возвратившись в конце кон-

цов на круги своя. Не претерпев существенной эволюции, ничего не забыв и соответственно ничему не научившись, она вновь утвердилась в качестве необходимого и вполне респектабельного элемента бытия в сознании современного европейца или американца.

Как? Отчего? Почему? Трудно, а то и вовсе невозможно дать однозначный, исчерпывающий ответ. Без анализа духовной атмосферы, без зондирования потаенных глубин человеческих страхов и вожделений, вне политической ауры и бытовых неурядиц мы едва ли сумеем приблизиться к отгадке. Девальвация традиционных верований и «жажда странная святынь, которых нет», духовный вакуум и крушение традиционной буржуазной морали — все это необходимые составляющие того идейного хаоса, который пробудил ныне темные атавистические устремления. Разумеется, только этим одним не ограничиваются предпосылки сатанистского путча, посредством которого на пустующем Олимпе был утвержден железный трон Люцифера. И все же основная причина кроется именно в бездуховности, в утрате элементарных общечеловеческих моральных норм и духовных ценностей.

«Церковь Сатаны», «Сатанинская библия», «Черная месса», «Легион дьявола», «Оргия кровопийц» — это не только заголовки бульварных романов и названия леденящих кровь киноподелок. И книги и фильмы — «тезки» обществ и организаций, насчитывающих ныне в странах капиталистического мира десятки миллионов приверженцев.

Параллельно, вернее, соосно с культом мирового зла смыкают многовековые орбиты черная и белая магия, астрология, хиромантия, спиритизм, алхимия, колдовство, заговоры, нумероло-

гия, некромантия и прочие виды гаданий. Люди вновь верят в связь с загробным миром и вампиризм, прибегают в трудных случаях к каббале и тароту, жадно ищут хотя бы тень того, кому можно — нет, не продать, а просто вручить, причем часто с приплатой, — свою бессмертную душу.

Словно и впрямь вернулось средневековье со всеми его аксессуарами, словно магическая рука стерла совокупную память человечества, предоставив ей пылиться на полках библиотек. Впрочем, если средневековье и накрыло черной вуалью города современного Запада, то возврат его крайне своеобразен. Сегодня никому не угрожает костер за «связь с дьяволом», а занятия герметикой не только вполне допустимы, но и приносят весьма ощутимый доход, никак, правда, не связанный с тайной алхимического золота. Больше того, человек, открыто отрицающий всю эту чудовищную вакханалию, порой рискует прослыть чуть ли не обскурантом, ретроградом. Так что полемика с вампиристами или тарелкоманами требует известного мужества. «Поклонники дьявола» не прощают отступничества, как некогда не прощали его смиренные последователи чудотворца, распятого на Голгофе. Симптоматичные изменения претерпел и образ теурга — чернокнижника, некроманта, епископа «черной церкви». Ныне это, как правило, отнюдь не знаток наук (хотя бы и «тайных»), но наглый, невежественный шарлатан, компенсирующий нехватку эрудиции агрессивностью и непомерным апломбом. Да и зачем ему эта самая эрудиция, если невежественная (опять-таки в «тайных» науках) толпа, куда более не просвещенная в сих материях по сравнению со средневековой, все принимает на

веру. С
ченной
уки, х
нуются
метиче
и пр.
за зво
сшую
или
хиром
для на
но при
лавке.
в мяг
мисти
стальн
эзотер
свечей
с поту
предл
ветств
детско
приоб
ничес
посла
экстра
т. п.
устан
но отк
ного
Тем
можн
таж
пещер
чарод
жем,
Ли, п
да. П
ма и
рамо
редко
челов
сатан
шенн
ства,
го за
рекл
возм
рой
уже
у вс
неви
ских
мов.

веру. Она жаждет быть одураченной. Да и сами «тайные» науки, хоть и по-прежнему именуются «оккультными», «герметическими», «эзотерическими» и пр., давным-давно продали за звонкую монету свою «высшую секретность». Курс магии или астрологии, самоучитель хиромантии или наставление для начинающего алхимика можно приобрести в любой книжной лавке. Два-три доллара за том в мягкой обложке. Да и весь мистический реквизит — от хрустального шара и полной колоды эзотерического тарота до черных свечей и планшеток для связи с потусторонним миром — будет предложен жаждущему в соответствующем магазине, иногда детском. При желании можно приобрести сложную радиотехническую аппаратуру для записи посланий умерших, пульт для экстрасенсорных испытаний и т. п. Так что связь с дьяволом устанавливается ныне совершенно открыто: на виду у просвещенного общества, в кругу семьи. Тем более что по телевидению можно увидеть не только репортаж из очередной колдовской пещеры, но и прослушать урок чародейства, который дает, скажем, «великая жрица» Сибил Ли, популярная в США телезвезда. Подобное смешение бытовизма и мистики, чародейства и ультрамодных новинок техники нередко ставит неподготовленного человека в тупик. Тем более что сатанистская церковь и ее оглушенная паства являют порой действия, достойные психиатрического заведения. Причем жаждущая рекламы «самодеятельность» всевозможных сект и кружков, порой преступная, протекает, как уже говорилось, не только на виду у всех, но и на фоне шумного, невиданного успеха сатанистских романов и колдовских фильмов.

На первый взгляд может показаться, что подобные гримасы общественного сознания совершенно необъяснимы, почти иррациональны, но стоит провести исторический экскурс и сопоставить между собой явления, бытовавшие на переломах самых различных эпох, как сразу проясняется и подоплека очередного феномена, порожденного кризисными ситуациями, от которых не перестает и никогда не переставало страдать «общество потребления». Богатую пищу для размышлений о путях и капризах «контркультуры» дает и сравнение ритуалов всевозможных сект, лож и «каверн» — как давно канувших в Лету, так и самых современных, но черпающих убогое вдохновение и обветшалый реквизит из одних и тех же мутных источников. Вот почему в нашем повествовании будут постоянно пересекаться две временные линии. Одна, идущая из глубокой древности, позволит очертить происхождение и саму сущность «тайных» дисциплин, другая — современная — поможет постичь беспрецедентный парадокс буржуазного сознания, воскресившего им же похороненные и проклятые тени. Это явится своеобразной переключкой между средневековым историческим и, скажем условно, «парадоксальным», противостоительно трансплантированным в миросозерцание и культуру индустриального Запада.

«Интерес к оккультизму, — отмечалось в конце семидесятых годов в американском еженедельнике «Ньюсуик», — в течение десятилетий не выходящий за пределы крайне ограниченного круга избранных, внезапно превратился в поистине массовое явление».

Так ли уж внезапно? — возникает законный вопрос. Еще в середине прошлого века богатейшая

американская буржуазия предприняла отнюдь не безуспешную попытку пересадить на девственную почву Нового Света «множество средневековых традиций, религию, английское обычное (феодалное) право, суеверие, спиритизм, — словом, всю эту чепуху, которая непосредственно не мешала коммерческим делам, а сейчас весьма пригодна для оглупления масс» *. Щедро посеянные зубы дракона дали обильные всходы.

Магия во всем комплексе составляющих ее «тайных» наук не только игрушка пресыщенных умов. Она и сегодня, как и во времена Варфоломеевской ночи, остается орудием политической борьбы, бережно сохраняемым в арсеналах самой крайней реакции.

Если проследить резонансные пики оккультизма, то они неизбежно совпадут с активизацией крайних правых сил. Так было в Германии перед захватом нацистами власти, так было в России после поражения революции 1905—1907 годов, когда с необычайной быстротой распространилась, по определению В. И. Ленина, «мода на мистицизм» **.

В книге «Утро магов» Луи Повеля и Жака Бержье с характерной для обскурантизма эклектикой и неразборчивостью были изложены принципы «фантастического реализма», ведущего к «возрождению» якобы задавленной рационализмом творческой энергии человечества. Рядясь в одежды отчаянных реформистов, почти революционеров, авторы пытались уверить своего читателя, что причины всех нынешних бед и неурядиц следует искать в недавнем прошлом. Обвинив науку в том, что она-де наложила запрет на фантазию, они обрушились на

современные духовные ценности, которые якобы заставляют человечество тащиться в хвосте прогресса, устремившегося во вселенский простор. «Мост между эпохой мушкетеров и эпохой ракет еще не построен!» — патетически восклицали Бержье и Повель, ниспровергая сами основы знания, позволившего человечеству выйти в космос.

Нетрудно представить себе, каким рисовался этот немыслимый «мост» людям, приписавшим алхимикам и розенкрейцерам открытие ядерных превращений (достойно увенчавшее, кстати сказать, усилия столь хулимой ими науки). Случайные «озарения» и интуитивные догадки герметистов-алхимиков, составителей гороскопов, натуропатов не заслонят в нашей памяти костры аутодафе, колеса и виселицы, кровавые религиозные войны.

«Век мушкетера» ознаменовался вакханалией нетерпимости, повальным увлечением черной магией и некромантией. С легкой руки Екатерины Медичи, например, возродились гадания по внутренностям животных, ее алхимики соперничали между собой в изобретении изощренных отрав, прорицатели, распластав на окровавленных столах члвчечьи мозги, толковали на свой лад прихотливые рисунки извилин. А в эпоху «короля мушкетеров» Людовика Тринадцатого имел место позорный процесс Урбена Грандье, обвиненного в сношениях с дьяволом.

Повелю и Бержье, усмотревшим современное «пробуждение духа» даже в оккультных изысканиях нацистских фюреров, нельзя отказать в некотором прогностическом даре. «Мостом», который грезился им в шестидесятые годы, явился заурядный средневековый шабаш, захвативший в свой вихрь часть травмированной термоядерным безумием,

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 490.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 87.

вконец
ванной
молоде
Атака
знание,
флагом
лизма»,
тотальн
прицело
только
столетия
шениям
ли и не
торый
одно по
Нет, ны
варства
все века
от эпохи
по пути
ластик
стырски
янского
Их букв
рыцарск
небо, н
водских
ческие
возданн
бодной
проблем
вающей
голоде,
станиях
вспомин
по двум
нальном
му и
задним
же выйт
ибо от
вся гря
этом ес
шительн
культно
случае,
шее пре
«Не нуж
му уму
границь
чье «Ра
звучало
всяческо
му фана

вконец изверившейся и замордованной безработицей западной молодежи.

Атака на разум, на позитивное знание, начатая с вылазки под флагом «фантастического реализма», обрела ныне масштабы тотального наступления. Под прицелом находится теперь не только позитивный багаж XIX столетия с его мнимыми прегрешениями против свободной мысли и не только марксизм, о который обломало свои копья не одно поколение мракобесов.

Нет, нынешние апологеты варварства готовы сбросить со счетов все века, отделившие эпоху ракет от эпохи ведьм. Они готовы идти по пути прогресса не далее схоластики, прозябающей в монастырских кельях, не далее крестьянского серпа и цехового знамени. Их буквально завораживает звон рыцарских лат, гипнотизирует небо, не омраченное дымом заводских труб, зазывает на языческие игрища буйная сила первозданной земли, начисто свободной от всяких экологических проблем, а если чем и пахнущая, то только навозом. О голоде, чуме и крестьянских восстаниях при этом, конечно, не вспоминают. Огонь ведется сразу по двум целям: разуму, рациональному мышлению как таковому и рабочему классу, коему задним числом не позволяют даже выйти на историческую арену, ибо от него якобы и проистекает вся грядущая скверна. Во всем этом есть своя логика — разрушительная, можно сказать, оккультно-фашистская. Во всяком случае, в основе ее лежит полнейшее презрение к реальности.

«Не нужно полагать человеческого уму какие бы то ни было границы», — писал Рене Декарт, чье «Рассуждение о методе» прозвучало погребальным колоколом всяческому вздору, измышленно-му фанатиками в сутанах. Мож-

но, наверное, усмотреть изощренную насмешку судьбы в том, что именно на родине энциклопедистов и вольнодумцев появилось сочинение, напрямую атакующее непревзойденный трактат великого мыслителя. Но судьба здесь ни при чем. Людям свойственно самим выбирать себе духовных наставников. Одни с благоговением и признательностью обращают свой взор к гуманистам и реформаторам, других неодолимо влечет к погромщикам и всяческим изуверам.

О своей преданности идеалам самой крайней реакции заявил сравнительно недавно известный историк, член Французской академии Робер Арон. Название, которое «бессмертный», как именуют во Франции академиков, избрал для своего труда, подчеркнуто тенденциозно — «Рассуждения против метода». Впрочем, «рассуждений» в памфлете не встретишь. Рассуждения подразумевают рассудок, а именно против него с патологической ненавистью ополчился Арон. Он поносит Декарта за то, что тот разработал «тоталитарную концепцию разума». А коль скоро операции разума совпадают с реальными законами мира, Декарт предстает интеллектуальным тираном, «стандартизовавшим способности человеческого духа» и «раздробившим человеческую душу». Это он, по мысли Арона, убил вдохновение и выхолостил поэтическую тайну, «избавив человека от всякого творческого усилия». Аргументы Арона заведомо лживы, но это ничуть не смущает автора «контррассуждений».

«Читая эту книгу, трудно поверить, — отмечал в «Литературной газете» журналист Лев Токарев, — что она издана в последней четверти XX века, — так силен в ней затхлый дух средневекового мракобесия и навсегда

похороненной Декартом схоластики».

Да, поверить трудно, если читать в тиши кабинета с зашторенными окнами, абстрагируясь от колдовской вакханалии, сотрясающей индустриальный Запад. Но в том-то и суть, что тяга к мистике, к сатанизму не изолированное явление, не случайно проклюнувшийся больной побег перегнившего корневища. Как показала история, реакция имеет обыкновение контратаковать на всех фронтах сразу. Не случайно же натовские стратеги ухватились вдруг за Нострадамуса. Не только по причинам, обусловленным модой и конъюнктурой, как грибы начали появляться фильмы, романы и пьесы на темы дьяволизма и оборотничества.

Очевидно, пионеры этого движения ощутили некий толчок (чтобы не сказать — социальный заказ) и сами дали направление моде, сами обусловили бум по части спроса и предложения. А такой бум налицо. В одной только Италии выходит около двадцати оккультных журналов, большей частью нацеленных почему-то на мертвецов-кровососов, о чем свидетельствуют названия: «Дракула», «Вампир», «Вампиресса» и даже «Вампириссимо».

Можно ли рассматривать это явление в отрыве, скажем, от кровавых оргий террористов из «Красных бригад» и «Первой линии»? От очередного пароксизма военной истерии, развязанной милитаристами США?

«В случае атомной войны... бомба будет сброшена на большие города — Лион, Марсель, Париж... Те, кто спрячется в противоатомных убежищах, выйдут на поверхность, когда огромные орды пройдут над их головами и русские убьют все, что только можно убить. Затем уцелевшие жители городов плотными рядами, словно обезумевшее стадо, бросятся в

деревни. Они умрут на дорогах, так как не смогут возродить жизнь, создав островки «а-ля Робинзон Крузо»... И спустя некоторое время, если больше не останется жратвы, съедят самого маленького члена семьи!»

Этот бред взят не из очередного «романа ужасов», а из репортажа преуспевающего фотографа Мартена «Французы, которых безумно пугает угроза войны», опубликованного в парижском еженедельнике «Нувель литтерер» в ноябре 1981 года.

«Разум заставляют молчать», — с горечью признается профессор М. Маскино в статье «Сумерки разума», опубликованной во французском ежемесячнике «Монд дипломатик». «Отказаться от требований разума, — развивает он свою мысль далее, — это значит стелить постель варварству... Ибо не безнаказанно пробуждают чудовищ, которые подсознательно дремлют в людях: когда химеры завладевают находящейся в исступлении толпой, они убивают».

Мы вскоре увидим, на что способны такие химеры!

«Я мыслю, следовательно, существую», — с гордостью за человеческий род говорил Декарт. «Я мыслю, следовательно, не существую», — тщится опровергнуть великую аксиому одержимый манией величия пигмей. Что можно, однако, противопоставить классической ясности и величественной простоте декартовых аргументов, облеченных в безукоризненную литературную форму? Словно пароль погромщиков, вышедших с кистенем на большую дорогу, передается из уст в уста брань ниспровергателей разума. Как поразительно сходны их категорические утверждения, не подкрепленные даже самыми примитивными аргументами!

И как жалки тщетные потуги взорвать самые основы современ-

ного
гнуть
орию
вновь,
рейха
создат
мира.
Вселе
над в
на пе
топыр
Смех
смысл
век и
во вр
ществе
ранст
и по
нием
массы
ная ф
ского
дукт
стройка
Но ес
закли
приро
таться
зувер
«Мы
разум
цузск
Жан
невед
чем
преж
верит
ствен
«Тра
боль
рит
и спи
слов
иной
нали
криз
пред
табе
рэн.
Что
разу
оста

ного знания, чтобы ниспровергнуть квантовую механику и теорию относительности, или же вновь, как во времена «третьего рейха», ошельмовать великих создателей современной картины мира. Магизму тесно в реальной Вселенной, он тщится воспарить над временем и пространством на перепончатых крыльях нетопыря.

Смехотворные претензии, бессмысленные попытки, ибо «человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть больная фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя» *.

Но если нельзя, даже с помощью заклинаний, изменить законы природы, то почему бы не попытаться заставить человека разуввериться в них?

«Мы не можем изменить мир разумом», — декларирует французский романист и социолог Жан Дювиньо, оставив нас в неведении насчет того, как и чем он пытался изменить мир, прежде чем окончательно разувериться в высшем, если не единственном достоянии человека. «Традиционный рационализм больше не удовлетворяет», — вторит ему проповедник мистики и спиритуализма Марк де Шмедт, словно ему известен какой-то иной, «нетрадиционный» рационализм. «Разум должен вызвать кризис разума», — напыщенно предвещает даже вполне респектабельный социолог Эдгар Морэн.

Что же можно противопоставить разуму? Чем заполнить вакуум, оставленный всесокрушающим

костром, куда полетит наше тысячелетнее прошлое, наш сегодняшний день, мы сами?

Следуя формальному методу нынешних ниспровергателей и прибегнув к отрицанию «не», мы получим «неразум», а следовательно — безумие. Именно за это ратует американский литературовед Шошана Фелман. «Вся эпоха осознает себя некой точкой внутри безумия», — утверждает она в книге «Безумие и литература». Не довольствуясь тем, сколь противоестествен симбиоз культуры и сумасшествия, якобы «освящающих» друг друга, она заклинает окончательно шизофренировать общество и превратить искусство слова в поле действия иррационального.

Что ж, даже в горячечном бреде порой выкрикивают понятные фразы. Приходится признать, что и среди беспросветной мерзости встречаются примечательные находки. Слово «шизофренировать» — точное слово, ибо нет и не может быть иной альтернативы рассудку. Есть некая отрада в том, что подобное «открытие», которое так и просилось на язык, совершили сами ожесточенные ниспровергатели, а не защитники разумного начала в существе, именуемом Гомо сапиенс. Как ни странно, но слово истины прозвучало из шизофренированного лагеря.

Но «истина» — есть некое производное от понятия «разум», поэтому нет особых надежд на то, что одержимые буйным безумием прислушаются к поставленному диагнозу. Если использовать выражение Паскаля насчет «мыслящего тростника», то есть человеческого разума, то лишенный этого бессмертного начала человек должен обратиться в простую траву, которую рано или поздно сожрут животные или испепелит огонь.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 192—193.

Помрачение

Пусть будет прихоть нечиста
Или невинна,
Порок иль скромная мечта,—
Мне все едино.
Я воплощу любой твой бред.
Скажи, в чем дело?
— О дьявол,— я ему в ответ,—
Все надоело!

Поль Верлен,
«Разочарование»

НЫНЕ НА ЗАПАДЕ вновь сделался необычайно модным «эзотерический тарот», от которого пошло заурядное гадание на картах. Считается, что он был создан испанскими оккультистами XIII века, вложившими в 78 карт целую символическую систему, которая вобрала герметические откровения гностиков, неоплатоников, катаров и каббалистов. Известно, по крайней мере, что великолепная и чрезвычайно дорогая колода была подарена в XIV веке французскому королю Карлу Шестому. Особое значение в тароте придается двадцати двум старшим арканам (таинствам), символизирующим разные стороны бытия: болезнь, смерть, войну, борьбу, силу, мощь и религию. Каждая карта имеет свое название и знак, обнимая сразу три плана: символический, цифровой и астрологический.

Лишь один номер — 21 — почему-то пропускается. Во всяком случае, он не указан на карте, изображающей безумца. Испанский эзотерический тарот так расшифровывает ее значение: «Безумие, неспособность размышлять, экстравагантность, глупость, смешные поступки, фриivolность, полная заброшенность». Добавив сюда еще одно слово — преступление, мы получим исчерпывающую характеристику современного колдовства.

Я думаю, нелишне будет начать со сведений общестатистического характера, существенно дополняющих уже знакомый нам духовный разброд с его обескураживающими всплесками и провалами. Вернее, чудовищную вакханалию в стиле Брейгеля, когда сбита с толку, зачастую деклассированная толпа готова идти за любым обманщиком, объявившим себя богом или дьяволом, а буржуазная элита охотно раскрывает ко-

шельки
ся прохо
на окку
духовид
миром и
гадание
гуще.
Очевидн
ляется н
ным и н
потустор
от нее
рой, мн
и, естес
мен.
Иначе пр
ковать п
и факты
В США,
делю воз
ная сект
Во всем
исследов
христиан
объявил
Так, зна
цузского
шийся н
исцелени
еще в
удалось
5 тысяч
вая свои
ность, Ж
шесся, п
посколь
и свет».
носила
то есть
Против
дены су
зи со
оставлен
помощи
Вот нек
«богов»
руэн и
Оскар Бе
берг, ш
который
как «Ии
нец Они
мать, не
ся новы

шельки перед первым попавшимся проходившим, претендующим на оккультное знание, будь то духовидение, связь с загробным миром или же самое примитивное гадание на бобах и кофейной гуще.

Очевидно, настоящее представляется настолько бесперспективным и нестерпимым, что любая потусторонняя весть, даже если от нее пахнет адской серой, мнится знаменем скорых и, естественно, отрадных перемен.

Иначе просто невозможно истолковать приводимые ниже цифры и факты.

В США, например, каждую неделю возникает новая религиозная секта.

Во всем мире один зарубежный исследователь насчитал 2639 христианских сект. Всего за 20 лет объявилось десять Христосов! Так, знахарь Жорж Ру из французского городка Монфавэ, добившийся некоторого успеха на ниве исцеления, объявил себя Христом еще в октябре 1950 года. Ему удалось убедить в этом более 5 тысяч фанатиков. Обосновывая свои претензии на божественность, Жорж Ру, ничтоже сумняшеся, писал: «Я сам господь бог, поскольку я есмь воздух, вода и свет». Издаваемая им газета носила название «Мессадор», то есть «Золотой мессия».

Против Жоржа Ру были возбуждены судебные процессы в связи со смертью многих детей, оставленных без медицинской помощи.

Вот некоторые из более поздних «богов»: французы Эрнест Тируэн и Эмиль Дофин, немцы Оскар Бернхардт и Йозеф Вайсенберг, швейцарец Эмиль Зендер, который называет себя не иначе как «Иисус Саваоф-Иегова», японец Онисобро Дегуци. Надо думать, не сегодня завтра объявятся новые.

Один из «богов», правда уже не христианских, «Кришна-Вента» (настоящее имя Франсис Пентович), кончил весьма плохо. Разгневанные беспутством своего «бога», ученики взорвали его на главной квартире секты.

Во Франции около миллиона приверженцев спиритизма.

В Париже находятся две основные ассоциации спиритов: «Спиритский союз Франции» и «Дом спиритов». Издаются книги и брошюры, газета «Загробная жизнь».

На 30 тысяч французских врачей приходится 40 тысяч знахарей и на несколько сотен астрономов — 50 тысяч астрологов, гадалок и прочих предсказательниц судеб и т. п.

В Париже имеется 3700 кабинетов ясновидящих (только состоящих на учете), в которых даются предсказания за любую цену: от нескольких сантимов до нескольких тысяч франков.

Выходят три астрологических издания.

Опрос, проведенный французским институтом общественного мнения, показал следующее: 58 процентов опрошенных знают свой астрологический знак, 53 процента читают гороскоп в прессе. Из 100 человек 43 считают астролога ученым. 37 процентов полагают, что их характер полностью соответствует знаку, под которым они родились, 23 процента утверждают, что предсказания, читаемые ими в гороскопе дня, «сбываются поразительным образом».

В международном конгрессе спиритов в Лондоне приняли участие 20 стран. Председательствовал на конгрессе маршал британских военно-воздушных сил сэр Хью Даулинг. В 1940 году Хью Даулинг командовал военно-воздушными силами Великобритании. Он был свидетелем гибели многих своих летчиков, а теперь,

удалившись в свой замок, вызывает там духов погибших героев. 65 процентов крестьян Люнебургской пустоши (ФРГ) верят в существование ведьм, а уголовная полиция Фридрихсхафена утверждает даже, что 95 процентов сельских жителей в районе Боденского озера верят в привидения. Опрос среди школьников округов Файхинген, Крайлсхайм, Равенсбург, Бэблинген, Эсслинген, Ландсберг и Ульм показал: каждый седьмой мальчик и каждая пятая девочка принимали басни о ведьмах за чистую монету.

Удивляться тут, собственно, нечему. Поистине, нет ничего невозможного там, где действуют правила свободного предпринимательства! И если вам вдруг вздумалось отправить письмо своему родственнику или другу, которого уже давно нет в живых, то достаточно обратиться в лос-анджелесскую фирму, возглавляемую неким Г. Габором, и ваше желание будет исполнено. Фирма Габора предлагает написать текст послания на специальном бланке и торжественно заверяет, что оно будет отправлено на «тот свет» с кем-нибудь из тяжелобольных, чьи дни уже сочтены. Как уверяет Габор, сам он нисколько не сомневается в том, что такой вид доставки полностью гарантирует получение письма «адресатом». Судя по всему, пишет лиссабонская «Диариу ди нотисиаш», есть и такие, кто разделяет его уверенность. Иначе чем можно объяснить, что дела фирмы идут успешно? Ведь стоимость послания на «тот свет» колеблется в зависимости от количества слов и... скорости доставки от 40 до 100 долларов.

В Юго-Восточной Азии мне приходилось наблюдать погребальные церемонии, когда священнослужители буддистско-даосистского толка сжигали ритуальные

деньги, нарезанные из специальной бумаги. Согласно древним верованиям, считалось, что на том свете дым обратится в настоящее золото, которое весьма пригодится дорогому усопшему в его посмертных странствиях. В принципе предприимчивый мистер Габор ловко эксплуатирует ту же самую идею, коренящуюся, как мы увидим далее, на принципе всеобщей симпатической связи. За исключением незначительной на первый взгляд, но весьма существенной разницы. Наживая вместо «ритуальных» посланий вполне реальные долларовые бумажки, почтенный предприниматель явно предпочитает вечности преходящие блага здешнего, такого суетного, мира. Изобретенный им метод отправки писем, кстати сказать, тоже не слишком оригинален и явно заимствован из популярного рассказа английского писателя Питера Битла «Милости просим, леди Смерть!».

«Если не ошибаюсь, у моего парикмахера болен ребенок... Похоже, он потерял всякую надежду,— желая заполучить страшную гостью на светский прием, делает открытие Флора Невилл, бессердечная героиня рассказа.— Пошлю-ка я за ним и передам ему приглашение, и он в свою очередь вручит его Смерти, когда наш адресат явится за его отпрыском. Надо признаться, так не принято, но иного выхода я не вижу».

Пересылкой денег в потусторонний мир и перепиской с мертвыми услуги трансцендентальной связи не ограничиваются. Существует еще и «адская почта». Верховная жрица сатанистской секты в Нью-Джерси Лилит Гротто, в миру манекенщица Синклер, после того, как сгорел ее дом со всем имуществом, решила войти в непосредственный контакт с Люцифером. Написав соответству-

ющее письмо, она
лась вполне
просьба о в
она сожгла е
препроводив
огненную. Ил
нее прибежну
Воланда из «М
ты» М. Бул
ведомство».
Просматривая
посвященных
довству, я ме
вался спирит
ками и оккули
вроде издаю
ежеквартильн
(«Новая метл
специально к
валям. При
них нельзя
существенно
нию с изда
волюционной
«Ребусом» и
донным лист
без юмора «
интересовало
зеркало общ
реакция люд
и достойных
прежде всего
на такие со
«Таймс» и
«Лос-Анджел
чен сайенс м
издания ана
дящие в А
ФРГ и ряде
И вот какая
какой прич
коллаж.
«Я не предст
волшебство,
позвонили п
ми словами
ционный ре
церемонии в
дент лондон
Стрэфффорд.
пляску нуд
круге, ему н
кать океан.
дующей на

ющее письмо, в котором содержалась вполне аргументированная просьба о вспомоществовании, она сожгла его на острие меча, препроводив тем самым в геенну огненную. Или, пожалуй, уместнее прибегнуть к терминологии Воланда из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова — в «другое ведомство».

Просматривая подборку вырезок, посвященных современному колдовству, я менее всего интересовался спиритическими газетками и оккультными журналами, вроде издающегося в Далласе ежеквартальника «Нью Брум» («Новая метла»), приуроченного специально к колдовским фестивалям. При всем желании в них нельзя обнаружить ничего существенно нового по сравнению с издававшимися в дореволюционной России «Изидой», «Ребусом» и совершенно беспардонным листком, названным не без юмора «Оттуда». Нет, меня интересовало более объективное зеркало общественного мнения, реакция людей здравомыслящих и достойных доверия. Поэтому я прежде всего обратил внимание на такие солидные газеты, как «Таймс» и «Дейли миррор», «Лос-Анджелес таймс» и «Крисчен сайенс монитор», просмотрел издания аналогичного типа, выходящие в Австралии, Бразилии, ФРГ и ряде других стран.

И вот какая получилась картина, какой причудливый сложился коллаж.

«Я не представлял себе, что такое волшебство, пока мне однажды не позвонили по телефону» — такими словами начинает свой сенсационный репортаж о колдовской церемонии в Бруклине корреспондент лондонской «Таймс» Питер Стрэфффорд. Право, чтобы описать пляску нудистов в магическом круге, ему не нужно было пересекать океан. В Англии, претендующей на сомнительную славу

родины современного волшебства, более чем достаточно доморощенных чародеев. Недаром «Дейли телеграф мэгэзин» необыкновенно важному сообщению о «майском служении друидов» — оказывается, они вовсе не вымерли сотни лет тому назад! — дал исключительно броский заголовок — «Неоспоримое явное волшебство». Дескать, знай наших!

Пойдем, однако, дальше. В сдержанных тонах американские газеты сообщают о создании в Чикаго группы, именующей себя «Языческий путь». И хотя в корреспонденциях проскальзывают явно критические нотки насчет белой магии и «дурно понятого язычества», эффектные фотографии «верховой жрицы» Донны Коли и «верховного жреца» Германа Индерли делают свое дело.

Не прошло мимо бдительного ока прессы и такое событие, как открытие в Лонг-Айленде супругами Раймондом и Розмари Бакленд колдовского музея, подобного знаменитому учреждению на британском острове Мэн. На видном месте было помещено интервью с миссис Лик, она же Луиза Хюбнер, «официально выбранной верховной чародейкой графства Лос-Анджелес», колдуньей в шестом поколении и популярной звездой телеэкрана. Чуть ниже — выделенное рамкой объявление некой Элоизы Стрикленд, открывшей в Сан-Франциско магазин волшебства.

Сколько подобных объявлений, сколько тщательно отретушированных портретов импозантных «жриц» и свирепого вида «жрецов» с сальным взглядом и чувственными губами! Вот позирует в сапогах, джинсах и венке из диких цветов леди Джудит — предводительница сан-францисских знахарок, вот магнетизирует зрителя чуточку косая, но

все равно дьявольски прекрасная «великая жрица» Лондона Мексин Морис, а вот Сибил Ли — весьма дородная, в серьгах и перстнях, пожилая дама, создавшая процветающую империю оккультного бизнеса. Быстрые, все примечающие глаза и добродушно-циничная улыбка преуспевающей торговли.

В отличие от товарок по ремеслу, миссис Ансворт предпочитает позировать обнаженной, с атрибутами «Искусства» (магия часто называется так, причем всегда с большой буквы) в руках: мечом, чашей, проломленным черепом. Иногда, может быть ради оригинальности, она привлекает шестилетнюю дочь Адриану, видимо будущую волшебницу, которая, судя по всему, ничуть не страшится человеческих костей.

Так плетется паутина колдовской рекламы, опутывая и растлевающая подрастающее поколение. «Чародейка в шестом поколении», «наследница знаменитой династии магов», «одинадцатая великая жрица» — это не всегда пустые слова. Оккультизм цепляется за традиции, бредит непрерывной эстафетой хранителей таинств.

На журнальном снимке — обычная бензоколонка, украшенная в целях рекламы завлекательной вывеской «Салем». Есть и дамские сигареты с таким названием. Новый Свет тоже может похвастаться кое-какими традициями. Пусть Америка не знала ни своего Мерлина, ни святой инквизиции, но и салемские колдуньи * кое-чего стоят! Или сегодняшние «рыцари» ку-клукс-клана: те же страшные балахоны с прорезями для глаз, пылающие кресты. Да и главарь, фюрер этой террористической банды, именуется

не как-нибудь, а «имперским магом»! В подчинении у него находятся «драконы», «циклопы», «гидры», «ужасы» — полный, в стиле Романа Поланского, голливудский набор. Откровенная уголовщина теперь любитрядиться в живописные одежды. Газеты ФРГ с негодованием, надо отдать им справедливость, сообщили о группе молодых людей, убивших в парке оленя. Казалось бы, досадный, но ничем особо не примечательный случай. Разве что характерной подробностью: браконьеры остались на месте преступления и, сбросив одежды, принялись пить кровь. Что это: неуместная выходка? дерзкая шалость? циничное хулиганство? Ответ: все, вместе взятое, плюс колдовство. «Мы совершили ритуальное жертвоприношение», — не без самолюбования признались задержанные на допросе в полиции. Боннская Фемида была в растерянности, хотя и недолго. Ну, раз «ритуальное», значит, и взятки гладки — нет злостного браконьерства и соответственно крупного штрафа в несколько тысяч марок. Однако события последнего десятилетия научили относиться к «играм» с кровопитием и осквернением могил с надлежащей серьезностью.

Во время колдовского посвящения молодыми англичанами Мириам Хиндли и Еном Бреди была убита маленькая девочка. «Темнота и ужас окружают обстоятельства преступления» — так прокомментировал присланный на место происшествия полицейский репортер.

Я не знаю, что дало расследование, но биографические штрихи «героев» показались мне весьма примечательными. Хиндли и Бреди были фотографами, работавшими на индустрию стриптиза, причем, как отмечается в репортаже, «интересова-

* Процесс о колдовстве, состоявшийся в 1691—1692 годах в г. Салеме (штат Массачусетс), по которому было осуждено свыше ста человек.

лись преимущественно болезненной тематикой». Возьмем на заметку эту подробность, ибо она нам еще пригодится.

Пока же я приведу лишь один выхваченный из бумажного вороха заголовок — «Привлекательная мисс Мэй оказалась колдуньей». Я взглянул на фотографию и вспомнил, что встречал «привлекательную мисс Мэй» на страницах «Плейбоя». Однажды ей был посвящен даже целый разворот. Прodelав нехитрую, но достаточно кропотливую изыскательскую работу, я вскоре выяснил, что путь от «звезды стриптиза» к волшебной короне, который она проделала за два года, отнюдь не является редкостью. На то есть, помимо всего прочего, одна существенная причина, о чем будет сказано несколько позже.

Пока же, прощаясь ненадолго с туманным Альбионом, бегло перелистаем страницы газет, лишь слегка задержав внимание на заголовках и «лицах»: «Эзотерические церемонии они называют «Черным Искусством», «Можно ли убить человека колдовством?», «Возможно ли это в Британии семидесятых годов?», «Жертвы современного колдовства»...

Газеты не лгут: есть жертвы, есть трупы и есть мрачные колдовские церемонии. Но за живописанием всех этих типично средневековых ужасов, всего этого шизофренического бреда как-то утекает в песок главное: ножевые и огнестрельные раны наносят все-таки не духи, не вызванные таинственными заклинаниями демоны, а совершенно конкретные и юридически подсудные лица, которых отправляют впоследствии либо за решетку, либо в психиатрическую больницу. И это настораживает. Когда речь заходит об уголовном преступлении, то в центре все-таки должен

находиться преступник и обстоятельства — подчеркиваю, а не антураж преступления, каким бы экзотическим он ни был. Иначе утрачиваются элементарные правовые критерии и на очевидную мерзость набрасывается эдакий потусторонний флер. Это всегда на руку потенциальным убийцам. Ведь если действовал сам дьявол во плоти, то можно ли хоть что-нибудь спрашивать с его прислужников, слепых орудий адского провидения? В том же, что общество хотят уверить в реальности темных сил, сомневаться, к сожалению, не приходится. Приглашенный в Англию «эксперт» черной магии, «консультант» (вспомнил, как отрекомендовался на Патриарших прудах мессир Воланд!), наделенный дипломами и академическими званиями, некто Рассел Робинс, со всей определенностью заявил в «Дейли миррор»: «Конечно, мы считаем волшебство реальностью».

Что ж, как ни прискорбно, но в известной степени он прав. Колдовские шоу, радения, празднества и многомиллионный оккультный бизнес были и остаются одной из составных частей капиталистической действительности. Ныне эта «первая», ибо все же предшествовала продажной журналистике, древнейшая профессия переживает очередную бум.

Небезынтересно отметить в этой связи, что если древнейшее в Европе английское колдовство, черпающее вдохновение в друидизме, вынуждено прибегать к авторитету заокеанских консультантов, то американские маги вовсю апеллируют к британским коллегам.

В газетном отчете о семинаре по черной магии, на который съехались в Миннеаполис более двухсот делегатов из Филадельфии, Бостона, Детройта, Далласа,

Церемонии
современных «друидов»
в Стоунхендже

Лос-Анджелеса, Чикаго и канадских городов Торонто и Виннипега, с гордостью сообщается, что колдуны из Нового Света «находятся в постоянном контакте с английским авторитетом Дугласом Баркером». Воистину, нет пророка в своем отечестве! Англичане цепляются за доктора Робинса, американцы — за док-

тора Баркера. Видимо, и тем и другим до зарезу необходимо это самое — «доктор». Несмотря на консерватизм, присущий верованию, невзирая на традиции «Черного Искусства», приходится делать реверансы и в адрес науки. Слишком уж велика ее роль в жизни современного человечества. Да и беспомощность магии,

ее полное
ротство
для непред
Итак, логи
лекла нас
тинент, гд
мистическ
левшей Е
существов
Познаком
боркой, г
ее состав
рика».
Самым кр
ран загол
ван» — и
«Вести из
идет расс
конторы К
ских цер
ных деви
фотограф
двумя ча
планом)
Бетти Ки
на вопрос
«Бетти ра
статье,—
ивают ко
случаю н
где пьют
ви кубка
Далее ид
лица газе
динки и
Лучшей
жет. О п
ванной п
гательств
вычитыв
бранных
Как мож
тильный
циничну
зительно
ным? Ра
морали?
Не слу
нужным
ционной
ление гр
ломбе. Е
ках есть
жения,

ее полное многовековое банкротство достаточно очевидно для непредвзятого глаза.

Итак, логика повествования увлекла нас на американский континент, где все без исключения мистические институты одряхлевшей Европы обрели второе существование.

Познакомимся для начала с подборкой, грустно озаглавленной ее составителями: «И это Америка».

Самым крупным шрифтом набран заголовок: «Я был околдован» — и затем уже мельче: «Вести из Миннеаполиса». Далее идет рассказ агента транспортной конторы Вини, очевидца колдовских церемоний двух прелестных девиц Бетти и Клер. В центре фотографии: сам Вини между двумя чародейками и (крупным планом) преступная красotka Бетти Кихли, охотно ответившая на вопросы корреспондента.

«Бетти рассказала, — говорится в статье, — что они с Клер устраивают колдовские церемонии по случаю новолуния и полнолуния, где пьют из освященного в церкви кубка человеческую кровь». Далее идет примечание как бы от лица газеты: «Все колдуньи блондинки и ужасно обаятельны». Лучшей рекламы и быть не может. О проституции, загримированной под «Искусство», и вымогателстве подписчик вынужден вычитывать между строк, набранных петитом.

Как можно назвать этот инфантильный лепет, эту откровенно циничную попытку сделать омерзительное жгуче-привлекательным? Растлением духа? Эрозией морали?

Не случайно редакция сочла нужным подверстать к сенсационной статье рекламное объявление графолога Поля де Сен Колombe. Впрочем, в науке о почерках есть кое-какие здравые положения, и не ее вина в том, что

окультисты извлекают из начертанных строк много больше того, чем в них содержится. Ведь магия использует в ритуале все: кровь, волосы, лоскуток одежды, фотографию, обрывок письма. И это вполне закономерно, потому что питающие ее начала следует искать в древнем фетишизме, на ранней заре человечества, совершившего победное восхождение от первобытных пещер к далеким планетам. Оно необратимо, оно только наращивает свои удивительные витки. Но магии нет дела до автоматических тележек, проложивших ребристые колеи в первозданной лунной пыли, до астронавтов, ступивших на поверхность планеты, которой со времен Ура и Вавилона приносились кровавые жертвы. Такова сущность веры — будь то «белый» или же «черный» культ, — что она игнорирует любую реальность. Она развивается вопреки реальности, как бы парит над ней, не замечая своего неизбежного, зачастую пародийного вырождения.

Колдовские шоу, радения, празднества и многомиллионный оккультный бизнес были и остаются одной из составных частей капиталистической действительности.

Мы не будем более эксплуатировать здесь американскую тему, потому что ничего принципиально нового она нам не принесет. Тем более что о современных магических церемониях рассказ еще предстоит, а так называемые «свидетели колдовства» на поверку оказываются полнейшими олухами, которых ничего не стоит одурачить. Как уже знакомый нам транспортный агент Вини или пятидесятичетырехлетний владелец

магазина Джек Коллинз, рассказавший полиции о подсмотренной им колдовской церемонии. Несмотря на то что рассказ Коллинза был напечатан под броским лозунгом: «Город начинает охоту за колдунами», ничего серьезного нынешним нудистам-волхвам не грозит, если, разумеется, не случится явной уголовщины. Как-никак суровые времена салемских колдуний, спешит уверить благодушная пресса, безвозвратно канули в Лету.

Но так ли уж канули? А если и «канули», то весьма своеобразно.

Последней женщиной, официально осужденной в Германии за ведовство, была Анна Мария Швигелин из Лакхена. Ее сожгли на костре в одном из баварских аббатств в самом конце XVIII столетия.

С того дня колдуньи фигурируют в судебных протоколах уже не как обвиняемые, а как невинно пострадавшие от дикого суеверия сограждан. И вот что интересно: праведный гнев добрых христиан обрушивается почему-то не на официально признанных чародеев, зарабатывающих свой хлеб «Искусством», а на совершенно непричастных к этому занятию людей. Как правило, одиноких и незащищенных.

В июне 1962 года суд присяжных старинного города Бамберга, славившегося в средние века специалистами по части заплочных дел, приговорил к трем годам тюрьмы Иоганна Георга Фогеля, молодого колодезных дел мастера, который, хватив для храбрости шнапса в местной пивной, спалил дом шестидесятипятилетней Элизабет Хан. Под горящими развалинами погибло все имущество бедной женщины, а также обе ее собаки и три курицы. Сама фрау Хан отделалась ожогами.

Признавшись в содеянном, Фогель с готовностью раскрыл всю подноготную.

— Эта старуха — ведьма, — торжественно заявил он под одобрительный ропот односельчан. — Недаром ее сторонятся люди. Живет одна, что-то вечно бормочет, трясая головой и, подумав только, разговаривает со своими собаками! Я бы не тронул ее, если бы она не наслала на меня головную боль и не лишила аппетита... Почему я так уверен, что во всем виновна именно она? Да вы сами взгляните: кто же еще? Только ведьма напаялит на себя такую дрянную юбку! А чулки?! Ведьма и есть... Судьба фрау Хан не исключение. Опросы общественного мнения показали, что в ФРГ насчитывается по крайней мере 60 тысяч женщин, которых сограждане подозревают в служении дьяволу. Не позавидуешь тем, на кого пало столь страшное некогда, а ныне, казалось бы, смехотворное подозрение.

Случай, причем классический, возрождения самого дремучего изуверства имел место в деревне Берг, близ Вольфаха (земля Баден-Вюртемберг). В крепком и процветающем хозяйстве молодого Рунделя с некоторых пор стали твориться неприятные вещи. Сначала резко упали удои, затем погибли четыре лучшие телки, а знаменитый в округе племенной бык утратил прежний энтузиазм на случках. Сатанинские козни были налицо, и Рундель вместо того, чтобы обратиться к хорошему ветеринару, которых в ФРГ более чем достаточно, поехал к Герману Дрееру, снискавшему прочную славу «скотского экзорциста». В прошлом подсобный рабочий без образования, Дреер сколотил на «снятии заговоров» солидный капитал, купил виллу с оранжереями и садом, обзавелся рос-

кошным «м...
фессиональн...
окрестных ж...
речной.
Выслушав у...
ля, он сразу
и начал дей...
на газовую
с молоком,
попавшийся
кипения, бр...
щую пену.
— Этот клин...
Вонь от с...
придала зак...
дительность...
бьют к зау...
все в отхоже...
Рунделю спе...
кастрюлю. —
прочесть пр...
бесовские в...
Доверчивый...
полнил все...
мецкой пун...
ла на молоч...
не поправил...
— Значит,
совсем близ...
сто престу...
находчивый...
но, у вас в...
зал он, у...
ваясь. Его...
остановился...
слегка оба...
Рундель. —
вующе в...
перст, рас...
В нее всели...
Алоизия...
жива ни ме...
колдун пр...
согнутых н...
видно, побе...
— Будем...
тоном изр...
Сатану.
Благодарны...
крестным...
думая, он...
ружеской...
вещи побр...
корыто. Во...

кошным «мерседесом». Его профессиональная репутация среди окрестных хозяев была безупречной.

Выслушав убитого горем Рунделя, он сразу смекнул, что к чему, и начал действовать. Поставив на газовую конфорку кастрюлю с молоком, он схватил первый попавшийся нож и, дождавшись кипения, бросил его в клокочущую пену.

— Этот клинок поразит ведьм! — Вонь от сбежавшего молока придала заклинанию особую убедительность. — Как только пробьют к заутрене, надо вылить все в отхожее место. — Он передал Рунделю спешно снятую с плиты кастрюлю. — Не забудьте только прочесть при этом молитву, и бесовские выродки передохнут. Доверчивый Лоренц Рундель выполнил все рекомендации с немецкой пунктуальностью, но дела на молочной ферме почему-то не поправились.

— Значит, нечистая сила где-то совсем близко, — приехав на «место преступления», определил находчивый эксперт. — Возможно, у вас в доме, хозяин, — сказал он, угрожаясь приняться. Его блуждающий взгляд остановился на встревоженном и слегка обалделом лице фрау Рундель. — Вот она! — торжествующе выбросив указующий перст, расхохотался Дреер. — В нее вселился пакостный демон! Алоизия Рундель стояла ни жива ни мертва, пока коротышка колдун прыгал вокруг нее на согнутых ногах, совершая, очевидно, победный танец.

— Будем лечить, — будничным тоном изрек Дреер, посрамив Сатану.

Благодарный хозяин осенил себя крестным знаменем. Недолго думая, он выгнал жену из супружеской спальни, а все ее вещи побросал в оцинкованное корыто. Всем домочадцам было

строго-настроено приказано бежать от молодой хозяйки как от чумы. Все, чего случайно касалась она, становилось нечистым.

Потрясенная Алоизия скоро стала бояться самой себя. Она пряталась от домочадцев, беззвучно рыдала, забившись в укромные щели. В тяжелейшем состоянии исхудавшую до последнего предела женщину доставили в больницу, но врачи не нашли у нее никаких органических поражений.

Поскольку дела в коровнике понемногу наладились и удои повысились, Лоренц мог с чистой совестью заняться здоровьем жены. Потерпев неудачу с официальной медициной, добрый крестьянин послал за ворожеей Эмилией Реймер, которая, по ее словам, почерпнула целительную мощь от самого святого Стефана. Нет нужды уточнять, что женщину, ревностно следующую обычаям протестантской церкви, никому и в голову не пришло бы счесть ведьмой. Одоблив все прежние рекомендации Дреера, она бодро принялась изгонять бесов. Повелев вырыть на дворе яму и разжечь там огонь, она потребовала утреннюю мочу «ведьмы», выплеснула горшок на раскаленные угли и окропила все святой водой. Затем над дымящейся ямой посадили нагую, дрожащую от страха и холода Алоизию. Едкий, удушливый дым заставил одержимую забиться в приступе кашля.

— Действует, — удовлетворенно прошептала фрау Реймер.

— Зашевелился нечистый дух, — одобрительно усмехнулся присутствовавший при сем Дреер. Дальнейшую инициативу «скотский экзорцист» взял на себя. Начертав ореховым прутиком магические фигуры на теле несчастной Алоизии, впавшей в

прострацию, он написал на бумаге нужные заклинания, сжег их, а пепел привычно, словно дело касалось коровы, подмешал к гранулам комбикорма.

— Не давать ей никакой другой еды! — преподал он последнее наставление. — Уж этого дьявол не выдержит!

Не выдержала Алоизия Рундель. Придя в себя и немного отлежавшись, она сбежала к родителям, которым спустя некоторое время решила рассказать обо всем.

Герман Дреер предстал перед равенсбургским судом, который приговорил его «за мошенническое врачевание» к восьми месяцам заключения. Отрадно сознавать, что просвещенное судопроизводство не карает ныне за волхвование и шашни с нечистым духом, но усмотреть в деле Дреера одно «мошенничество» могла лишь Фемида с действительно завязанными глазами. И то, наверное, главную роль сыграло вынужденное признание Дреера в заведомом обмане, иначе бы он ушел от ответственности, подобно Эмили Реймер и злобному недоумку Рунделю. В изуверстве и циничном надругательстве над человеком присяжные почему-то не усмотрели состава преступления.

Возможно, тут сказалась сила общественного мнения, показательная устойчивость предрассудков, передаваемых из поколения в поколение под видом народной мудрости.

Не случайно же окружившая дрееровский дом толпа приверженцев чуть не избила представителей прокуратуры, когда те в ходе предварительного следствия попытались было забрать прибитые к воротам амулеты. Пришлось суду обойтись без «вещественных доказательств», достойных витрины любого музея первобытной культуры.

Сколько таких рунделей и дрееров творят свое черное дело, калеча и убивая людей, отравляя их души, растлевая мысли и чувства.

— Ах, как он кричал! — показали на суде родители, забившие до смерти своего страдавшего астмой ребенка. — Но ведь мы обязаны были так поступить, ибо желали ему добра! Мы хотели лишь выгнать болезнь из его тела...

«Экзорцист», прописавший в качестве лекарства кнут, не был даже вызван на судебное разбирательство.

Знахарка из Гельзенкирхена, также вдохновленная протестантским рвением на борьбу с демонами, обнаружила виновницу болезни скота на хуторе в Вестфалии. Ею оказалась жена молодого наследника имения, ибо падеж начался через несколько дней после венчания. Молодожен вместе с бравым папашей отхлестали «ведьму» кнутом и заперли в чулан. Еще не увял свадебный букет, когда бедняжка умерла от голода и побоев.

Семейные, родственные, общественные и всякие иные связи ничто перед темным вихрем, ввергающим в беспросветный мрак звериных инстинктов и всепоглощающего ужаса. Человек словно теряет на время рассудок, забывает все на свете, кроме повелений заклинателя, взявшегося вывести из беды. Он не думает о том, сколько горьким окажется неизбежное похмелье. Накатившая волна фанатизма не позволяет ни задуматься о будущем, ни оглянуться назад. Она несет, швыряя и крутя над мраком времени и пространства, и шипение ее нечистой пены заглушает последние шепоты раздавленной совести, вытравленной любви. Очнувшийся после содеянного,

внезапно прозре
зачастую стреми
навстречу смерти
не остаться нае
Именно так пос
цятилетний Хай
Эссенроде, когда
после зверского у
ки, якобы насл
язву желудка. П
ческая эксперти
у Замана даже те
и всякого иног
Прозектор, дела
ного, нормально
мог лишь отдале
ся о тайных хим
которые вызвал
ных глубинах м
ние.
Каждый челове
кален, но перед
ки обнажаются
для круга иссле
черты. Жертвы
ка, будь то не
запятнавшие с
очень похожи
Свидетели и о
нутые в этот гу
схожи между
нические сим
той же болезни
В пандемии, о
разговор, очен
выделить не
ного убийцу,
преступления
встретится об
ляйте объекты
писал Геббель
никах». Истер
вата кризиса
переносит бе
отклонение о
взвихрение сп
падение крис
щенном раст
отравленной с
лизация начи
с облыжного
рым следует в
И тогда нев
возьмет топо

внезапно прозревший безумец зачастую стремглав бросается навстречу смерти, чтобы только не остаться наедине с собой. Именно так поступил девятнадцатилетний Хайнц Заман из Эссенроде, когда пришел в себя после зверского убийства бабушки, якобы напавшего на него язву желудка. Патологоанатомическая экспертиза не нашла у Замана даже тени желудочного и всякого иного заболевания. Прозектор, делая срезы головного, нормально развитого мозга, мог лишь отдаленно догадываться о тайных химических сдвигах, которые вызвало в его недоступных глубинах минутное помрачение.

Каждый человек по-своему уникален, но перед лицом статистики обнажаются общие, типичные для круга исследуемых явлений, черты. Жертвы колдовского амок, будь то невинные или же запятнавшие себя изуверством, очень похожи друг на друга. Свидетели и соучастники, втянутые в этот губительный смерч, схожи между собой, как клинические симптомы одной и той же болезни.

В пандемии, о которой мы ведем разговор, очень часто нельзя выделить не только персонального убийцу, но и пособников преступления. Однако жертва встретится обязательно. «Выделите объекты для ненависти», — писал Геббельс в своих «Дневниках». Истерия изначально чревата кризисами, а клевета не переносит безликости. Любое отклонение от «нормы», любое взвихрение способно вызвать выпадение кристаллов в пересыщенном растворе. В атмосфере, отравленной суеверием, кристаллизация начинается с оговора, с облыжного обвинения, за которым следует взрыв нетерпимости. И тогда неважно, кто именно возьмет топор, как это сделал

Заман, или кнут, как родители, забившие своего ребенка.

Ненависть — тоже сила, способная убивать, и это хорошо знали как колдуны средневековья, так и «охотники за ведьмами» из службы святой инквизиции.

Трудно сказать, кто именно пустил слух про фрау Хубер, пожилую одинокую женщину, вроде Элизабет Хан, будто она знает с нечистой силой. «Соседи», — обычно говорят о подобных случаях, пожимая плечами. Может, и соседи, хотя никто из них не поднимал на «колдунью» руку и не пускал ей «красного петуха». Они лишь перестали здороваться с подозрительной особой, а вслед за ними и весь уютный и чистенький городок Штетцлинг подверг ее остракизму. Только и всего. И некого винить за то, что в припадке отчаяния старуха сунула голову в петлю. Этим она лишь подтвердила, что нет дыма без огня. Значит, все-таки что-то было, значит, замучила совесть...

«Ежегодно в Западной Германии слушается от 60 до 70 судебных процессов по обвинению в преступлениях, связанных с суевериями: убийствах и поджогах, членовредительстве и истязании животных, мошенничестве и злобной клевете», — отмечает Вольфганг Карле в очерке «Охота на ведьм», опубликованном в журнале «Вохенпост» (ГДР). — И все же главные преступники — «специалисты по изгнанию духов» — крайне редко привлекаются к ответу. Если же они и попадают на скамью подсудимых, то суд относится к ним с исключительным снисхождением. За все время существования ФРГ ни один «профессионал» такого рода не был осужден. А баварские власти вообще не применяют те параграфы закона, которые предусматривают пре-

следование лиц, занимающихся изгнанием духов и ведьм.

Если же шарлатанов и изуверов все-таки привлекают к ответственности, то лишь за «нарушение закона о врачевании». И это их вполне устраивает: ведь такого рода проступки караются весьма снисходительно — штрафом до 100 марок или двухмесячным заключением».

И это не какой-то случайный зигзаг, не досадное упущение либо недосмотр, но продуманная линия. Сегодня, в отличие от средних веков, нельзя судить колдунов, не осудив при этом общество.

Чтобы убедиться в том, что Европа и Северная Америка не являются единственными освоенными регионами на карте современного оккультизма, совершим беглые «вылазки» в Австралию и Бразилию. Ввиду того что избранная нами тема не затрагивает ни африканской колдовской школы с ее богатыми традициями, ни азиатской ветви оккультизма, о чем было рассказано в «Богах лотоса», я оставил в стороне многочисленные сообщения о чародействе австралийских аборигенов и шокирующих обрядах бразильской кандомбле, разновидности вóду, где на трясущихся в эротическом танце летят перья и льется кровь черных петушков. Одним словом, по-прежнему в центре нашего внимания находится европейская разновидность черной магии, которая, кстати, охотно заимствует внешнюю обрядность шаманских культов.

Судя по сообщению Джона Монкса из Мельбурна, озаглавленному «Магическое столкновение белых людей с волшебным доктором», «Искусство» нашей порядком одряхлевшей Европы даже одержало верх над примитивными заговорами аборигенов.

Я прочел душещипательную историю о том, как «пятеро белых магов соревновались с пятнадцатилетней аборигенкой в борьбе со смертью», и подивился, что подобный вздор все еще находит сбыт. Начиная с пресловутой Елены Блаватской (1831—1891), поведавшей миру о колдовстве злобных курумба, живущих в горах Малабарского побережья, байки об «очарованных принцах» не переставали кочевать из журнала в журнал. Недавно я даже видел фильм о том, как жрецы вóду покарали предприимчивого композитора, подслушавшего и переложившего на ноты их ритуальные песнопения. В статье Монкса рассказывается как раз о таком случае магического удара, постигшего любопытного мальчика по имени Чарли Юндир, дерзновенно подглядевшего кое-какие пикантные подробности священных церемоний. Как и тот композитор из фильма, наказанный собственной музыкой, пробудившей буйство стихий, мальчик стал жертвой «Песни смерти».

Допустив на минуту, что все рассказанное Монксом чистая правда, невзирая на очевидный расистский акцент публикации, заметим, что юного Чарли едва не убило собственное суеверие. Как совершенно однозначно установлено многими исследователями первобытного колдовства, будь то африканское чародейство или волхвования лесных и горных племен Индии, оно целиком держится на вере в сверхъестественные способности мага и на страхе окружающих оказаться жертвой «Искусства».

Гораздо серьезнее представляется мне сообщение, отобранное из многочисленных статей бразильской печати на затронутую тему, озаглавленное «Колдуны держат в заключении мальчика». Семилетний Марко Аурелио дей-

ствительно
запором в в
не понял, за
лось «жреца
рода Порту
изуверства,
скажется на
жизни ребе
взрослые, р
себя общени
миром духов
управляют л
наклонности
психикой, в
«свободой в
шенно безза
нических»
обладает вр
тетом проти
идеологии.
девочки, «во
так и остал
не преврати
чем, и сам к
воспринима
«Закон дз
его обучаю
ри.
И маленьк
и дочь анг
Адриана р
таться в ц
стве теней.
Кстати, об
жрица Мар
тельно нед
в центре
прессы. С
«Колдовск
только на
ет о том,
вала» вос
вицу Ни
заменить
бренных»
ним можн
согласитьс
мы сталк
ламой кол
развенчан
первых ж
дунья Ма
графией,
планом

ствительно провел три года под запором в ванной (!). Я так и не понял, зачем это понадобилось «жрецам» кандомбле из города Порту-Алегри, но факт изуверства, которое наверняка скажется на всей последующей жизни ребенка, налицо. Если взрослые, решившие посвятить себя общению с вымышленным миром духов, которыми зачастую управляют люди с преступными наклонностями и поврежденной психикой, все же располагают «свободой воли», то дети совершенно беззащитны против «демонических» козней. Человек не обладает врожденным иммунитетом против даже самой дикой идеологии. Недаром индийские девочки, «воспитанные волками», так и остались зверенышами и не превратились в людей. Впрочем, и сам киплингский Маугли воспринимает не что-нибудь, а «Закон джунглей», которому его обучают великодушные звери.

И маленький бразилец Марко, и дочь английской волшебницы Адриана рискуют навсегда остаться в шизофреническом царстве теней.

Кстати, об Адриане. Ее мать, жрица Марион Ансворт, сравнительно недавно вновь оказалась в центре внимания английской прессы. Статья, озаглавленная «Колдовские чары действуют только на избранных», повествует о том, как Марион «околдовала» восемнадцатилетнюю девушку Нийл Уатт. Если бы заменить в заголовке слово «избранных» на «верующих», с ним можно было бы полностью согласиться. Однако и здесь мы сталкиваемся скорее с рекламой колдовства, нежели с его развенчанием. Все, начиная с первых же слов «красивая колдунья Марион...» и кончая фотографией, на которой крупным планом изображена эффектная

«жрица», склоненная над хрустальным шаром, посвящено одной цели: подчеркнуть притягательность чародейства и скрыть за мрачной его эстетикой бьющий в глаза идиотизм ситуации.

Можно и нужно, наверное, сожалеть о жертвах чужой лжи и собственном легковерии, отягченном зачастую сюрпризами расшатанной нервной системы. Нельзя сбрасывать со счетов и такое явление, как гипноз, под действие которого действительно чаще всего попадают «избранные», вроде склонной к истерии Нийл. Во всем этом нет ничего нового. Это старо как мир. Остается лишь удивляться тому, что печатают временами газеты, снискавшие устойчивую репутацию солидных и объективных. Я не покушаюсь на принцип «Таймс» «публиковать все годное для печати», но столь беззастенчивое паблисити примитивнейшего надувательства — грязное дело. Оно не посветлеет ни на йоту, если даже станет известно, что Марион просто-таки «протолкнула» публикацию в качестве платного объявления. На страницах английской газеты я встретил колонку, озаглавленную «Как стать колдуном? Пять шиллингов за урок». Деловым тоном и тщательно экономя слова, анонимный публикатор извещал об открытии — причем под наблюдением совета по образованию (?) графства Эссекс — школы для будущих волшебников. Назначенная плата за курс из шести уроков — полтора фунта — смешотворна, даже с учетом низких по сравнению с нынешними цен шестидесятых годов.

Дочитав объявление до конца, я, впрочем, убедился, что «волшебство» тут упомянуто для пушей притягательности, потому как в последних строках упоминался некий Дерек Уолтер,

вернувший себе потенцию посредством ряда магических приемов. По всей видимости, школа добилась государственных субсидий и готовилась обучать своих питомцев аутотренингу. Что ж, имея дело с колдовством, научишься разгадывать и не такие «секреты». Колдовской колледж открыт, кстати, в известном уже нам Салеме.

Наш предварительный обзор был бы явно неполон, если бы мы не коснулись в нем самой крайней градации на шкале мистицизма, известной как «Церковь Сатаны». Далее мы подробно поговорим о ее древних истоках и нынешних главарях, вроде Антуана Шандора Ла Вея. Обожая всяческую рекламу, он не упускает случая сфотографироваться то в трико, с рожками а-ля Мефистофель, то с черепом и хрустальным шаром в разведенных руках, а то вдруг меняет нагрудную цепочку с пентаграммой на эсэсовскую нарукавную повязку со свастикой.

— Эти символы силы и агрессии, — отозвался он о нацистских эмблемах, — могут быть использованы как ритуальные в будущем.

Примечательное заявление, и мы запомним его, ибо оккультные щупальца фашизма требуют специального разговора.

В западных странах распространяются культовые группы, в которых поклоняются дьяволу, предаются черной магии, служат черные мессы.

Здесь мне хочется лишь напомнить о существовании подобных культов. Близнецы «Церкви Сатаны», получившие названия «Общество Асмодея» и «Церковь последнего суда», свили гнезда во многих городах ФРГ, Италии

и других стран. Причем современный сатанизм находится на подъеме. По сообщениям печати, около 10 миллионов американцев хотя бы раз в жизни приняли участие в мистических церемониях, колдовстве, черных мессах и даже «оргиях кровопийц». Страшная, потрясающая воображение цифра! Американский исследователь Эгон Ларсен замечает в этой связи: «В западных странах распространяются культовые группы, в которых поклоняются дьяволу, предаются черной магии, служат черные мессы, и число их увеличивается».

Сатанисты Ла Вея предпочитают выступать в звероподобных масках, либо по примеру своего главаря увешивают себя регалиями времен «третьего рейха». Молодым головорезам, по-видимому, до умопомрачения нравится нагонять страх на прохожих. Это льстит их самолюбию, поднимает в собственных глазах на некий «сверхчеловеческий» уровень. Классический синдром нацизма.

Статистических данных, касающихся отдельных сатанистских групп, я не нашел, но, согласно отчетам американского Национального Совета Церквей Христа, одних только спиритических лож, поддерживающих активный «обмен информацией» с потусторонним миром, насчитывается около пятисот, а общее число их членов превышает 200 тысяч. Казалось бы, целая армия, однако в сравнении с уже упомянутыми десятью миллионами она представляется чуть ли не каплей в море. Жалкой кучкой тихих чудаков, растворившихся среди действующих почти в каждом большом городе «каверн» колдунов и капищ (как еще их можно назвать?) сатанистов.

Одна из таких «дьявольских лож» завоевала себе позорную славу зверским убийством кино-

«Сатана»
и его жрица

ПОМРАЧЕНИЕ

актрисы Шарон Тейт и ее друзей. Я говорю о «семье» — так именovali себя члены шайки Чарлза Менсона — «сатаны Менсона», хладнокровно зарезавшего беременную женщину, на которую случайно пал преступный жребий. Впрочем, так ли уж случайно? — зададимся вопросом. Разве случайно оказалась втянутой в ауру черной магии чета английских фотографов, подвизавшихся на ниве стриптиза? Есть точка зрения, правда, спорная, что некоторые люди сами навлекают на себя беспощадный удар потенциального убийцы своим особым психическим складом, неуловимыми чертами поведения. Если это действительно так, то что же говорить тогда о тех, кто подобно бабочкам на огонь летят, пусть шутя или в целях, далеких от мистицизма, в костер магического круга? Не в прямом, разумеется, а в переносном значении этого слова.

Шарон Тейт была женой известного режиссера Романа Поланского, поставившего в Голливуде целую серию «фильмов ужасов», в том числе знаменитый «Бал вампиров», в котором Поланский снялся вместе с Тейт. Эта лента обозначила своеобразный перелом в творчестве режиссера. Когда общественный интерес к ужасам ради ужасов немного

ослаб и публика потянулась к более «жгучим» новинкам, Поланский сделал еще больший крен в сторону сатанизма. Так что контакт с патологией состоялся: подлинной сенсацией стал его фильм «Ребенок Розмари», рассказывающий о женщине, зачатой от дьявола младенца-сатану. Кстати, основной пружиной сюжета является тайная деятельность сатанистской секты, которая приветствует в лице Розмари свою «богородицу», дьявольскую мадонну, порочную деву.

Мог ли думать Поланский, что затронутая им тема, вполне актуальная для американской действительности, даст знать о себе столь роковым образом? Ребенку, которого носила Шарон Тейт, не суждено было появиться на свет. «Гонки с дьяволом» — так, кстати, называется захватывающий фильм, в котором озверевшие сатанисты преследуют автобус с двумя супружескими парами, случайно подглядевшими акт жертвоприношения, — далеко не всегда удастся выиграть. В известном смысле «Ребенок Розмари» потребовал кровавую жертву, не успев сделать первых шагов. Зная все это, вновь спросим себя, так ли уж случаен был выбор «сатаны Менсона», замыслившего ритуальное убийство?

Рыц

Я горестн
О рыцаре
И весть о
Пусть со

Рыцарские игры

Я горестной тоски полна
О рыцаре, что был моим,
И весть о том, как он любим,
Пусть сохраняют времена.

Графиня де Диа (XII в.)

ИСТОРИЯ — это не только прошлое, но и наш сегодняшний день. Отжившие свой век идеи и предрассудки крайне неохотно уходят в небытие, и, пока существует религия, они будут упорно бороться за свое место под луной. А вместе с ними и институты, казалось бы полностью потерявшие под ногами почву, напрочь утратившие не только перспективу, но и смысл своего существования.

Мне пришлось убедиться в этом воочию в Риме — Вечном городе, где оставили свой немеркнущий след чуть ли не все эпохи и где неприкаянные тени седой, пережившей себя старины никак не желают уйти на покой, бередя воображение, мучая память мелькающих поколений. Я жил неподалеку от центра, в небольшой уютной гостинице «Светлая месса», и каждое утро, сверившись с планом города, отправлялся бродить по легендарным улицам, неподвластным круговороту светил. Нет, туристическая эйфория не кружила мне голову и глянцевитые, пылающие отражениями Солнца камни Старой Аппиевой дороги не ослепляли глаз. Я замечал помпезные строения начала века, завитушки рококо, разноцветные надписи на камнях и на стенах. Фломастер явно не уважал старины. Пятная обсосанный веками каррарский мрамор, лозунги различных партий перекрывались свастиками, непристойными рисунками, признаниями кому-то в любви, символами спортивных клубов. Одно это могло вернуть на грешную землю и напомнить о дате в календаре.

В Непале и Индии я видел ступы, воздвигнутые в III веке до нашей эры. Обряды в святилищах, расположенных вокруг этих внушительных колоколообразных сооружений, символизировавших изначальную пу-

стоту Вселенной, не претерпели существенных перемен за долгие эти века. Шафрановые сангхати монахов и разноцветные сари прихожанок тоже остались такими же, как и в эпоху Мауриев. Там бессмысленно было бы говорить о возврате средневековья или еще более древних времен. Нечему было возвращаться. Религия никуда не уходила. И в этом смысле не было принципиальной разницы между праздником чудесного рождения принца Сиддхартхи, справляемым в храме Сваямбунатха, и рождественской мессой в церкви Марии Маджоре. Вечным стражем гордых теней высилась каменная резная арка императора Константина, через которую двигался непрерывный транспортный поток.

Но Ватикан с его швейцарской гвардией, чьи средневековые головные уборы словно были взяты у карточных валетов, как и замок Сант-Анджело и грандиозный собор святого Петра, где служил кардинал в раздвоенной, усыпанной самоцветами митре, — они были частью современного мира. У меня и мыслей не возникало усомниться в необратимости летеиских вод. Недаром же известный астрофизик Эддингтон столь образно упомянул, причем в серьезном научном труде, о «стреле времени»! Она вечно летит из прошлого в будущее и не может вернуться назад, несмотря даже на вероятную кривизну четырехмерного континуума Вселенной.

В чем же дело тогда? — пытался я разобраться в своих ощущениях. Если церковь — древнейшее и, добавим, консервативнейшее учреждение на земле, — продолжает шествовать сквозь века, сохранив исконную обрядность и чин, то почему должна вызывать удивление устойчивость

параллельного института, «другого ведомства», со всеми его жрецами и черными магами.

Это очень серьезный вопрос, ибо он затрагивает не какую-нибудь случайную, причем чисто внешнюю, аналогию, но нерасторжимую взаимосвязь, диалектическое единство. На вере в существование дьявола и его козней веками покоилась реальная власть церкви над душами прихожан. И наш век торжества науки почти ничего тут не изменил. Теологи-модернисты, предпочитающие избегать прямой персонификации дьявола, остроты вопроса тоже не сняли. Подменив рогатого, с хвостом и раздвоенными копытами «князя тьмы» неким «злым началом», гнездящимся в природе и человеке, они просто перевели проблему на иной терминологический уровень.

«Библейский сатана — это персонифицированный грех, — писал в 1973 году тюбингенский теолог Герберт Хааг. — Всюду в Новом завете, где говорится о сатане и дьяволе, это наименование можно с таким же успехом заменить словами «грех» или «зло».

Однако подобная замена никуда не ведет. Во-первых, она противоречит духу и букве священного писания, богословской традиции и отнюдь не разделяется большинством современных теологов, настаивающих на реальности хозяина преисподней. Во-вторых же, — и это особенно важно в нашем случае — злему началу, как и началу доброму, можно поклоняться с не меньшей искренностью, чем, скажем, святой троице, тоже включающей, как известно, довольно абстрактное понятие святого духа. Таким образом, на скорое «Расставание с дьяволом» (так озаглавил свою книгу Хааг) рассчитывать не приходится.

В приня
собором
в сов
говорит
человеч
туция
шает,
послуж
срамле
отшлиф
«отцам
Основа
тием Л
тоже н
своего
щий на
«Разве
ся отн
ангелов
в жур
«Чивиз
ря 1968
логов
ком
мнени
истин»
Выход
бах, ск
многие
не по
ге, ни
Канон
кации
католи
папа.
отлич
ших
консер
фики
навстр
шение
с мерт
На об
папа
борьбе
его и
дебно
Ссыла
тельн
отраж
папа
один»
ям, с
тельн

В принятой Вторым Ватиканским собором конституции «О церкви в современном мире» прямо говорится о дьяволе, повергшем человечество в рабство. Конституция «О церкви» провозглашает, что проповедь должна послужить величию бога и «посрамлению дьявола». Привычная, отшлифованная еще первыми «отцами церкви» фразеология. Основанное в 1534 году Игнатием Лойолой «Общество Иисуса» тоже ни на йоту не изменило своего воззрения на интересующий нас комплекс.

«Разве позволительно сомневаться относительно существования ангелов и демонов? — говорилось в журнале иезуитского ордена «Чивильта каттолика» от 8 декабря 1968 года. — Большинство теологов ответило бы, что в таком случае подвергается сомнению одна из религиозных истин».

Выходит, прав был Поль Гольбах, сказав, что, «не будь дьявола, многие набожные люди никогда не помышляли бы ни о боге, ни о его духовенстве»?

Каноническую идею персонификации зла отстаивал и высший в католическом мире авторитет — папа. Несмотря на то что, в отличие от иезуитов, окостеневших в своем средневековом консерватизме, последние понтифики сделали кое-какие шаги навстречу современности, отношение к дьяволу не сдвинулось с мертвой точки.

На общей аудиенции 1972 года папа Павел Шестой, говоря о борьбе с мировым злом, назвал его источник — «темного враждебного агента, именно дьявола». Ссылаясь на Библию, где деятельность врага человеческого отражена достаточно широко, папа подчеркнул, что «враг номер один», подобно прочим созданиям, сотворен богом и «действительно существует».

И здесь мы вновь возвращаемся к существу поставленного вопроса: почему именно деятельность сатанистов заставила западную прессу заговорить о «возвращении дьявола», «реставрации средневековья»? Ведь если церковь, как мы теперь видим, традиционно продолжает поддерживать в душах сотен миллионов людей веру в ангельские рати и адские сонмища, то получается, что и дьявол никуда не уходил, и мир по сей день не расстался с колдовской практикой и нетерпимостью эпохи религиозных войн.

Не будем торопиться с однозначным ответом. В разных формах и по разным поводам гамлетовский вопрос о «связи времен» еще не раз встанет на наших страницах. Поэтому оставим пока в стороне проблему дьявола, как наделенного личностным разумом творения. Оставим и церковь, ведущую отсчет времени от рождения Христова, и орден иезуитов, который, утратив бывшее могущество, все же не исчез с подмостков мировой сцены.

Я хочу продолжить рассказ о личном прикосновении к непреодоленному прошлому, за которым стоят действительно волнующие тайны истории. Как ни микроскопично и как ни кратко было это касание, но оно не только позволило мне глубоко прочувствовать высказанную выше мысль об устойчивости теней, отнюдь не претендующую на оригинальность, но и подсказало, как, перебросив мост между веками, восстановить связь времен. Есть ли нужда пояснять, что речь идет всего лишь о публицистическом приеме, когда автор, опираясь на собственный опыт, пусть незначительный, использует эффект присутствия?

Итак, в тот день, постояв на Кампо ди Фиоре, где 17 февраля

1600 года взошел на костер Джордано Бруно, я нашел на плане улицу Кондотти, давно пленявшую мое воображение. Улица оказалась совсем близко, почти напротив ступеней легендарной лестницы на площади Испании, заставленных вазонами с кустами роз, померанцев и бурно цветущей ромашки. Ворковали голуби, говорливые мама-

*Дом-государство без территории!
Дом-посольство несуществующей
державы!.. Нонсенс. Призрачный курьез.*

ши прогуливали своих бамбино, бородатые художники и очаровательные художницы бойко писали моментальные портреты смущенных провинциалок и жизнерадостных американских туристов. Это была вечная сцена с неизменными декорациями, на которой менялись лишь одежды статистов: колеты на камзолы, фраки — на джинсы. Отсюда легко было скользнуть в затененный канал, где словно застоялось само время, уподобившись мертвой, позеленевшей воде. Я скоро нашел солидный, хоть и слегка обшарпанный дом с опущенными, по местному обыкновению, жалюзи на окнах. Сначала я было подумал, что ошибся, так как не ожидал встретить витрину с кожаной одеждой, дорогими чемоданами и шерстяными пуловерами. Однако все правильно: флагшток под балконом, обвитый красно-белой тесьмой, и белый восьмиконечный крест на красном поле щита (просто первый этаж сдавали под магазин). Та же эмблема, только во много раз увеличенная, виднелась сквозь арку, за которой был залитый светом дворик, заставленный роскошными автомобилями.

Успокоительно улыбнувшись охраннику, я ступил под ее сень и остановился перед бронзовой дощечкой, где под тем же крестом ясно читались глубоко вырезанные и почти черные от патины литеры: «Военный орден мальтийского креста», далее следовало уже мелким шрифтом: «Экстерриториальное владение».

Это было все, или почти все, что осталось от некогда могущественного рыцарского ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского, основанного еще в XII веке. Дом-государство без территории! Дом-посольство несуществующей державы!.. Но-

нсенс. Призрачный курьез. Я очень удивился, узнав, что формально орден все еще существует. Собственно, это и заставило меня, когда появилась такая возможность, отыскать узкую улочку, ведущую от площади Испании на шумную Корсо.

И вот я стоял перед дверью, что, как «Дверь в стене» Герберта Уэллса, вела в легенду. Память разворачивала удивительную цепь, на которую были нанизаны крестовые походы, умирающие у стен Иерусалима паладины, тамплиеры, изрыгающие хулу на французского монарха из пламени костров и где-то возле Михайловского замка заснеженный плац, на котором государь император и самодержец Павел Первый муштрует своих гвардейцев с мальтийскими крестиками на киверах. Какое потрясающее, почти невероятное сцепление звеньев! Страны, столетия, материки, острова... Наследники альбигойских реликвий, «родосское братство» с его тайной символикой, восходящей к временам Минотавра... Я ведь касался этих увлекательных тем, достойных любого романа, но они представлялись мне занимательной игрой, бестелесной легендой.

Оказывается, ничего подобного. Дощечка и флагшток со щитом могли послужить опорой для любого вымысла. Легенда не была бесхозным имуществом, ее передавали по наследству.

С неожиданной яркостью я представил себе Ленинград и Павловск. Дворец с голубой залой для приема мальтийских кавалеров, здание бывшего пажеского корпуса, где собирался орденский капитул, когда православный царь столь неожиданно для многих принял сан гроссмейстера воинственного католического братства. Удивительные пассажи разыгрывает иногда муза исто-

рии Клио. И ведь из ее партитуры, как из песни, не выкинешь ни ноты, ни слова. Тем более что все это и наше наследство, причудливо связавшее в прошедшие времена далекую Мальту с Петербургом.

Вот и появился у меня непосредственный повод начать рассказ о духовных орденах, а затем и о катарской ереси, без которых нельзя постичь ни европейской магии, ни алхимии, ни тем более сатанизма, ибо у всего свои истоки и корни: у рек, растений, легенд.

...царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер...

Очень точно схватил самую суть Алексей Константинович Толстой в своей «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Но сколь долог был путь мальтийских паладинов от гроба господня до Северной Пальмиры! Семь столетий...

Когда на святую землю, отвоеванную крестоносцами у неверных, хлынул поток паломников, завоеватели столкнулись с трудной задачей. Истощенные, шатающиеся от усталости и болезней пилигримы сотнями умирали в преддверии святынь, которые грезились им на тернистом пути в Палестину. Чтобы как-то облегчить участь страждущих, несколько французских рыцарей основали в 1113 году странноприимный дом. Так было положено начало религиозной конгрегации, члены которой обязались посвятить себя уходу за бедными и больными и сами дали обет бедности и воздержания. Одевшись в темное грубошерстное платье и поддерживая дух в теле лишь хлебом и водой, они разослали по всему христианскому миру сборщиков мило-

стыни, которую складывали в приюте для больных. Единственным их отличием был белый крест, завещанный братьям основателем ордена — рыцарем по имени Жерар. По крайней мере, так говорит легенда «Странноприимного дома иерусалимского госпиталя» или госпиталя святого Иоанна. О больнице, дававшей одновременный приют двум тысячам занедуживших искателей благодати, шла молва по всему Востоку. Рассказывают, что ее тайно навестил сам султан Саладин, переодевшись нищим, чтобы своими глазами увидеть этот дворец милосердия.

Подобное идиллическое существование продолжалось, повидимому, недолго, потому что госпитальеры вернулись к рыцарским забавам, а за больными стали ходить специально нанятые послушники. Прежний аскетический наряд был заменен черным костюмом сеньора и красным плащом. «Провизор» — первоначальный наставник общины — стал именоваться магистром, а после 1267 года — великим магистром. При магистре Раймунде дю Пюи основанный французскими рыцарями орден стал вселенским, как сама церковь, разделенным на восемь (универсальное число направлений пространства) «языков», представлявших главные государства феодальной Европы.

Название «госпитальеров святого Иоанна» рыцари, однако, сохранили, равно как и красную мантию с вышитым белым шелком восьмиконечным крестом — символом целомудрия и восьми рыцарских добродетелей. Орденская печать изображала больного на ложе с таким же крестом в головах и светильником в ногах. «Бедные — вот наши единственные господа, — уверяли госпитальеры. — Помощь больным —

вот наша единственная забота». Это ничуть не мешало ордену, быстро обретшему военный характер, совершать кровопролитные набеги на мусульман и враждовать с другими крестоносцами. За внешним смирением таилась гордыня. Стать госпитальером мог лишь рыцарь самого благородного происхождения, в крайнем случае побочный сын владетельного князя. Вступая в обитель, новый посвященный вносил в орденскую казну солидную по тем временам сумму в 2 тысячи турецких су.

Во всех завоеванных крестоносцами землях госпитальерам предоставлялось преимущественное право строить замки и укрепленные дома за городскими стенами. Они воздвигли свои форпосты в Антиохии и Триполи, возле Тивериадского озера и на границах с Египтом. Один только Маркибский замок, законченный постройкой в 1186 году, вмещал тысячный гарнизон, а припасы были заготовлены на пять лет непрерывной осады. Замок включал в себя не только церковь и жилища ремесленников-оружейников, но и целую деревню с пашнями и садами.

Орден скопил несметные богатства, и не было в Европе такого герцогства, где бы не нашлось имения, принадлежавшего иоаннитам. В XIII веке они владели уже 19 тысячами рыцарских вотчин. До сих пор на карте Франции можно найти массу деревень с названием Сен-Жан. Все это бывшие командорства. Ничего не осталось, а имя живет. «Имя — это знак», — утверждает мудрая латинская поговорка...

С историей иоаннитов тесно связана судьба другого могущественного ордена христианской Европы — рыцарей Храма. Неза-

долго
оконча
добров
дия,
сакрам
решил
братст
труды
лись з
вожда
в Иер
сарац
это, со
в 1119
ким м
ром, б
Вмест
де Се
гендар
вившу
надеви
бахи
кресто
выдел
ного
месте
ма. От
храмо
орден
салим
и зде
части
циан
деяте
Клер
ного
тиск
шей
лику
рыца
на о
орден
утвер
на со
подр
стоим
стане
европ
дань
и пер
Несм
обет
и це
няли

долго до того, как госпитальеры окончательно отвернулись от добровольных обетов милосердия, восемь из них — снова сакраментальная восьмерка! — решили выделиться в отдельное братство. Презрев изнурительные труды хожалок, они вновь взялись за оружие, дав обет сопровождать паломников по дороге в Иерусалим и охранять их от сарацинских набегов. Произошло это, согласно орденским анналам, в 1119 году, когда первым великим магистром, или гроссмейстером, был избран Гуго де Пайанс. Вместе с рыцарем Годфруа де Сент-Омером он входил в легендарную восьмерку, возглавившую первых храмовников, надевших белые полотняные рубахи с красным восьмиконечным крестом. Король Балдуин Второй выделил братству часть собственного дворца, построенного на месте древнего Соломонова храма. Отсюда и название общины — храмовники, тамплиеры. Устав ордена «Бедных братьев Иерусалимского храма» — бедность и здесь положили в основу — частично воспроизводил цистерцианский и был разработан при деятельном участии Бернара Клервоского, позже причисленного к лику святых. Я видел оттиск первой печати, изображавшей храм. Однако вскоре символически изменили, взяв за образец рыцаря и пилигрима, едущих на одной лошади. В 1128 году орденский статут окончательно утвердил папа Гонорий Второй на соборе в Труа. Запомним эти подробности, потому что мы стоим у истока легенды, которая станет в течение веков питать европейскую мистику. Ей отдадут дань и розенкрейцеры, и масоны, и первые сатанисты. Несмотря на то что монашеские обеты бедности, послушания и целомудрия равно распространялись на всю общину, орденский

устав узаконил четкое разграничение прав и обязанностей рыцарей, служителей и священников. Занимать должности в ордене и возглавлять монастыри могли только рыцари — люди кровей благородных. Они становились великими приорами, комтурами (начальниками крепостей), управляли провинциями. Богатым горожанам, пожертвовавшим имущество в казну, дозволялось становиться оруженосцами, управителями, они вели финансовые дела ордена, наблюдали за прибытием кораблей с паломниками и за отправлением их обратно в Европу. Священники же, как всюду, выполняли свои привычные обязанности, возложенные на них господом богом и его наместником на земле. Великие понтифики на первых порах принимали горячее участие в нуждах ордена, дозволив храмовникам открыть собственные капеллы, кладбища и даже выбирать из своей среды священников для отправления службы в тамплиерских монастырях. Больше того, папская булла от 1162 года вывела лиц, находящихся на орденской службе, из-под юрисдикции местных епископов. Один гроссмейстер — «Магистр Темплариорум» — был властен распоряжаться их судьбами. Орден превращался в «церковь внутри церкви», подчиненную, и то до поры до времени, только папе. Из уважения к военным подвигам крестоносцев, а также из страха перед их растущим могуществом светские и духовные князья не скупились на дары и пожертвования. Под скипетром гроссмейстера в одной лишь Европе оказались вскоре 10 тысяч обитателей, собственный флот, банковские конторы и такое количество золота, что он мог предложить за остров Кипр 100 тысяч червонцев. Именно здесь следует искать разгадку

постигшей орден судьбы, жестокой, страшной и вместе с тем романтической.

Но об этом позднее...

Пока же упомянем еще об одном братстве, основанном по образцу Иоаннова госпиталя в 1198 году. На сей раз общину составили немецкие рыцари, в отличие от храмовников и госпитальеров, выходцев главным образом из французских земель. Во время осады крестоносцами крепости Акры несколько рыцарей собрали своих раненых товарищей на судне, поставленном по причине негодности на прикол. Получив от немецких князей нужные средства, они организовали больницу, где богомольцы из Германии могли бы говорить на родном языке. Учтя опыт госпитальеров, рыцари-основатели дали клятву, что будут одновременно и ходить за больными, и биться с сарацинами. Но им было предначертано совсем иное. Немецкие рыцари первыми из крестоносцев вернулись в Европу: сначала в Трансильванию, затем в низовья Вислы. По договору 1226 года между польским королем Конрадом Мазовецким и гроссмейстером Германом фон Зальца орден получил Хелминьскую область, ставшую трамплином для нападения на восточные земли, где жили тогда балтийские племена пруссов. От них осталось лишь слово Пруссия, сохраненное новыми хозяевами. Первоначальное же наименование общины — «Братья Немецкого Дома» — в настоящее время знают очень немногие, потому что огнем и мечом врезано в исторические скрижали другое имя ордена — Тевтонский. Это от тевтонских командоров пошло пресловутое «Дранг нах Остен!». Как политическое завещание приняли лозунг поколения прусских милитаристов, взлелеявших и второй и «третий рейх». Тяжелый шаг закованных в броню

рыцарей сотрясал дороги Польши, Чехии и Литвы. Звериные оскаленные морды, клювы и когтистые птичьи лапы их ведроподобных шлемов тянулись все дальше на восток, к российским лесам и нивам, пока не захлебнулись в студеной воде под чудским льдом.

Еще одна судьбоносная нить, простегнутая сквозь временные толщи! Сколько их, этих стежков! Последний гроссмейстер ордена Готард Кетлер променял в 1561 году свой жезл на корону герцогства Курляндского, присоединенного по прошествии веков к России. Протекут еще десятилетия, и знаменитый авантюрист-мистификатор Калиостро, остановившись в Митаве, «вызовет» тень герцога-гроссмейстера, чем немало потрясет воображение местных баронов. «Немецкий Дом» просуществовал, уже в призрачном воплощении, до конца первой мировой войны. Ныне, как частное общество, он возобновил свою деятельность в ФРГ. За пять лет до Ледового побоища к тевтонам присоединились остатки осевшего на ливонских просторах рыцарского братства Меченосцев, и орден стал именоваться Ливонским. Подавив сопротивление покоренных народов, он захватил обширные территории между Нарвой и Вислой и образовал мощное, насквозь милитаризованное государство, ставшее плацдармом для подготовки захвата балтийских земель — польских, литовских, латышских, эстонских.

На шпиле высокого донжона Мариенбургского замка, где поселился гроссмейстер, тяжело полоскалось по ветру военное знамя. Боевая мощь ордена была подорвана лишь после Грюнвальдской битвы в 1410 году, когда против псов-рыцарей выступили объединенные войска Литвы и Польши, которым оказали

поддержку
Полвека
скому
признал
королей
к морю
Кенигсб
где вск
Восполн
формац
брехт
исходи
денбург
явил о
наследо
секуляр
ство. Т
герцогс
Пруссии
упразд
верть
и реор
нархом
и понь
дарт об
ной з
реванц
чего, п
ничем
Таков
ского
перву
ский э
словес
ной Р
Второ
Все
из ед
ность
и по
одеж
ны в
госпи
с бе
ков —
ны
няли
шим
крес

— го
Крес

поддержку их славянские соседи. Полвека спустя, уже по Торуньскому мирному договору, орден признал себя вассалом польских королей и открыл Польше выход к морю. Капитул перебрався в Кенигсберг (ныне Калининград), где вскоре наступила развязка. Воспользовавшись широким реформационным движением, Альбрехт фон Гогенцоллерн, происходивший из династии бранденбургских курфюрстов, объявил орденские области своим наследственным княжеством и секуляризовал тевтонское братство. Так было положено начало герцогству, а затем и королевству Пруссия. В 1809 году орден был упразднен Наполеоном, но четверть века спустя восстановлен и реорганизован австрийским монархом. Он существует в Австрии и поныне, собрав под свой штандарт обломки военной титулованной знати и самых оголтелых реваншистов ФРГ, которые ничего, как водится, не забыли и ничему не научились.

Таков исторический путь Тевтонского ордена, построившего свою первую резиденцию — Монфорский замок — в 1229 году с благословения императора «Священной Римской империи» Фридриха Второго.

Все три ордена произрастают из единого древа. Отсюда общность их уставов, иерархии и полумонашеских-полувоенных одежд. Поверх доспехов палadini всегда надевали плащи. У госпитальеров они были черными с белым крестом, у храмовников — белые с красным, а тевтоны те же белые плащи оттеняли черным знаком, переродившимся через века в Железный крест.

Метъ свои крепкие латы
Знаком креста на груди,

— говорится в драме «Роза и Крест» Александра Блока.

Попоны на закованных в панцири лошадях были под стать плащам. Они быстро ушли под лед на Чудском озере, люди и кони. Прервалось прямое, а затем и косвенное наследование, но сохранилась преемственность идей. Остались тени: имя и знак. И, подобно насосавшимся крови вампирам, они обретут плоть в начале нашего столетия в орденах немецкого оккультизма, откуда уже рукой подать до СС...

На сем расстанемся с тевтонами, на время простимся с храмовниками и продолжим одиссею братьев-иоаннитов. В 1291 году, когда были потеряны последние надежды удержать святую землю, они переселились на Кипр, где создали сильное централизованное государство с лучшим по тем временам флотом. Не прошло, однако, и 20 лет, как оно по причине внутренних распрей распалось, и госпитальеры вынуждены были переселиться на остров Родос, после чего их стали называть «родосскими братьями». Турки, бывшие в XV—XVI веках властителями Средиземноморья, атаковали Родос, и рыцари вновь, оставшись без крова, отправились по миру в поисках приюта. Они побывали на Крите, попробовали бросить якорь в Мессине, Витербо, пока наконец не осели в 1530 году на Мальте. Отныне мы станем звать их мальтийцами. Получив из рук императора Карла Пятого Мальту вместе с прилегающими островами Гоцо и Комино, братство трансформировалось в мальтийский орден святого Иоанна Иерусалимского.

Оно по-прежнему оставалось своего рода духовно-рыцарским суверенным государством во главе с гроссмейстером, которого титуловали «ваше преимущественное величество», но стали иными цели и политические

амбиции. Ни о призрении страждущих, ни о гробе господнем не было больше речи. Рыцари, объявив себя форпостом христианства против Турецкой империи, обязались защищать Средиземное море от султана и корсаров Магриба *. Сражались они, воздадим им должное, самоотверженно, оказав бесценные услуги и Карлу Пятому, и Филиппу Второму. Орден достиг апогея славы, победоносно выдержав четырехмесячную осаду и заставив уйти восояси многочисленный турецкий флот и сорокатысячную армию. Это произошло в 1565 году. Рыцарским гарнизоном в 9 тысяч человек командовал гроссмейстер Жан-Паризо де Ла Валетта, чье имя было присвоено затем столице островного государства. Как это часто случается, высший взлет явился началом падения. Железная дисциплина ослабла, вспыхнули межнациональные распри, рыцари, погрязнув в пороках, начали обогащаться за счет местного населения. На фоне всеобщего разложения, коррупции и упадка проявилась полнейшая неспособность гроссмейстеров справиться с положением. «Преимущественные величества» теряли реальную власть, чем ловко воспользовались иезуиты и святейшая инквизиция.

По мере ослабления Турецкой Порты деятельность ордена приобретает более мирный, можно сказать, «цивильный» характер. Восстание в 1775 году подавленное рыцарством местного населения — потомков арабов и финикийцев — вынудило великого магистра принца Рогана провести хотя бы минимальные реформы. Были сделаны попытки реорганизовать государственное управление, судопроизводство,

наладить экономику, что, в свою очередь, побудило шире взглянуть на мировую политику. Именно в этот период началось сближение мальтийцев с Россией — традиционным врагом Порты. При благосклонном содействии Екатерины Второй ордену передали сначала богатый майорат князей Острожских, а затем и бывшие владения иезуитов в Польше, где вскоре учредили великий приорат.

С этого момента следует искать начало рыцарских игрищ, столь поразивших русское общество в царствование Павла. Многие из того, что представляется неожиданным, внезапным и даже таинственным, проистекает из подспудных течений исторического процесса, питаемых сугубо прагматическими ключами.

Симпатии Павла к мальтийцам, помимо личной склонности государя к романтическим ритуалам, тоже во многом были продиктованы чисто политическими причинами. Французская революция, изгнавшая орден из страны, вновь сделала его естественным союзником самодержавия. На сей раз против врагов внутренних.

«Павел, — отмечал проницательный шведский дипломат Г. М. Армфельд, — с нетерпимостью и жестокостью армейского деспота соединял известную справедливость и рыцарство в то время шаткости, переворотов и интриг».

Когда троны шатаются, монархи готовы ухватиться за любую соломинку. Иерархическая дисциплина феодального ордена и его очевидный консерватизм не могли не привлечь монарха, мечтавшего о «рыцарской» верности подданных.

«26 февраля 1797 года на месте снесенного Летнего дворца, — пишет Н. Я. Эйдельман в своем интересном исследовании «Грань веков», — Павел самолично кла-

* Магриб — северные районы Африки (Алжир, Марокко, Тунис).

дет пер
ского за
лика за
водится
мок ста
образца
ной да
Гагарин
поклоня
Действи
ность и
понятн
ческом
Конвен
владени
щищая
царства
от якоб
сывает
нии в
в котор
ждает
и прее
времен
и тор
заведе
в свои
тить в
размах
«на ве
Велик
госуда
достав
ре 300
«навс
Полит
ты в
шие в
иезуи
воспо
коньн
сен ст
тул п
ских
ской,
не ос
его. В
же о
симв
крест
свято
Меж
Егип
ную

дет первый камень Михайловского замка. Обрядность, символика здесь максимальные: возводится окруженный рвом замок старинного, средневекового образца, цвета перчатки прекрасной дамы (Анны Лопухиной-Гагариной), которой царь-рыцарь поклоняется».

Действия Павла теряют мистичность и становятся до предела понятными лишь в общеполитическом контексте.

Конвент конфискует мальтийские владения во Франции. Царь, защищая возвышенные идеи рыцарства от разнузданной черни, от якобинства, тотчас же подписывает Конвенцию об учреждении в России ордена Иоанна, в которой, в частности, «подтверждает и ратифицирует за себя и преемников своих на вечные времена, во всем пространстве и торжественнейшим образом заведение помянутого ордена в своих владениях». Стоит обратить внимание на этот вселенский размах: «во всем пространстве», «на вечные времена»...

Великому приорству Волынскому государственная казна тоже предоставила годовой доход в размере 300 тысяч злотых, свободный «навсегда от всяких вычетов». Политический акт обретал черты волшебной мистерии. Осевшие в России мальтийцы с чисто иезуитской сметкой поспешили воспользоваться благоприятной конъюнктурой. Павлу был поднесен странноватый для России титул протектора религии мальтийских рыцарей, то есть католической, и православный государь, не особенно задумываясь, принял его. Великий магистр Гомпеш также отблагодарил ценнейшими, в символическом смысле, дарами: крестом Ла Валетта и мощами святого Иоанна.

Между тем Бонапарт по пути в Египет взял Мальту, без боя сданную предводителем военного ор-

дена, за что капитул, собравшийся в России, вынес решение сместить злополучного Гомпеша. Тем более что кандидатура его вероятного преемника была оценена со всех сторон. Граф Литта, великий приор, хорошо знал, с кем ему предстоит иметь дело, и, несмотря на то что уже несколько лет жил в Петербурге, явился ко двору в запыленной карете, словно паломник из дальних стран. Та же печать странствий лежала и на экипажах свиты, въехавших в гостеприимно распахнутые ворота Гатчинского дворца.

Преклонив колени, кавалеры в черных иоаннитских плащах смиренно попросили приюта у владельца «замка», будто странствующие рыцари, искатели Грааля, увидевшие чью-то зубчатую башню среди раскаленных песков. Владелец, превосходно осведомленный о всех тонкостях ритуала, повелел препроводить депутацию в парадные покои.

В записках Н. К. Шильдера сей трогательный эпизод передан следующим образом: Павел, «увидев измученных людей в каретах, послал узнать, кто приехал; флигель-адъютант доложил, что рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского просят гостеприимства. «Пустить их!» Литта вошел и сказал, что, «странствуя по Аравийской пустыне (нам еще встретятся «аравийские странники». — Е. П.) и увидя замок, узнали, кто тут живет...».

Приятно взволнованный император, всласть поигравший в молодости в масонские тайны, растрогался и принял предложенный ему почти опереточный титул.

— Русский Дон Кихот! — воскликнул Наполеон, узнав, кто стал великим магистром.

Поддержав гонимых, буквально подвешенных в воздухе рыцарей,

Павел и вправду продемонстрировал классический донкихотский комплекс. Благородно, трогательно, но ведь и смешно. Есть основания полагать, что меткое замечание первого консула явилось реакцией на весть отнюдь не неожиданную, а, напротив, долгожданную. Более того, операция с Мальтой была частью интриги, задуманной Талейраном для того, чтобы поссорить Россию с Англией. Высадившись на острове, Наполеон едва ли надеялся удержать его надолго. Англичане, чей перевес на море был очевиден, вскоре отвоевали Мальту, бросив тем самым вызов новоиспеченному гротескмейстеру. Антифранцузская коалиция в итоге распалась. Непомерная плата за средневековые побрякушки: мальтийскую корону, жезл, орденскую печать и рыцарский меч! Действо коронации, тем не менее, было совершенно с подобающей пышностью в тронной зале Зимнего дворца, где собрались сенат, синод и вся придворная камарилья. Мальтийский крест осенил двуглавого имперского орла, а к длинному перечню царских званий, заканчивающемуся словами «и прочая», добавился еще один титул. Сохранился указ, подписанный государем: «Прокламациею, учиненною пред нами ноября в 29-й день, мы, приняв на себя титул великого магистра, издревле столь знаменитого и почтения достойного ордена святого Иоанна Иерусалимского, высочайше повелеваем сенату нашему включить оный в императорский титул наш, предоставляя синоду поместить оный по его благоусмотрению». Салютовали пушки, шел парад войск, ночные небеса полыхали фейерверком. Число командорств в империи разросло чуть ли не до сотни, появилось ни с чем не сравнимое «российско-православное» приор-

ство, кавалергарды надели малиновые супервесты с восьмиконечным крестом, на дверцы императорского экипажа спешно наляпали тот же роковой знак. Бывший дворец графа Воронцова на Садовой, где разместился капитул, переименовали в «замок», на Каменном острове построили странноприимный дом с церковью Иоанна Крестителя, где всеми цветами радуги заблистали торжественные одеяния католического духовенства. Дальше — больше. Зашевелились иезуиты, открыли монастыри траписты, прибыл папский нунций, а сам великий понтифик получил приглашение посетить Петербург. Невольно создавалось впечатление, что гигантская держава стала заморской территорией маленького островка, занятого к тому же чужеземным войском, и готовится переменить веру. Злые языки даже уверяли, будто сам Павел нацелился на ватиканский престол и только ждет удобного момента, чтобы сменить Пия Седьмого.

В атмосфере недоброго, экзальтированного ожидания, казалось, растворились границы возможного. Разве не сам папа освятил избрание в католические магистры православного государя? А «православное» приорство? Ирония судьбы: насквозь прогнившая, развращенная беззаконием верхушка провоцировала политическое мельтешение, в равной мере циничное и слепое. Видавшие виды вельможи, прожженные дипломаты и беззастенчивые дельцы почему-то и мысли не допускали, что великие мира сего тоже могут играть в бирюльки и при этом ловить рыбку в мутной воде.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся...

Поразительно чутко отреагировал Г. Р. Державин, уловив дух тре-

возного
вязки. Он
на «мал
о чем сло
самодерж
Тлетворн
в гнетущ
дышал и
жественн

одеждам
ладинам
хонскую
магическ
В изыск
манных
ка, пог
белых
девять
В «свод
летели
чародей
на прост
вой ноч

возможного ожидания роковой развязки. Он, кстати, присутствовал на «мальтийской» коронации, о чем сложил и поднес к стопам самодержца надлежащую оду. Тлетворный воздух занемогшей в гнетущем ожидании столицы дышал истерией. Вместе с торжественной мессой, вместе с

Отметим в памяти эти церемонии летнего солнцестояния, эти огни «великого шабаша», зажженные, однако, не для ведьм. Павел, которому оставалось менее двух лет жизни, словно предчувствуя, как сожмется роковое кольцо заговоров, вдруг истово поверил, что ритуальное пламя защитит

Церемония мальтийского ордена в Риме

одеждами «века мушкета» и паладинами, бодро месящими чухонскую грязь, распространился магический флюид.

В изысканном Павловске, на туманных полянах бессонного парка, погруженного в сыворотку белых ночей, взвились вдруг девять мальтийских костров. В «свод небес зелено-бледных» летели золотые искры. Исконное чародейство Европы вырвалось на просторы колдовской Иоанновой ночи.

Ныне орден превратился в пропагандистскую организацию, распространяющую среди молодежи капиталистических стран выхолощенные временем идеи воинствующего католицизма. Вернее, средневековой мистики, потому что рыцари давно утратили боевой пыл и, стараясь не слишком упираться на слово «католицизм», порой обходят и понятие «христианство».

от измены и злых умыслов. Он слепо бил наотмашь, сражался с духами, не отличая преданности от измены, и верил, верил в огни, на которых крестоносцы сжигали во дни оны свои окровавленные бинты.

Нет необходимости вспоминать здесь о последних годах Павла. После его смерти «от апоплексического удара в висок», как остроумно была перефразирована официальная версия, существование ордена в России стало бесперспективным. Александр Первый наотрез отказался от гроссмейстерских мальтийских регалий, оставив за собой лишь титул протектора. В 1817 году орден объявили несуществующим в пределах Российской империи, а вскоре мальтийцы потеряли опору и в немецких государствах. В 1834 году капитул переехал в Рим, и с тех пор судьба ордена тесно связана с Ватиканом. Время от времени усилиями крайних реакционеров, вроде австрийского канцлера Меттерниха или прусского короля Фридриха-Вильгельма Четвертого, восстанавливались ненадолго отдельные приораты, но в целом братство влачило жалкое существование. Даже великие магистры перестали выбираться. Лишь в 1871 году маркизу Санта-Кроче был дарован прежний титул.

Ныне орден превратился в пропагандистскую организацию, распространяющую среди молодежи капиталистических стран выхолощенные временем идеи воинствующего католицизма. Вернее, средневековой мистики, потому что рыцари давно утратили боевой пыл и, стараясь не слишком упираться на слово «католицизм»,

порой обходят и понятие «христианство».

Это связано с тем, что сегодня кавалером или кавалерственной дамой ордена могут стать лица любого вероисповедания, в том числе и прежние недруги — мусульмане.

Сочетая противоположные качества: замшелость идеологии и гибкость на путях ее распространения, орден не слишком преуспевает в своих начинаниях.

Быть может, он просто затаился и ждет, когда наступят более благоприятные времена. Ведьмы и сатанисты льют воду на его мельницу. Кто знает, куда качнутся качели общественного мнения, дойдя до крайней точки? Что, если люди, отшатнувшись от дьявола, вновь кинутся в спасительные объятия материцеркви?

«Девять столетий!» — мысленно подсчитал я, выходя на шумную, мигающую вывесками магазинов Корсо.

Нет, не только на улицах Вечного города смешались и перепутались времена...

Права старинная английская поговорка:

What is hits is hystory,
And what is mist is mystery.
(Что в цель попало, то история,
А где туман, там тайна.)

Собственно, мы и приближаемся сейчас к средоточию тайны. К ядру «беззаконной кометы», как образно сказал поэт, которая недобрым вестником вспыхнула во мраке позднего средневековья. Оставленный ею мистический шлейф наложил неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую историю.

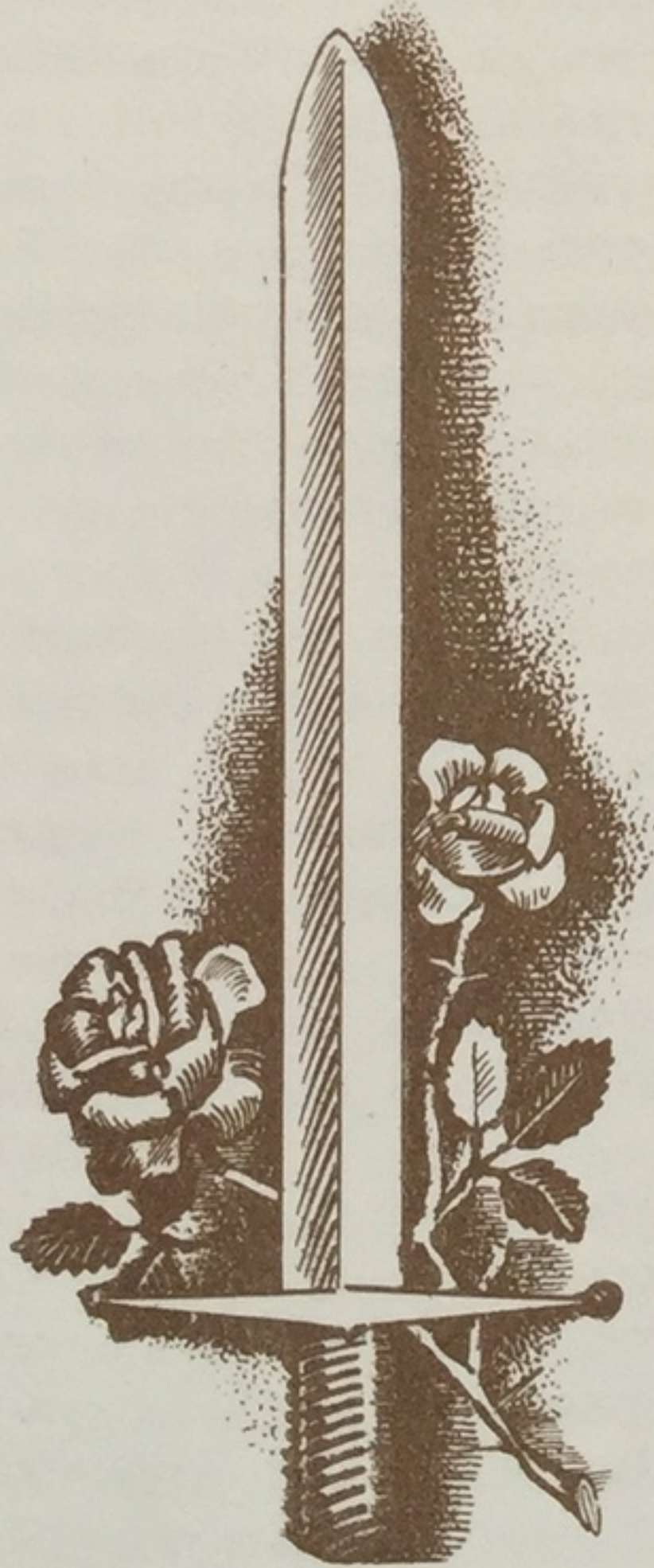
Меч

О, как р
Прямо в
Тот удар

Меч и роза

О, как рана сердце жжет!
Прямо в розу на груди
Тот удар меча пришелся...

Александр Блок,
«Роза и Крест»

ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА неподвластна течению лет. В Милане мне посчастливилось увидеть лангедокские манускрипты с непревзойденными по изяществу миниатюрами и буквицами. Я держал в руках одну из немногих книг, уцелевших от загадочной катарской ереси, тайно расцветшей и безжалостно преданной огню.

И все же, если бы мне пришлось выбирать заставку к повествованию об альбигойской ереси, я бы выбрал пламенную розу, а не бледную мистическую лилию. Не объятый пламенем эшафот, но сердце, сжигаемое в любовном огне.

Перелистывая пергаментные страницы старинных рукописей, мы возвращаем прошлое, вызываем к жизни умолкнувшие звуки, отблеставшие краски. И чужая печаль проникает нам в душу, чужие восторги кружат голову сумасшедшим неизведанным хмелем.

У каждой эпохи своя цветовая гамма, своя мелодия. Случается, что торжественные хоралы и мессы легко заглушает скабрезная песенка, а нежная лютня перекрывает гулкие вздохи органов.

Тысячелетие, условно разделившее античность и новые времена, с трудом уместается в прокрустовом ложе, традиционно именуемом средними веками. Поэтому, не «растекаясь мыслию по древу», мы вновь сосредоточим наше внимание на куда более узком и, главное, хронологически очень четко вычленном периоде — эпохе крестовых походов.

Но на сей раз мы не последуем за рыцарской молодежью, увлеченной непостижимой мечтой. Не терновник, а розовый куст с его геральдической и оккультной, как вскоре увидим, символической влечет нас на западный берег Средиземного моря.

Аскетическое умерщвление плоти? Мрачный фанатизм и невежество? Ужас перед адскими муками и постоянное ожидание Страшного суда? Да, всем этим действительно бредила замершая в ожидании вестей от крестоносцев Европа. Но ведь было и нечто совсем иное. Полнокровная жизнерадостность, утонченная роскошь, куртуазная изысканность жестов и слов. Даже у задавленных барщиной, прозябающих в дремучем оцепенении крестьян бывали безмятежные часы, когда прелести земного бытия затмевали лубочные картинки «небесного блаженства».

Не только скрежет лат и свист рассекаемого мечами воздуха доносится из той невозвратной дали, не только жаркий треск костров опалает лицо.

Томительная любовная песня прорывается в похоронном звоне, пьянящее благоухание садов разливается над выжженным полем, пропахшим кровью и мертвечиной.

Пусть же ледяное оцепенение каменной кладки согреет дыхание выпеченных хлебов и ладони, натруженные ратной работой, задрожат от случайного прикосновения пальцев, исколотых тонкой иглой.

Здесь начало романтического недуга, упоительного любовного бреда, преобразившей мир мечты. Оно в соловьином безумстве, в журчании фонтана, в переливах росинок, зажженных луной. И все, о чем пропоет трубадур в этой душной, охваченной неизбывным томлением ночи, на века обретет емкость символа: кольцо, голубка, перчатка, балкон, кинжал, чаша, «жемчуг» зубов, «коралл» милых губок, «сияние» глаз...

Другу напомни про данное мною —
Перстень заветный, застежку колета
И поцелуй в подкрепление обета.

(Гильом де Бергедан)

«...Могло ли средневековье быть сплошным адом, в котором человечество пробыло тысячу лет и из которого это бедное человечество извлек Ренессанс? — писал академик Н. И. Конрад. — Думать так — значит прежде всего недооценивать человека, его силы, его труды... Готическая архитектура, зодчество и скульптуры буддийских храмов, мавританские дворцы и сады, лучезарная эпоха трубадуров и миннезингеров, рыцарский эпос, жизнерадостные, брызжущие юмором народные фарсы. Средневековье — одна из великих эпох в истории человечества».

«Лучезарную эпоху» характеризуют невиданный расцвет лирической поэзии, науки и, главное, необратимый поворот к гуманизму, закрепленный впоследствии Возрождением. Быть может, эта вспышка в ночи была преждевременной, но, однажды воссияв, она оставила по себе неизгладимую память.

Арно Даниеля, непонятного даже для иных современников, посвященных в таинства «веселой науки», Данте и Петрарка нарекут «Великим Мастером Любви».

Дети своего времени, трубадуры, а вслед за ними миннезингеры и ваганты отдали, подобно алхимикам, дань герметизму. В известном смысле они были объединены в духовно-рыцарский орден с особой ритуальной символикой, но размытой, если только она вообще существовала, иерархией. Поэтому романтический титул «Великий Мастер Любви» означал нечто большее, чем просто возвышенный поэтический образ.

В старофранцузском «Романе о Розе» описывается сказочный замок, окруженный семью ярусами стен, увешанных разного рода эмблемами. Только перед певцом Любви, сумевшим разгадать их таинственный смысл, раскрыва-

лись вор
явное ук
степеня
ческим
бадуры
тайным
Олицетв
зии был
Грациоз
угрюмом
ву, труб
земную
достями
бесную
Как и
посвяти
избирал
бадуры
ной коро
возлагал
владычи
цветоря
скую и
ности. П
ние эти
мира С
Блока.
Религиоз
если ре
ной «Р
условно
бадурск
денный
предпол
величен
и совер
Это дан
ворному
от васса
ния Пе
жене се
пьянящ
она жи
ран!
Лицезр
славлен
де Ка
ское бл
мой для
краснее
де Вид
жества.
дом с
для бог

лись ворота. Здесь можно увидеть явное указание на мистику, с ее степенями посвящения и эзотерическим языком. Не случайно трубадуры узнавали друг друга по тайным знакам.

Олицетворением куртуазной поэзии был образ Прекрасной Дамы. Грациозно швырнув перчатку угрюмому аскетизму и ханжеству, трубадуры вознесли на небеса земную любовь с ее мукой и радостями и оживили любовь небесную жаркой земной кровью. Как и крестоносцы, которые, посвятив себя пречистой деве, избирали еще и даму сердца, трубадуры венчали свою Донну двойной короной. Один золотой обруч возлагали на прелестное чело владычицы дум, другой олицетворял возвышенную философскую идею Вечной Женственности. Пройдут столетия, и сияние этих венцов озарит Владимира Соловьева и Александра Блока.

Религиозному символизму, даже если речь идет о внеисповедальной «Религии Любви», присуща условность. Образный строй трубадурских альб и кансон, низведенный затем до уровня штампа, предполагает безмерное преувеличение и силы чувства поэта, и совершенств его Донны.

Это дань куртуазной игре, придворному этикету, требовавшему от вассала ритуального поклонения Первой Даме, как правило жене сеньора. Но как нарастает пьянящая волна, как розовеет она живой кровью сердечных ран!

Лицезрея обожаемый образ, прославленный трубадур Гильом де Кабестань чувствует райское блаженство, улыбка любимой для Рамбаута д'Ауренга прекраснее ангельской, а Пейре де Видалю уже мнится лик божества. Дальше — больше: рядом с Донной не остается места для бога.

Владычица любовь, трубадурская finamor, смеясь, разбивала сословные преграды, как цветочные цепи, разрывала феодальные узы, подтачивала символы веры. Перед ее божественной властью все были равны: и сын пекаря Бертран де Вентадорн, и знатнейший из знатных сеньор Гильом, девятый герцог Аквитании и седьмой граф Пуату. И оба одинаково гордились званием трубадура, странствующего рыцаря Донны Любви.

Я ради наслаждений жил,
Но бог предел мне положил.

Гильом не страшится расплаты и не уповает на небесное блаженство. Если он и сожалеет о чем-то, то лишь о бренности человеческой жизни.

Близится к концу сверкающий карнавал. Покинув освещенные залы, вереницы гостей исчезают в темных аллеях сада. За позолоченной маской ритуальной символики возникает задумчивый лик странника-трубадура, проскользнувшего через ворота в очарованный замок.

Юный паж, кого ласково и игриво поманила когда-то Любовь, он внезапно увидел свое отражение в зеркале пруда и понял, что стал совершенно седым. Отнимая занемевшую руку от раны, он ждет последнего посвящения, а где-то рядом, обогрив Белую Розу последней каплей крови, умолк пронзенный шипом соловей.

«Я не думаю, что любовь может быть разделенной, ибо, если она будет разделена, должно быть изменено ее имя», — оборвав струны, бросит в бессмертье трубадур Арнаут де Марейль.

Преувеличенное восхваление Донны — еще не ересь, а только опасная блажь, но постижение общечеловеческих истин открывает дорогу к безбожию. Пейре де Барджак склонился над водным зеркалом и убрал с груди окровавленную руку:

Лишь позовите — и помощь подам
Из сострадания к вашим слезам!
Платы не надо — ни ласк, ни речей,
Даже обещанных вами ночей,
Что, вопреки вашим нежным словам,
Не удосужились вы подарить, —
За вероломство не стану корить.

С просьбой пришел я — меня
отпустить,
Вот и порвется последняя нить.

Продолжая служить возвышен-
ной идее, он развенчивает кумир
и порывает обеты. И как порыва-
ет! С каким кристальным, с
каким возвышенным благород-
ством! Для рыцаря — храмов-
ника, госпитальера — такое было
бы немыслимо. Утрата божест-
венного символа означала и отказ
от самого божества. Получая
плащ с крестом, рыцарь навеки
связывал себя с орденом и небес-
ной его патронессой.

Свободомыслие — беспокойный,
в полном смысле этого слова сжи-
гающий дар. Оно неотделимо от
обостренного ощущения своего
человеческого достоинства.

Пейре Карденаль, усомнившись
однажды в моральной правомер-
ности прокламируемого церковью
миропорядка, пойдет в своем
богоборчестве до конца.

Пусть мои стихи меня спасут
И от крошечного избавят ада!
Я господу скажу: «Ужели надо,
Перетерпев при жизни столько бед,
В мучениях держать за все ответ?»

Поднимаясь по золотым ступеням
постижения истины, философ-
трубадур осознает свою теургиче-
скую власть и божественное

право поэта ниспровергать лож-
ных идолов. С присущей сред-
невековой универсальностью он
нанесет удар сразу по всей
структуре феодального общества.

Наш император мнит,
Что всюду он царит,
Король свой трон хранит,
А граф владычит с ним
И с рыцарством своим, —
Поп правит без парада,
Но поп неодолим...

Детство и юность Карденалья, ко-
торый родился около 1225 года,
опалили жестокие альбигойские
войны, приведшие к опустоше-
нию Прованса и Аквитании. Пев-
цы Любви, паладины «веселой
науки» стали яростными обличи-
телями католицизма и застрель-
щиками народного возмущения.
Трубадуров и альбигойцев соеди-
нило общее горе, спаяла нена-
висть. Они пели одни песни, би-
лись спина к спине и горели
на одних кострах.

Рим! Держи ответ,
Не жди себе прощенья.

Летит над остывшим пепелищем
сирвентес Гильома Фигейра, про-
буждая скорбное эхо.

Пора и нам в Лангедок на Поле
мучеников, где стоит теперь стро-
гий белый обелиск. Лангедок-
ское графство простиралось от
Аквитании до Прованса и от
Пиренеев до Керси. Его сюзерены,
династия графов Тулузских, были
настолько могущественны и бога-
ты, что их часто называли «коро-
лями юга». Но если на севере все
еще исповедовали католичество,
то во владениях графов Тулуз-
ских все шире распространялась
опасная ересь, таинственными
путями проникшая во Францию
из далекой Азии.

Альби, Тулуза, Фуа, Каркассон —
повсюду множилось число тех,
кого называли потом катарами
(«чистыми» по-гречески) или
альбигойцами, поскольку впер-
вые они заявили о себе именно в

Альби, Тулуза, Фуа, Каркассон —
повсюду множилось число тех, кого
назвали потом катарами («чистыми»
по-гречески) или альбигойцами,
поскольку впервые они заявили о себе
именно в Альби.

Альби. «Нет
которые ос
над миром
зла. Бессме
кий устрем
бренная ег
темному бо
ры. В остр
халдейских
ных, поди

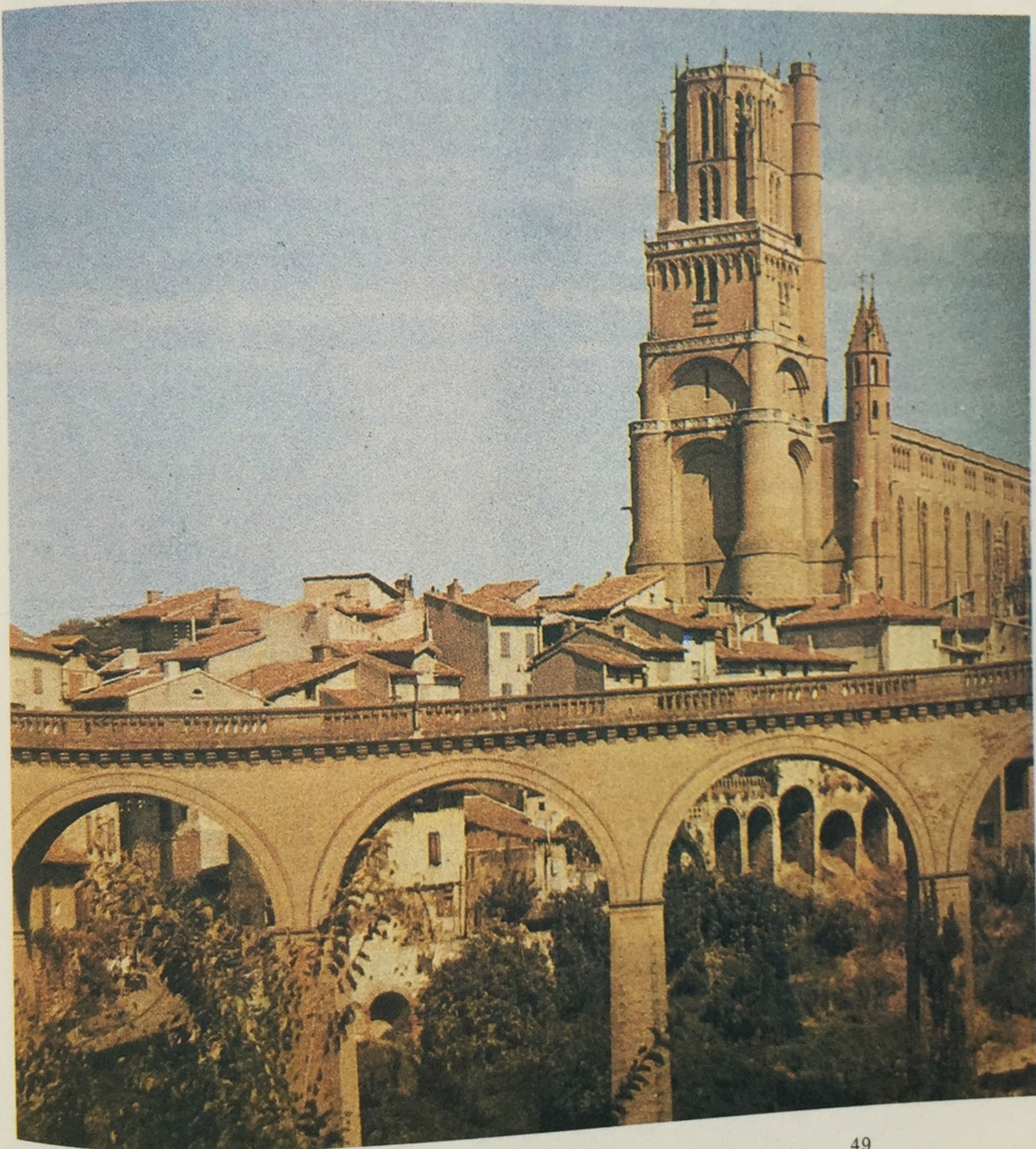

Альби. «Нет одного бога, есть два, которые оспаривают господство над миром. Это бог добра и бог зла. Бессмертный дух человеческий устремлен к богу добра, но бременная его оброчка тянется к темному богу» — так учили катары. В остроконечных колпаках халдейских звездочетов, в черных, подпоясанных веревкой

одеждах, пошли они по пыльным дорогам Лангедока, проповедуя повсюду свое вероучение. Это были так называемые «совершенные» — подвижники веры, принявшие на себя тяжкие обеты аскетизма. Остальные же лангедокцы жили обычной жизнью, веселой и шумной, грешили, как все люди, и радовались жизни,

Собор в Альби,
бывший центром
альбигойской ереси

МЕЧ И РОЗА

что не мешало им благоговейно соблюдать те немногие заповеди, которым научили их «совершенные». Одна из этих заповедей — основная: «Не проливай крови». Это была ересь! Опасная во все времена, она, быть может, еще более страшила сильных мира сего, чем сама доктрина катаров. Впрочем, они неотделимы друг от друга. Символ веры и образ жизни. Мир существует вечно, учили катары, он не имеет ни начала, ни конца... Земля не могла быть сотворена богом, ибо это значило бы, что бог сотворил порочное... Христос-человек никогда не рождался, не жил и не умирал на земле, так как евангельский рассказ о Христе является выдумкой католических попов... Крещение бесполезно, ибо оно проводится над младенцами, не имеющими разума, и никак не предохраняет человека от грядущих грехов... Крест не символ веры, а орудие пытки, в Риме на нем распинали людей.

Конечно, этого было вполне достаточно, чтобы поднять христианский мир на крестовый поход против страшной заразы, идущей с юга. Благо интересы церкви здесь целиком сходились с тайными устремлениями французских королей. Ведь и Филипп Второй Август и Людовик Восьмой давно уже точили зубы на богатое Тулузское графство, которое было бы так славно присоединить к королевскому домену. А тут еще говорят, что Раймунд Шестой граф Тулузский — еретик, не признает католических таинств, отрицает святую троицу, ад и чистилище, а земную жизнь именует творением Сатаны. Чего же, кажется, лучше? Не пора ли созывать баронов? Трубить в поход?

Но Рим почему-то медлил с началом похода, и на то были свои причины. Одна из них, скорее

всего, заключалась в том, что катары очень скрытно проповедовали свое вероучение. Шпионы великого понтифика не могли ответить даже на самые простые вопросы владыки. Каковы обряды альбигойцев? Где они совершают свои богослужения и совершают ли они их вообще? Нет, ничего достоверного узнать о катарах не удалось. Может быть, виной тому был великий и очень человечный принцип: «Tura perjura, secretum prodere noli!» — «Клянись и лжесвидетельствуй, но не раскрывай тайны!»?

Но чем менее известно было о новой ереси, тем страшнее она казалась.

«Катары — гнусные еретики! — проповедовали католические епископы. — Надо огнем выжечь их, да так, чтобы семени не осталось...»

Папа Иннокентий Третий послал в Лангедок своего доверенного соглядатая — испанского монаха Доминика Гусмана, причисленного впоследствии к лику святых. Доминик, основавший по сей день существующий орден, вознамерился противопоставить аскетизму «совершенных» еще более суровый аскетизм с самобичеванием и умерщвлением плоти, но это вызывало только смех. Тогда он попытался победить еретических проповедников силой своего красноречия и мрачной глубиной веры, но люди больше не верили в спасительную силу пролитой на Голгофе святой крови.

Фра Доминик покинул Тулузу, глубоко убежденный, что страшную ересь можно сломить только военной силой. Вторжение стало решенным делом. Личной буллой великий понтифик подчинил недавно учрежденную святую инквизицию попечению ордена доминиканцев — псов господних.

После уби
Кастелно
первосвящ
крестовый
нейший к
Август, ра
двинул к
законным
армию в
водитель

де Мон
знаком
не щади
тей.
Умирает
кардина
три коро
цузском
полыхает

* Орифламы
королей в с

После убийства легата Пьера де Кастелно в 1209 году римский первосвященник провозгласил крестовый поход, и христианнейший король Филипп Второй Август, развернув орифламму*, двинул к границам Лангедока закованных в сталь баронов и армию в 50 тысяч копий. Предводитель крестоносцев Симон

званных карательной экспедицией. Покоренные и униженные жители Тулузы, Фуа, Альби и Каркассона вновь и вновь берутся за оружие во имя бессмертных заповедей «совершенных». Только через полвека головорезам вроде Монфора удалось утихомирить опустевшую, дымящуюся страну.

Стены Монсегюра

МЕЧ И РОЗА

де Монфор, чьим фамильным знаком был серебряный крест, не щадил ни стариков, ни детей.

Умирает Иннокентий, и конклав кардиналов избирает нового папу; три короля сменяются на французском престоле, а в Лангедоке полыхает пламя восстаний, вы-

Однажды ночью крестоносцы втащили на крохотную скальную площадку тяжелую катапульту и забросали замок камнями. Эти каменные ядра и сейчас лежат у разбитых стен Монсегюра... В марте 1244 года Монсегюр пал, а спустя несколько дней 257 уцелевших после штурма катаров взошли на костер.

* Орифламма — боевой штандарт французских королей в средние века.

Сожжение тамплиеров
во главе с Жаком де Моле.
Фламандская рукопись XV в.

Мелькнули суровые,
измученные лица «совершенных»,
сквозь темный частокон копий
блеснули шлемы и кресты
построенных в каре христовых воинов.
Потом все потонуло и исчезло в дыму.
В 1310 г. та же участь постигла
и тамплиеров.

В одном лишь Безье, согнав жителей к церкви святого Назария, каратели перебили 20 тысяч человек.

«Святой отец, как отличить катаров от добрых католиков?» — спросил однажды какой-то солдат папского легата Арнольда да Сато, сопровождавшего войско Монфора. «Убивайте всех: бог узнает своих!» — ответил ле-

гат, и
в исто
Безье
Каркас
ры да
наполо

* Согласно
иной пап

Сожжение
альбигойских книг

гат, и слова его навечно вошли в историю...*

Безье горел три дня; древний Каркассон, у стен которого катары дали последний бой, был наполовину разрушен. Последние

* Согласно другим источникам, их произнес иной папский посланец, Арно Амори.

«совершенные» с остатками разбитой армии отступили в горы и заперлись в пятиугольных стенах замка Монсегюр. Это была не только последняя цитадель альбигойцев, но и их святилище. Стены и амбразуры Монсегюра были строго ориентированы по странам света и, подобно Стоун-

хенджу друидов, позволяли вычислять дни солнцестояния.

Среди защитников крепости, возведенной на вершине горы, было всего около сотни военных. Остальные не имели права держать оружие, ибо в глазах «совершенных» оно являлось носителем зла. Но и сотня воинов целый год противостояла 10 тысячам осаждавших крепость крестоносцев. Все же силы были слишком неравны. Объединившись вокруг своего престарелого епископа Бертрана д'Ан Марти, «совершенные», последние маги, философы, врачи, астрономы, поэты готовились принять мученическую смерть.

Однажды ночью крестоносцы втащили на крохотную скальную площадку тяжелую катапульту и забросали замок камнями. Эти каменные ядра и сейчас лежат у разбитых стен Монсегюра... В марте 1244 года Монсегюр пал, а спустя несколько дней 257 уцелевших после штурма катаров взойшли на костер.

Но четверо «совершенных» спасли главную катарскую святыню. Спустившись с заоблачных круч Монсегюра, они тайно унесли свои неведомые миру сокровища. В протоколе допроса, который был учинен под пыткой коменданту крепости Монсегюр Арно-Роже де Мирпуа, значит: «Бежавших звали Гюго, Эмвель, Экар и Кламен. Это были четверо «совершенных». Я сам организо-

вал их побег, они унесли с собой наши сокровища. Все тайны катаров заключались в этом свертке». Крестоносцы спешно снарядили погоню, но беглецы как в воду канули.

Уцелевшим воинам, оборонявшимся Монсегюр, обещали жизнь, если они отрекутся от ереси и признают святые таинства, троицу и папу — наместника святого Петра. Тех, которые отказались, тут же повесили, остальные же, став на колени, заявили о своем отречении. Тогда какой-то монах распорядился привести собаку и стал поочередно совать альбигойцам нож, чтоб испытать, насколько тверды они в своем отречении. Но ни один из них не взял греха на душу и не наплатил землю кровью невинной твари. Тогда их всех повесили на ветках дубов. Рыцарю де Мирпуа в тот момент, когда палач ломал ему кости, довелось увидеть в последний раз наставника «совершенных» епископа Бертрана д'Ан Марти.

Он стоял у столба со связанными за спиной руками, обложенный поленьями и хворостом, а белые волосы его тихо шевелились под ласковым весенним ветерком. Мелькнули суровые, измученные лица «совершенных», сквозь темный частокол копий блеснули шлемы и кресты построенных в каре христовых воинов. Потом все потонуло и исчезло в дыму.

КОЛЫ

Белую л...
С алою розо...
Тайной п...
Вечную ист...

Веще сл...
Жемчуг св...
скорее!
Нашу го...
Новыми кол...

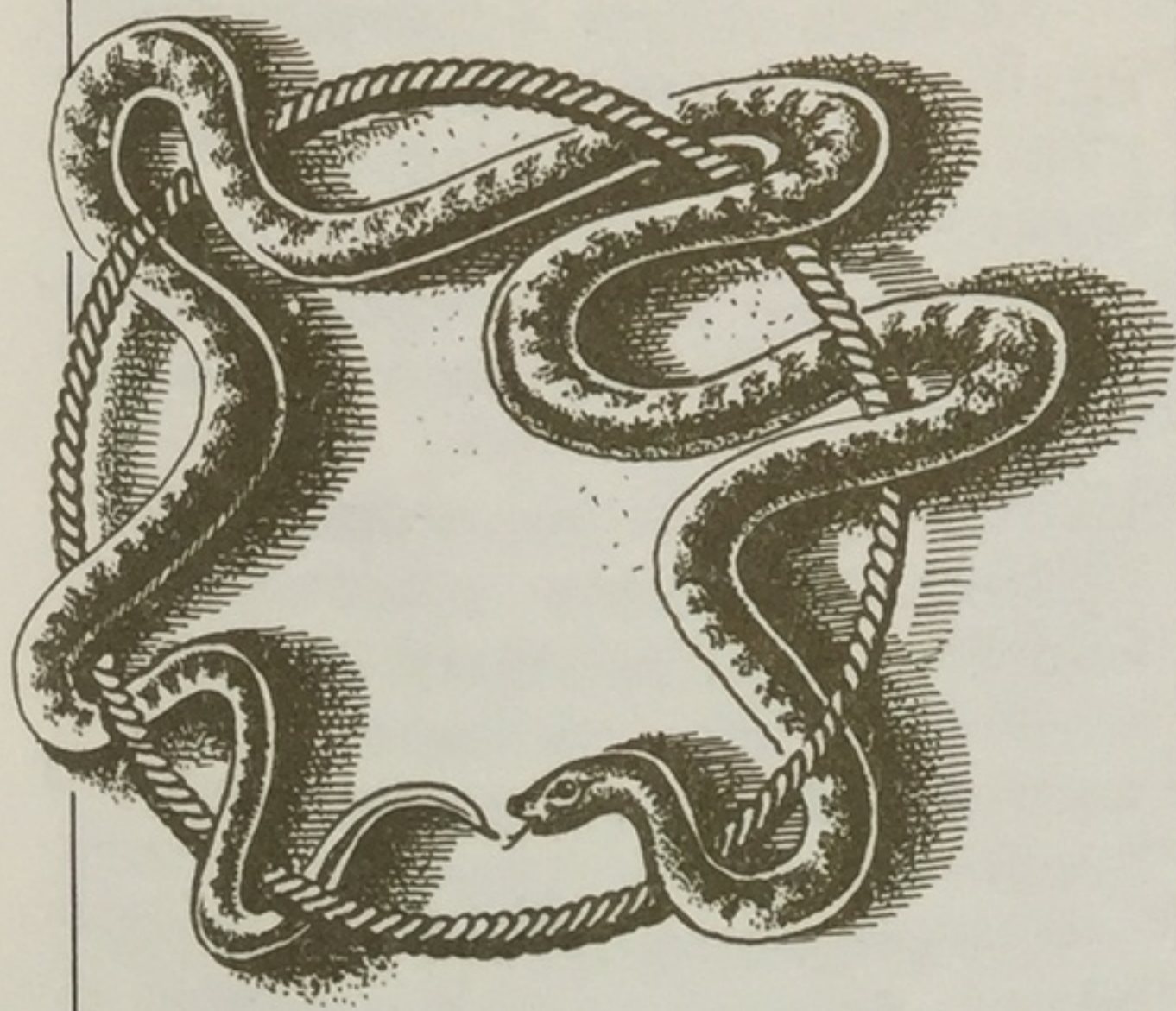
Кольцо змея

Белую лилию с розой,
С алою розой мы сочетаем.
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте
скорее!

Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея.

Владимир Соловьев,
«Песня офитов»

ПОСЛЕДНИЕ КАТАРЫ погибли в пещере Сабарте уже в начале XIV века, когда французский король и папа вовсю жгли на кострах тамплиеров. Как мы вскоре увидим, новая совместная акция будет разыграна почти в точности по альбигойским нотам.

Истоки явной катарской ереси и вероятной ереси тамплиерской затерялись в смутных веках, предшествовавших становлению христианства. Но уже в учениях гностиков (от греческого гносис — познание) и манихеев, смешавшихся на щедрой почве Александрии и Вавилона, где Запад и Восток переплелись подобно змеям на жезле Гермеса — посланца богов, они выбиваются на поверхность. Александрии с ее храмами всех религий, бесчисленными сектами и философскими школами суждено было уподобиться алхимическому горну, соединившему мистические устремления греков, иудеев и египтян в фантастический сплав, легко поддающийся ковке и способный отлиться в любую, самую причудливую, форму. Когда же к гностическим и манихейским учениям добавилось первоначальное христианство, раскаленная масса напрочь разнесла огнеупорную кладку печи и устремилась наружу. Алхимический метод проб и ошибок, причем без видимого посредства «философского камня», привел к неожиданным последствиям. Вместо долгожданной универсальной религии, которую готовы были принять не только фараоны из эллинской династии Птолемеев, но и сменившие их цезари, возникла гремучая смесь вселенской ереси.

Отголоски взрыва, потрясшего христианство, мы различим не только в квазинаучных построениях оккультизма, в учениях алхимиков, розенкрейцеров и обрядной символике позднейших

масонов. Все без исключения области мистики, будь то альбигойский ритуал, современное колдовское шоу или протонацистская мистика, несут на себе выжженное клеймо герметического тигля, в котором клокотал и бился неукротимый металл. Прежде чем взорвать хрупкие оболочки и растечься по извилам неведомых русел, это «яйцо философов» пять веков вызревало в Александрии — постоялом дворе ученых, мудрецов древнего мира.

Гностики взлелеяли идею вечной, невидимой и неизвестной сущности, изначально не способной к покою. Излучаясь и заполняя Вселенную, она творила реальности бытия, терявшие свое совершенство по мере удаления от гипотетического центра. Как и у прочих религиозных систем, у гностиков тоже была основная триада. Олицетворенная абстрактными понятиями материи, демиурга и искушения, она обнимала собой весь космос: человека, его историю и окружающий мир. Высшие истечения, суть составные части и носители свойств божества, назывались зонами. Распределенные на классы по символическим, пифагорейским, законам чисел, они, подобно цветным стеклышкам в зеркалах калейдоскопа, слагались в «плерому» — совершенный узор абсолюта, названного «полнотой разума». Весьма характерно при этом, что гностический демиург, или, согласно неоплатоникам, высшая сила, создавшая мир, считалась последней и наименее совершенной эманацией такой «полноты». Отсюда присущая миросоздателю полярность, равное сочетание света и тьмы, добра и зла, силы и слабости. Человеческая душа рисовалась поэтому в образе пленника, заключенного в узилище несовершенного, сотканного из противоположных начал мира. Страдающие, обре-

менные материей души могли освободить лишь искупитель — одна из высших ипостасей божественного разума, мирового духа. Человечеству, как творению этого духа, было предназначено порвать оковы земного бытия, вырваться из косного вещественного плена и вознестись к духовной идеальной жизни. Отсюда и деление людей в соответствии с преобладанием в них материального или духовного начала на классы, точнее — на касты, ибо границы мнились изначально ненарушаемыми. Земным существам предназначалось стигнуть во мраке невежества, «психикам» предстояло возвыситься до постижения демиурга и лишь «пневматики» — люди духа — могли узреть божественный свет.

Отсюда и трубадурская альба — песнь утреннего восхода и протянувшаяся сквозь времена лучезарная нить: «Золотой рассвет», «Восход», «Лучезарная заря» и т. д. Мы не раз еще столкнемся с этими символическими понятиями, как и с духовной дискриминацией по отношению к низшим кастам — порождениям тьмы. Извращенные толкователи, как известно, могут опорочить любую мысль. Само название «катар», что значит по-гречески «чистый», подразумевало духовность, но подлинно чистыми считались лишь «совершенные», целиком отдавшие себя служению идеалу. Впоследствии «чистыми» и «совершенными» назовут себя люди, крайне далекие от нравственного совершенства.

Набиравшему силу христианству пришлось вести ожесточенную борьбу с религиозным синкретизмом гностиков, готовых с одинаковым усердием молиться всем богам. К концу II столетия первоначальная яркость «плеромы» стала понемногу бледнеть, но образовавшийся было вакуум

мгновенно за-
ми к гности-
неоплатонизма
Таков был ж-
александрийс-
напряжение
щей мысли.
Учение перси-
Мани, которое
почитали пото-
недооценено
пленило умы
столько своей
прячущейся
извивами мы-
сальной связи
лений бытия.
жило неизгл-
на религиозн-
цев, на их ми-
Жадно вбира-
новые вероуч-
система, одно-
но метафизич-
пышная, долж-
в силу одной
как распаде-
перегруженно-
ное ядро. При-
вавилонским
зрениям на г-
зование явно
Индии идею
ния, александ-
сты заложили
лектическое
ное усилиями
дарного Симо-
дра, Церита и
рийского. Но
сточной роско-
менее уцелел
ного периода
сандрии возни-
сила, укра-
пристройками
ло уже не с-
а целый го-
ными, но тес-
друг к друг-
такой ли явл-
сандрия, собр-
стиков и чу-
света?

мгновенно заполнился близкими к гностическим учениями неоплатонизма и манихейства. Таков был жар бушующего в александрийском горне огня, напряжение распаленной ищущей мысли.

Учение персидского невольника Мани, которого столь ревностно почитали потом альбигойцы, явно недооценено историками. Оно пленяло умы и сердца людей не столько своей экзотикой, сколько прячущейся за причудливыми извивами мысли идеей универсальной связности всех проявлений бытия. Манихейство наложило неизгладимый отпечаток на религиозные искания европейцев, на их мировоззрение.

Жадно вбиравшая все новые и новые вероучения гностическая система, одновременно изощренно метафизичная и варварски пышная, должна была распасться в силу одной лишь сложности, как распадается, излучая свет, перегруженное нуклонами атомное ядро. Присоединив к иудеовавилонским и египетским воззрениям на посмертное существование явно заимствованную из Индии идею вечного перерождения, александрийские герметисты заложили взрывчатку в эклектическое строение, возведенное усилиями гностиков — легендарного Симона Волхва и Менандра, Церита и апостола Милленарийского. Но выстроенный с восточной роскошью храм тем не менее уцелел и, когда после темного периода гностицизма в Александрии возникла новая секта Василида, украсился очередными пристройками. По сути, это было уже не отдельное строение, а целый город, с обособленными, но тесно примыкавшими друг к другу кварталами. Не такой ли являлась и сама Александрия, собравшая пророков, мистиков и чудотворцев со всего света?

Василид творчески переосмыслил идею 365 эонов или циклов творения, называемых по-гречески «абраксакс». Цифровые значения букв, составляющих это магическое слово, столь полюбившееся средневековым чернокнижникам, дают в произведении 365. То же количество дней солнечного года получается из перемножения цифровых значений букв в имени персидского бога Митры — Miethras, и в галльском названии солнца — Belenos, и в грозном имени Baal Древнего Вавилона. Арифметические упражнения василидиан, продолжавшиеся с большим или меньшим успехом на протяжении всей истории, вернули абстрактной идее верховного бога первоначальный астрономический, а точнее, солярный (солнечный) смысл, вновь уравняв утонченную теологию христианства с эзотерическими учениями язычества.

Как и Симон Волхв — его крылатый образ запечатлен на старинных скульптурах и фресках, — Василид не гнушался колдовством и «цирковыми» эффектами, что ничуть не мешало ему развивать полярную доктрину гностиков. Вслед за древнеиранским пророком Заратуштрой он учил, что материю — средоточие зла — истребит очистительное пламя, а люди духа, достигнув совершенной зрелости, возвратятся к своему первобытному естеству и вознесутся в блаженные сферы «полноты разума». Отсюда и герметический принцип: «В огне обновляется природа». По иронии судьбы инквизиция впоследствии возжгла костры для очищения еретических душ, а не ради обновления материи.

От секты василидиан отпочковались офиты, назвавшие себя по имени змея, искусившего человеческого праматерь и даровавшего людям плод познания. Так был сделан существенный вклад в

фундамент сатанистского храма. Дело офитов с успехом продолжили кананиты, провозгласившие Каина, убившего брата Авеля (символ слепой веры, по их воззрениям) первым гностиком, наказанным богом Яхве.

Противники всяческого церковного закона — антитактиты — ополчились уже против любой религии, прославляющей бога-творца, а первые нудисты — адамиты, объявив брак «плодом греха» и сбросив одежды, провозгласили свободу любви, так сказать «сексуальную революцию».

В Амстердаме я видел гравюру XVII века, на которой были изображены ухмыляющиеся национальные гвардейцы, разгоняющие алебардами толпы обнаженных фанатиков, заполнивших улицы голландской столицы.

Ничто, как мы видим, не проходит бесследно, любой спектакль, промелькнувший на мировых подмостках, находит в грядущем новых режиссеров-постановщиков.

Масонские ложи, особенно те, что возникли под влиянием Калиостро, беззастенчиво переняли церемонии гностиков-пепузитов, обставлявших свои обряды фантазмагорическими сценами, в которых участвовала женщина, загримированная под греческую богиню Цереру или египетскую Исиду. Она являлась из тьмы в звездном венце, с солнечным диском на темени и лунным серпом у ног.

На гностических инталиях, хранящихся во многих музеях мира, можно видеть чуть ли не все позднейшие эмблемы алхимиков и «вольных каменщиков»: змею, кусающую собственный хвост; астральных богинь; скрещенные циркули и наугольник. Но вернемся к манихеям — предшественникам альбигойцев.

О подробностях жизни пророка Мани почти нет достоверных сведений, но легенда, как воюющие провалы. Он родился, по видимому, около 210 года н. э. в Ктесифоне, в сельце сектантов-«крестильников», примыкавших к гностическим общинам мандеев. Воспитанный в атмосфере мистики и фанатизма, Мани рано познакомился с эзотерическими учениями, принимал участие в таинствах Митры и даже какое-то время был христианским пресвитером. Черпая понемногу из разных источников, он выработал свою христианско-гностическую доктрину и под именем Параклита начал проповедовать новое учение при дворе персидского царя Спора, точнее Шапура Первого. Трудно сказать, насколько успешна была миссионерская деятельность Мани. Известно лишь, что он обошел многие города и страны, добрался до границ Индии и Китая, где познакомился с даосами и буддийскими монахами. Скорее всего, именно в этот насыщенный активной деятельностью период он угодил в рабство, откуда его выкупила какая-то богатая вдова. Этот, возможно, вымышленный факт биографии так подействовал на воображение последователей, что они прозвали своего пророка «сыном вдовы». Вскоре так же стали называться и сами сектанты. На какое-то время Мани совершенно исчез из их поля зрения, удалившись в пещеру, где питался одной травой.

В конце царствования Шапура Первого он вновь возвратился в Персию, где в марте 276 года был распят по наущению местных магов. Впрочем, есть основания считать, что казнь произошла несколькими годами позднее, уже при Ваграме Первом. Как бы то ни было, но последний факт биографии принес мятежному

проповедник
мученика
«Сыну вдовы»
колько ре
к сожален
в отрывка
гов. Наибо
у манихее
гигантов»
которых
весьма не
космогони
Мы мож
опубликов
века «123-
арха Анти
V — VI ве
Характер
противопо
и духа —
у Мани в
смерти».
благодатн
и запад;
кинскому
одиноким
Скорее в
стыне, ч
щие тучи
веков ис
Ирана.
Царство
лепия и
«древа ж
предельн
ронного
в одной
единое д
бесконеч
и не объе
в своих
нем само
ной, оно
Бог огра
чтобы н
древа см
не подв
жизни».
Однако,
между д
неизбеж
постоян
беги, м
злоба и

проповеднику желанный ореол мученика.

«Сыну вдовы» приписывают несколько религиозных трактатов, к сожалению уцелевших лишь в отрывках и пересказах недругов. Наибольшей популярностью у манихеев пользовались «Книга гигантов» и «Шахнуракано», в которых Мани изложил, причем весьма непоследовательно, свои космогонические представления. Мы можем судить о них по опубликованной в начале нашего века «123-й беседе Севера, патриарха Антиохийского», жившего в V — VI веках.

Характерные для гностицизма противопоставления света мраку и духа — материи воплотились у Мани в «древо жизни» и «древо смерти». Первое осеняло своей благодатной кроной север, восток и запад; второе, подобно пушкинскому анчару, произрастало одиноким изгоем где-то на юге. Скорее всего, в Аравийской пустыне, чьи иссушающие, несущие тучи песка ветры испокон веков испепеляли сады и нивы Ирана.

Царство исполненного великолепия и животворной мощи «древа жизни» мыслилось беспредельным. «Нет ничего постороннего ни кругом, ни внизу, ни в одной точке, но есть только единое древо жизни всюду и бесконечно. Ничто не окружает и не объемлет его; оно пребывает в своих плодах, и царство его в нем самом. Его нет в стране южной, оно сокрыто в своем лоне. Бог оградил это место стеною, чтобы не будить вожелений у древа смерти, не томить его и тем не подвергать опасности древо жизни».

Однако, невзирая на стену, борьба между добром и злом рисуется неизбежной. От «древа смерти» постоянно отпочковываются побеги, между которыми бушует злоба и идет жестокая война.

Даже возвращенные на «древо смерти» плоды, и те исполнены ненависти к материнским ветвям. Эта внутренняя напряженность, вызывая «возмущение элементов», приводит в конце концов к контакту с областью добра и света. Пораженные невиданным зрелищем и уязвленные завистью, темные силы, до того не связанные между собой — «члены древа смерти не знали друг друга», — объединяются и обрушиваются на область света.

Это материя с ее мраком и грязью, бурями и потопами, демонами и отвратительными чудовищами ополчается на светоносный эфир. Так возникает вынужденное смешение частиц добра с беспросветным истечением адской бездны. Именно смешение, потому что свет по своей исконной природе никому не может причинить никакого вреда. Он способен лишь парализовать смрадное и губительное дыхание тьмы присутствием в стане врага. Вот почему, ограждая доброе и разрушая злое начало, светоносные элементы продолжают лететь во тьму.

В многочисленных «Посланиях» Мани древнейшая зороастрийская концепция о борьбе Ахурамазды и Анхра-Майнью обрастает ярко выраженной «александрийской» плотью. «Книга схолий» епископа Теодора вар Хони сообщает умозрительной космогонии манихеев необходимую конкретику.

Область света, оказывается, обнимает пять основных средоточий василидианских эонов. Это «чертоги» — источники благоуханного воздуха, прохладного ветра, ясного света, живительного тепла и чистой воды. Им противостоят скопища полярных эонов бездны. Добро, таким образом, персонифицируется разумом, знанием, мыслью, рассудком и волей, зло — прямо противоположными качествами. На таких

основах выстраивается причудливое, слепленное из произвольных фрагментов «откровение от вдовьего сына».

В противоборстве основных сил некий первичный «Отец величия» порождает «Матерь мира», которая производит первого человека, а он в свою очередь — пятерых сыновей. Поглощенные истечениями бездны, плененные мраком невежества, первочеловек и его сыны продолжают вести войну с адскими силами. Семь раз — совершенное пифагорейское число — вызывают они к Отцу, который исцеляет их разум от яда и посылает на помощь «Животворящий дух» с его пятью чадами. В очередной битве на стороне добра, таким образом, принимают участие уже две «команды», и она заканчивается освобождением первого человека, хотя сыновья его все еще остаются в плену. «Пятерка» духа между тем занимается активным мирозиданием. Поубивав сынов мрака — архонтов — и содрав с них кожу, они дали «Матери мира» материал для построения небес. «Простирай небо, яко кожу», — поется в одном из псалмов. Вскоре усилиями духа на этом небе первобытных преданий запылало солнце, появились звезды и луна. Потом родились реальные стихии — воздух, вода и огонь.

Вспомним в этой связи египетскую богиню Нут, чье изогнутое аркой тело сделалось усыпанной звездами твердью.

По сравнению с Ветхим заветом и александрийскими гностическими системами космогония Мани конечно же выглядела достаточно неуклюже, что, однако, не отпугнуло иных интеллектуалов, возвращенных на учения античных философов. Не станем поэтому особенно удивляться тому, что даже такой откровенно восточной ереси удалось столь широ-

ко распространиться на Западе, причем сразу же после победы христианства над гностицизмом, завоеванной в упорной борьбе. Впрочем, едва ли здесь можно говорить о победе, по крайней мере о полной. Рассеянный, но не сдавшийся противник ушел в подполье. На протяжении всей истории церкви гностические и прочие ереси давали знать о себе волнами народного гнева.

При феодализме, когда во всех сферах духовной жизни господствовала религия, еретические учения сделались религиозной формой выражения непримиримых классовых противоречий. Нередко они становились идеологическим знаменем социальных движений, направленных против существующего строя, поддерживаемого церковной иерархией. Содержание ереси зависело прежде всего от стадии развития и специфики экономических отношений в тех или иных государствах. Ереси получили распространение в крестьянской среде и в городах, где охватили не только широкие слои бюргерства, но и часть дворянства.

Мистическим учениям свойственно возвращаться на историческую арену в несколько подновленном, а подчас и откровенно модернизированном облике. Мы еще обратимся к этому феномену.

Воздержимся от дальнейшего пересказа мифологии манихейства. В «троицах», «седмицах» и «вестниках», которые появлялись на фоне непрерывных стычек сынов человеческих с исчадиями бездны, легко запутаться, да и нет у нас непосредственной надобности в подобной детализации. Прервав историю мирозидания манихеев где-то на стадии образования животных и растений, мы подведем ее непосредственно к Адаму и Еве, которые остались порождениями тьмы,

хотя в неч
ских праро
частицы све
Адама от в
добра посл
евангельско
веческого,
просветил
вободил его
открыл ему
Только те
мысль мог
таинство м
веры. Отве
Евы явилс
ный из све
лицо Хрис
ками, окр
мрак.
Это было
ки, разлит
венного на
вечное стр
смерти и
дом кровот
дом сорван
растоптан
и повсеми
наемая пл
дух иско
терий так
из-под см
вуали.
Гностичес
Адама, дав
жизни», д
всю беспро
го его мр
спасению.
Отсюда
принципы
души от во
самоотреч
постепенн
терии и о
дение за
божествен
как мы в
приблиз
представл
нии освоб
лютом.
Столь же
и налага

хотя в нечистой плоти библейских прародителей и пребывали частицы света. Для освобождения Адама от власти материи силы добра послали Иисуса, но не евангельского Христа, сына человеческого, а духа. Этот дух просветил плененный разум, освободил его от оков адского сна и открыл ему сияющие дали небес. Только теперь освобожденная мысль могла постичь основное таинство манихейского символа веры. Отверзтым очам Адама и Евы явился прекрасный, сотканный из света облик. Но скорбное лицо Христа, терзаемого хищниками, окружал беспросветный мрак.

Это было видение крестной муки, разлитого в природе божественного начала, обреченного на вечное страдание в круговороте смерти и возрождения. В каждом кровоточащем куске, в каждом сорванном плоде, в каждой растоптанной былинке всечасно и повсеместно стенала распинаемая плоть божества. Буйный дух исконных языческих мистерий так и рвался на простор из-под смиренной христианской вуали.

Гностический Иисус возвысил Адама, дав вкусить ему от «древа жизни», дабы уразумел человек всю беспросветность окружающего его мрака и увидел дорогу к спасению.

Отсюда и основополагающие принципы манихейства: защита души от всякой телесной скверны, самоотречение и воздержание, постепенное преодоление пут материи и окончательное освобождение заключенной в человеке божественной сущности. Здесь, как мы видим, Мани вплотную приблизился к индобуддийским представлениям о конечном слиянии освобожденной души с абсолютном.

Столь же сходны с буддийскими и налагаемые на манихеев за-

преты: мясо, вино, чувственные удовольствия и т. п. Конечно, как и в других религиях, у «сынов вдовы» был собственный внутренний круг. Поэтому внешне громоздкий и варварски-фантастичный космогонический миф может иметь и другое, более утонченное, предназначенное для посвященных истолкование. «Матерь мира» толкуется в этом случае уже как «душа мира», как первобытная мысль высшего существа, как небесная софия александрийских гностиков. Она слишком чиста и бесплотна, чтобы непосредственно соприкоснуться с материей, и потому посылает на борьбу с тьмой свою эманацию в образе первого человека. Когда же у него недостает сил для победы в смертельной схватке, на помощь приходит искупитель, животворящий дух, освобождающий мысль от материального плена.

Но даже в таком «облагороженном» виде в манихействе явственно проглядывает солнечный культ с его экстатическими мистериями в честь Митры.

Подобно тому, как буддийские монахи образом жизни и строгостью запретов отличались от простых прихожан, последователи Мани делились на два резко разделенных класса: «избранных» и «слушателей». Последние только обязывались воздерживаться от идолопоклонства, лжи, волхвования и пролития крови, тогда как жизнь «избранных» была опутана бесчисленными табу.

В соответствии с идеей полного отражения друг в друге законов земли и неба община «избранных» строилась на принципе пятиступенчатой иерархической пирамиды. На вершине находились «учители кротости», затем шли «сыны видения» — епископы, «сыны разума» — пресвитеры, «сыны тайны» и аудиторы.

Августин называет 12 учителей и 72 епископа, остальных «избранных» было также не очень много.

Кульм манихеев отличался строгостью, простотой и состоял в основном из молитв и песнопений. Это существенно облегчало тайное распространение религии. Основная мистерия «сынов вдовы» посвящалась распятому вероучителю и приходилась на март. Позднее, уже под влиянием христианского культа, они справляли обряды, похожие на крещение и причащение, что еще более помогло им приспособиться к обрядам официальной церкви.

Сектанты, спаянные строгой дисциплиной и тайными ритуалами, выступали под знаменем изначального христианства, которое будто бы хотели восстановить во всей его первобытной чистоте. Но римская церковь сразу же ополчилась на раскольников, пришедших из ненавистой Персии. Кодекс, принятый при римском императоре Феодосии Первом (379—395), наполнен многочисленными законами против манихеев, которых преследовали по всей империи.

В конце IV века «сыны вдовы» появились в Испании и на севере Африки. При матери византийского императора Анастасия Первого (491—518), покровительствовавшей сектантам, манихеи распространились по всей Византии, но последовавшие вскоре гонения заставили их уйти в подполье.

Переменив название и эмблематический язык, они покинули насиженные места и, как некогда Мани в пещере, исчезли с глаз сильных мира сего.

Пройдут века, прежде чем в Болгарии, а затем и в Чехии появятся неведомо откуда пришедшие богомилы — духовные предшественники катаров. Эти

наследники павликиан и евхитов понесут манихейскую ересь в Ломбардию и Прованс. Разрушение Рима и основание «града небесного», как о том сказано в Апокалипсисе, было их тайной целью. Продвигаясь по городам и весям к лазурным берегам Средиземного моря, богомилские проповедники заронили искры, которые вспыхнули через века и разгорелись вселенским пожаром. Их вещее слово было подхвачено гуситами и виклифистами, расчистившими путь Реформации. «Совершенные» альбигойцы бесстрашно шли на муки, не смея, однако, осквернить себя прикосновением к оружию. Зато чешские табориты смело взялись за мечи и алебарды, когда «силы тьмы» в образе инквизиторов и ландскнехтов «Священной Римской империи» двинулись на них войной.

В XI веке ересь патаренов (разновидность богомилства) уже завоевывает Италию, учение альбигойцев овладевает Аквитанией, зачарованной «веселой наукой», в Орлеане и Фландрии тоже возникают манихейские секты.

Очевидное торжество манихейства нельзя, однако, рассматривать как очередную победу Востока над Западом. В конце концов христианство тоже было занесено в Рим из восточных пределов империи, а учение «сынов кротости» вобрало в себя космогонические представления эллинских натурфилософов. Противопоставления Востока Западу и, как следствие, обособление христианства изначально бессмысленно. Отсекая явление от его истоков, можно лишь сделать загадочными очевидные вещи, но не разрешить подлинные загадки.

Не магические семена зороастризма способствовали расцвету манихейства, но прежде всего под-

готовленная к прогнившая почва Восточной Европы. Разве христианская церковь, разрывавшая мир как арену борьбы бога с дьяволом, способствовала расцвету аскетизма? Разве аскетизм и монашество на святой земле обожжили дорогу одиозной «совершенности» простого народа, отличавшейся от эмигрантов, от монахов, несущих мутное слово только неграмотным и католическим индустриальными должностными лицами на пути чего экзотического? Кто только не пытался еще римской Европы? Арнольд Штайн, теперь павликиане, катары — Тем более что проповедовали шие оскомину к ближнему, аскетскую добродетельного в секту неоплатонизма и осторожно увлекая от догматов платонизма. Манихейские течения вали две цели: уничтожить стереотипное мировоззрение и научить его манихеев, требующего и должного руководством не каждый достиг ступени. Те, кто шли назад, тонули в католонизме новых таинств и искренних форм», «чистота» они шли на подозревая об инкриминируе

готовленная к приятию его религиозная почва Вавилона, а затем и Европы. Разве сама католическая церковь, рассматривавшая мир как арену непрерывной борьбы бога с дьяволом, не способствовала развитию дуализма? Разве аскетическая мораль, монашество и возникшие на святой земле ордены не проложили дорогу одетым в черные рубища «совершенным»? Для простого народа катары ничем не отличались от госпитальерских эмисаров, от нищенствующих монахов, несущих в массы незамутненное слово господне. Не только неграмотные крестьяне, но и католические епископы, торгующие индульгенциями и церковными должностями, не усматривали на первых порах ничего экзотического в новой секте. Кто только не прошел по мощным еще римлянами дорогам Европы? Арнольдисты, вальденсы, теперь патарены, павликиане, катары — несть числа. Тем более что манихеи всюду проповедовали простые, набившие оскомину истины: любовь к ближнему, аскетизм, христианскую добродетель. Завербованного в секту неопита неторопливо и осторожно увлекали все дальше от догматов папской церкви. Манихейские таинства преследовали две цели: незаметно изменить стереотипные привычки и мировоззрение новичка, а затем научить его условному языку манихеев, требовавшему кропотливого и долгого обучения под руководством наставника. Далеко не каждый допускался до этой ступени. Те, которые «возвращались назад», так и оставались в лоне католичества, не вкусив новых таинств. Добрые христиане и искренние сторонники «реформ», «чистоты», «упрощения», они шли на костер, даже не подозревая об истинной сущности инкриминируемой им ереси. Так

было, например, в Орлеане, где в 1022 году с первыми катарами взойшли на костер и их искренние приверженцы. Однако лишь «совершенные» знали, что за разговорами о церковной реформе скрывается идея совершенно иной, противостоящей католичеству, церкви. К XII веку в Европе уже сформировались иерархические общины со своими епископами и даже папой, истинным «викарием Петра», который, согласно некоторым источникам, скрывался где-то в Боснии.

Соединив полярности католицизма и манихейства, христианский дуализм Запада с зороастрийским дуализмом Востока, катарское учение окончательно уравнило в правах бога света, управлявшего невидимым миром, с богом тьмы, царившим в мире видимом. Полонив ангелов — носителей света и заключив их в темницы плоти, Люцифер — сын темного бога — ведет борьбу с ветхозаветным Яхве, окруженным пророками с Моисеем во главе и эфирными созданиями — Иисусом, Марией, Иосифом, евангелистом Иоанном и прочими ангелами, принявшими человеческий облик.

Победив орудие «князя тьмы», Иоанна Крестителя*, Иисус открыл через обряд духовного крещения дорогу к освобождению скованным цепями плоти ангелам света и возвестил тем самым новую эру. Борьба света и тьмы закончится полнейшим раскрепощением светлого начала и обособлением обоих царств.

Не вдаваясь в тонкости катарского вероучения, противоречивого и по-разному трактуемого той или иной сектой, отметим лишь роль, которую оно отводит Люциферу (Сатанайлу у богомилов) в мировом процессе.

* Упоминаемый здесь Иоанн Креститель не имеет ничего общего с библейским.

Дьявол не только признается могущественной и равной богу силой, но и его диалектической противоположностью, необходимой для самого существования Вселенной. Мысль эта не исчезнет и не забудется, но станет некой философской основой для утверждения люциферского культа. Однако какую ценой! Крестовый поход против альбигойцев, инквизиционные судилища в Испании, Фландрии и Германии огнем и мечом искоренят катарскую ересь и вместе с тем обессмертят дуалистический сатанизм.

О катарах, которые почитали за смертный грех убийство не только человека, но и животного (за исключением змеи), станут говорить как о кровожадных разбойниках. Проповедовавших суровый аскетизм и половое воздержание «совершенных» обвинят в разнузданном разврате и всяческих гнусностях. Но главное, что поставит им в вину инквизиция, направляемая мрачными фанатиками вроде Конрада Марбургского или Роберта Болгарина, будет, конечно, служение дьяволу. В дело пойдет полный набор мерзостей: совокупление с демонами и оргии в альбигойских церквах, каннибальство и

осквернение святынь, кровь и зажаренные младенцы — словом, все то, что не раз встретится в следственных протоколах и приговорах, освященных именем божьим.

И странное дело — клевета тоже окажется поразительно живучей. Измышлениям изуверов и палачей суждено передаваться из поколения в поколение, переходить от святош к погромщикам, скрепляя страшной печатью чистейший миф.

Уже в наше время поставят по всей земле памятники безвинным мученикам, отдавшим жизнь за убеждения и веру, какой бы она ни была, но не развеется смрад помоев, которыми обливали, прежде чем отнять жизнь, узников инквизиции в различных ее формах.

То здесь, то там пробьются они из могил, отравят источник, замутят родниковую воду человеческой памяти. Но ненадолго, ибо клевета подобна поденке и полет ее короток, хоть и готовится он долгим копошением личинок, схороненных в илистом мраке. Жаль только, что взлетевшие над немочью вод насекомые успевают отложить яйца для новых полетов.

Тампл

— Папа Кли
ом де Нога
Не пройдет и
вас на суд бо
справедливая
Проклятие на
цатого колена

Тамплиеры

— Папа Климент... шевалье Гийом де Ногарэ, король Филипп... Не пройдет и года, как я призову вас на суд божий и воздастся вам справедливая кара! Проклятие! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!..

Морис Дрюон,
«Железный король»

ТАМПЛИЕРЫ, которых мы оставили на «святой земле», готовились возвратиться в Европу. Крестовые походы потерпели полное банкротство, но могущественнейший орден христианского мира выходил из войны, которую вел без перерыва почти 200 лет, не претерпев существенного урона. Напротив, в Европе, усеянной аббатствами и неприступными замками, возведенными под наблюдением непревзойденных тамплиерских архитекторов, перед ним открывались широчайшие перспективы.

...Между тем как паладины
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам...

К описываемому моменту уже нельзя отнести эти строки А. С. Пушкина. Прошло, безвозвратно прошло для французского рыцарства то легендарное время! Не только обеты, но и конечные цели ордена претерпели существенные перемены. По-иному стали толковать даже исконные символы тамплиеров, метившие, так сказать, краеугольные камни. В фигурах на лошади стали видеть не рыцаря и паломника, а отцов-основателей Пайена и Сент-Омера, якобы имевших одного боевого коня на двоих. Казна ломилась от золота и захваченных на Востоке сокровищ. Поэтому самое время было напомнить о бедности. По всему миру гуляла поговорка «Пьет как тамплиер», а орденские капелланы с особым энтузиазмом толковали о воздержании, скромности, о том, как жить сообразно правилам святого Августина. Поступок пушкинского рыцаря («Ave, Mater Dei * кровью Написал он на щите») мог вызвать разве что снисходительную улыбку, хотя благочестивые паладины

* Радуйся, мать божья (лат.).

по привычке поминали свою небесную покровительницу «La douce mère de Dieu» * в ежедневных молитвах. А может, и не поминали, потому что вместе с последними паломниками из Палестины распространился жуткий слух про то, как в тамплиерских святилищах пинают изображение распятого Христа.

Так в общих чертах выглядела ситуация к 1306 году, когда орден во главе с великим магистром Жаком де Молэ возвратился на родину. Развернув «Босеан» — так называлось черно-белое полосатое знамя с крестом и девизом «Не нам, не нам, а имени твоему», — сопровождаемые толпами пажей, оруженосцев и всяческой челяди, сошли на берег овеванные славой паладины, чтобы рассредоточиться по назначенным им странам. Оставив Иерусалим, орден с удвоенной силой принялся укреплять позиции и в западных и в восточных провинциях. Его командорства были повсюду: на Кипре, в Триполи, Антиохии, в Кастилии и Леоне, Португалии, Арагоне, во Франции, включая Фландрию, и Нидерландах, а также в Англии, Ирландии, Германии, Италии и Сицилии. Располагая неслыханным по тем временам доходом в 112 миллионов франков ежегодно, они могли спокойно ждать, пока яблочко само упадет к ним в руки. Вернее, не яблочко, а библейский гранат, в коем одни видели сверхчеловеческую мудрость, другие — мировую власть. Венценосцы и без того уже склонялись перед «Босеаном». Альфонс Четвертый, король Арагона и Наварры, даже объявил орден своим наследником, хотя страна и не подтвердила столь эксцентричного, мягко говоря, завещания.

* «Кроткую мать божью» (франц.).

Когда в Париже, где железной рукой правил Филипп Четвертый, прозванный за ангельскую наружность Красивым, вспыхнуло восстание, король поспешил укрыться не где-нибудь, а в Тампле, исполинской крепости-храме, возведенном для капитула ордена. Тамплиеры, которым позднейшая молва приписывала пророческий дар, на свою голову защитили христианнейшего владыку от гнева народа. Пройдут считанные месяцы, и величавый, сумрачный Тампль станет их последней тюрьмой. Говорят, что будущие мученики неосторожно обнаружили перед алчным взором неблагодарного властелина свои несметные богатства, но это вряд ли существенно сказалось на их дальнейшей судьбе. И папы и короли были превосходно осведомлены насчет тамплиерских сундуков, а растущее влияние ордена лишало их спокойного сна.

Филипп знал о предостережении английских тамплиеров, сделанном Генриху Третьему: «Ты будешь королем, пока справедлив». Эти слова впервые заставили его призадуматься. Подобно всем венценосцам, он не мог потерпеть посягательств на право королей творить, причем безнаказанно, несправедливость.

Одним словом, столкновение вставшей на путь абсолютизма королевской власти с еще могучим, но исторически обреченным порождением феодализма было неминуемо.

Повода начать войну искать не приходилось. Причина — сокровища ордена — была налицо, а поводов сколько угодно. Мало кто из государей испытывал теплые чувства по отношению к людям, чья беспринципность и вызывающая надменность стали притчей во языцех. Недаром Ричард Львиное Сердце сказал перед смертью: «Я оставляю

скупость цию
нахам, роскош
ствующих бра
тамплиерам».
Они не только
христианский
соперничестве
ми, но и не ра
с неверными,
Антиохией и
с престола сво
ского короле
крестоносцами
цию и Фракин
Франции, то
прегрешений
тительный от
выкупе из
Людовика Св
совсем непрос
ка Арагонско
тив французс
Если учесть
ское безденеж
шего до после
и пришло к
го страну «п
нами, то стан
его так взвол
прегрешения
матери-церкв
сам и распр
возводившие
в безбожии,
грехе.
А тут как не
нулись два
которых — в
ступника Р
имел высоки
фоконского.
им гроссмей
ное заключе
ные просту
помощью су
земной тюр
ным хулите
братьев.
История а
лась до мел
зом, склад
короля. Ос
благополуч
и хлопотли

скупость цистерцианским монахам, роскошь — ордену нищенствующих братьев, а гордость — тамплиерам».

Они не только возмутили весь христианский мир вздорным соперничеством с госпитальерами, но и не раз вступали в союз с неверными, вели войны с Антиохией и Кипром, свергли с престола сюзерена Иерусалимского королевства, созданного крестоносцами, опустошили Грецию и Фракию. Что же касается Франции, то здесь список их прегрешений отягощали возмутительный отказ участвовать в выкупе из египетского плена Людовика Святого и, что было совсем непростительно, поддержка Арагонского королевства против французского Анжу.

Если учесть при этом хроническое безденежье короля, выжавшего до последней капли и своих и пришлых купцов и разорившего страну «победоносными» войнами, то станет понятно, почему его так взволновали известия о прегрешениях паладинов против матери-церкви. Собственно, он сам и распространял пасквилы, возводившие на орден обвинения в безбожии, ереси и сатанинском грехе.

А тут как нельзя кстати подвернулись два ренегата, один из которых — вспомним катара-отступника Роберта Болгарина — имел высокий сан приора Монфоконского. Будучи осужден своим гроссмейстером на пожизненное заключение за многочисленные проступки, он с чьей-то помощью сумел бежать из подземной тюрьмы и сделался главным хулителем своих недавних братьев.

История альбигойцев повторялась до мелочей. Все, таким образом, складывалось удачно для короля. Особенно радовало его благополучное окончание долгих и хлопотливых распрей с намест-

ником святого Петра папой Бонифацием Восьмым.

Это и в самом деле была ожесточенная свара. Королевские советники Петер Флотт и Гийом Ногарэ в поте лица трудились над тем, чтобы покрепче прижать римского первосвященника, начав против него настоящую финансовую войну. Затем честлюбивый потомок катаров Ногарэ подал своему сюзерену еще одну недурную идею. Давний спор вокруг города Памье явно обещал взбаламутить церковное болото. Один из предшественников Бонифация на папском престоле, по сути, украл этот самый Памье у французской короны. Во всяком случае, не заручился согласием короля, когда отделил город от тулузской епархии и образовал самостоятельное епископство. Много охотников было прибрать к рукам обожженные кострами земли катаров, и лучшего предложения возобновить распри трудно было выискать. С одной стороны, претензии французского короля на епископство Памье неоспоримы, с другой — дело это чисто церковное.

Римский первосвященник ответил на брошенный вызов как по подсказке. Но подсказчиком был его лютый враг. На пост памьеского епископа Бонифаций подобрал человека безгранично ему преданного, безусловно честного, но недалекого. Получив епископский посох и кольцо с аметистом, Бернар Саниссетти не придумал ничего лучшего, чем бросить вызов французскому королю. В первой же публичной проповеди он провозгласил полную свою независимость от светской власти и, презрев приличия, отказался поехать в Париж. — Памье — не Франция, — сказал он местному бальи*.

* Бальи — королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа) в средневековой Франции.

А власть Филиппа не от бога. Он дьявол, и обличье у него дьявольское. Кто служит ему, проклят будет во веки веков! Бальи выслушал пастыря в глубоком смущении и незамедлительно послал в Париж гонца с подробнейшим донесением.

Филипп буквально затрясся от смеха. И хотя все протекало, как было намечено, смертельно возненавидел простака епископа, чья епархия была лишь пешкой в игре сильных мира сего.

Но французский король сумел сдержатъ неукротимый нрав свой, а папа не сумел. Филипп затаился, сжался, проглотил как будто бы оскорбление, а Бонифаций, распалясь от кажущегося успеха, пошел дальше, сделал еще один шаг к пропасти. На удивление всей Европе епископ памьеский получил назначение при французском дворе. Великий понтифик назначил его своим легатом в Париже. Так Бернар Саниссетти стал дипломатическим старшиной и ближайшим кандидатом на красную кардинальскую шапку.

Филипп Красивый и на этот раз смолчал, хотя мог, не задумываясь, вышвырнуть из своей столицы ненавистного клирика. Но он метил выше и оставил епископа в покое. На время, разумеется, ибо не умел и не желал ничего забывать.

Папа и его верный клеврет торжествовали. Смахнув с доски две королевские фигуры, Бонифаций решил, что настало время объявить Филиппу шах, и передвинул проходную пешку еще на одно поле.

На первом же приеме послов Саниссетти надменным, почти угрожающим тоном потребовал освобождения мятежного графа Фландрского. Это был уже открытый удар по политическим интересам Франции. Маленький епископ явно вышел за рамки извеч-

ных споров между светской и духовной властью. Он оскорбил короля, проявил явную неучтивость к французскому двору, поставив себя в один ряд с владельческими особами.

Теперь у Филиппа были окончательно развязаны руки. И странно: наконец когда в его власти было дать выход своему гневу, он этого гнева не чувствовал. Было лишь упоительное торжество ловкого охотника, загнавшего в ловушку вождьеленную дичь. Но правила охоты требовали проявления королевского гнева. И Филипп дал ему волю. Более того, он дал понять всем, что ослеплен бешенством, ибо этого требовали его дальнейшие планы.

Папского легата с позором выгнали из дворца, а мессир Ногарэ заготовил специальный протокол, в котором Бернар Саниссетти обвинялся в оскорблении короля, измене, лихоимстве и других преступлениях. Юридически документ был составлен образцово, и лучшие законоведы Европы могли лишь восхищаться искусством французских коллег, которые ухитрились даже отсутствие доказательств лихоимства обратить против обвиняемого, а юридически спорную измену превратить в очевидность.

Зерна, которые посеял еще дед Филиппа, дали первый урожай. Процветание наук и университетов принесло королю Франции чисто практическую пользу.

Филипп по достоинству оценил громкий обвинительный акт против памьеского епископа. Простолюдин Ногарэ получил золотые шпоры, то есть рыцарское достоинство. Он получил даже большее: баронство и два больших ленных поместья.

После скандального изгнания своего легата папа потребовал предоставить ему как высшему духовному судье решение по

делу епископа и Ногарэ домогательского. Процедурный епископ не стали. Скорее, как протест, ден под каторжью. Подгоняемый пошел на народоуверждение, верждаззано суда веры, но Это была Р и Ногарэ м с успехом. в вырытухские прит весь христ французск муществ, жденных щих пон нифация по корофе интересам жан. Вся встали н Папа про упорной королем предрешен Отправив Ногарэ, св червонца король уе том. Он у дящую к католическая парти увенчаты Ногарэ м врагом Б рицием Р в Ананьи не выпус его собств лодом, не впрочем, ограничи волю ру папы, до

делу епископа Памье. Но Флотт и Ногарэ холодно отвергли все домогательства Бонифация Восьмого. Процесс был начат. Оправданий епископа даже слушать не стали. Он был лишен власти и как преступник препровожден под конвоем в парижскую тюрьму.

Подгоняемый бешенством, папа пошел на крайние меры и обнародовал буллу, в которой утверждал за собой право верховного суда не только в вопросах веры, но и в светских делах. Это была роковая ошибка. Флотт и Ногарэ могли поздравить себя с успехом. Свирепый вепрь попал в вырытую для него яму. Папские притязания всколыхнули весь христианский мир. Лишая французских королей всех преимуществ, формально подтвержденных грамотами предыдущих понтификов, булла Бонифация ударяла не только по короне, но прежде всего по интересам дворянства и горожан. Вся Франция, вся Италия встали на сторону Филиппа. Папа проиграл. И финал его упорной войны с французским королем был тем самым уже предreshен.

Отправив в Италию Гийома Ногарэ, снабженного последними червонцами из опустевшей казны, король уединился с Петром Флоттом. Он уже подыскивал подходящую кандидатуру на римско-католический престол. Шахматная партия вот-вот должна была увенчаться победой.

Ногарэ между тем вместе с ярим врагом Бонифация, римским патрицием Колонной, напал на папу в Ананьи и полонил его. Три дня не выпускали они Бонифация из его собственного дома, морили голодом, не давали спать. Колонна, впрочем, этими притеснениями не ограничивался и частенько давал волю рукам. На третий день у папы, доведенного до белого кале-

ния, разлилась желчь, и он впал в полубезумное состояние. Дни его были сочтены.

Французский король поэтому вполне мог заняться поисками более приемлемой кандидатуры. Перед его глазами стоял сверкающий мираж тамплиерских сокровищ. Бертрану де Готу, ставшему стараниями короля папой Климентом Пятым, было поставлено пять предварительных условий, которые тот с готовностью принял, хотя один пункт, последний, так и не был назван.

Когда настало время свести счеты, король дал ясно понять, что он имел в виду, и потребовал помощи в аресте Жака де Молэ. По просьбе папы великий магистр оставил Кипр и приехал в Париж якобы на совещание по поводу новых военных акций в святой земле. Вместе с ним прибыли 60 рыцарей, которые привезли 150 тысяч золотых флоринов и большое количество серебра. Одни эти доставленные в кладовые Тампля сокровища могли покрыть неотложные долги королевства.

Филипп пригласил в свое время Жака де Молэ быть крестным отцом своей дочери, окружив старого воина подчеркнутым уважением, теперь же, когда внезапно скончалась невестка короля, де Молэ было доверено нести погребальное покрывало.

Однако уже на следующий день после траурной церемонии великий магистр со всей его свитой был взят под стражу. Вместе с ним был арестован и визитатор-наместник ордена Гуго де Перо. Тщательно продуманный механизм заговора заработал на полную мощность. Филипп разослал всем бальи в провинциях тайное повеление арестовать, согласно предварительному исследованию инквизиционного судьи, в один и тот же день всех тамплиеров, а до времени

хранить это дело в глубочайшей тайне.

Обращает на себя внимание своеобразный стиль этого документа. Ознакомимся с начальными строками: «Событие печальное, достойное осуждения и презрения, подумать о котором даже страшно, попытка же понять его вызывает ужас, явление подлое и требующее всяческого осуждения, акт отвратительный; подлость ужасная, действительно бесчеловечная, хуже, за пределами человеческого, стала известна нам благодаря сообщениям достойных доверия людей и вызвала у нас глубокое удивление, заставила нас дрожать от неподдельного ужаса».

Сплошная брань, сопровождаемая мелодраматическими восклицаниями, и ни одного аргумента. Примерно на том же эмоциональном накале будет выдержан и весь процесс.

Нужно ли говорить, что полицейские власти выполнили предписание с неукоснительной точностью, и в роковой день ареста рыцари были захвачены врасплох. Тогда же было конфисковано и все имущество ордена. Арестованных подвергли немедленному допросу с применением пытки. Тем, кто, не выдержав мучения, соглашался оговорить себя на суде, обещали прощение. Упорствующим грозили коштом.

Вести следствие король поручил самым доверенным лицам: личному исповеднику Имберту и канцлеру Ногарэ. Инквизитор Имберт сам выбрал остальных следователей.

Лица, производившие дознание, руководствовались при этом заранее присланным из Парижа списком вопросов. Суд, таким образом, начался процедурой, возможной только по византийско-римским понятиям о правах и отправлении судебного про-

цесса. Подобный способ ведения дела полностью противоречил законам и обычаям франков. Дальнейший ход следствия лишь умножил число явных и тайных несправедливостей. Король находился в очевидном сговоре и с теми, кто в красных мантиях судей выносил приговоры, и с теми, кто в белых прокурорских одеждах требовал для рыцарей Храма мучительной смерти. На защитников же было оказано сильнейшее давление как со стороны светской, так и духовной власти. Королю почти не пришлось подгонять судей, которые все, как один, были лютыми врагами ордена. Приговор был предreshен, и ничто не могло изменить предначертанный королевской рукой ход разбирательства.

Тюрьма и пытка сделали свое дело. Один за другим сознавались рыцари в самых страшных грехах. Но следствие еще не было вполне закончено, когда нетерпеливый король приступил к казням. В 1310 году под Парижем, на поле возле монастыря святого Антония, мучительную смерть на медленном огне приняли 54 рыцаря, осмелившихся отказаться от своих вынужденных показаний. Один из этих страдальцев бросил своим судьям слова, ставшие потом достоянием истории: «Разве это я сознался на вашем допросе? Разве это я взял на душу чудовищный и нелепый плод вашей фантазии? Нет, мессирь! Это пытка вопрошает, а боль отвечает!»

По решению поместных соборов Реймса, Пон дель Арка и Каркасона вскоре сожгли еще несколько десятков «упорствующих».

Слухи о неправедных, страшных процессах вызвали в народе глухой ропот. Это заставило короля дать согласие на то, чтобы привезенным в столицу узникам было разрешено прибегнуть

к законной з
курора ордена
Впрочем, то
мальность, в
ная уступка
ные акты
суд оставил
Под давлени
нужденно пр
да в Авиньон
в октябре 13
ский собор.
особ на нем
сам Филипп
тельные осо
своих пред
французский
ное поражен
проклясть у
фация, а за
из 140 карди
только четве
и папа угова
дить тампли
слушав опр
пытками ко
требовали б
следования.
бесплодных
липп появи
тельным от
бовал у пап
ния. Полом
тифик подг
буллу, нач
«К провиде
рой упразд
Согласно ей
тамплиеров
церкви, а н
не. Король
Из-за чего
этот проце
роломным
всей христ
ужели то
присутств
редачи вс
движимого
руки?
По совету
гордость.
формальн
наследник

к законной защите генерал-прокурора ордена Петра Булонского. Впрочем, то была пустая формальность, вынужденная временная уступка. Все защитительные акты генерал-прокурора суд оставил без ответа.

Под давлением короля папа, вынужденно пребывавший с 1309 года в Авиньоне, созвал во Вьенне в октябре 1311 года XV Вселенский собор. Но из королевских особ на нем присутствовал лишь сам Филипп, остальные владельческие особы прислали только своих представителей. Король французский потерпел постыдное поражение. Собор отказался проклясть усопшего папу Бонифация, а за уничтожение ордена из 140 кардиналов проголосовали только четверо. Напрасно король и папа уговаривали прелатов осудить тамплиеров заглазно, не выслушав оправданий измученных пытками командоров. Кардиналы требовали беспристрастного расследования. После шести месяцев бесплодных пререкательств Филипп появился на соборе с внушительным отрядом солдат и потребовал у папы единоличного решения. Поломавшись для виду, понтифик подписал 2 мая 1312 года буллу, начинавшуюся словами: «К провидению Христа...», в которой упразднялся орден Храма. Согласно ей, сказочные богатства тамплиеров отходили в руки церкви, а не к французской короне. Король пришел в бешенство. Из-за чего же он затеял тогда весь этот процесс? Выставил себя вероломным чудовищем в глазах всей христианской Европы? Неужели только для того, чтобы присутствовать на церемонии передачи всего движимого и недвижимого имущества в чужие руки?

По совету Ногарэ Филипп смирил гордость. Он даже выразил свое формальное согласие на то, что наследником рыцарей Храма бу-

дет орден иоаннитов. Но пока выполнялись необходимые формальности, Флотт опутал имена ордена такими долгами, что иоанниты чуть не обеднели от неожиданного наследства. Все золото, все лены и майораты достались королю.

Гроссмейстер Жак де Молэ все еще сидел в башне. Чтобы не возбуждать страсти, Филипп удовольствовался тем, что приговорил его к пожизненному заключению. Но на публичном чтении приговора упрямый храмовник, одетый в позорное одеяние кающегося грешника, отрекся от всех данных под пыткой показаний и заявил протест против незаконного ведения процесса. Это окончательно взбесило короля, который незамедлительно отдал великого магистра и восьмидесятилетнего Жофруа де Шарне, приора Нормандии, палачу. На другой день, марта 18-го дня 1314 года, Жака де Молэ сожгли на медленном огне. Он стойко принял мучительную смерть и, перед тем как предстать пред очами высшего судьи, громко призвал к суду божьему чудовище-короля, отступника-папу и вероломного честолобца Ногарэ. Стоя в дворцовой галерее, как раз напротив костра, король смеялся, и его лицо казалось ужасным.

Но прошло только 40 дней после аутодафе на острове, как умер папа Климент, всеми покинутый и забытый, терзаемый на смертном одре видениями больной совести. Сбывалось страшное проклятие старого тамплиера. Вскоре за ним последовал Гийом де Ногарэ. Ведал ли король Франции, что его самого в скором времени настигнет внезапная смерть во время охоты в том же роковом 1314 году?

Пророчество де Молэ, подтолкнувшее явных и тайных врагов Филиппа и Климента к энергичному действию и потому сбыв-

шееся, оставило неизгладимый след в памяти поколений. Уцелевшие тамплиеры, потомки сожженных, а вслед за ними и те, кто создавали новое тамплиерство, ничего общего не имевшее с орденом Храма, соединенными усилиями сотворили легенду, породившую мистический ритуал. Мы различим его отголоски в обновленном масонстве второй половины XVIII века. Даже новейшие обскурантистские ложи США, нелепо претендующие на причастность к романтическим таинствам средневековья, включили тамплиерские элементы в свою «цирковую» программу.

«Цирковую» не только вследствие старых как мир, но всегда привлекательных для публики фокусов, а прежде всего из-за неизбежного перерождения мифа в обычную сказку. В пантомиме пародийных ритуалов не только исчезает дух исконной трагедии, но и ее сокровенный смысл, давно утративший непосредственную историческую актуальность. Если масонские ложи, вскормившие трибунов Конвента, восприняли ненависть к власти папы и короля как животрепещущее наследство, как руководство к действию, то нынешние заокеанские самозванцы просто стригут чужие купоны. Это настолько очевидно, что не нуждается в обсуждении.

Куда более глубоким и в какой-то мере неожиданным оказалось воздействие тамплиерства на развитие сатанистских культов, особенно на культ Люцифера, ангела тьмы, гордого мятежника, бросившего дерзновенный вызов богу.

Духовные наследники храмовников, в чьих сердцах еще стучал пепел сожженных, и просто мечтатели, очарованные легендой, сотворили именно то, в чем наотрез отказались сознаться, несмотря на пытки и костры, их пращуров. Да, это было на первый взгляд

неожиданно, но не слишком, ибо преемственность часто бывает двусмысленна, а следовательно, чревата вызовом и протестом.

Тамплиеров, как в свое время альбигойцев, а затем и всех прочих мучеников инквизиции, обвиняли в безбожии, поругании христианских святынь, содомском грехе и таких непередаваемых гнусностях, которые способны совершить лишь люди с поврежденной психикой. Но в традиционном комплексе обвинений, возводимых палачами в сутанах, были и такие, что поражали и до сих пор продолжают тревожить воображение болезненной фантазией, какой-то изощренной нелепицей.

Попробуем разобраться в этой чудовищной мешанине явной клеветы и суеверного помрачения.

В протоколах следствия, основывавшихся на показаниях приора Монфоконского, заведомого клеветника, перечислены следующие смертные грехи: не признают Христа, пречистой девы и святых; плюют на крест и топчут его ногами; поклоняются в темной пещере идолу Бафомету, обтянутому человеческой кожей, которого почитают как своего бога, и мажут его жиром изжаренных младенцев, рожденных от соблазненных ими девиц; поклоняются также и самому дьяволу в виде кошки; сжигают тела умерших товарищей, а пепел подмешивают в пищу младшим братьям; целуют друг друга «во все восемь отверстий»; содомничают и т. д.

Достаточно проштудировать «Молот ведьм», написанный инквизиторами Шпренгером и Инститориом, или ознакомиться с наветами последующих времен, поразительно живучими, невзирая на их бредовую сущность, чтобы проникнуться убеждением в невинности тамплиеров. Дети своего времени, люди из плоти и

крови, о
и столь
судьи.
И все ж
мерзости
грехи на
«Синюю
для раз
Мне пре
роютным
ли труп
щей. Я
влияние
ских сер
сался ор
сколько
войны и
димост
гали бол
день сво
требован
гиены об
зов хрис
но усмот
стве. И
ляется п
пепла, т
блюдал
особую
цев буд
наставн
все вре
чудотво
пеплу
разве ч
пищу.
Усвоив
всевозм
кольни
арабов,
вечного
вполне
инству
идея, н
диций,
Обрати
Подобн
доселе
церкви
книжни

* Метемп
берет на
дии.

крови, они были столь же грешны и столь же праведны, как и их судьи.

И все же инкриминируемые им мерзости — столетие спустя те же грехи навесят на Жиля де Ре — «Синюю бороду» — дают повод для размышлений.

Мне представляется вполне вероятным, что крестоносцы сжигали трупы своих павших товарищей. Я вижу здесь не столько влияние всевозможных еретических сект, с которыми соприкасался орден на «святой земле», сколько насущную в условиях войны и жаркого климата необходимость. Разве иоанниты не сжигали больничное белье и бинты в день своего святого? Рожденный требованиями элементарной гигиены обряд, а не нарочитый вызов христианской традиции можно усмотреть в этом огненном действе. И вправду «в огне обновляется природа». Что же касается пепла, то сходные обычаи я наблюдал у ламаитов, верящих в особую силу пепла перерожденных будд и бодхисатв, духовных наставников. Да и христиане во все времена истово поклонялись чудотворным мощам, в том числе пеплу блаженных мучеников, разве что не употребляли его в пищу.

Усвоив от манихеев, катаров и всевозможных византийских раскольников, нашедших приют у арабов, доктрину метемпсихоза *, вечного круговорота, храмовники вполне могли прибегнуть и к «таинству пепла». Неумирающая идея, непрерывная эстафета традиций, огненный цикл.

Обратимся теперь к Бафомету. Подобного имени не встречалось доселе ни в сочинениях отцов церкви, ни в гримуарах чернокнижников, ни в кабалистических

таблицах. На этом оселке оттачивали хитроумие учений люди прошлого и настоящего, но загадка так и осталась загадкой. Даже самое оригинальное толкование, основывающееся на греческих корнях, согласно которому «бафометиос» есть «крещение мудростью», не может претендовать на абсолютную достоверность. Загадочное имя пытались вывести из фрагментов, взятых от ненавистного тамплиерам слова «папа» и столь же непопулярного имени Мухаммед, но это совершенно искусственное построение. Подражая под кумиром храмовников двуглавое олицетворение зла, французский историк де Кенси допускает явный анахронизм. Папа стал врагом храмовников слишком поздно, чтобы сделаться объектом ритуальной игры, а на предшественников Климента им нечего было жаловаться. Я уж не говорю о том, что сам облик загадочного кумира рисуется крайне разнообразно, с числом голов от одной до трех.

В ранних источниках — это старец с длинной белой бородой. Такая точно фигура, кстати, украшает фронтон старинной церкви Сен Мерри. Вообще непосредственное знакомство с памятниками тамплиерской архитектуры, с немногими уцелевшими склепами и надгробными плитами лихих крестоносцев больше, чем любые, часто сомнительные свидетельства письменности, убеждает в крайнем своеобразии их символики. Ее связь с культурной традицией гностиков и альбигойцев почти очевидна. Вот почему небезынтересно прислушаться к доводам авторов, пытавшихся косвенно реконструировать философский смысл «тамплиерской ереси», зерно ее крамольной гордыни.

«Храм более величественное, более обширное и более понятное

* Метемпсихоз (др.-греч.) — переселение души, берет начало в древнейших культах Индии.

Дьявол и св. Вольфганг.
С картины XV века

название, чем церковь,— писал Чарльз Уильям Гекертон в своем капитальном труде «Тайные общества всех веков и всех стран».— Храм выше церкви; у последней обозначено число основания и место нахождения, первый существовал всегда. Церкви падают, храм остается как сим-

вол родства религий и вечности их духа».

Едва ли отцы-основатели ордена были одержимы подобными умо-настроениями, не говоря уже о том, что само название его, как мы видели, возникло совершенно случайно. Лишь в зените могущества тамплиерские богословы

могли заду-
ми более
сальной ре-
веденные
бесследно.
христианск
ными рел
привести
для всех
стем тайнс
культа. Но
ваний до с
очень дал
Молэ и его
до отказа
покаяния,
вержению
храме дом
должали п
Христа. Ка
подня, они
воначальн
ли втайне
творцу м
случайно,
они пред
воскресен
Дошедши
ствах пос
ные памят
заведомо
свидетель
ладании д
ниях там
Как и ал
себя восп
ких идеа
ищущего
аль. Встан
ния, мы
кажущей
рых обря
лали пок
его оруд
зора, кои
ме, где
распинал
что и ра
тали кре
Неофит
блудшая
торому,
истины,
ноту не

могли задуматься над принципами более совершенной, универсальной религии. Два века, проведенные на Востоке, не прошли бесследно. Простое сравнение христианской обрядности с местными религиями должно было привести к «открытию» общих для всех монотеистических систем таинств древнего солнечного культа. Но от еретических верований до сатанистских оргий еще очень далеко. Едва ли Жак де Молэ и его стойкие товарищи, гордо отказавшиеся от последнего покаяния, стремились к ниспровержению христианства. Видя в храме дом святого духа, они продолжали почитать церковь — дом Христа. Как защитники гроба господня, они хранили верность первоначальным обетам, хотя и могли втайне отдавать предпочтение творцу мироздания — духу. Не случайно, подобно альбигойцам, они предпочитали пасхе «белое воскресение» — пятидесятницу. Дошедшие до нас сведения о таинствах посвящения, монументальные памятники и даже протоколы заведомо несправедливого процесса свидетельствуют о явном преобладании духа в сокровенных учениях тамплиеров.

Как и альбигойцы, они считали себя восприимчивыми мистических идеалов раннего рыцарства, ищущего свой недоступный Грааль. Встав на подобную точку зрения, мы не должны удивляться и кажущейся странности некоторых обрядов. Альбигойцы не желали поклоняться кресту, считая его орудием пытки, символом позора, коим он и был в Древнем Риме, где на Т-образных столбах распинали рабов. Не случайно, что и ранние христиане не почитали креста.

Неофит входил в пещеру как заблудшая овца, как грешник, которому, прежде чем узреть свет истины, предстояло одолеть тьму невежества. Он отрекался

трижды, подобно святому Петру, чтобы затем, уже с помощью старших братьев, очистить себя навсегда и причаститься святого духа. Допустимо предположить, что это требовало определенных символических жестов, таких, например, как поправление креста.

Для средневековья с его «кораблями дураков» и омерзительными «пиршествами идиотов» подобная комедия не была чем-то из ряда вон выходящим. Мы можем судить об этом по гениальным полотнам Босха и Брейгеля, по фрескам на стенах древних соборов. В те далекие от нас времена сами церкви являли собой подобие театров, на подмостках которых разворачивались дерзкие фарсы и в назидание глупцам кощунственно пародировались «священные таинства».

*Тамплиеров,
как в свое время альбигойцев,
а затем и всех прочих мучеников
инквизиции, обвиняли в безбожии,
порушении христианских святынь,
содомском грехе и таких непередаваемых
гнусностях, которые способны совершить
лишь люди с поврежденной психикой.*

Эти комедии, понимаемые сначала как должное, уже в глазах реформаторов стали воплощением разнузданной скверны.

Филиппу Красивому, отдавшему в «черную пятницу» — роковое или тщательно продуманное совпадение? — повеление арестовать всех тамплиеров, вовсе не нужно было напрягать фантазию, чтобы очернить нечестивцев в глазах суеверной Европы.

И руководившие пыткой Имберт и Ногарэ тоже, не мудрствуя лукаво, ухватились за то, что лежало на поверхности. Сцена допроса великого магистра, реконструированная Морисом Дрюоном,

по-видимому, очень близка к действительности:

«Ему казалось, что кости его выходят из суставов, мышцы рвутся, тело, не выдержав напряжения, распадается на части, и он завопил, что признается, да, признается в любых преступлениях, во всех преступлениях мира. Да, тамплиеры предавались содомскому греху; да, для вступления в орден требовалось плюнуть на святое распятие; да, они поклонялись идолу с кошачьей головой; да, они занимались магией, колдовством, чтили дьявола;... да, они замыслили заговор против папы и короля...»

Не первый и тем более не последний в истории процесс, основанный на показаниях, добытых на дыбе.

В «Лондонском донжоне», в музее, где собраны орудия, единственным назначением коих было терзать человеческую плоть, я видел щипцы и крючья, которыми Эдуард Второй вырывал «признания» английских храмовников. Эдуард пошел на это под давлением обстоятельств, ибо собирався жениться на сестре французского короля. Добыв нужные тому показания, он все-таки сохранил жизнь истерзанному рыцарю.

Аймериде Вильер, отрекшись от сделанных под пыткой признаний, заявил комиссии: «Если я должен буду погибнуть на костре, я не выдержу и уступлю, ибо слишком боюсь смерти. Я признался под присягой перед вами и признаю пред кем угодно все преступления, вменяемые ордену, я признаю, что убил бога, если от меня этого потребуют».

Протоколы допроса, хотя в них и содержится обязательная формула «обвиняемый заявил под присягой, что к нему не применялись ни угрозы, ни пытки», лучше, чем что бы то ни было, свидетельствуют о полной беспочвенности

вздорных наветов. Политические обвинения насчет тайного сговора с мифическим «вавилонским султаном» стоят церковных. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить между собой взятые наугад следственные документы. Так, невзирая на то что всем обвиняемым предлагались одни и те же вопросы, ответы на них обнаруживают явный разноречивый. Одни тамплиеры сознаются в том, что при вступлении в орден их заставляли отречься от девы Марии, другие — от Христа, третьи — вообще от бога. Еще больше «разночтений» обнаруживается в спорном вопросе о Бафомете.

«Среди тех, которые говорили, что видели его, с трудом можно найти двух, описавших его совершенно одинаково, — отмечает Генри Ч. Ли в «Истории инквизиции в средние века»... — Иногда голова эта — белого цвета, иногда она — черная, то у нее черные волосы, то с проседью, а то вдруг у нее является длинная седая борода. Одни свидетели видели ее шею и ее плечи, покрытые золотом; один показывал, что это был злой дух, на которого нельзя было смотреть без содрогания, другой говорил, что у нее было нечто вроде глаз из карбункулов. Один свидетельствовал, что у нее было два лица, а другой — что три; один показывал, что у нее было четыре ноги, две сзади и две спереди, а другой говорил, что это была статуя о трех головах... Иногда это — бог, создатель всего мира, заставляющий цвести деревья и прозябать растения; иногда это — друг (?) бога, который может ходатайствовать перед ним за молящегося. Иногда идол пророчествует; иногда его сопровождает или заменяет злой дух, принимающий форму черной или серой кошки или ворона и отвечающий на предлагаемые ему вопросы; церемония оканчивалась, как и шабаш ведьм, приходом демонов

под видом невыразимо прекрасных женщин».

Уж не от этих ли демониц рождались потом младенцы, из которых топили жир?..

Воистину «пытка вопрошает, а боль отвечает»...

Хотя в Германии, Испании и на Кипре орден был оправдан от возводимых на него обвинений, тамплиерская звезда окончательно закатилась.

Какое-то мгновение казалось, что чаша весов дрогнула и наметился благоприятный поворот. Все еще томившийся в Авиньоне папа, у которого французский и английский короли перехватили добычу, засомневался в необходимости закрытия ордена, но монархи поспешили поделиться награбленным, и он скоро опомнился, хоть и жаловался до конца дней, что ему недоплатили.

Да, тайна возникает лишь тогда, когда мы чего-то не знаем.

В обстоятельствах смерти папы и короля можно видеть случайность или попытаться проследить политическую интригу. Но в том, что отравленную свечу для внука сожженного катара Ногарэ слепила рука тайного тамплиера, ощущается запоздалая месть.

И еще одна любопытная подробность. В Тампле провели последние дни перед гильотиной Людовик Шестнадцатый и Мария Антуанетта...

С тамплиерами сошла со сцены целая эпоха. Рыцарство, крестовые походы, магическая власть «преимущественных величеств» — все это сгинуло, в сущности, вместе с ними, впиталось в землю, как ржавчина рассыпавшихся доспехов. Но грохот обрушенной груды железа был так силен, что даже папство испытало жесточайшее потрясение, хоть и сказалось оно далеко не сразу.

Созерцательный мистицизм, манивший неверным сиянием одержимых искателей, уступил место разъедающему души сомнению, за которым пришло жадное любопытство к реальностям бытия. Поворот Европы к преобразованию окружающего мира был решителен и необратим, хоть и витали еще, страшась небытия, чахлые тени. Долго будет дрожать туманная дымка над руинами, поросшими дикой травой, долго...

В немногих провинциях, не затронутых кровавой облавой, тамплиеры продолжали влачить свои дни, омраченные предчувствием неизбежного краха. В Португалии они объединились в орден Христа, в Шотландии скрылись под именем ордена Терновника. В середине XVIII века отцы-иезуиты, напуганные ростом «вольного каменщичества», попытались под видом тамплиерского наследства привить масонству католическую идею.

Гибрид в лице «новых тамплиеров» получился нежизнеспособным, отмеченным всеми признаками вырождения. Первые же порывы ветра, предвещавшего невиданную бурю, развеяли гниловатый туман. На сцене, властно захваченной революцией, рыцарству, хотя бы и возрожденному по самым верным рецептам, нечего было делать.

Масонская ложа «Тамплиеры», возникшая в Париже уже в новые времена, породила молву о том, что Жак де Молэ назначил перед смертью преемника, и с того момента цепь великих магистров не прерывалась.

Даже наиболее фанатичные «вольные каменщики» не верили в эту байку, но миф тем и хорош, что всегда оставляет место для ритуальной игры.

В нее все еще играют, в эту «тамплиерскую» сказку...

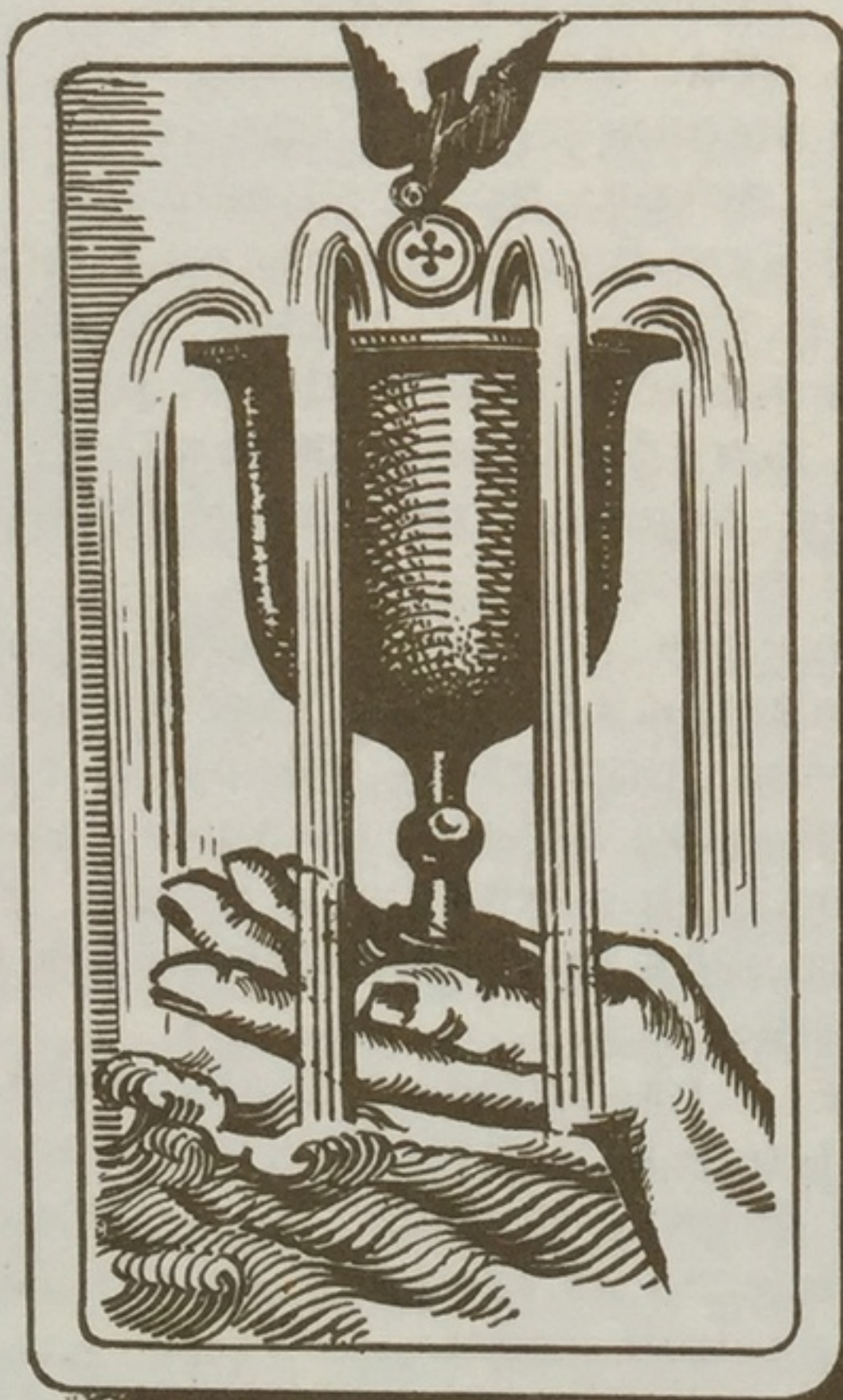
Святой Грааль

Болтали все, кому не лень.
Сам Персеваль на третий день
Там соизволил появиться...

Кретъен де Труа,
«Клижес»

— Тогда я вам открою,— молвил
отшельник.— Тот, кому назначено
сидеть на этом месте, еще не за-
чат и не рожден, но не пройдет еще
и года, как будет зачат тот, кото-
рый займет Погибельное Сидение,
и он же добудет Святой Грааль.

Томас Мэлори,
«Смерть Артура»

В ЭПОХУ Сервантеса странствующее рыцарство давно уже считалось анахронизмом, и все же понадобился гениальный «Дон Кихот», чтобы окончательно развеять фантастические бредни о благородном защитнике обиженных, совершавшем невиданные подвиги во имя Прекрасной Дамы. Бредни действительно развеялись, и, кроме маленьких детей, никто уже больше не верил ни в великанов, ни в фей, ни в злых волшебников, охраняющих тайны зачарованных стран. Марку Твену, довершившему в романе «Янки при дворе короля Артура» разоблачение легенды, осталось лишь добродушно подтрунивать над «ребятами», как отзывался о славных пэрах предприимчивый герой — живое олицетворение американской практичности и рационализма. Янки строил железные дороги, проводил в Камелот телеграф и навешивал рекламные доски на бедных рыцарей, когда те отправлялись «граалить».

«Дон Кихот!» — воскликнул Наполеон, узнав о мальтийской коронации Павла.

«Санчо Панса» — следовало бы добавить в адрес монарха, возлюбившего крохотный островок пуще обширнейшей империи. Но какие найдутся слова в адрес современных поклонников Артура и Мерлина? Как назвать нам нежданных ревнителей оккультного церемониала, известного как «Гластонберийский зодиак»?

В надлежащий момент, надеюсь, мы отыщем нужные слова...

Пока же попробуем воздать должное мифу, обогатившему мировую литературу, но так и оставшемуся неразгаданным.

В моравском замке Перхштейн, возведенном на вершине неприступной скалы, мне показали стяг таборитов с изображением «калика» — священной чаши. Сама же чаша — на аквитанском наречии

«гразаль» в легенде, Монсегюрского собора вместе с нами спрятали Археологическую систему женных и гаут, что ходится в стях Монсегюра покажет б тересует что за н ется.

Мистический миф, как мифическим и лингвистическим «грааль» на разном диалекте танском староиспанском португальском В поисках новых упоминаний означают ландское изобилие версия ланда мафейского Градали» чаще там говоря, д сосуд, в феийский, тырех е стову кро тайной в что вроде ти-самоб эзотерич ра — зол ва ковче «размеж лена где веков. Кретъен конца Х в своей

«гразаль», согласно альбигойской легенде, была тайно унесена из Монсегюра, также представлявшего собой горную цитадель, и вместе с остальными сокровищами спрятана в тайнике.

Археологи, изучающие сложную систему подземных ходов, проложенных в скальном грунте, полагают, что сокровище все еще находится где-то здесь, в окрестностях Монсегюра. Так это или нет, покажет будущее, нас же пока интересует само слово «грааль» и то, что за ним, возможно, скрывается.

Мистический культ чаши восходит, как полагают, еще к языческим мифам: кельтским, иберийским и галльским. За это говорит лингвистическое сопоставление: «грааль», «грасаль», «греаль» — на разных старофранцузских диалектах; «гразаль» — на аквитанском наречии; «гриаль» — на староиспанском и «граль» — на португальском языках.

В поисках этимологии слова ученые упоминают греческие наименования «кратер» и «краталис», означающие «сосуд», и даже ирландское «криоль» — «корзина изобилия». Гластонберийская версия легенды об Иосифе Аримафейском также называлась «О Градали», хотя непосредственно о чаше там не было речи. Короче говоря, для одних Грааль — это сосуд, в который Иосиф Аримафейский, упомянутый во всех четырех евангелиях, собрал Христову кровь, для других — блюдо тайной вечери, для третьих — нечто вроде рога изобилия и скатерти-самобранки, а для сторонников эзотерической легенды Монсегюра — золотое изображение Ноева ковчега. Почва для подобного «размежевания» была подготовлена где-то на грани XII—XIII веков.

Кретъен де Труа, блестящий поэт конца XII века, глухо упоминает в своей незаконченной поэме

«Персеваль» о каком-то таинственном блюде; ближайшие его продолжатели толкуют о Граале уже в легендарно-апокрифическом духе, а богослов Роберт де Борн (XIII век) совершенно определенно рассказывает о чаше Иосифа, о том, как он собрал на Голгофе кровь из ран Иисуса, как попал Грааль в Англию и какие чудеса произошли с ним при дворе короля Артура. Так незаметно апокрифический миф соединился с «бретонским циклом» сказаний о 12 пэрах Круглого Стола и чародее Мерлине. Французский исследователь Марио Рока, подробно изучив фрески и скульптурные изображения древних соборов Шартра, Буржа, Каркассона и других, попробовал наложить их тематику на повествовательную ткань сказаний о поисках Святого Грааля. Речь, по мнению Рока, идет об одном из моментов литургии — таинстве евхаристии. Проносимое копье выступает в этом случае символом оружия, которым римский воин поразил распятого Иисуса в сердце, а чаша — сосуд тайной вечери, куда затем была собрана кровь.

«То, что такая интерпретация напрашивается сама собой, — отмечает по этому поводу знаток артуровского цикла Жан Маркс, — не вызывает сомнений. Но мне кажется невозможным, чтобы христианское истолкование лежало в основе понятий и изображений, мифологический характер которых бросается в глаза». У мифа, как известно, своя фантастическая география, своя хронология и неподвластная закону причинности преемственность. Бессмысленно гадать о том, как одна и та же реликвия могла пребывать одновременно в трех местах: генуэзском кафедральном соборе, куда привезли ее рыцари Храма, в замке Монсегюр и в Гластонберийской церкви.

История церковных святынь, причем не обязательно христианских, знает и не такие перипетии.

Легендарный Артур и его не менее легендарные рыцари тоже оставили многочисленные подтверждения своей «историчности», в том числе мощи.

В Вестминстерском аббатстве находится рака святого Эдуарда, где хранится оттиск печати с латинскими словами: «Патриций Артур, император Британии, Галлии и Дании». Гробница короля-рыцаря считается важной достопримечательностью Гластонберийского монастыря. «В Дуврском замке, — говорится в предисловии Кэкстона к изданию 1485 года романа Мэлори «Смерть Артура», — хранится череп Гавейна и плащ Кардока, в Винчестере — Круглый Стол, в иных же местах — Ланселотов меч и многие другие предметы».

Поэтому не будем смущаться ни материальными доказательствами правоты мифа, ни очевидным его расхождением с действительностью, потому что реалии, реальность вообще, с одной стороны, и миф — с другой, лежат на непересекающихся плоскостях. В работе «Артуровские легенды и их эволюция» советский исследователь А. Д. Михайлов сделал остроумное замечание по поводу культа Иосифа Аримафейского: «Распространению этого культа среди кельтов способствовала простая историческая ошибка: средневековые монахи спутали двух Филиппов — первого епископа Иерусалима, который считался хранителем святых реликвий (чаши и копья), и первосвященителя Галлии — и считали, что среди галлов насаждал христианство один из соратников Иосифа Аримафейского. Эта церковная легенда локализовалась в Западном Уэльсе, в Гластонбери, который был местом соприкосновения

четырех культур — валлийской, ирландской, саксонской и франко-нормандской. Здесь загадочный Авалон артуровских сказаний столкнулся с христианским мифом и церковной легендой...»

Не только для Кретьена, но и для более позднего Мэлори подвиг во имя Святого Грааля отнюдь не означал «вызvolение» чудесной реликвии, хотя оно и отвечало духу эпохи. Не добыча, но одно лишь созерцание священной чаши было целью рыцарства, высшей наградой за подвиг, венцом благих деяний и искуса. Только так можно было освободить от заклятия опустошенную страну. Грааль, как видим, обретает многозначную символику. Это и личное воздаяние, и акт исторической справедливости, рыцарский подвиг и сокровенное посвящение. Не случайно, исцелив увечного короля и разрушив сковавшие Опустошенную страну чары, рыцари обретают святость — кто на небе, кто на земле.

Для интересующей нас проблемы это не менее важно, чем явно гностическая окраска «Евангелия от Никодима» (IV век), где подробно изложен миф об Иосифе и церемониал с копьем и чашей, который, как вскоре увидим, обретет новую жизнь в колдовских действиях наших дней.

Обратим в этой связи внимание на числовую символику «бретонского цикла», и в частности романа Мэлори, на его, по словам литературоведа И. М. Бернштейн, «круглые», или магические, числа.

«Три девицы сидели на Михайловой горе у великана; три девицы встретились Гавейну, Ивейну и Мархальту; трижды надо ударить в висящий таз; три дня и три ночи пролежал в обмороке Тристрам, столько же проспал у Морганы Александр Сирота; три дня длится турнир... трижды тянет Тристрам меч из головы Мар-

хальта; прое-
Марк встре-
три рыцаря
За этим навя-
галльских т-
увидеть не т-
ный эпическ-
лоски эзотер-
С провалом
с кровью и
шего на вес-
процесса за-
ский «золот-
Однако, чем
ное значение
тем выше т-
свой ритуал
зданные в ч-
тии ордена
щения и Зо-
чем не нап-
вых кресто-
ность возвра-
очевидна, и
пустоту при-
радным бле-
За Круглым
которого иск-
сидели рыца-
право после
пытаний. За-
кавалеру в-
дена Золото-
лось ни «гр-
ляться в п-
Не столько
сколько звон-
придворная
вали вожде-
Заменивший
ское устрой-
ный бал оста-
косновенност-
ния, преврат-
рангах.
Изначально
три: паж, ор-
Впоследствии
тайных обл-
альбигойцам
гибеллинами
росло.
Статут учре-
Девятым, к

хальта; проехав три мили, король Марк встречает трех рыцарей; три рыцаря... и т. д.»

За этим навязчивым умножением галльских триад позволительно увидеть не только распространенный эпический прием, но и отголоски эзотерических посвящений. С провалом крестовых походов, с кровью и мерзостью нашествиего на весь мир тамплиерского процесса закатывался мифический «золотой век» рыцарства. Однако, чем ниже падало реальное значение кольчужной знати, тем выше тщиалась она вознести свой ритуальный престиж. Созданные в четырнадцатом столетии ордена Подвязки, Благовещения и Золотого руна уже ничем не напоминали общины суровых крестоносцев. Невозможность возврата к прошлому была очевидна, и зияющую идейную пустоту пришлось прикрыть парадным блеском и пышностью. За Круглым Столом, сама форма которого исключала неравенство, сидели рыцари, завоевавшие это право после трудной полосы испытаний. Зато новоиспеченному кавалеру высшего в Европе ордена Золотого руна не требовалось ни «граалить», ни отправляться в плавание аргонатов. Не столько личные заслуги, сколько звонкий титул и высокая придворная должность обеспечивали вождьеленное кавалерство. Заменивший прежнее орденское устройство костюмированный бал оставил, однако, в неприкосновенности степени посвящения, превратившиеся в табель о рангах.

Изначально таких степеней было три: паж, оруженосец и рыцарь. Впоследствии, под влиянием тайных обществ, связанных с альбигойцами, тамплиерами и гибеллинами, число степеней возросло.

Статут учрежденного Альфонсом Девятым, королем Кастилии и

Леона, тайного ордена подразумевал уже семь градаций. Об этом свидетельствует само его название *Las siete Partidas* — «Семь частей». Однако и в нем господствовала триада. Рыцари, офицеры и командоры ордена носили одежды трех цветов: белого, зеленого и алого.

Любопытное совпадение: Данте, описывая одежды Беатриче, вновь появившейся в трех кругах рая, перечисляет те же, очевидно, символически очень значимые для него тона:

В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.

Это из тридцатой песни, а чуть раньше, в двадцать девятой, великий флорентиец дал следующую символическую картину:

...Три женщины, одна — совсем алая;
Ее в огне с трудом бы распознали;
Другая словно создана была
Из плоти, даже кости изумрудной;
И третья — как недавний снег бела.
То белая вела их в пляске чудной,
То алая, чья песнь у всех зараз
То легкой поступь делала, то трудной.
А слева — четверо вели свой пляс,
Одеты в пурпур, повинуюсь ладу...

Три главные и четыре послушные ладу — итого семь степеней! Какой смысл вложил в эти явно не случайные термины «белый» гвельф* Данте Алигьери? Современник Бонифация Восьмого и Климента Пятого, поклонник трубадуров и свидетель гонений на тамплиеров, он видел распад старого мира и приветствовал грядущее, благословляя «любовь, что движет солнца и светила». Даже случайно оброненная великим поэтом фраза порой становится откровением. Пройдя сквозь ад, чистилище и взлетев к эмпиреям, Данте не пытался

* Гвельфы — политическая группировка в Италии XII—XV веков, выступавшая на стороне папства против попыток германских императоров утвердить свое господство на Апеннинском полуострове.

пророчествовать, но кое-что все-таки угадал.

Минет почти полтысячи лет, и первый консул Бонапарт утвердит цвета итальянского флага, которые уже в следующем столетии станут национальными. Та же комбинация красок, но несколько в иной последовательности...

А в заключение еще одна «сводка» числовых соответствий романа Мэлори, также отмеченных И. М. Бернштейн: «Семь часов спит Ланселот, заколдованный Морганой; семь лет волшебница из Гиблой часовни любит Ланселота; семь дней идет турнир в Сурлузе; семью ударами Ланселот повергает преследователей Кэя; в семь раз ярче дневного света было сияние Святого Грааля...» Итак, отметив попутно исключительную важность числовой и цветовой символики в средневековой системе мира, где все отражалось во всем, мы вновь приблизились к загадке Грааля. К его альбигойской версии.

Она одним броском перенесет нас в «третий рейх», мнивший себя тысячелетним.

Отто Ран с детства увлекся загадками катарской цивилизации. Подземные галереи и спрятанные в них неведомые святыни не давали ему покоя. Наконец, это было просто модно и вполне отвечало духу времени. Немецкие оккультные группы и знаменитое общество Туле (им будет посвящен специальный рассказ) разработали целую систему «нордической мистики» и придавали особое значение гностическим учениям с их вечным противоборством полярных сил. Коль скоро фюреры быстро набравшего силу национал-социалистского движения тяготели к мистике, а немецкие оккультисты, яростно пропагандировавшие расистский бред, активно поддерживали нацизм, слух о несметных сокрови-

щах Монсегюра докатился до Альфреда Розенберга. Автор «Мифа XX века», теоретик и расовый эксперт нацистской партии заинтересовался очередным мифом и дал псевдоисторическим разработкам Рана «нужное» направление. В «нордической» интерпретации Монсегюр приравнивался к Монсальвату «бретонского цикла», горé Спасения, где находился Святой Грааль рыцарей Круглого Стола. Нацистским погромщикам, которые уже подбирались к власти, безумно хотелось быть похожими на рыцарей. Генрих Гиммлер, лично отбиравший кандидатов в отряды СС, тщился придать своей банде убийц декорум средневекового ордена. Прельстительно рисовался и двойной символизм Грааля — сосуда чистой крови и чаши мистического озарения.

Искания Рана, таким образом, грядущие «сверхчеловеки» встретили с просвещенным участием культуртрегеров. Поездка его в Монсегюр и дилетантски проведенная разведка местности получили широкое отражение в пронацистской прессе. В 1933 году, уже после прихода Гитлера к власти и поджога рейхстага, вышла в свет первая книга Рана «Крестовый поход против Грааля». Автор, выполнявший, по сути, задание рейхсляйтера Розенберга, остановился в ней на варианте «Ноев ковчег». Христианские идеалы были не в фаворе, ибо гитлеровцы предприняли гонения на католическую оппозицию, и версию с божественной кровью пришлось благоразумно обойти.

Новых хозяев интересовала совсем иная кровь. Ноев ковчег — другое дело. Это понравилось. Решено было даже снарядить альпинистскую группу на Арарат. Пытаясь соблюсти хотя бы видимость научной объективности, Ран попробовал было заикнуться

насчет
и бого
вили
дрийс
европ
не у
науку
тации
чаши
свят
явлен
нии,
Грем
музы
«пер
на в
«чис
тем у
ны
сруб
мане
мани
Биол
исто
куля
тизм
В 19
Рана
пы»
не п
варя
допу
маш
проп
нова
Пос
ной
при
дан
а в
печ
вск
жер
шел
циф
в к
зам
Над
тел
стр
пит
Уж
нап
кат

насчет александрийской школы и богомилов, но его тут же направили в нужное русло. Александрийские евреи и восточно-европейские славяне решительно не устраивали «отечественную науку». В нацистской интерпретации Грааль обрел облик эдакой чаши нибелунгов, нордической святыни, а сами катары были объявлены выходцами из Франконии, то есть почти германцами. Гремела присвоенная нацистами музыка Вагнера, маршировали «персевали» в черных мундирах, на все лады воспевался культ «чистоты крови». Кровь между тем уже обильно лилась в корзины с опилками, куда падали срубленные на средневековый манер головы лучших сынов Германии.

Биологические, географические, исторические и всякие иные спекуляции стали нормой, а оккультизм — хорошим тоном.

В 1936 году вышла вторая книга Рана — «Люциферов двор Европы». Возможно, название книги не понравилось фашистским главарям, но скорее всего сам автор допустил неизвестную нам промашку. Во всяком случае, с ним произошло то, что в те годы именovali «странной историей». После широко разрекламированной поездки по Лангедоку, предпринятой в 1937 году, Ран неожиданно исчез. Из Франции отбыл, а в Германию не вернулся. В печати об этом сообщили как-то вскользь, и о незадачливом вояжере вскоре забыли. Хотя и прошел слух о том, что автор «Люциферова двора Европы» сидит в концлагере, немцам, а французам тем более, было не до Рана. Надвигались куда более значительные события: аншлюс Австрии, Судеты, мюнхенская капитуляция.

Уже после войны некто Сен-Лоу, написавший брошюру «Новые катары Монсегюра», справился

насчет Рана у властей ФРГ и получил любопытный ответ:

— Согласно документации СС, Ран покончил жизнь самоубийством, приняв соединение циана на горе Куфштейн.

— Причина? — спросил Сен-Лоу.

— «На политико-мистической почве», — процитировал эсэсовский диагноз чиновник юстиции. Нам еще встретится это примечательное словосочетание: «политико-мистическая почва»...

История монсегюрских спекуляций в «третьем рейхе» с исчезновением Рана не закончилась. В июне 1943 года, когда, казалось бы, «нибелунгам» следовало думать совсем о других вещах, в Монсегюр прибыла научная экспедиция, в которую входили известные немецкие историки, этнологи, геологи, специалисты по исследованию пещер.

Под охраной подобострастной вишистской милиции «союзники» разбили палаточный лагерь и приступили к раскопкам. Работы продолжались вплоть до весны 1944 года, когда пришлось спешно уносить ноги. Но в самом рейхе разговоры об «арийском Граале» не утихали вплоть до окончательной развязки. Так, в марте 1945 года Розенберг, разъяснив гросс-адмиралу Деницу значение катарских сокровищ для национал-социализма, заикнулся о какой-то секретной экспедиции и просил выделить для этой цели специальную подводную лодку.

Одним словом, ошарашивающая своей шизоидной настырностью возня нацистов продолжалась вплоть до последнего часа, пока Красная Армия не отняла у них самое возможное решение, что бы то ни было, пусть даже на бумаге.

Мистические идеи, как нам еще не раз предстоит убедиться, живучи. Поразительной устойчивостью обладает также злокачественный вирус нацизма. И не толь-

ко устойчивостью, но и мутагенной способностью приспособляться к переменчивым условиям среды. Неонацист Жан Клод Могги, основавший в Париже «нордическую пролетарскую национал-социалистскую партию», и взяв, разумеется, свастику в качестве эмблемы, соединил культ нордического Вотана с... ультралевачьей демагогией.

Проблема неизбежного сращения нацистской идеологии с оккультизмом не так проста, как это может показаться с первого взгляда. Мистика, стоявшая у колыбели фашизма, не была не только его родительницей, но даже повивальной бабкой. Несмотря на очевидную приверженность заправил «третьего рейха» к «запредельным силам», мистике отводилась сугубо утилитарная роль в арсенале коричневой пропаганды. Об этом следует помнить, потому что не перевелись еще «адвокаты дьявола», стремящиеся хоть как-то обелить преступный режим, изобразить заплечных дел мастеров «идеалистами», «рыцарями Грааля». Автор недавно изданной во Франции книги «Оккультизм в третьем рейхе» Жан-Мишель Анжебер явно пошел по такой проторенной дорожке. Отталкиваясь от «фантастического реализма» Поуеля — Бержье, он попытался, в частности, провести параллель между альбигийскими «совершенными» и гитлеровскими молодчиками.

Мало сказать, что это — надругательство над пеплом мучеников инквизиции. Это прежде всего кощунственное издевательство над светлой памятью миллионов людей, сожженных в крематориях Освенцима. Не рыцарями были они, все эти большие и малые фюреры, а грязными палачами. Чисто внешняя аналогия: черные одежды катаров и черная униформа СС никуда не

ведет. Далее крестов тевтонских псов-рыцарей, прославившихся бесчеловечностью даже в те жестокие времена, исторические притязания не шибко грамотных «нибелунгов» не простирались. Да и зачем им история, если они были изобретателями тщательно спланированной, разнесенной по бухгалтерским графам индустрии уничтожения с последующей переработкой человеческих тел?..

Еще более вздорной выглядит идея «ритуальной чистоты», которой руководствовались — да черные воители с серебряным черепом на фуражке. Да, нацисты огнем и мечом утверждали расистский принцип «чистоты крови», но что общего было у этих убийц и мародеров с «совершенными», проповедовавшими нравственную чистоту и аскетизм? Вагоны свалывшихся женских кос? Горы костылей и детских кукол? Выдранные клещами золотые коронки? Мы доберемся до самых корней нацистского оккультизма и увидим, что провозвестники «расовой чистоты» даже не подозревали о существовании альбигойцев, а о Персевале и нибелунгах судили больше по операм Вагнера.

«Гностицизм», «ариизм», «тамплиерство» и «крест движения» — свастика — все это присутствовало в словоизвержениях «интеллектуалов» вроде Розенберга, служа завесой для сокрытия глобальной уголовщины.

Изображать гитлеровцев в качестве «рыцарей великого неведомого» и уподобить Нюрнбергский процесс некоему судилищу над «наследниками Грааля» — значит идеализировать разбойничью банду. С этой мыслью, высказанной французским философом Полем Лаберенном по поводу «Утра магов», нельзя не согласиться.

Она бьет точно в цель.

Мол

...Впослед
щица р
она сам
рухой:
демона
шла он
своего
когда о
опозна
«Я дья
всегда
гам и в
нужде»
на это,
лет, то
предав
мерзос
отрица

Я.

Здесь —
Истин
Вечная
Тянет

Молот ведьм

...Впоследствии сожженная банщица рассказала, каким образом она сама была соблазнена старухой: по дороге она встретила демона в человеческом образе, шла она с намерением посетить своего любовника с целью блуда; когда она была демоном-инкубом опознана и спрошена... он сказал: «Я дьявол, и если ты хочешь, я всегда буду готов к твоим услугам и не оставлю тебя ни в какой нужде». Так как она согласилась на это, то в течение восемнадцати лет, то есть до конца жизни, она предавалась этим дьявольским мерзостям, при полком, конечно, отрицании веры.

Я. Шпренгер и Г. Инститорис,
«Молот ведьм»

Здесь — заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.

Иоганн Вольфганг Гёте,
«Фауст»

ЖРЕЦ И ЖРИЦА, колдун и ведьма — вот ключевые фигуры «Искусства», главные действующие лица магического круга. На эту неизменную арену они выходят то поодиночке, то вместе и ведут свою партию при пустом либо, напротив, набитом притихшими зрителями зале.

Впрочем, театр никогда не бывает по-настоящему пуст. Его заполняют невидимые духи, ради и с помощью которых разыгрывается магическое действо, будь то сольный номер или дуэт.

Хронология властно втягивает нас в ренессансный период, когда Европу захлестнула волна чародейства, докатившаяся и до новых времен, а костры, на которых жгли ведьм, пылали с особой яростью. У «культуры внутри культуры», у «теневого цивилизации» колдовских пещер, повторяю, собственная хронология. Альфред Леманн в «Иллюстрированной истории суеверий и волшебства» особо выделяет XIII век, когда, по его мнению, произошла «полная и внезапная перемена в отношении церкви» к самой возможности чародейства.

Такая ли полная? — зададимся вопросом. Такая ли неожиданная?

Основные вехи «Черного Искусства» — института тайного, схороненного в подземельях, — зачастую удается разглядеть лишь в отраженном свете церковной истории. «Ведомство света» не только освещает антипод, хотя бы огнями костров, но и побуждает его к активности.

Эволюция магии и дьяволизма неотделима от эволюции церковных представлений о сем жгучем в полном смысле слова вопросе. Поэтому, если до отмеченного Леманном рубежа церковь сжигала в основном еретиков, а затем вдруг принялась и за кол-

дунов тоже, то нам следует прежде всего приглядеться к «другому ведомству».

Что случилось с католической церковью на переломе эпох, если она, пребывая на вершине могущества, с такой яростью ополчилась на дьявола и его прислужников? Ужель вправду воскрес козлоногий рогатый Пан, а некогда загнанные в чащобы милые нимфы полчищами ведьм вернулись в опустошенные чумой и неурожаями села и города? Судя по «Молоту ведьм», вернулись:

«Истину можно вывести из слов Кассиана: «...У нечистых духов, без сомнения, столько же занятий, сколько и у людей. Некоторые из них, которых простой народ называет фавнами, лесными богами, а мы — призраками и привидениями, бывают обольстители и шутники».

Европейские народы вместе со «светом с Востока» унаследовали и экзотические суеверия, которые пали отнюдь не на стерильную почву. Собственное языческое наследие упорно отстаивало свои позиции. Поэтому христианство прежде всего обрушилось на местные верования, реликты которых по сей день сохранились в повседневной жизни людей. Сущность конфликта легко понять. Церковь боролась на первых порах не столько с верой в злых духов, сколько с их культом, потому что язычникам свойственно поклоняться своим божествам. Злой дух значил для них ничуть не меньше, чем добрый. Напротив, служение враждебно настроенным силам требовало куда большего тщания и заботы. Их приходилось ублажать, склоняя на свою сторону обильными жертвоприношениями и лестью, тогда как заслужить благосклонность духов света казалось куда легче. Не случайно культ темного начала разработан намного глубже

и обстоятельнее, нежели служение силам добра. С особой наглядностью это проявилось в ламаистской форме буддизма, где тантрическая обрядность воскрешает самые устрашающие волхования древнейших времен. Заклинания, магические и погребальные церемонии, наполненные жертвенной кровью чаши из черепов — все это *живые* примеры необычайной устойчивости колдовских ритуалов, соединявших человека с косным, враждебным, затаившимся миром, который следовало сначала умиловать, а затем организовать и поставить себе на службу.

Раннее христианство заняло по отношению к злему началу половинчатую позицию. Формально признав его существование и введя это положение в догмат, оно категорически запретило служение Сатане — в буквальном смысле слова «противнику», врагу христианской троицы. Все силы души христианин должен был посвятить одному богу, тогда как на долю «князя тьмы» оставался лишь атавистический страх и новообретенный ужас, нагнетаемый ежедневным напоминанием о Страшном суде и муках ада. Всякая попытка обратиться непосредственно к сатане, как «параллельной» силе, считалась поэтому богоотступничеством.

Верить и не служить? Для языческого сознания это было непостижимо. Тем более что сама церковь ухитрилась воскресить исконные, зачастую крайне диковинные обычаи. Ссылаясь на Беккера, Леманн приводит характерный пример: «Священник в полном облачении кладет на находящиеся на алтаре пылающие уголья железный болт, несколько раз перед тем окропленный святой водой, затем поет песнь, которую пели три отрока в огненной пади, дает обвиняемому в рот просфору, заклин-

нает его
открыл и
ленное ж
руку, со
невиннос
невредим
сделать д
болтом в
завязыва
узел. Три
ли руку
быть здо
реждения
обвиняем
ным в с
Нечто п
в наше
уголках
колдуны
«огненн
разного
рой для
вредные
однако, с
ражаема
действит
рающего
испытан
беспреко
колдовст
физиоло
этой вер
и волю з
повыша
Наряду
ковь исп
свойства
хии, об
обрядам
Древние
дой «з
сомните
жали п
щит и п
ребенок
его объ
тивном
вала пр
испытан
случайн
намека
еще к
ность,
практик

нает его и молится, чтобы бог открыл или его вину, если раскаленное железо, вложенное в его руку, сожжет его, или же его невинность, если он останется невредим. Обвиняемый должен сделать десять шагов с железным болтом в руке, затем священник завязывает руку и запечатывает узел. Три дня спустя осматривали руку, которая должна была быть здорова и без всяких повреждений. В противном случае обвиняемый считался уличенным в своей вине».

Нечто подобное практикуется и в наше время в самых глухих уголках Африки, где лесные колдуны находят с помощью «огненной меты» виновников разного рода прегрешений. Порой для этого используют безвредные порошки, объявляемые, однако, смертельным ядом. Воображаемая отравка, случается, действительно убивает запирающегося ослушника. Такие испытания основываются на беспрекословной вере человека в колдовство и, как следствие, физиологическом воздействии этой веры. Закабалая сознание и волю жертв, они одновременно повышают престиж мага.

Наряду с испытанием огнем церковь использовала и магические свойства противоположной стихии, обращаясь опять-таки к обрядам язычества.

Древние кельты проверяли водой «законность» ребенка. В сомнительных случаях они сажали голенького младенца на щит и пускали по течению. Если ребенок ухитрялся не потонуть, его объявляли законным, в противном случае роженица рисковала прослыть шлюхой. Похожие испытания, основанные на чистой случайности и лишенные даже намека на физиологическую или еще какую-либо целесообразность, стали особенно широко практиковаться в эпоху бурной

облавы на ведьм. Заподозренным в ведовстве связывали крестом руки и ноги, после чего несчастных бросали в воду. Если человек шел камнем на дно, его признавали оправданным, ибо освященная вода не могла принять грешника.

Христианизировав наиболее чтимые народом языческие праздники и обычаи, церковь невольно подпадала под воздействие магической ауры, приобщая к своему арсеналу откровенно колдовские заговоры и заклинания. Тому есть тьма примеров. Приведем один, наиболее наглядный.

Вот как звучит старинный, записанный в Трире заговор, с помощью которого крестьяне пытались исцелять лошадей:

Христос раз ехал очень скоро,
Его молодая лошадь сломала себе
ногу,

Иисус сошел и исцелил ее:
Он приложил мозг к мозгу,
Кость к кости, мясо к мясу,
Затем прикрыл листом,
И все пришло в порядок.

Рекомендация дельная, с точки зрения костоправа, хотя случай с лошадью и не был зафиксирован составителями евангелий. Обратимся поэтому к другому источнику — заклинанию, приведенному в рукописи X века, принадлежавшей капитулу Мерзебургского собора:

Фол и Водан пошли в лес;
Там у бальдерова коня была сломана
нога,

Заговорила ее Зингунда, сестра ее
Зунна,

Заговорила ее Фруа, сестра ее Фолла,
Заговорил ее Водан, так как он это
умеет.

На сломанную кость, на кровь, на
члены,—

С костью кость, с кровью кровь,
С членом член, склейте, как прежде.

Историческая преемственность здесь очевидна. Произошла лишь «смена караула». Пантеон «Стар-

шей Эдды» расступился перед новым победоносным божеством. «Подобным образом, — отмечает Леманн, — в течение всех средних веков и до наших дней сохранилось в низших классах народа (вскоре мы увидим, что и привилегированные классы не остались тут в стороне. — Е. П.) древнее искусство чародейства, как европейского, так и азиатского происхождения; только таким образом оно и могло сохраниться, так как церковь уже давно... считала языческую магию за дьявольскую и преследовала наравне с ересью и идолопоклонством».

Вдумаемся в эти слова, чтобы вернуться к ним несколько позже, когда мы увидим, чем обернется для церкви очередной тактический ход — христианизация магии.

Клерикальная элита решилась на нее далеко не сразу. В постановлении падерборнского синода, созванного в 785 году, сказано на сей счет весьма категорично: «Кто, ослепленный дьяволом, подобно язычнику, будет верить, что кто-либо может быть ведьмой и на основании этого сожжет ее, тот подлежит смертной казни».

О, если бы этим реалистическим принципом руководствовались в течение последующего тысячелетия! Сколько ущербных садистов он мог бы обуздать! Сколько безвинных женщин были бы спасены от позора, нечеловеческих пыток и мученической смерти!

Мы знаем, однако, что история церкви пошла по другому пути. Более того, разве смысл и категоричный тон постановления не указывают на то, что несчастных ведьм к тому времени уже сожгли предостаточно? И вновь возникает вопрос: так ли уж внезапно совершился поворот в отношении церкви к колдунам и ведьмам?

Несмотря на то что Карл Великий в свое время утвердил цитированное выше постановление, придав ему силу закона, а на собрании церковных иерархов, состоявшемся в 900 году, главы общин призывались к борьбе с вредными суевериями насчет всякого рода сношений человека с демонами, веру в чародейство равно разделяли и общество, и церковь. Об этом свидетельствуют как многочисленные магические формулы, дошедшие до нас с тех времен, так и зафиксированные в документах случаи преследования за колдовство.

Речь, таким образом, может идти не о внезапном перевороте в церковном мышлении, а о постепенном сдвиге, приобретшем в XIII веке черты массовой истерии и, как следствие, узаконенном идеологически.

«Некоторые думают, будто бы не существует никакого ведовства, — писал один из виднейших католических авторитетов Фома Аквинский (1225 или 1226—1274), — и что оно возникает из неверия; они думают также, что демоны существуют только в человеческом воображении, так что люди порождают их, так сказать, из себя самих и потом пугаются этих образов, созданных их воображением. Но католическая вера утверждает, что демоны существуют, что они могут вредить своими кознями и препятствовать плодovitости брака... по попущению божью, могут вызывать вихри в воздухе, подымать ветры и заставлять огонь падать с неба. Хотя телесная материя относительно принятия той или иной формы и не подчиняется ни добрым, ни злым ангелам, но одному только богу-творцу, но по отношению к движению в пространстве телесная природа создана так, что подчиняется духовной. Примером этого может служить человек, члены

которо
управл
тельно
только
могут
нуж
быть
движе
они м
дождь
в возд
паров,
и с мо
Не пр
кальни
рыв с
нием
может
дая в
новле
ссылк
источн
кое н
Фомой
упуск
дистан
летия
той бе
цесс,
пенно
точка
нении
дьяво
Имени
впеча
сти н
сравн
от др
стави
межу
ской
выдер
с тем
Артур
ховид
связа
иллю
ного
взгля
«Жи
ческо
зрени
и во
это р

которого движутся только под управлением его воли. Следовательно, если допустит бог, то не только добрые, но и злые духи могут собственной силой достигнуть всего, что только может быть достигнуто посредством движений в пространстве. Так, они могут вызывать ветер и дождь и другие подобные явления в воздухе посредством движения паров, поднимающихся с земли и с моря».

Не приходится спорить: радикальный и, главное, резкий разрыв с падерборнским постановлением здесь налицо. За одним, может быть, исключением. Осуждая веру в чародейство, постановление тем не менее содержит ссылку на дьявола — первоисточник, движущее и юридическое начало всех живописуемых Фомой ужасов. Не следует также упускать из виду и временную дистанцию в половину тысячелетия. Это не наполненная пустотой бездна, но исторический процесс, в течение которого постепенно восторжествовала новая точка зрения на побочный, в сравнении с главным — признание дьявола, — вопрос.

Именно *постепенно*, потому что впечатление резкости, внезапности как раз и проистекает из сравнения двух отдаленных друг от друга периодов. Если сопоставить, абстрагируясь от промежуточной эволюции философской мысли, уже известную нам выдержку из Фомы Аквинского с тем, что скажет через 600 лет Артур Шопенгауэр («Опыт о духовидении и о том, что с ним связано»), можно впасть в ту же иллюзию внезапного и радикального отказа от канонических взглядов.

«Животный магнетизм, симпатическое лечение, магия, второе зрение, вещие сны, призраки и всякого рода видения — все это родственные явления, ветви

одного ствола, и они дают непрерывно-достоверное свидетельство в пользу того, что есть связь мировых существ, обусловленная совершенно иным порядком вещей, нежели *природа*, которая имеет своей основой законы пространства, времени и причинности, тогда как этот иной порядок глубже, истиннее и непосредственнее, и потому на него не распространяются самые первые и общие (благодаря своему чисто формальному характеру) законы *природы*, так что время и пространство больше не разделяют индивидуумов, и как раз на эти формы опирающиеся разобщение и изоляция индивидуумов не ставят уже неодолимой преграды сообщению мыслей и непосредственному воздействию воли; значит, всякие изменения происходят здесь совсем не обычным путем: не в силу физической причинности и не по сцеплению ее звеньев, а вызываются просто волевым актом, на особый лад проявленным и оттого получившим силу вне пределов индивидуума».

Здесь уже не то что дьявол, но и бог не упоминается как первопричина всего сущего, однако при самом поверхностном анализе обнаруживается, что столп немецкой идеалистической философии середины XIX века просто-таки не продвинулся дальше средневекового теолога. Здесь то же признание магических явлений, их надприродной, высшей сущности, примат воли над материей. Тем более что немецкий философ признает внепространственный и вневременной характер всего комплекса магических чудес. Заглавие основного шопенгауэровского труда «Мир как воля и представление» без угрызений совести могло быть принято и в XIII веке. И если Фома ссылается в таких случаях на провидение божье, то у Шопен-

гауэра оно подразумевается, присутствует в неявном виде. Вот и все различие за 600 лет!

И какие это были века! Насыщенные борьбой, революциями, взлетами человеческого гения и взрывами воинствующего мракобесия, величайшими свершениями науки, торжеством искусств и отчаянными пароксизмами реакции, сменой общественных формаций и преемственностью учений, в том числе и заведомо ложных. Последнее, кстати сказать, особенно интересно для исследователя средневекового типа сознания. Если проследить непрерывную линию от Фомы Аквинского до Шопенгауэра и современных спиритуалистов, то можно раз и навсегда убедиться, что в «опыте духовидения» никаких изменений за это время не произошло, равно как и в «опыте колдовства».

Что ж, тем больше оснований изучить этот несомненно богатый и поучительный опыт тупиковых ветвей познания мира...

Едва ли можно сомневаться в том, что, меняя свою точку зрения на ведовство, церковь лишь избирала иную тактику, более отвечающую ее возросшей мощи и абсолютистским амбициям. Не следует забывать также, что этот достаточно протяженный процесс протекал на фоне непрерывных и возрастающих по масштабам преследований еретиков.

Отстаивая первоначальную мысль о том, что произошел «полный переворот» в общем понимании чародейства, Леманн объяснял это влиянием мавританской магии:

«Благодаря крестовым походам и мавританским университетам в Испании европейцы пришли в соприкосновение с арабами и, познакомившись с естествознанием и магией, которые ревностно культивировались маврами, развили эти науки еще далее».

Здесь нет места для полемики. Более высокий по сравнению с европейским уровень арабской науки, а также изощренные приемы магии, искусство алхимии и каббала сыграли заметную роль в истории народов христианской Европы. Но это отнюдь не вскрывает причину мнимого «переворота».

Что же касается очевидной перемены тактики, то она целиком и полностью была вызвана появлением инквизиции.

В 1274 году, как раз в год смерти Фомы Аквинского, состоялся первый широковещательный процесс над ведьмами, закончившийся костром. И произошло это в том самом Лангедоке, где новоиспеченный орден доминиканцев — «псов господних» — выжигал остатки разгромленной силой оружия катарской ереси.

«Охота за ведьмами» в прямом и переносном значении слова явилась закономерным продолжением ожесточенной, никогда не утихавшей борьбы с ересью. Поскольку в Тулузском графстве непокорных еретиков разбили, а нераскаянных сожгли, требовалось продолжить облаву на еретиков тайных. Это оказалось удобнее сделать под прикрытием новой процедуры, скрупулезно разработанной в недрах святейшей инквизиции. Церковь, одержавшая победу в крестовом походе против собственных, хотя и малость заблудших чад, стремилась окончательно упрочить свою духовную, а через это и светскую власть. Объявить возможного конкурента еретиком было уже недостаточно. Уничтожение катаров (греческое слово превратилось в немецкое «катцер», что буквально значило еретик) как бы снимало проблему с повестки дня. Победа же, достигнутая ценой невиданного кровопролития и зверств, создала нужную атмосферу истерии и суеверного

ужаса. 3
ности те
ему как
индвид
Филипп
не перв
шим п
«альбиг
в руки
принадл
ство. П
было б
церкви,
зовала
политич
Когда
что это
и отмыч
сундуку
проблем
каратель
венно
логия.
тическа
заменят
ская се
хивало
мыслие
няв за
вала ко
дающей
зablуж
зablуж
с его со
жимых
ком об
свой до
ные в б
деяться
ние.
Новое
ный т
«дьяво
одинак
людин
для му
ставши
«госпо
Домин
ставку
опира
на ст
ловко
суевер

ужаса. Это расширяло возможности террора, позволяло придать ему как массовый, так и сугубо индивидуальный характер.

Филипп Красивый был далеко не первым властителем, сумевшим по достоинству оценить «альбигойский прецедент», когда в руки палача Монфора перешло принадлежавшее Раймунду графство. Право объявить еретиком было бесспорной прерогативой церкви, которая широко использовала его в качестве мощного политического орудия.

Когда же вдруг обнаружилось, что это орудие может служить и отмычкой к любому денежному сундуку, окончательно решилась проблема создания специальной карательной службы. Соответственно изменилась и терминология. Привычное клеймо «еретическая секта» все чаще стало заменяться определением «бесовская секта». От этого уже пахивало не богословским инакомыслием, но адской серой. Подняв забрало, церковь нацеливала копье не на человека, обладающего свободой воли, могущего заблуждаться и отречься от заблуждения, а на самого дьявола с его сонмищами демонов и одержимых, на отродья в человеческом облике, кровью скрепившие свой договор с адом. Перекрещенные в бесов еретики не могли надеяться на жалость и снисхождение.

Новое орудие — инквизиционный трибунал, новое клеймо — «дьявольский прислужник», — одинаково пригодное для простолюдинов и богатых вельмож, для мужчин и особенно женщин, ставших излюбленной дичью «господних псов».

Доминиканцы сразу же сделали ставку на низменные инстинкты, опираясь в своей деятельности на стяжателей и клеветников, ловко используя фанатиков и суеверных безумцев.

Ужас разъединяет людей. Взбаламученное кровавым потоком море житейское не замедлило выбросить на поверхность нечистую пену: шпионов и добровольных доносчиков всех мастей.

«И Клаас на основании указов был признан виновным: в симонии* — так как он продавал индульгенции; равным образом в ереси и укрывании еретиков; и ввиду этого присужден к пребыванию на костре до тех пор, пока не последует смерть... Суд присудил доносчику Иосту Грейпстюверу, имя которого, однако, не было названо, пятьдесят флоринов на сто первых флоринов наследства и по десять флоринов на каждую следующую сотню» (Шарль де Костер, «Легенда об Уленшпигеле»).

Дата возникновения инквизиции варьируется в широких пределах. Инквизитор Парамо обращается, например, к библейским временам, когда господь обрушил гнев свой на Адама и Еву. Иисуса он считает «первым инквизитором Нового завета», который «умертвил Ирода, заставив червей съесть его».

Историки называют разные даты, но тем не менее они укладываются в сравнительно узкий промежуток между понтификатами Иннокентия Третьего (1198—1216) и Григория Девятого (1227—1241).

Известный немецкий историк прошлого столетия Шлоссер, автор 18-томной всемирной истории, считал, что инквизиция сложилась между 1198 и 1230 годами. В знаменитых «Хронологических выписках» Маркса взгляды Шлоссера излагаются следующим образом: «1198 папой сделан Иннокентий III; он тотчас

* Симония — распространенная в период средневековья покупка и продажа церковных должностей.

Посвящение
в колдовские таинства.
Старинная аллегория

учреждает комиссию по расследованию и преследованию ереси, назначает своими легатами одного цистерцианского монаха и другого монаха того же ордена, Петра Кастельно, снабжает их письменными приказами, в которых содержатся все элементы последующих судов над еретиками (т. е. инквизиции)...

Преследование еретиков усиливается с тех пор, как к папским легатам присоединяются почтенный «святой» (пес) Доминик (основатель доминиканского ордена) и другие фанатичные испанские духовные лица, они побуждают также к вмешательству арагонского короля...

1229 Григорий IX — с одобрения «святого» Людовика IX — вводит религиозные или инквизиционные суды против еретиков... (этим судам подвергался независимо от сословия тот, кто давал еретикам приют или защиту или же отказывал в помощи их преследователям).

1230 страшная власть этих судов была отнята у епископов, передана учрежденному за двадцать лет перед тем нищенствующему ордену доминиканцев; решением собора попы, под страхом потери должности, были сделаны полицейскими служителями церкви (шпионами) и палачами своих прихожан!» *

Сопоставив этот емкий фрагмент из «Хронологических выписок» с уже известными нам этапами усмирения Лангедока, мы приходим к неизбежному выводу, что инквизиция если и не родилась буквально, то структурно и идеологически оформилась на фоне альбигойской трагедии. Процесс же ведьм 1264 года явился прямым следствием расширения инквизиторской деятельности.

Знакомясь с обстоятельствами жизни людей, считавших себя колдунами, и людей, которых принимали за колдунов окружающие, ловких фокусников и безвинно оболганных свободолюбцев, мы не упустим из виду жуткого зарева за окнами их кабинетов и лабораторий. Нет и не может быть истории волшебства вне истории инквизиции, вне истории вселенской церкви вообще.

«Антиклерикальные историки, — замечает по этому поводу в «Истории инквизиции» И. Р. Григулевич, — объявляют инквизицию следствием органической «порочности» католической церкви и

* Архив Маркса и Энгельса. М., 1938, т. 5, с. 235, 240—241.

свойственного только ей одной духа нетерпимости, игнорируя тот факт, что своих противников с не меньшим ожесточением преследовали протестантская, православная и другие христианские церкви, как и другие религии».

Это очень существенное для нашей темы уточнение, потому что в католических странах столь же широко была развита «охота на ведьм» и соответственно процветали дьявольские шабаши, как и в протестантских, обличавших католицизм с его инквизицией, но полностью принимавших католическую демонологию.

«Если наши отцы,— не без юмора замечает современный исследователь ведовства Ч. Уильямс,— ошибались в этом вопросе, то они ошибались в одинаковой степени. Католики и протестанты спорили о небе; что касается ада, то у них было почти единое мнение».

Единое мнение было у них и по части забав, связанных с пиротехникой, и по части методов допроса, способных заставить человека сознаться в том, что он, как тот несчастный тамплиер, «убил бога».

Мы вскоре увидим, что процесс Урбена Грандье, который с таким блеском провели внуки «героев» Варфоломеевской ночи, даже в мельчайших деталях не отличается от инсценировки под кодовым названием «Салемские колдуньи», поставленной кальвинистскими сыновьями американских пионеров.

К моменту создания инквизиционных судилищ, опутавших паутиной доносов, истерии и лжи Европу, а затем перекинувшихся в открытый Колумбом Новый Свет, колдовство и дьявольские шабаши обрели пугающую реальность, стали неотъемлемой частью повседневности, элементами быта.

Так фантом, завладевший людским сознанием и узаконенный в юридических актах, обретает плоть, подвижность и власть.

Тогда же стала обретать отчетливые очертания и занимающая нас фантазмагорическая система, получившая название оккультной науки.

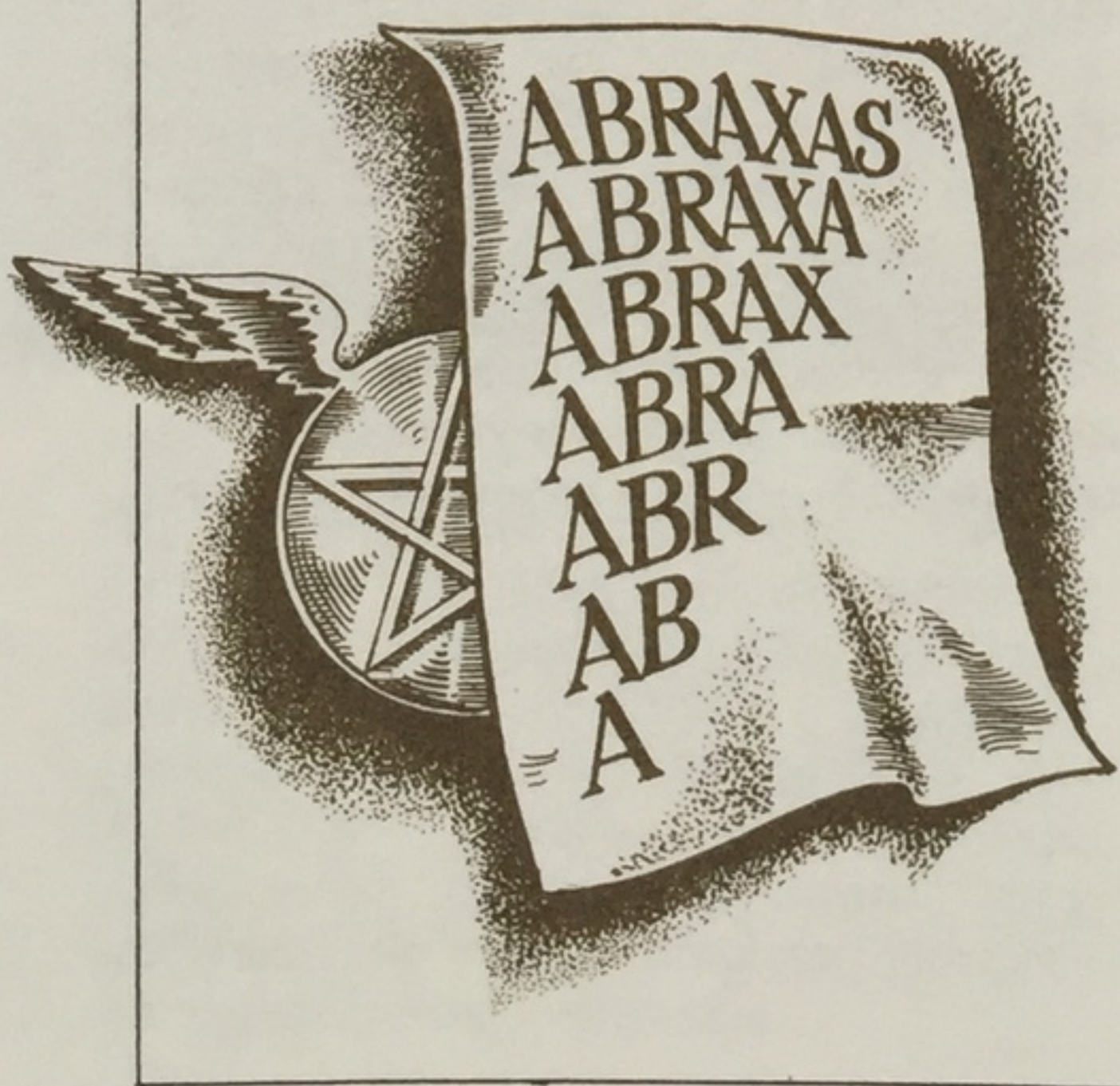
*Колдовское зелье,
составленное из вавилонских заговоров,
александрийской теургии,
арабской алхимии, еврейской каббалы,
иранского магизма и суеверных
вымыслов, взращенных на пустырях
сумеречного сознания еще греками
и римлянами, вскипело в адском котле
и потекло через край.*

Понадобился добавочный жар припасенных инквизиторами вязанок хвороста, чтобы сплавить воедино столь разнородные ингредиенты. В известном смысле это древнее варево клокочет и пенится по сей день, жадно вбирая в себя отголоски вселенских мифов. И дабы не остыли угли в алхимическом горне, чудовищные мехи неустанно подкачивают туда чумной воздух.

Изумрудная скрижаль

Существовала в незапамятные времена в стране Мизраим, которую мы зовем Египтом, у жрецов города Мемфиса, книга из 78 страниц, которые автор их — маг Гермес-Тот написал или, правильнее, выгравировал на золотых пластинках... Каждая золотая пластинка, являя собой страницу герметической книги, есть ряд чисел и букв; смысл этих чисел и букв в их таинственном соотношении с людьми и предметами заключен в «Аркане», иначе именуемом «Дверью».

Christian

ДРЕВНИЕ АВТОРЫ рассказывают, что в одном из походов Александру Македонскому показали гробницу Гермеса Трисмегиста. Не будем гадать о том, чей прах упокоился под безымянным камнем, на который с почтительной скорбью взирал великий завоеватель. Над этой загадкой бились поколения исследователей и толкователей древних текстов, но так и не пришли к единому мнению. Может быть, потому, что нет ее, загадки?

Боги Олимпа не мыслились изначальными. Как и у людей, у каждого из них была своя биография, а следовательно, дата, пусть точно не зафиксированная, и место рождения. Громовержец Зевс, одолевший в борьбе за власть отца Кроноса, родился на Крите, владычица любви Афродита появилась из пены морской на острове Кипр.

Пока приносились жертвы на алтари и эманация веры питала олимпийцев, они мнили себя бессмертными, но настала пора, и языческим богам пришлось вслед за Паном уйти в небытие. Как неохотно, как мучительно долго уходили те, кому принадлежала одухотворенная земля с ее горами и реками, заповедными рощами и вещим небом, усыпанным звездами, подоженной зарей.

Анатолю Франсу удалось передать в «Святом сатире» щемящее чувство прощания с природой, вернее, угасания, наполняющего природу животворного духа языческих игрищ: «Увы! И я состарился, ибо я только бог, и века посеребрили волосы у меня на голове и на груди; они погасили пыл моих чресел. Я был уже обременен годами, когда умер великий Пан, а Юпитер, претерпев ту же участь, которой он подверг Сатурна, был низложен Галилеянином. С тех пор я начал хиреть и чахнуть, а под

конец да
в гробни
ть сам
хоть отча
му лишь,
ничего и
совсем.
жизни».
Гречески
вают ту
ра — Зев
логическ
безуспеш
слова. С
вещь, им
иметь и
смертная
смерти,
ляет пра
Бесполез
рационал
туры ми
столь ве
Пан, то
очароват
гов — не
затерянн
ской глу
Кто же
с увит
давший
искусств
ческому
Покрови
Меркури
или иб
Тот, пут
чальник
быть, в
рия — Т
себя 42
которых
тен?
Послед
неразре
труднос
теософы
Гермети
ствител
Трисме
жели н
ственно
открове
Асклеп

конец даже умер и был похоронен в гробнице. И поистине я только тень самого себя. Если же я еще хоть отчасти существую, то потому лишь, что в мире не пропадает ничего и никому не дано умереть совсем. Смерть не совершенней жизни».

Греческие гиды охотно показывают туристам могилу Юпитера — Зевса, благоразумно обходя логический тупик, над которым безуспешно ломали голову богословы. С одной стороны, всякая вещь, имеющая начало, должна иметь и конец, с другой — бессмертная сущность не знает смерти, а бестелесное не оставляет праха.

Бесполезно вымерять линейкой рационализма расплывчатые контуры мифа. Если могли умереть столь великие боги, как Зевс и Пан, то почему бы и Гермесу — очаровательному посланцу богов — не иметь своей могилы, затерянной где-нибудь в варварской глуши?

Кто же он, этот сын Зевса, с увитым змеями кадуцеем, давший имя свое герметическому искусству алхимии и герметическому знанию оккультизма? Покровитель плутов и торговцев Меркурий (римский эквивалент) или ибисоголовый египетский Тот, путеводитель душ и родоначальник «тайных наук»? А может быть, всего лишь жрец Меркурия — Тота, оставивший после себя 42 рукописных свитка, дух которых высок, а смысл смутен?

Последний вариант, снимавший неразрешимые теологические трудности, и взяли на вооружение теософы и оккультисты.

Герметические трактаты действительно рисуют легендарного Трисмегиста скорее земным, нежели небесным посланцем божественной воли, вещающим свои откровения через сыновей Тота, Асклепия и Амона.

Трудно сказать точно, где и когда жил человек, выбравший себе и своим воображаемым наследникам столь претенциозные литературные псевдонимы. Тем более что за ними могла скрываться целая авторская бригада, растянувшая свою анонимную деятельность на века. Однако исторический контекст трактатов позволяет дать, пусть самую приблизительную, хронологическую привязку.

Климент Александрийский (II—III вв.), имевший обыкновение обильно цитировать сочинения современных ему гностиков, не упоминает ни имени Гермеса Трисмегиста, ни названий его трудов. Зато Климент подробно перечисляет папирусы бога Гермеса, вернее, Тота, обнимающие всю иератическую мудрость Египта: божественные песнопения, астрологию, медицину, включая физиологию женщины и гигиену.

Но Лактанций столетие спустя уже приводит ссылки на Гермеса Трисмегиста, хотя и не упоминает его «Асклепия». Это позволяет сделать вывод, что основные герметические трактаты появились где-то в середине III века. Причем были они написаны по-гречески, что видно из характерной игры слов, а не переведены с египетского, как «сочинения Гермеса-бога». Более того, весь египетский их элемент откровенно заимствован из упомянутого Климентом свода.

До нас дошли 14 трактатов Трисмегиста, объединенных в общий сборник под названием «Пемандра, или Пастырь мужей», где автор излагает поучения божественного разума; книга «Асклепий, или Посвятительная речь»; четыре отрывка из книги «Дева Мира», разрозненные фрагменты диалогов с «сыновьями», а также три «определения» Асклепия царю Амону: о солнце,

демонах и телесных страстях. Им и суждено было окропить живой водой буйные всходы всех последующих оккультных учений.

Трисмегист смело перемешал «три первоэлемента» грядущей средневековой мистики: иудео-христианский монотеизм с его реликтами солнечных поклонений, египетское многобожие, инстинктивно тяготеющее к эзотерическому синтезу, и философский идеализм греческой Александрии.

В первом трактате идея единого бога отождествляется с божественным разумом в образе света, противостоящего влажному началу, созданному тьмой. Разум порождает слово. Разум поэтому бог-отец, а Логос — сын божий. «Откуда, — вопрошает Трисмегист своего небесного собеседника, — произошли стихии природы?» — «Из воли бога, который, взяв свой Логос и созерцая в нем порядок и красоту, создал мир по этому прототипу», — разъясняет «Пастырь мужей».

Далее выстраивается уже знакомая нам гностическая иерархия: «Разум — бог мужской и женский, жизнь и свет, рождает через Логос божество огня и духа, которое, в свою очередь, образует семь служебных духов, обнимающих своими кругами (обратим внимание на столь знаменательное сочетание. — Е. П.) чувственный мир и управляющее им посредством так называемой судьбы». Смешав библейскую идею творца с гностическим символом падшего эона-андрогина, Трисмегист поставил перед человеком дерзновенную, еретическую в самой основе задачу — посредством совершенного знания соединиться с божеством и стать его воплощением. Бестрепетная скорбь египетской «Книги Мертвых», повествующей о загробных странствиях души, обре-

тает у Трисмегиста явственные контуры пифагорейской абстракции, а отголоски индуистских мелодий вливаются в мощный орфический гимн.

«Смерть есть наше освобождение от уз материи. Тело есть куколка (кризолида), которая открывается, когда мы созрели для более высокой жизни. При смерти наш дух выходит из тела, как аромат из цветка, ибо дух заключен в теле, как аромат в семени цветка» (трактат «Асклепий»).

Как не вспомнить здесь о практике подвижников-шиваитов, о тантрической медитации, о мусульманских аскетах из ордена суфиев?

Не о реальном познании мира говорит Трисмегист, а о «разумной жертве души и сердца», о сосредоточенном погружении в абсолют, отрешении от желаний и мысли.

«Наша мысль не может представить себе божество, и наш язык не может его определить. Бестелесное, невидимое, не имеющее формы не может быть воспринято временем. Божество есть абсолютная истина и абсолютное могущество, а абсолютно неизменное не может быть понято на земле».

Отсюда он совершенно закономерно приходит к теургии — чудотворству и волшебству.

Подобно тому как верховное божество эмануирует отдельных богов в небесных сферах, человеку дана сила творить богов в посвященных им храмах, излучать материю и создавать формы для чудотворных, пророческих проявлений невидимых сил.

В иерархии сфер царит творец Вселенной, в эфире царит Солнце, управляющее движением звезд и светил, Луна повелевает душами и демонами, а царь, помазанник божий, владеет Землей, населенной людьми.

Как и пророк
сумевшие о
нем ту или ин
гист явно ст
стей предерж
учению, цар
венны по пр
в своем вы
ве. И это к
стальгическо
эпохи, когда
божественн

гом.
Жалобой об
сти и универ
ломкие пап
неведомая
учения Три
гательной
шенной пе
бога из Н
чим и гност
сущий ра
смиранный
душие чер
ковья.

Государи, п
щиеся несп
кими, таков
но лишь п
демонов. I
замедлят п
ных чертог
с нетопыр
кружится
стрельчат
ангелочки
попрячутся
левских оп
Стоит ли
что хрест
духах и пр
ся пророче
сланиях и
стве столь
отороченн
высочайш
Государь и
ны в ат
поколений
суеверной
ниться ос
тии? Корн
рев уходи

Как и пророки богов-победителей, сумевшие освятить своим именем ту или иную церковь, Трисмегист явно стоит на стороне властей предержащих. Согласно его учению, царские души божественны по природе и неизменны в своем высочайшем достоинстве. И это вполне отвечает ностальгическому зову минувшей эпохи, когда цезарь именовался божественным, а фараон — богом.

Жалобой об утраченной цельности и универсализме пронизаны ломкие папирусы, на которых неведомая рука начертала поучения Трисмегиста. Но в трогательной жалобе этой, заглушенной песнопениями в честь бога из Назарета, мы различим и гностический бунт, и присущий раннему христианству смиренный демократизм, и грядущие черные мессы средневековья.

Государи, поучает Гермес, являющиеся несправедливыми и жестокими, таковы не по своей природе, но лишь по наущению злобных демонов. И они, демоны, не замедлят поселиться в роскошных чертогах. Когтистая нечисть с нетопыринными крыльями закружится под гулками сводами стрельчатых арок. Инфернальные ангелочки с рожками козлят попрячутся в балдахинах королевских опочивален.

Стоит ли удивляться поэтому, что хрестоматийные мифы о духах и привидениях, о сбывшихся пророчествах, ангельских посланиях и самом черном волшебстве столь упорно цепляются за отороченный горностаем шлейф высочайших особ?

Государь и верховный жрец слитны в атавистической памяти поколений. Где еще, как не в суеверной молве, могли сохраниться осколки былой теократии? Корни генеалогических деревьев уходили во мглу, в которой

таились свергнутые с Олимпа боги, ставшие демонами. Они по-прежнему алкали крови и злота, направляя судорожные движения коронованных марионеток, чьими альковами раз и навсегда завладел похотливый дьявол.

И потому астролог, алхимик и маг-чернокнижник поспешили проторить тропы к царским вратам. Они встретили радушный, хотя и чреватый эшафотом, прием. Сделались доверенными слугами, конфидентами, советниками. Не только императоры, но и святейшие папы начинали увлекаться алхимией и чернокнижием.

Средневековые алхимики как раз и приписывали Гермесу Трисмегисту так называемую «Tabula Smaragdina» — «Изумрудную скрижаль». Этот неизвестного происхождения аллегорический отрывок, в котором можно усмотреть описание системы миров и «философского камня», был признан квинтэссенцией алхимической премудрости, получившей название герметической философии.

Эти «тринадцать заповедей» Гермеса Трижды Величайшего, начертанные, по преданию, на его могиле волей Александра Македонского, окажутся для нас не только вратами замкнутого в себе самого универсума алхимии, но и тайным ходом в причудливую Вселенную средневекового сознания, пронизанную нитями волшебных соответствий.

«Это верно, без обмана, истинно и справедливо! То, что внизу, как то, что вверху, и то, что вверху, как то, что внизу, для того, чтобы совершить чудеса одного и того же. И подобно тому как все предметы произошли из одного, по мысли одного, так все они произошли из этого вещества путем его применения.

Его отец — Солнце, его мать — Луна, Ветер носил его в своем чреве, Земля — его кормилица. Солнце — отец всякого совершенства во Вселенной. Его могущество безгранично на Земле.

Отдели Землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством. Это вещество поднимается от Земли к небу и тотчас снова нисходит на Землю. Оно собирает силу и верхних и нижних вещей.

И ты получишь славу мира, и всякий мрак удалится от тебя. Это могущественная сила всякой силы, она уловит все неуловимое и проникнет во все непроницаемое, потому что так сотворен мир!

Вот источник удивительных применений... Вот почему я был назван Гермесом Трижды Величайшим, владеющим тремя отделами Всеобщей философии. Я сказал здесь все о деле Солнца». Алхимики понимали под «делом Солнца» изготовление золота, оккультисты — преобразование духа и тела. Правы, видимо, обе стороны, но скрижаль намекает еще и на нечто третье — священнейшую мистерию Солнца, объединившую жрецов Амона-Ра и Аполлона, друидов, альбигойцев и мальтийских рыцарей.

Все во всем, одно может выступать манифестацией другого и каждое — всего. Наложение двух треугольников, обращенных основаниями друг к другу. Союз огня и воды, макрокосма и микрокосма, единство и борьба двух противоположных начал: света и тьмы, бога и дьявола.

«Ключ Соломона» — так называлась знаменитая книга средневековой магии, составленная из пентаклей, талисманов и заклинаний.

Для нас таким ключом станет основополагающий принцип «Изумрудной скрижали»:

«То, что внизу, как то, что вверху...»

Он позволит открыть не только заржавевшие засовы средневековья, но и новейшие магические замки, оснащенные электронной и прочими технологическими изысками, потому что в основе своей магический ларец почти не изменился со времен высших авторитетов по части «тайных наук» — Альберта Больштедтского (1193—1280) и Раймунда Луллия (ок. 1235—1315).

Поэтому, чтобы составить себе представления о «Черном Искусстве», не обязательно всякий раз прибегать к первоисточникам, записанным на пергаментных свитках латинскими литерами и еврейскими письменами. Творения современных оккультистов и их теософских предшественников, несмотря на ощутимый индубуддийский или же сексуальный, расистский или иной макияж, явят нам тот же мертвенный лик замкнутой в мистический многоугольник Вселенной, подвластной воле мага, мириадами нервных нитей соединенной с его душой.

Популяризаторы древней мистики вроде Элиафаса Леви, Папыса Пиобба или Тухолки настолько благоговели перед своими древними учителями, что прилежно переписывали любой вздор, над которым потешался еще Корнелий Агриппа. Авторитет прошлого был для них не только непререкаем, но и, как это свойственно религиозному сознанию, освящен традицией.

«Древняя, — счел необходимым подчеркнуть уже в заглавии своей книги французский мистик П. Пиобб, — высшая магия».

«Предание западных оккультистов, — декларирует С. Тухолка в «Оккультизме и магии», — ведет свое начало от египетских жрецов. Основным догматом религии жрецов, сообщаемым, однако, лишь посвященным, был догмат о единстве божества.

Орфей, н
известных
говорит в
стериях:
«Размысли
Созерцай
правь твою
по правом
господа е
смертен,
себя зар
от него
всем».
Монотеизм
ся в недр
этого по
тысяча л
жрецы, к
каждом у
оккультни
шили св
отступни
сившего
го бога. Н
вел выд
для того
уличить
ских пер
мах. Мне
параллел
в уста л
Орфея м
и запове
Все та
На то ес
«Оккуль
кратком
высшей
целую
систему
зирова
вить за
явления
образом
Кроме
из цел
наук и
димый
в види
Таким
дачей с
ников
ных т
и смер

Орфей, наиболее древний из известных нам посвященных, говорит в своих песнях и мистериях:

«Размысли о божественном слове. Созерцай его непрерывно, направь твое сердце и твою душу по правому пути и взирай на господу единого, который бессмертен, единого, который сам себя зародил. Все происходит от него одного, и он есть во всем».

Монотеизм, разумеется, зародился в недрах политеизма, но для этого понадобилась не одна тысяча лет. Те же египетские жрецы, которых поминают при каждом удобном случае авторы оккультных сочинений, обрушили свой гнев на фараона-отступника Эхнатона, провозгласившего культ единого солнечного бога. Но это частность. Я привел выдержку из Тухолки не для того, чтобы в который раз уличить оккультизм в исторических передержках и анахронизмах. Мне хотелось лишь провести параллель между вложенной в уста легендарного песнопевца Орфея мыслью о единстве сущего и заповедями Трисмегиста.

Все та же навязчивая идея. На то есть своя причина.

«Оккультизм, — отмечает Пиобб в кратком введении к «Древней высшей магии», — представляет целую стройную философскую систему, имеющую целью синтезировать знания, чтобы установить законы, управляющие всеми явлениями видимого и, главным образом, невидимого мира.

Кроме того, оккультизм состоит из целой группы специальных наук и знаний, изучающих невидимый мир и его проявления в видимом мире.

Таким образом, главной задачей оккультизма является проникновение и познание сокровенных тайн мироздания, жизни и смерти.

В противоположность материализму, признающему одно лишь начало — **материю**, оккультизм признает три начала, или три плана существования:

1. Мир духовный, или божественный, поддающийся исследованию с помощью **аналогии**. Представителем его является дух.

Алхимические
фигуры

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ

«Отдели землю от огня,
тонкое от грубого, осторожно,
с большим искусством.
Это вещество поднимается от земли
к небу и тотчас снова снисходит
на землю. Оно собирает силу
и верхних и нижних вещей».

ANANIZAPTA
JONAZATH
I A

2. Мир духовный, или астральный, доступный наблюдению лишь при известных условиях. Представителем его является энергия, или сила, и

3. Мир физический, познаваемый внешними чувствами. Его представитель — материя.

Предания оккультизма ведут свое начало из глубокой древности. Сокровенные тайны оккультизма ревниво оберегались египетскими жрецами и индийскими браминами и передавались частью устно, частью письменно только посвященным. Письменные сочинения оккультного характера написаны символически и условно и доступны пониманию лишь посвященных».

Проигнорируем приманку уже знакомых нам определений: «индийский», «египетский» — и очевидную лесть насчет «посвященных», которую читатель, купив изданную массовым тиражом книгу, вполне мог принять на свой счет. Ничего не попишешь — реклама! В конце концов, даже презрительно обойдем выпад по адресу материализма, тем более что странная претензия включить в последний пункт за номером три научную картину мира может вызвать лишь снисходительную улыбку. Суть ведь в том, что оккультизм, обращаясь к вере, науку просто-напросто отбрасывает и, несмотря на «научную» терминологию, продолжает изъясняться в колдовских категориях, «доступных пониманию лишь посвященных». Поэтому под «невидимым миром» следует понимать не «мир в капле воды», открытый Левенгуком, и не мир элементарных частиц, о котором Пиобб даже не подозревал, но исключительно мир духов. Даже такие сугубо физические субстанции, как «энергия» и «сила», в оккультном смысле значат совсем не то, что мы обычно подразумеваем. «Прана»

древнеиндийской философии, «женская энергия» ламаистской тантры, «одическая сила» спиритов — вот что примерно укладывается в эти термины. Можно сказать также «божественная сила», «дьявольская сила», «медиумическая энергия», «животный магнетизм». Точно так же под привычными словами «знание», «наука» и «познание сокровенных тайн» подразумеваются совершенно иные, напроочь отрицающие истинную науку, ее цели и достижения, понятия. Впрочем, и сами «тайны» герметической науки и науки, познающей реальный мир, принципиально разнятся друг от друга.

Отметив, таким образом, двойственный характер оккультной терминологии, обратимся вновь к «Изумрудной скрижали». В нее, как мы видим, вполне укладывается вся «философская система» духовидения и волхвований, подобно тому как совпадают «три начала существования» с «тремя отделами» Трисмегиста.

«Три сферы философии подвластны мне! — возвещает Гермесова скрижаль, если верить новейшему, очевидно, уточненному переводу, и подтверждает почти эпически: — Три!»

Посмотрим же, что конкретно скрывается за этими тремя «сферами» и «началами».

Сравнив между собой различные руководства по черной, высшей и практической магии, книги формул и заклинаний, мы обнаружим вскоре, что, приняв на веру магическое число три, доверились букве, но не духу «древнейших» и «тайных» учений. «Начал» и «отделов» у магии обнаруживается много больше, по самым скромным подсчетам шесть, что арифметически вдвое больше, но **магически** все-таки равно трем, ибо нет двух триад, а есть одна раздвоенная триада. Познакомившись с начатками

каббалы и современной нумерологии, мы убедимся, что подобные математические «забавы» лежат и в основе заумных псевдофилософских построений, и самого примитивного гадания, на манер «счастливых» билетов.

Но это будет уже «тонкая структура» оккультной философии, разделенной на основные отделы и более мелкие единицы.

Вот как выглядит наиболее общая схема, включающая все разделы «тайных наук»:

I. ОТДЕЛ ОБЩЕГО ОККУЛЬТИЗМА

Герметическая философия, или философия оккультизма.

Метафизика, или философия физики.

Каббала, наука о божестве, Вселенной и человеке, во всех их соотношениях.

Тора, или сотворение форм.

Пифагорейство, или сотворение знаков.

Иероглифика.

Наука о числах.

II. АСТРОЛОГИЯ ОБЩАЯ

Астрология, или определение судьбы человека, на основании взаимного расположения планет в момент его рождения.

Физиогномика, или определение характера и судьбы человека по чертам лица.

Хиромантия, или определение характера и судьбы человека по линиям руки.

Книга Тота, или символы Таро, — свод главнейших положений древнего оккультизма.

III. ПСИХУРГИЯ

Медиумизм, или постижение сверхчувственного мира при посредстве медиума, лица, одаренного способностью выделять без участия воли астральное тело.

Магнетизм, или учение о флюидах, пронизывающих живую и неживую природу.

Психометрия, или способность воспринимать картины прошлого, связанные с тем или иным предметом.

Телепсихия, или ясновидение.

Телепатия, или способность выделять усилием воли астральное тело, которое может быть направлено в любое место.

IV. АЛХИМИЯ

Алхимия, или герметическое искусство превращения элементов посредством «философского камня», дарующего бессмертие и высшие магические способности.

V. МАГИЯ

Белая, или благодетельная, магия, управляющая астральными силами.

Черная магия, или колдовство, включая некромантику.

Герметическая медицина, низшую степень которой составляет **натуропатия**, а высшую — **священная терапия**.

VI. ТЕУРГИЯ

Теургия, или божественное чудо, с помощью которого удастся изменить ход событий и предназначенную человеку судьбу.

Я ничего не добавил к этой разработанной в начале века схеме, разве что изъял из нее такие действительно наблюдаемые и хорошо объясненные наукой явления, как **гипнотизм**.

В схеме много неясного даже с точки зрения оккультизма и недостает внутренней логики. Отделенная от «пифагорейства», явно повисает в воздухе «наука о числах», а «иероглифика» искусственно отрывается от «сотворения знаков». Впрочем, иного и не приходится ожидать, ибо оккультизм, игнорируя науку, презирает и ее методы. К тому же он изначально эклектичен и, претендуя на глобальность, не составляет монолитного целого. Отсюда явные несообразности, грубейшие ошибки и абсолютно непонятные упущения. Называя метафизику, дисциплину отнюдь не магическую, авторы схемы почему-то не выделяют в специальный отдел всякого

рода гадания. В результате «символы Таро» или, говоря попросту, карты, хиромантия и физиогномика присоединяются к астрологии, а геомантия, кристалломантия и всяческого рода гадания по воде, огню, зеркалу, полету птиц, равно как и гаруспиции — пророчества по **внутренностям животных** — все эти почтенные дисциплины незаслуженно остаются в тени. Видимо, по случайной забывчивости, потому что подобная дискриминация никак не вызвана состоянием магического рынка и тем более стремлением «теоретиков» современного

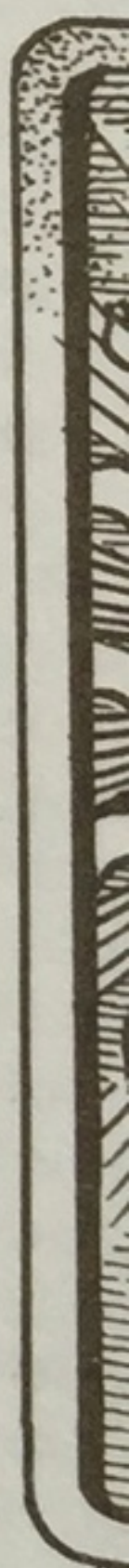
герметизма стать вровень с веком. «Черное Искусство», как мы знаем, неподвластно переменам. И нет ничего удивительного в том, что не перевелись приверженцы огня, воска и черной сажи, не исчезли знатоки кофейной гущи и бобов. Что же касается видений в хрустальном шаре, то они приносят нынешним оракулам исключительно стойкий доход. По популярности кристалломантия уступает только гаданию на картах и, разумеется, астрологии — некоронованной царице «тайных наук», абсолютной рекордсменке массовой контркультуры.

Ве

Какой
Во м
Я ож
И вно
Кто и
Какое
Дает
Расхо
Все п
И вот
И ви
Вселе
Тепер
«Мир

Но са
Умой

Очни

Великая седмица

Какой восторг и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья.
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетанье этих линий!
Расходится томивший душу мрак.
Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я — бог
И вижу, символ мира разбирая,
Вселенную от края и до края.
Теперь понятно, что мудрец изрек:
«Мир духов рядом, дверь не на
запоре,
Но сам ты слеп, и все в тебе мертво.
Умойся в утренней заре, как в
море,
Очнись, вот этот мир, войди в
него».

Иоганн Вольфганг Гёте,
«Фауст»

В БИБЛИОТЕКЕ Британского музея мне удалось познакомиться с французским переводом «Гримуара, или Черной магической книги», автор которой спрятался за псевдоним папы Гонория. Она целиком состоит из фигур и заклинаний, обращенных к Сатане, Люциферу, Астароту, Баалзебубу и прочим, менее значительным иерархам тьмы, вроде Намброта. Встречались и формулы, перечислявшие имена г-спода: Иегова, Иессемон, Еви-гион, Исах, Тетраграмматон, Эмануэль.

Разбирая концентрические круги с латинскими надписями и колдовскими знаками, расписанные по планетным часам и дням, я случайно наткнулся на «звезду Соломона», в верхней части которой был изображен бог, в нижней — вечный его оппонент и противник. Дуализм и равновесие Вселенной. Один из сложнейших гностических символов алхимика Василия Валентина.

В сущности, все магические обряды, будь то изготовление талисманов или церемония вызывания духов, построены на «теории соотношений» (Théorie des correspondances французских оккультистов). Она основывается на интуитивном законе аналогии, пронизывающем мироздание и связывающем воедино все «три плана»: духовный, астральный, физический. «Quod est superius est sicut quod est inferius» Гермеса Трисмегиста — «что вверху, то и внизу». Вверху благостный длиннородый старец склонился к темным водам, в которых отражен рогатый уродливый лик.

В буддизме махаяны, где «теория соотношений» разработана с исключительной четкостью, медитационные будды открывают длинные ряды божеств — эманаций, ответственных за все стороны реального и мистического

Алхимическая
аллегория
мироздания

Дуализм и равновесие Вселенной. Один из сложнейших гностических символов алхимика Василия Валентина. В сущности, все магические обряды, будь то изготовление талисманов или церемония вызывания духов, построены на «теории соотношений».

бытия. Пяти таким дьяни-буддам, представляющим непостижимого ади-будду — абсолюта, отвечают уставные цвета и звуки заклинания — мантры, благовоения и страны света, органы чувств, стихии и зооморфные символы шестидесятилетнего календарного цикла.

Европейская мистика не обладает столь стройной и сложной архитектоникой, хотя построена по тому же принципу и так же связана, как своеобразная знаковая система, нитями соответствий, соединяющими человека с природой.

Особенно важную роль отводит соотношениям астрология, претендующая на точность «сверх-астрономии» и музыкальную красоту непревзойденной гармонии мироздания. И в этом смысле астрология, основанная на пифагорейской «седмиче», полностью подобна «пятеричной» системе махаяны.

Древний мир знал лишь семь подвижных светил: Солнце, Луну, Сатурн, Юпитер, Марс, Венеру и Меркурий. Каждой планете отвечал определенный день недели, часы суток и, уже в силу формальных соответствий, ноты и цвета радуги. Точно так же были расписаны по «планетным типам» человеческие чувства, качества и даже органы. Любопытен в этой связи уже сам заголовок одной оккультной брошюры, изданной в Петербурге в 1913 году: «О планетных типах», руководство по физиогномике составила Персефона под редакцией «Эмеш».

Название удивительно характерно для «теории соотношений»! И каковы псевдонимы! Прелестные люди подвизались на ниве оккультизма! Подобный психологический тип с планетарно-божественными претензиями тоже неотделим от синдрома магизма.

«Семь светил проходят по дорогам Олимпа, и лучами их соткана вечность. **Солнце**, дающее смех, этот луч вдохновения; **Луна**, создающая боязнь, молчание и память; **Сатурн**, отец справедливости и **рока**; **Юпитер**, дарующий удачи, мир и производительность; **Марс**, отец порывов, борьбы и благородных инициатив; **Венера**, подарившая людям желанье и наслаждение, от нее же они получили улыбку для смягчения их доли в мире паденья; **Меркурий**, который дает человеческой природе мудрость, применяемость, слово и убежде-

ние, он же послал им изобретательность. Семь звезд проходят по дорогам Олимпа, и лучами их соткана вечность. Оттого мы черпаем из астрального флюида слезы, смех, гнев, слово, производительность, желанье и сон» (Гермес Трисмегист, «Дева Мира»).

Каждой планете, таким образом, соответствуют знаки зодиака, степень теплоты и влажности, цвета, запахи, вкусы, металлы, растения, животные, дни недели, типы и темпераменты людей, части тела, болезни и, само собой, судьбы. Считалось, в частности, что Сатурн дает человеку сосредоточенность, серьезность, строгость в исполнении долга, некоторую мрачность и меланхолию; Юпитер — добродушие, честолюбие, способность к управлению, чувственность; Марс — воинственность, грубость, энергию; Солнце — возвышенность мыслей и чувств, способность к искусствам; Венера — страсть и чувственность; Меркурий — находчивость, сообразительность и практичность; Луна — воображение, склонность к фантазии и поэтичность.

Даже понаслышке знакомый с античной мифологией человек узнает в этом почти анекдотическом перечне олимпийских богов, приуроченных к соответствующим светилам: владыку Зевса — Юпитера, склонного к любовным авантюрам, закованного в доспехи Марса, лучезарного Феба — Аполлона с лирой в руках, Афродиту — Венеру, мечтательную чародейку Диану...

И на таком фундаменте возводились «теоретические» построения, писались всевозможные «руководства» и даже «научные» труды, вроде «Теории темпераментов» Польти и Гари. О стиле и содержании подобной писанины можно судить по нижеследующему образчику:

«Типы самообладания (речь идет о людях соответствующего «планетного типа». — Е. П.).

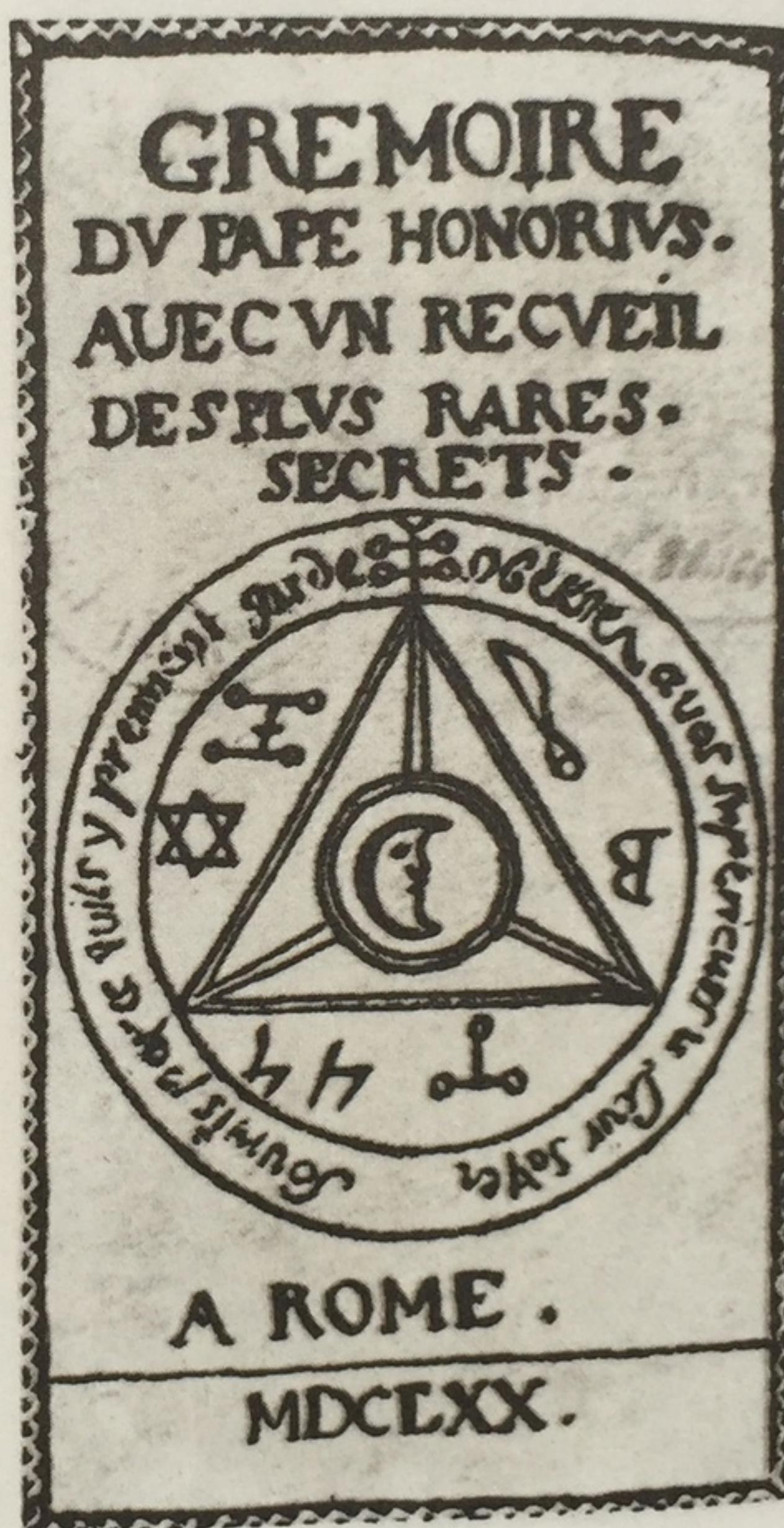
Солнце принимает презрительно высокомерное выражение.

Луна собою плохо владеет или смиряется.

Венера старается казаться оживленной, ее выдает молчанье, т. к. лицо выразительно и настроение можно скрыть, только заменив его другим.

Юпитер царственно спокоен.

Марс управляет собою железной рукой.

«Черная книга»
папы Гонория

Черная магическая книга, автор которой спрятался за псевдонимом папы Гонория, целиком состоит из фигур и заклинаний, обращенных к дьяволу.

Астрологические
аллегории.
Луна. Италия, XV в.

Сатурн. Холодное, «закрытое» лицо, часто глаза опущены.

Меркурий хитрит и увивается». Это из уже знакомой нам петербургской Персефоны.

Значит, «хитрит и увивается» наш Меркурий, быстрый, как ртуть... А вот как ведет он себя по отношению к другому полу: «Мужчина — льстиво и любезно; женщина применяется с тайной целью подцепить».

Небезынтересно узнать, как следует той или иной планете «входить в незнакомое общество». Солнцу по-

на. Планетарный раж мистиков поистине не знает удержу.

Вас интересует история? Пожалуйста: «Иоанн Грозный».

Сатурн — Марс — Венера, причем все выражены резко и дурно. На его лице трудно найти следы Венеры, т. к. мы имеем только портреты его в старости, когда Сатурн очень затер мягкость Венеры... Марс с Сатурном — это мстительность, злоба, а затем долгие бессонные ночи в молитвах, в посте, с холодным потом, выступающим от ужасных видений суеверного Сатурна».

Попробуй разберись без посредства планет в метаниях царственного злодея. Или взять изящную словесность:

«Луна — Сатурн. Печаль, разочарование, безнадежное одиночество, постоянное копание в своей душе... Достоевский, отчасти Гоголь последнего периода».

«Отчасти», «последнего периода» — к чему оговорки? Разве нельзя объявить явление целиком? Отчего же, нет ничего проще:

«Луна — Меркурий. Планы без конца, выдумки, предприятия, но положиться на этого типа нельзя; всегда выскользнет, надует или забудет... Любовь к зверям, умение приручать их и дрессировать; легкий оттенок хвастливости. Пример: Гоголь».

Подобные «пассажи» едва ли нуждаются в комментариях. Дальнейшее будет выдержано все в том же лапидарном стиле присяжных фельетонистов губернского масштаба.

«Типы работы. Солнце ровно, гармонично, без интереса к результатам...

Меркурий непостоянно, бегая за мелочами».

«Типы услужливости. Солнце охотно, щедро, не ожидая благодарности... Венера мило и ласково...» Что же касается нашего пройдохи Меркурия, то, усвоив до крайности примитивный метод планетных соотношений, результат можно предсказать заранее. Конечно, вы угадали, читатель: «Меркурий всегда готов к услугам».

«Типы ухаживания... Марс забудет и в последнюю минуту купит в первом попавшемся магазине яркий, пестрый, большой букет».

добавляет «скромно и достойно», Луне — «рассеянно озираясь», Марсу — «шумно и нахально», а Меркурию — «вертляво». Как же иначе, если он только и делает, что «хитрит и увивается». Можно было бы не задерживаться на подобной чепухе, не будь она столь универсально показатель-

Да и что взять с него, солдафона, мужлана? Зато: «Юпитер — розы, так как роза — царица цветов», а меланхолик Сатурн вообще «цветов не дарит».

«Светила были названы богами из-за влияний, которые бог поручил им распространять», — сформулировал свое кредо Гермес Трисмегист.

Поколения оккультистов довели этот теологический тезис до полного абсурда, соединив и уравнив явления, не имеющие ни малейшей причинной связи. Например, цвет загара и «типы религиозного чувства». Мистицизм, низведенный до уровня галантерейной пошлости, развенчал самого себя. Король, невзирая на загар, предстал голым.

«Солнце: созерцанье, молитва, пантеизм, бог светлый и далекий». Цвет загара — «золотистый, волосы кажутся светлее».

«Луна: суеверие, страх, фантазия; сумрачное, многообразное божество». На солнце она, как и следовало ожидать, «остается бледной».

«Венера: религия любви и нежности. Франциск Ассизский, говорящий проповеди птичкам». Цвет загара — «темный с румянцем».

«Юпитер: церемонии, пышность, культ, древность религии, вера отцов; торжественное и благообразное божество». На пляже мужчины и женщины указанного «планетного типа» не знают удержу и становятся кирпичными, уступая в этом отношении лишь огненно-красным «марсианам».

Как говорится, от великого до смешного — только один шаг. Он сделан, и на сем можно закончить сравнительный анализ несопоставимых вещей. Однако из-за невольной симпатии, возникшей в ходе нашего небольшого экскурса, мне захотелось реабилитировать ошельмованного Меркурия — Гермеса. Ловкий посланец богов, чем-то напоминающий раблезианского Панурга, хоть и не может похвастать красивым загаром (желтоватый), но зато: «проникает в тайны культа; старается приподнять завесу его

метафизической святой святых; делает это смело, но без цинизма; изучает, не отрицает».

Подобная оценка, несомненно лестная для «вертлявого» бога, знаменует невольный отход от олимпийского клише и приближение к оккультному стереотипу Трисмегиста.

В магических действиях закон ответственности обретает овеянное до мелочей воплощение.

Астрологические
аллегории.
Солнце. Италия, XV в.

ВЕЛИКАЯ СЕДМИЦА

«Светила были названы богами из-за влияний, которые бог поручил им распространять», — сформулировал свое кредо Гермес Трисмегист.

Впрочем, в магии нет мелочей, ибо она проявляет себя через предельную полноту символических связей. Если маг собирается изготовить, например, любовный талисман, то он приступает к работе не иначе как в пятницу — день Венеры, и все его действия подчиняются ее планетным влияниям. Он надевает зеленый плащ — излюбленный цвет ветреной богини, венок из вербежи — ее любострастный знак, приносит в жертву голубя, кадит розой, питает жертвенный огонь ветвями сосны или мирта. Все, как мы видим, начинается с планеты-покровительницы, ответственной за те или иные стороны человеческой жизни и обуславливающей всю дальнейшую символику.

На основании констелляций — взаимного расположения планет — определяют и потенциальную способность человека к магическим действиям. Сочетание на одной прямой Марса и Меркурия сулит в этом смысле наибольшую одаренность, причем без всякого усилия и труда. Угол в 30° между указанными планетами, или дуодектиль, требует от учеников чародея некоторого прилежания, секстиль — угол в 60° — говорит уже только о благоприятных задатках, которые можно развить трудом, а квадратура — 90° — сулит лишь неопределенную склонность, проявляемую в повышенной нервозности.

Чтобы оставаться до конца последовательными, современным магам, взывающим к жреческим мистериям Египта и Вавилона и действительно совершающим ритуалы в соответствии с древнейшей таблицей планетных часов, следовало бы руководствоваться и этим календарем тоже.

Столь же мало шансов выйти в волшебники дает и квинкос — 150° , хоть в последнем случае можно ждать проявления беспокойных сил. Хорошие, но очень неустойчивые способности отмечает оппозиция — 180° , и, наконец, трина — 120° — обещает замечательный дар.

Так, от сочетания до оппозиции (от 0 до 180°) устанавливается предрасположенность адепта к обрядовой магии, но лишь после перехода за рубеж 180° можно судить о его пригодности к теургии, ибо высшие оккультные способности уменьшаются по направлению от одного сочетания до другого, то есть от 0 до 360° эклиптики, считая за нулевую точку планету Марс.

Европейский оккультизм свято воспринял основные принципы халдейской и египетской астрологии, согласно которым планеты в первую очередь влияют на все происходящее в мире. Отсюда возникала настоятельная необходимость определить, какое светило царит на небосклоне в данный момент. В таблицах планетных часов, составленных, быть может, еще шумерскими жрецами, каждой планете был отведен «преимущественный час», когда именно она считалась господствующей. День получал имя той планеты, которая открывала «график», управляя первым часом.

Вавилонская неделя начиналась с отмеченной преимущественным влиянием Сатурна субботы, которая и поныне носит в английском языке наименование «дня Сатурна» — Saturday. Далее шли дни: Солнца — воскресенье (немецкое Sonntag и английское Sunday), Луны — понедельник (соответственно Montag, Monday и французское lundi), Марса (французское mardi), Меркурия, Юпитера и Венеры (соответственно французские mercredi, jeudi,

vendredi). Одним словом, люди и теперь, зачастую вовсе о том не подозревая, регулярно отдают дань древнейшим астрологическим представлениям, за которыми во дни оны следовали жертвы, запреты и прочие ритуальные действия. В папирусе, относящемся ко времени фараонов XIX—XX династии, в частности, содержатся следующие рекомендации:

«Тот (сентябрь): 21-го не убивать быков; 22-го не есть и не солить рыбы. Паофи (октябрь): 13-го не есть никаких овощей; 22-го не купаться; 26-го не начинать постройки дома. Атир (ноябрь): 5-го не зажигать огня и не смотреть на огонь; 19-го не выезжать на Нил... Тоби (январь): 7-го не показываться никакой женщине; 24-го счастливый день, следует пить мед».

Чтобы оставаться до конца последовательными, современным магам, взывающим к жреческим мистериям Египта и Вавилона и действительно совершающим ритуалы в соответствии с древнейшей таблицей планетных часов, следовало бы руководствоваться и этим календарем тоже. Но они зачастую не имеют о нем ни малейшего представления и едва ли знают о происхождении таблицы, которой столь рабски следуют. Между тем, чтобы составить ее, не нужно долго ломать голову, ибо никакой «планетной мудрости» за этим не стоит. Расположив Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венеру, Меркурий и Луну по кругу и двигаясь по ходу Солнца, можно легко заполнить графы по дням недели и господствующим часам. Сатурн, как мы видели, открывает этот подлинный «парад планет», ибо властвует в первый час первого дня. Господство Юпитера приходится уже на второй час, Солнца — на третий и т. д. Через каждые семь часов планетные

«дежурства», само собой, повторяются. Одним словом, периодичность часов копирует неделю. «То, что внизу, как то, что вверху»...

Поэтому все домыслы насчет какого-то там особого знания сокровенных циклов природы ни на чем не основаны. Чудесное уходит, когда добираешься до самых корней явления, каким бы мистическим флером оно ни было скрыто, под каким бы «покрывалом Исиды» ни подавалось. Двинемся далее вдоль символических нитей, протянутых от планет, подобно тому как Тезей

Астрологический
календарь

ВЕЛИКАЯ СЕДМИЦА

Круг
зодиака

шел в лабиринт Минотавра, разматывая клубок Ариадны. Астрология и магия в целом руководствуются календарем, где год, состоящий из 12 тридцатидневных месяцев, равен 360 дням и стольким же градусам небесной эклиптики. Каждые 10° образуют декан, и соответственно месяц, представленный знаком зодиака, включает в себя три декана.

Сопряжение зодиачной сферы с планетами достигается через посредство деканов, каждый из которых подчинен господству одной из семи планет. Внутренняя периодичность года, таким образом, тоже повторяет семидневный недельный цикл. Та же формализованная условность, за которой не стоит ни наблюдаемая астрономия, ни математика,

ни д
миф
Маг
рожа
на д
прои
до
до в
Вол
часо
ных
а из
зави
нет
Пос
щим
маги
как
отво
ное
до
каж
уви
час
ват
обра
тур
для
ца

Поло
жени
Лун

1

2

3

4

5

6

7

ни даже какой-то определенный миф.

Магические действия, равно как рождение людей, принято делить на дневные и ночные. Первые происходят в часы от восхода до заката, вторые — от заката до восхода.

Волшебная власть планетных часов, как дневных, так и ночных, не является постоянной, а изменяется каждые сутки, в зависимости от сочетания планет и созвездий.

Последуем и мы за разматывающимся клубком. Для черной магии средневековые гримуары, как и можно было ожидать, отводят преимущественно темное время суток: от полуночи до первых петухов. Впрочем, у каждого духа, как мы вскоре увидим, есть свои дежурные часы, когда его можно вызывать, так сказать, на дом. При обращениях выбирают часы Сатурна, Марса, Меркурия и Луны, для любовных заговоров — Солнца и Венеры, при заговорах

против всевозможных недругов — Сатурна и Марса. Для многолюдных магических церемоний отводят часы Юпитера и Венеры, для изготовления пентаклей — Меркурия.

Все волшебные процедуры, кроме того, были скрупулезно «расписаны» по фазам Луны, знакам зодиака и носили особое символическое наименование, обнаруживающее, кстати сказать, несомненное влияние арабских астрономов.

Такие таблицы, называвшиеся «древними» еще в средние века, включали все 28 дней лунного месяца. Их чисто астрологический формализм, по существу, ничем не отличался от уже знакомого нам египетского папируса, датированного двенадцатым столетием до нашей эры. Разве что положения Луны стали даваться с точностью до угловых минут (') и секунд ("). На первую неделю «древняя таблица», в частности, предписывала следующее:

Положение Луны	Оканчивающ.	Знаки зодиака	Название	Магические действия и энвольтования
1	12°32'26"	Овен	Альнах	Делать пентакли для путешествия. Энвольтовать любовь и ненависть.
2	25°42'12"	Овен	Альботаим	Изготавливать пентакли для источников и кладов. Энвольтовать ненависть.
3	8°24'28"	Бык	Аскория	Изготавливать пентакли для морского путешествия. Энвольтовать любовь. Заниматься алхимией.
4	28°34'2"	Бык	Альдебаран	Энвольтовать злобу и ненависть.
5	4°17'10"	Близнецы	Алюксер или Алингез	Изготавливать пентакли для путешествия. Способствовать таланту. Энвольтовать в пользу или во вред дружбе.
6	17°8'30"	Близнецы	Атая или Алкая	Энвольтовать в пользу победы на войне и против урожая.
7	0°	Рак	Аддиват или Альдиарас	Изготавливать пентакли, чтобы благоприятствовать торговле, водным путешествиям и вообще удаче. Энвольтовать, чтобы получить милость у великих и чтобы сеять вражду.

Добро и зло уравновешено на вещих весах зодиака, но от фраз вроде «эвольтовать злобу и ненависть» и «сеять вражду» невольно бросает в дрожь. Ведь колдовство — это зеркало, пусть темное и кривое, но все-таки отражающее облик эпохи. Судя по таблице, акции черной магии котировались довольно высоко и конъюнктура на вредоносные заклинания была высокая.

Все перечисленные на первую неделю действия в той или иной последовательности повторяются и в другие дни, когда рекомендовалось также делать пентакли «для тех, которые были обмануты», «для защиты от врагов», «чтобы сеять раздоры и несогласия», «в пользу бегства узников» и «против узников», «для заточения кого бы то ни было в тюрьму», «для войск», «для отмщения», «чтобы способствовать жатве, урожаю, богатству» и «во вред» оным.

Одним словом, «что внизу, то и сверху». Колдовское зеркало отражало умонастроения клиентуры черной и белой магии без искажений. «Древняя таблица» — это, по сути, тот же социологический опрос, позволяющий беспристрастно судить не только о морали заказчиков, но и об их социальной принадлежности. Чаще всего встречаются волхвования, касающиеся торговли, судоходства, сельского хозяйства и заклания любви. И это знаменательно, ибо дальним дорогам, любовной страсти, равно как и плодородию нив, покровительствовали самые капризные боги. Их повсюду сопровождал призрак смерти. Недаром говорилось, что «любовь и голод правят миром». Столь же зыбким, зависящим от множества случайностей, а следовательно, мнимым, непостижимым, выглядел и торговый промысел. На большаках

и водных путях торгового гостя подстерегали разбойники и пираты. Этим, однако, опасности не исчерпывались. Интриги конкурентов и произвол сильных мира сего подчас были для купцов страшнее пистолета.

Поэтому и спешили к «черным алтарям» богатые горожане, доверившие состояние превратностям морской стихии, отдавали колдунам последние крохи разоренные недородом крестьяне, а соблазненная каким-нибудь молодым сеньором красота тщетно искала спасения в приворотном зелье.

Шли века, но лишь платья менялись на куклах, дергавшихся в судорожной пляске. Ныне среди клиентов, пользующихся услугами гадалок и знахарей, на первом месте стоят мелкие бизнесмены, далее идут клерки, фермеры и молодые продавщицы: танцы по кругу, карусель зодиака с диковинными зверями, магическое кольцо. Не в силах разобраться в действительной причине социальных противоречий, запутавшись в паутине личных невзгод и не находя более утешений в церковной проповеди, эти люди обращают последнюю надежду на небо, где властвуют древние боги, принявшие обличья светил.

По учению астрологов и оккультистов, планеты способны влиять не только на земную жизнь, но и друг на друга. Они, повторяя в макрокосме мир людей, подвержены вражде и любовному притяжению, а потому и многообразные их сочетания оказывают различное воздействие на земные дела. Симпатическая связь планет поэтому всегда учитывалась при исполнении магических обрядов.

Так, «дружба» Солнца и Марса сулила успех в житейских делах, Луны и Юпитера — способствовала богатству, Меркурия и

Сатурна
шений.
ных рец
логии не
к руков
нетрудн
Луны и
любовь)
деб, Ме
говля и
пеха ко
Соединя
отрицат
пейцев,
негатив
«Вражд
пророчи
Марсом
Марса с
По изве
ношении
связи со
физичес
ных, ми
предмет
хическо
духовно
начение
и состо
таинств
талкива
мые пси
ряющие
Отсюда
«планет
логичес
дуем в

«Сатурн
мрачный
Пиобб.
ледяной
глаз. Г
тело дл
Женщин
строгой
и способ
фанатич
Юпитер
веселый
борода
венным
голова,
роста.
Женщин
власть

Сатурна — принятию верных решений. Унаследованность подобных рецептов от античной мифологии несомненна. Не обращаясь к руководствам по высшей магии, нетрудно «вычислить», что союз Луны и Венеры (плодородие и любовь) благоприятен для свадеб, Меркурия и Марса (торговля и военная сила) — для успеха коммерческих предприятий. Соединяя по той же самой схеме отрицательные качества олимпийцев, можно предугадать и негативные последствия.

«Вражда» Солнца с Сатурном пророчит неудачу, Венеры с Марсом — порок сладострастия, Марса с Сатурном — злобу и т. д. По известной нам «теории соотношений» те же симпатические связи соединяют все проявления физического мира: людей, животных, минералы, неодушевленные предметы, пронизывая их психической силой астрального и духовного плана. Основное назначение магии в том, собственно, и состоит, чтобы выявить эти таинственные притяжения и отталкивания, уловить неощутимые психические токи, одухотворяющие макро- и микрокосм. Отсюда и уже знакомые нам «планетные типы», и их «физиологические» портреты. Проследуем вдоль такой «галереи».

«Сатурн дает человеку вид холодный, мрачный и печальный, — сообщает Птолемей. — Черные волосы и борода, ледяной взгляд глубоко сидящих глаз. Голова наклонена к земле; тело длинное и худое. Женщина типа Сатурна обладает строгой сосредоточенной натурой и способностью к знанию. Иногда — фанатичка.

Юпитер дает человеку добродушие, веселый нрав. Волосы каштановые, борода редка, светлые глаза с открытым взглядом. Большая круглая голова, фигура полная, небольшого роста. Женщина типа Юпитера любит власть и блеск. Эгоистка.

Марс дает человеку вид живой, деятельный и вспыльчивый. Волосы светлые, борода густая, но короткая. Взгляд пронизательный и быстрый. Маленькая голова. Тело мускулистое, не жирное.

Женщина типа Марса любит передвижения и всякого рода деятельность. Характер деспотический. Отрицательные качества — иногда сумасшествия и преступления.

Венера дает вид моложавый, нежный и красивый. Борода очень густая, длинные светлые или каштановые волосы. Красивые глаза со страстным выражением. Пропорциональная голова, фигура хорошо сложена, рост средний.

Женщины типа Венеры вообще сладострастны и влюбчивы. Иногда очень развратны.

Меркурий дает человеку характер очень живой, нетерпеливый и переменчивый. Волосы коричневые, редкая борода, маленькие глаза, сверкающий, быстрый взгляд. Маленькая голова. Фигура небольшого роста, нервная и худая.

Женщина типа Меркурия обладает искусством интриговать. Эгоистка, способна к различным коммерческим предприятиям.

Луна дает человеку беспечный слабый вид. Выпуклые глаза, удивленный взгляд. Большая голова, фигура выше среднего, но непропорциональная.

Женщины типа Луны обладают беспокойным, романтическим, иногда развращенным характером.

Солнце дает энергичный, гордый и надменный характер. Глаза красивые и выразительные. Голова откинута назад. Фигура среднего роста, хорошо сложена.

Женщины типа Солнца обладают идеальным характером и влиянием на окружающих».

Игнорируя стиль и заимствованную из бульварной литературы «поэтику» этого физиогномического перечня, непосредственно вытекающего из аналогичного спектра «планетных типов», рассмотрим его «сухой остаток». Как и следовало ожидать, пор-

Сandro Боттичелли.
Марс и Венера

треты планет писаны с моделей, изваянных греческими мастерами. Если для комедийной задачи оттенков загара пришлось хоть как-то напрячь воображение, то разработка физиогномического пантеона целиком и полностью основывалась на гимназическом пересказе античных мифов.

*Марс, само собой, вспыльчив,
Венера — влюблива. Эко открытие!
Волшебного преобразования не состоялось,
алхимический алейка оказался
обескураживающе пустым.
Обнажив корни герметизма,
мы обнаружили шутовскую подмену.
Божественные мистерии выродились
до уровня басен, а поэзия греков
и римлян обернулась грязной сплетней.*

«Женщины типа Венеры вообще сладострастны и влюбливы. Иногда очень развратны». Да ведь это клеймо на все времена! Универсальные, обмазанные дегтем ворота! Можно лишь сожалеть о том, что люди, следящие за газетными астрологическими рекомендациями, не знают о том, на каких теоретических основах им пред-

лагается построить судьбу. Да, не больше и не меньше, построить судьбу.

«Как познать Вашего мужа, жену, любовника, ребенка, босса, служащего, себя самого с помощью астрологии?» — многообещающе привлекает читателя Линда Гудмэн, чья книга «Солнечные знаки» (Нью-Йорк, 1978) воз-

главила список бестселлеров. Возьмем для примера первую попавшуюся характеристику, допустим человека, родившегося под знаком Скорпиона.

«Большинство Скорпионов имеют мощное телосложение. Черты лица довольно тяжелые и резкие, четко очерчены, нос крупный, иногда крючковатый. Обычно имеют бледный, почти призрачный цвет лица, брови — густые, сходящиеся к переносице. У Скорпионов темные волосы и глаза, но не следует исключать тип холодных блондинов, ярким примером являются Грейс Келли и Билли Грэм». Окультизм прошлый и нынешний. «Роковые» черты героя бульварного романа и словесный портрет из детективного чтива «Черной серии». Как поразительно похоже! Причем не только в живописных деталях, но и в методе.

«Лев
живот
ляет
всего
тогда
того
до
одно
энерг
прекр
давя
Впеча
ли? М
цузск
ная
судя
Гудма
лет, и
так
отриц
«Врем
культ
пенск
вечно
новен
бьющ
и ис
сущес
одно
Тепер
охват
слабы
вечес
Преп
совре
ды Г
даеш
проро
жить
презр
новен
Этот
цип
нее,
леньк
перер
идет,
по на
Если
дается
лад,
цикла
«Не
мурл

«Лев управляет всеми другими животными. Лев-человек управляет Вами и кем угодно. Лучше всего быть с ним уступчивым, тогда он будет мурлыкать, вместо того чтобы рычать и пугать Вас до полусмерти. Лев выбирает одно из двух: или состояние энергичной общительности, или прекрасной лени, когда он подавляет роскошную зевоту».

Впечатляющий образ, не правда ли? Можно подумать, что французский мистик Пиобб, загадочная Персефона и миловидная, судя по фотографии, миссис Гудмэн вышли, несмотря на горы лет, из одной школы. Собственно, так оно и есть, оккультизм отрицает течение времени.

«Времени нет! — утверждал оккультный «теоретик» П. Д. Успенский. — Нет непрерывного и вечного возникновения и исчезновения явлений. Нет вечно бьющего фонтана являющихся и исчезающих событий. Все существует всегда! Есть только одно вечное настоящее, *Вечное Теперь*, которого не может ни охватить, ни представить себе слабый и ограниченный человеческий ум».

Препарируя творческий метод современных астрологов, и Линды Гудмэн в частности, убеждаешься в том, что оккультные пророки действительно пытаются жить как бы вне времени, презрительно игнорируя «возникновение и исчезновение явлений». Этот граничащий с манией принцип доходит до анекдота, вернее, уже знакомой нам пошленькой басни. Причем процесс перерождения эпоса в бурлеск идет, вопреки «Вечному Теперь», по нарастающей. А почему нет? Если планетный пантеон поддается переложению на басенный лад, то героям зодиакального цикла это тем паче пристало.

«Не позволяйте его ласковому мурлыканью одурачить Вас,—

своевременно предупреждает Линда Гудмэн.— Даже благородным львам (мужу? боссу? любовнику? — Е. П.) в глубине души доставляет удовольствие их королевская власть.

Что касается внешних качеств этого солнечного знака, взгляните вокруг и вы встретите людей, напоминающих Льва или Львицу, с пышной копной волос и обманчиво ленивым взглядом. Львы ходят плавно и гордо, с грацией кошки. В женщинах гибкая грация сочетается с трепетной энергией».

Ну вот мы и приехали. Если женщина «планетного типа» Венеры должна быть похожа на легкомысленную богиню, то женщине зодиакального типа Льва тоже следует походить на Львицу. «Все во всем» и «Вечное Теперь»... Отсюда и Скорпиону должно иметь «крючковатый нос», «бледные ногти» и «призрачный цвет лица». «Зодиакальная физиогномика», таким mannerом, полностью смыкается с планетной, откуда закономерно проистекает полное, до неразличимости, совпадение стилевых особенностей: «гибкая грация сочетается с трепетной энергией». Да и не только стилевых.

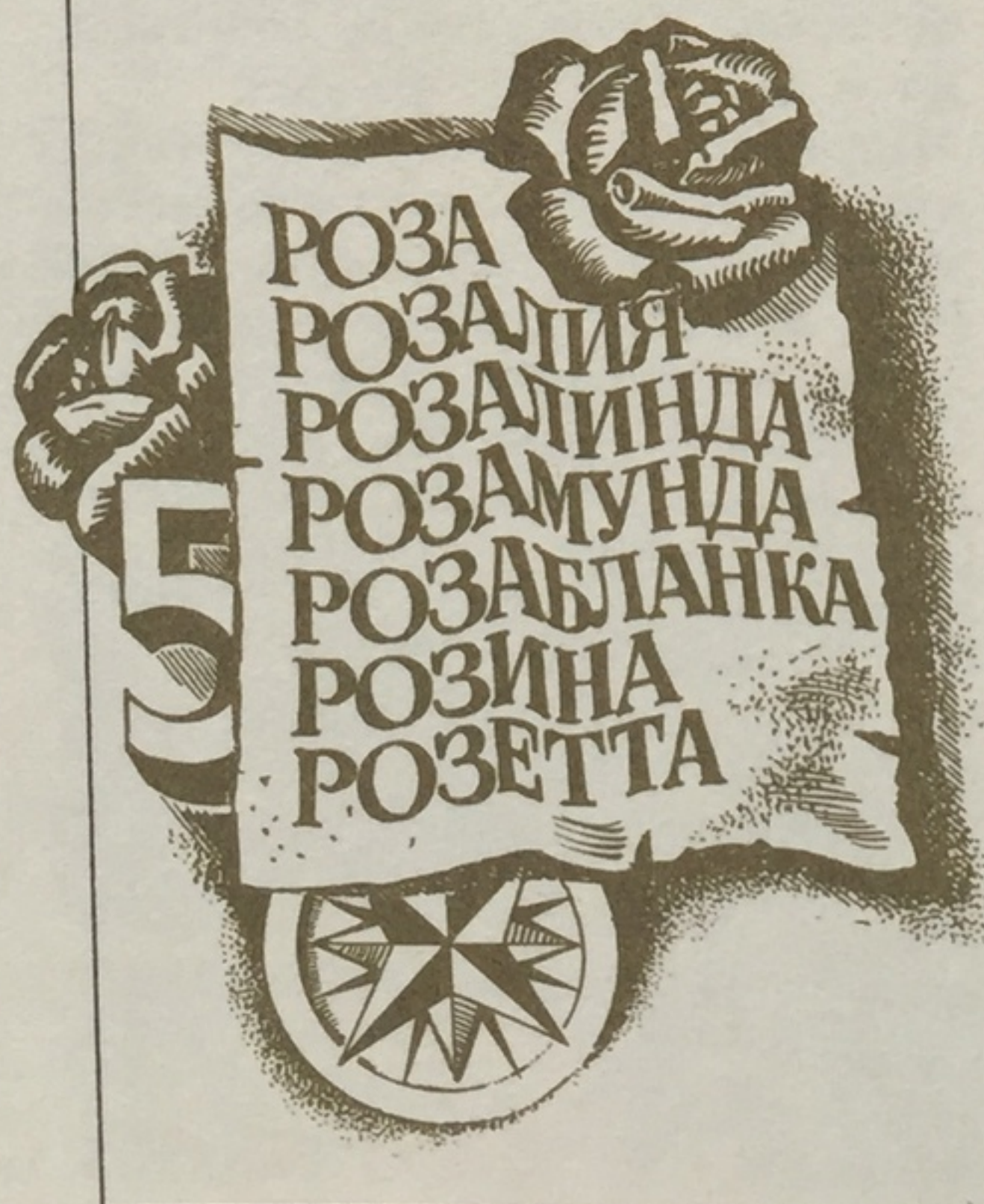
«Переходя к вопросу о любовных приключениях, мы должны заметить, что среди этих людей Вы найдете немного старых холостяков или старых дев. Пламенная гордость Льва становится причиной множества беспорядочных любовных походов и браков... Жизнь без любви для Львов и для скромных кошечек подобна крану без трубы... Они могут страдать... от проблем, связанных с органами размножения, а также хрипотой в горле».

Бедные Львы и бедные Венеры, которые могут быть «очень развратными»! Такими уж они родились, под такими звездами!

Властительные связи

Посреди сверканий росы я брожу
одинок, под сводом черных аллей,
как бродил мой Предок под крип-
тами блистающих гробниц! По
темному инстинкту, как он, я
избегаю, сам не знаю почему,
враждебного сияния луны и опас-
ного приближения человека.

Вилле де Лиль Адан,
«Тайные воспоминания»

ВСПОМНИМ об оставленных на-
ми планетах, так как для расска-
за о звездах и зодиаке время
еще не пришло. Вооруженные
формальным методом соответ-
ствий и памятуя о произвольном
его применении, мы двинемся
вглубь, от внешнего к внутрен-
нему, и ознакомимся с планет-
ным соотношением человече-
ских чувств, добродетелей и по-
роков. Это можно сделать без
лишних слов, сведя соответ-
ствующие понятия в таблицу.

Планеты	Чувства
Солнце	Понятие
Луна	Зрение
Меркурий	Речь
Венера	Вкус
Марс	Осязание
Юпитер	Обоняние
Сатурн	Слух

Добродетели	Пороки
Вера	Гордость
Надежда	Зависть
Благотворительность	Скупость
Воздержание	Сладострастие
Сила	Гнев
Справедливость	Обжорство
Благоразумие	Лень

Планетным соотношениям под-
чинялась вся жизнь человека,
от зачатия и до последнего
часа, точнее, до бесконечности,
потому что оккультизм исходит
из вечности духа. Так, пребывая
еще во чреве матери, ребенок
первый свой месяц находится под
покровительством Сатурна, вто-
рой — Юпитера и т. д. в извест-
ном порядке.

В полном соответствии с той
же формальной схемой младен-
ческий период управлялся Мер-
курием, детство — Венерой, от-
рочество — Солнцем, юность —
Марсом, зрелость — Юпитером,
старость — Сатурном и дрях-
лость — Луной. Богиня тайных
волхвований провожала архонта
до последней черты и продол-

жала о
речном
душа
кризал
Планет
чинен
тельные

Планеты

Солнце
Луна
Меркури
Венера
Марс
Юпитер
Сатурн

Прост
сифик
ти ры
пом об
провес
плане
из н
солнц
раютс
скую
издре
бога-г
тер —
Перун
кунас
ший
ству,
орла»
как б
соляр
В но
назы
древ
всей
куле
вещи
моло
через
искр
сали
себя
нача
дево
водь
ниче
лись
по

жала освещать ему путь в сумеречном царстве мертвых, когда душа покидала разрушенную кризалиду.

Планетным стражам был подчинен весь животный и растительный мир.

Потерпев поражение в борьбе с этим бесовским культом, церковь в конце концов смирилась с древним обычаем. Постаравшись ввести его в рамки пристойности и подменив языческого Купалу Иоанном Крестителем,

Планеты	Животные	Птицы	Рыбы	Деревья
Солнце	Лев	Орел	Хариус	Дуб
Луна	Кошка	Лебедь	Краб	Орех
Меркурий	Обезьяна	Попугай	Летучая рыба	Олива
Венера	Бык	Голубь	Тюлень	Мирт
Марс	Волк	Петух	Скат	Терновник
Юпитер	Слон	Павлин	Дельфин	Береза
Сатурн	Козел	Летучая мышь	Моллюск	Сосна

Простим древним мистикам классификационные огрехи по части рыб — очевидно, брались скопом обитатели вод — и попробуем провести выборочный анализ планетных соответствий. Иные из них, как, например, ряд: солнце — лев — орел — дуб, опираются на четкую мифологическую основу. Дуб, в частности, издревле считался жилищем бога-громовержца, будь то Юпитер — Зевс, скандинавский Тор, Перун или балтийский Перкунас. Отдавая этот священнейший атрибут солнечному божееству, равно как и «зевесова орла», герметическая традиция как бы закрепляла акт торжества солярного монотеизма.

В ночь святого Иоанна, или так называемую Купалову ночь, эти древние божества оживали по всей Европе: от Урала до Геркулесовых столпов. Вспыхивали вещие костры над обрывом, молодые парочки весело скакали через огонь, вздымая летучие искры, обливались водой, бросались нагишом в реку, отдавая себя под защиту языческого начала. Парни азартно стегали девок крапивой, веселые хоро-воды кружились вокруг празднично убранного дерева, вертелись в водоворотах пущенные по течению цветочные венки.

она тем самым освятила исконные суеверия и символику.

Столь же неразборчиво действовало и «другое ведомство», назначившее на ночь летнего солнцестояния, когда зацветает жарцвет, открываются клады, а травы набирают целительную мощь, свой главный шабаш.

Астрологические схемы, как мы видели, опираются на античную мифологию, низведенную до анекдота, басни, где мистический символизм произвольно перемешан с наглядными аналогиями. Отсюда обезьяна и попугай «вертлявого» плута Меркурия, отсюда летучая рыба этого расторопного бога-эфеба, который, дабы всюду поспеть, надел на ноги крылышки. Оккультизм, однако, эклектически многолик, и те же смысловые ряды оставляют место для совершенно иных толкований. Обезьяна, например, а тем более кошка могут рассматриваться и в виде реликтов египетской теургии, преображенных и опять-таки анекдотически выхолощенных средневековой молвой. Наивно было бы видеть в герметических учениях механическое воскрешение олимпийского пантеона. Для астрологов и алхимиков Меркурий прежде всего планета, а потом уже божество. Это элемент мирозда-

ния и мистический знак, персонафицируемый в образе, изначальное качество, сконцентрированное в «планетном типе». Поэтому чернокнижник, начертав магический круг, станет вызывать не античного бога-пройдоху, но духа планеты Меркурий. Древнейшему римскому божеству Сатурну, впоследствии отождествленному с Кроносом — пожирателем чад, которого оскотил победивший Юпитер, посвящены козел и летучая мышь — излюбленные ипостаси средневекового дьявола. И это не случайно, ибо темный бог, как и его светлый близнец, неявно присутствуют в герметизме. Луну мы видим в образе волшебницы и некромантки Гекаты, за которой крадется зловещая кошка. Нептырь и козел сопровождают Сатурна, подводящего архонта к разверстой могиле. Да и сосна — его дерево — напоминает о вечности потусторонней.

Культовые деревья и соответственно трав и цветов сложился в незапамятные праязыческие времена, напоминающие о себе неизжитыми игрищами вроде костров Иоанновой ночи.

Символическое значение растений неодинаково трактовалось в разные времена и в различных странах. Отсюда постоянные разночтения в гримуарах, трактатах и оккультных книгах. Тем более что символика цветов отличалась исключительной многозначностью и по-своему оценивалась обоими конкурирующими «ведомствами».

В планетной «табели о рангах» растения занимали следующее место: Солнцу был посвящен подорожник, хранящий жар и силу любви; Луне — хриностат, оберегающий путешественников; Меркурию — пятилистник, дарующий знание; Венере — вербена, цветок любви и веселья; Марсу — бараний язык, расте-

ние храбрых; Юпитеру — дающая воздержанность белена и оффодилус, изгоняющий духов, — Сатурну.

Не станем задерживаться на ботанических аспектах этой древней классификации и примем ее как нечто данное, подобно тому, как приняли, не доискиваясь конкретного названия «моллюск» — устрица? улитка? спрут? — Сатурна.

Честно говоря, я не силен по части трав и не нашел в наших определителях ни оффодилуса, ни хриностата. Очевидно, у нас они имеют другие названия. К счастью, мы не собираемся реконструировать здесь рецепты знахарей и чернокнижников древности, поэтому, повторяю, возьмем очередную планетную схему как некую данность. В колдовских книгах непосредственно к ней примыкал и более широкий перечень растительных эмблем, свободный от жестких астрологических соответствий.

Амарант считался эмблемой бессмертия, ирис — мира, лилия — чистоты, лотос — целомудрия, мирт — сострадания, мак — лени, резеда — нежности, крапива — сладострастия, роза — любви. Иными символами — оливковая ветвь мира и свадебный флердоранж, олицетворяющий чистоту, — человечество руководствуется, по крайней мере словесно, в повседневной жизни; иные, как например, трилистник — эмблема оккультной триады, тернера, составляют эзотерическую тайну.

Тот же цветок розы — образец совершенства — мог означать не только любовь, но и красоту, изящество, радость, удовольствие, пышность, славу, хвалу, блаженство, аромат, искренность, гордость. В другой системе знаков он мог олицетворять прямо противоположные качества: мо-

литву, м...
ственность
Розовый
знаем, г...
фозах «...
Это ли...
ности и...
чивости...
Можно с...
ли роза...
произрас...
гречески...
ный алта...
вые поло...
искусных...
преврати...
в похотл...
Церковь...
ся, вдох...
рили до...
ческую...
белой, ...
всего вс...

Я послал
Золотого,

Это — в...
времена...
ных кар...
за», — си...
звезды...
Хотя гер...
Венеру...
цветком...
и красот...
что дал...
веренице...
Розалин...
Розетта...
Впрочем...
за борт...
ствует...
имя Роз...
Четки то...
ни «роз...
ствующа...
Скромны...
прамате...
нил в...
означал...
ру «пят...
соверше...
пять ск...
тайнств...

литву, медитацию, тайну, таинственность, тишину.

Розовый куст сыграл, как мы знаем, главную роль в метаморфозах «Золотого осла» Апулея. Это ли не свидетельство древности и поразительной устойчивости языческих волхвований? Можно спорить о том, пришла ли роза с Востока или исконно произрастала на римских и греческих берегах, но на волшебный алтарь ее, бесспорно, впервые положили далекие пращуры искусных колдуний из Медары, превративших бедного Луция в похотливого осла.

Церковь, ее антипод и, разумеется, вдохновение поэтов расширили до беспредельности мистическую символику розы: алой, белой, черной. Вновь прежде всего вспоминается Блок:

Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Это — вневременное, это на все времена. «Роза ветров» на старинных картах, «алхимическая роза», — символ Солнца и символ звезды.

Хотя герметизм сочетал планету Венеру с вербеной и миртом, цветком Венеры — богини любви и красоты — была все-таки роза, что дало жизнь блистательной веренице женских имен: Роза, Розалинда, Розамунда, Розина, Розетта, Розалия, Розабланка. Впрочем, и мужчины не остались за бортом, о чем свидетельствует популярное в Испании имя Розарио.

Четки тоже называются по-латыни «розарий», как и соответствующая католическая молитва. Скромный цветок шиповника — праматерь садовой розы — хранит в себе идею единства и означал на языке каббалы цифру «пять». Две пятерки давали совершенное число «десять»: пять скорбных и пять славных таинств девы Марии. Поэтому

в символике эзотеризма роза — это еще и смерть, тогда как лотос — цветок грядущей жизни и воскрешения.

Подобная противоречивость, всеохватность характерна и для других растительных эмблем. Бузина, которая наряду с осиной и корнем мандрагоры издревле «зналась» с нечистым, считается современными «вики» носительницей полярного свойства. До сих пор в Англии и Америке многие люди верят, что прибитая к забору в канун рождества ветка бузины предохраняет дом от колдовства и всевозможных дьявольских козней. Точно так же магическая традиция приписывает чесноку силу против вампиров и прочих нечистых духов, герани — защиту от змей, клеверу — от колдунов и чертей. Базилик — трава дьявола — также считается верным средством от злых волхвований, а распознавать болезнь и черную магию помогает розмарин.

Наилучшее время для сбора трав отводилось на Иоаннову ночь, а в другие месяцы — на последние фазы Луны. Для каждого растения был разработан соответствующий церемониал. Вербену, например, разрешалось срывать лишь во время сбора винограда (отголоски Дионисовых оргий), а корень мандрагоры нельзя было вырыть, «не начертив предварительно три концентрических круга и не поместившись под ветром».

В старинных рукописях мандрагора, якобы жалобно кричавшая, когда ее вырывали, изображалась в человеческом облике. Она могла, если не были соблюдены требуемые процедуры, покарать невежественного обидчика или уйти глубоко под землю, исчезнуть, подобно колдовскому цветку папоротника. Деревья рисовались не просто атрибутами или даже предста-

вителями божественного начала, они и сами были богами, причем более древними, чем светила. Реликты этого некогда мощного культа сохранились повсеместно.

В Индии и Шри Ланке мне приходилось видеть трогательный обряд обручения мужчин и женщин с деревьями. Поклонение священному дереву бодхи можно наблюдать во всех странах распространения буддизма, а прекрасный обычай сажать «деревья дружбы», утратив религиозные черты, сделался элементом дипломатического протокола.

Заканчивая краткий обзор магических свойств растительного царства, задержимся на современном, преимущественно англо-американском, толковании древесных символов.

Дуб — священное дерево друидов, скандинавов, греков и римлян — дает защиту от колдовства; кладбищенский тисс символизирует плодородие и «жизнь после смерти»; яблоня и боярышник тоже олицетворяют загробное существование; ясень охраняет от змей и колдунов; рябина помогает распознавать колдовство и предохраняет от дьявола; ива — традиционная эмблема печали и покинутой любви; ель — эталон постоянства. Она же выражает идею грядущего бытия и дает защиту от молний. Набор, как мы видим, довольно унылый и однообразный.

Береза в этом заупокойном поминальнике замечательна лишь тем, что из нее делают метлы, на которых летают ведьмы, хотя согласно ирландской версии для этой цели лучше всего подходит бузинный прутик. Ветки ивы помогают девушкам распознать будущих женихов.

Здесь все смешалось: библейская символика и средневековое чернокнижие, реликты античных ве-

рований, друидизм и современная знахарская практика. Оно и понятно, потому что с помощью растений, которые давали сильнейшие яды и уже забытые нами целительные средства, магические действия обретали наглядную силу.

Специалисты считают, что еще в глубокой древности «чародейные травы» выращивали в специальных садах. «Орфическая Аргонавтика» (IV—V вв. н. э.) рассказывает о том, как собирала колдовские растения и вырывала «ядовитые клубни» прекрасная волшебница Медея, подарившая неверному Язону золотое руно.

Яд и здоровье. Исцеление через смерть. Здесь тот же принцип всеобщей симпатической связи. Змея Эскулапа, склонившаяся над чашей, готова замкнуть алхимическое кольцо. Дряхлому свинцу, металлу Сатурна, чтобы возродиться в сверкании золота для жизни вечной, предстояло умереть в запечатанной реторте.

Очевидно, практика добывания ядов, в чем особенно преуспел царь Митридат, наложила отпечаток и на оккультные представления. Вопреки универсальному принципу, магическими свойствами наделялось не только растение в целом, но и его плоды, семена, корни. Если в яблоне видели намек на загробную жизнь, то яблоко — символ первородного греха и неперенный атрибут сказок — означало непреодолимый мирской соблазн. Желтый цветок горчицы занимал в символическом списке скромное место, но горчичное зернышко воплощало мистическое всеведение.

В базельском (1581) издании поэмы Макра «О свойствах трав» есть поразительное по экспрессии описание неизвестного колдовского цветка:

Женщиной
Как у
Черный ж
Асса
Блещет ли
Черн
Мрачные д
Мног
Гнев распал
Друж
Делают так
И на
Сеют раздо
Ложь
Степень ше
Сухо
Вырыть ее
Муже

Этот от
Ю. Ф. Шу
ментарии
языке кни
ствах трав
«Идентифи
с каким-ли
остается
комментир
дышащие
поэтически
судить на
но то, чт
собой исче
образ всей
меня несом
Вспомним:
и ненавис
Обратим в
корень ее
линый»!
Сатана сре
принимал
козла, кото
«мессиром
отпущения
предназнач
ному духу
Кстати ска
ведомства»
зачислены
мянутые в
и гады: т
кроме жвач
крысы и пр
моллюски
кроме рыб

Женщиной эта трава справедливо, читатель, зовется,—
Как у виперы язык, губы — змеиным чета.

Черный же корень ее источает запах козлиный,

Ассафетиду затмить запах способен такой.

Блещет листвы белизной, прикрывается крепко повязкой,

Черный рождает цветок трижды, четырежды там.

Мрачные дарит плоды с семенами зловредного свойства,

Многим достойным они могут беду причинить.

Гнев распаляя, они разрывают и братские узы,

Дружбу умеют разбить наглым своим языком:

Делают так, что своих ненавидят родителей дети,

И на погибель острят зубы они без конца.

Сеют раздоры, растущие вечно, и сладостью порчи

Ложь и коварство вокруг сеют, как змеи, они.

Степень шестая у ней теплоты и степень седьмая

Сухости,— значит она ядов жестоких сильнее.

Вырыть ее из земли,— ты поверь мне,— нелегкое дело,

Мужество в деле таком должен явить человек...

Этот отрывок в переводе Ю. Ф. Шульца помещен в комментарии к изданной на русском языке книге Одо из Мена «О свойствах трав».

«Идентификация этого растения с каким-либо современным видом остается неясной», — лаконично комментируют специалисты эти дышащие гневом и страстью поэтические строки. Не берусь судить насчет идентификации, но то, что мы видим перед собой исчерпывающий мрачный образ всей черной магии, для меня несомненно.

Вспомним: «энвольтовать злобу и ненависть», «сеять вражду». Обратим внимание: «черный же корень ее источает запах козлиный»! Яснее не скажешь... Сатана средневековых шабашей принимал обычно образ черного козла, которого гости именовали «мессиром Леонардом». «Козел отпущения» древних евреев, предназначавшийся истребительному духу пустыни Азazelю.

Кстати сказать, в штаты «другого ведомства» были автоматически зачислены все «нечистые», упомянутые в Ветхом завете звери и гады: травоядные животные, кроме жвачных, кролики, зайцы, крысы и прочие грызуны; свиньи; моллюски и все обитатели вод, кроме рыб, имеющих чешую;

хищники; страусы; летучие мыши; обезьяны; ящерицы, крокодилы, змеи, лягушки и жабы.

Все это, но в самых химерических сочетаниях, можно увидеть в адской толпе на полотнах Босха и Брейгеля.

Наиболее одиозные представители «живого уголка» составляют, вспомним, свиту астрологического Сатурна: козел, летучая мышь и моллюск.

Поговорим поэтому о животных — спутниках дьявола и воплощениях адской мощи.

Больше всего не повезло в этом смысле котам, особенно черным. В средние века они слыли главной ипостасью нечистого. Кошка, ворон, сова и летучая мышь были непременно конфиденатами чародеев. Библейский змей, соблазнивший праматерь Еву, испортил и без того неважную репутацию рептилии, обвивающей целительную чашу. Одним словом, козел, кошка, змея и летучая мышь — последняя знаменовала смертоносные силы тьмы — находились на подозрении. Собака, наоборот, считалась в полном смысле слова другом человека и врагом нечистой силы, хотя Мефистофель, как мы знаем, впервые явился Фаусту в виде черного пуделя. Роль остальных представителей

животного мира в оккультных радениях была переменного свойства.

Павлин — птица астрологического Юпитера — считался врагом змей, но в синих глазках на роскошном его хвосте видели сатанинские очи. Голубь — посланец Венеры — повсеместно использовался в любовной магии, ворон приносили в жертву при тайных закланиях смерти. В культах кандомбле и вóду главное место предназначается петуху. Петушина кровь, перья, разрываемое доведенными до экстаза танцорами трепещущее мясо питают алчущих духов, доводят сексوماгический накал толпы до разрядки.

Мне приходилось видеть документальные фильмы о тайных водуистских обрядах с разрытием свежих могил, кровавыми инициациями девочек и мальчиков, патологическими спазмами, сотрясающими тела. Жуткие, отвратительные эпизоды, бросающие вызов всему тому, что мы зовем человеческими ценностями. Но, вспоминая увиденного на экране голого фанатика, который, иступленно визжа, кашляя кровью и пухом, рвал зубами кудахчущих птиц, я думал о сатанистах и «вики». Право, их дикие ритуалы выглядели ничуть не лучше, но куда более омерзительным было сознательное растление духа, нисхождение во мрак, возврат к первобытной дикости.

Дело не во внешних проявлениях, хотя и они могут сказать о многом. Распространенное на севере Европы суеверие, связанное с поеданием живой сельди, которая якобы поможет парню увидеть во сне суженую, ничем, в сущности, не отличается от водуистских жертвоприношений. Пусть рыбы не столь обильно пачкают кровью лицо, а чешуя менее заметна, чем перья, важен

общий принцип, образ мышления (хотя в таких случаях трудно употреблять эти понятия).

Средневековые с его ведьмовскими процессами оставило по себе неизгладимую память, но на фоне костров, погубивших сотни тысяч невинных людей, поблекли огни, на которых сжигали козлов и кошек, забылись способности вызвать разве что смех судилища над петухами.

Процессы против животных, обвиняемых в связи с дьяволом, не просто исторический курьез. Они отражают дух средневекового склада мышления, отвлеченного, склонного к ритуальному формализму, рабски послушного букве закона и сентенциям признанных авторитетов. Хранящиеся в архивах документы открывают перед нами поразительные страницы истории права и вместе с ним — культуры вообще.

Процессы против животных, проведенные по всем правилам тогдашнего судопроизводства, впервые документально зафиксированы в XIII веке во Франции. Затем их следы обнаруживаются в Сардинии и Фландрии, далее охватывают Нидерланды, Германию, Италию, Швецию и, наконец, уже во второй половине XVI века — Англию.

Вся Европа играет в жестокие игры, достойные сумасшедшего дома. Вот уж когда басни насильственно претворялись в быль! К зверям обращались судьи и прокурор, от их имени отвечали специально нанятые адвокаты. Авторитетнейшие мужи глубокомысленно вслушивались в мяуканье и блеяние терзаемых пыткой животных, произвольно толкуя душераздирающие звуки в ту или другую сторону.

Рассматривая наших братьев меньших в качестве наделенных сознанием и способных держать ответ за свои действия юриди-

ческих ли спруденции прецеденты гекатомбе заgrimиров сработал принцип: боль отвечать, что в четвероногих инкримини на закон кончали подобно ксте с Эсм Парижского Гюго.

«Что ввер и людей, «божьему говаривал венно обст убийство.

Приговор нение от присутств детей п зрелища звон. Каз лишь гос а не ка из цеха нились в ные счета ров, где лись изде В 1386 тую в ж подвергл и передн была вз, построен жестокой казни ее ступлени рвала л а уж п словом, гибнет ет закон

* Гекатомба — лось большое количество людей.

ческих лиц, средневековая юриспруденция создавала опасные прецеденты. Не в тамплиерской гекатомбе*, но на скотном дворе, заgrimированном под судилище, сработал впервые чудовищный принцип: «пытка вопрошает, а боль отвечает». Стоит ли уточнять, что все подвергнутые пытке четвероногие «сознавались» в инкриминируемых грехах? И на законном уже основании кончали жизнь на эшафоте, подобно козочке, сгоревшей вместе с Эсмеральдой из «Собора Парижской богоматери» Виктора Гюго.

«Что вверху, то и внизу». Как и людей, животных подвергали «божьему суду». Как людей, приговаривали их к казни и торжественно обставляли бессмысленное убийство.

Приговор приводился в исполнение открыто, празднично, в присутствии оживленных, разодетых по случаю забавного зрелища толп, под колокольный звон. Казнь всегда поручалась лишь государственному палачу, а не какому-нибудь живодеру из цеха мясников, о чем сохранились в архивах многочисленные счета заплечных дел мастеров, где скрупулезно перечислялись издержки.

В 1386 году во Франции одетую в женское платье свинью подвергли усекновению головы и передней ноги, после чего она была вздернута на специально построенной виселице. К столь жестокой, хотя и странноватой, казни ее присудили за два преступления: она сначала разорвала лицо и руку ребенку, а уж потом съела его. Одним словом, око за око. Пусть погибнет мир, но восторжествует закон. Казнь обошлась муниципальным властям в 10 су и столько же денье. Кроме того, было уплачено за одну новую перчатку для палача.

Это был чисто уголовный процесс. Зато случай, имевший место в 1474 году в Базеле, целиком и полностью относился к компетенции инквизиционного трибунала. Коллеги Инститориса и Шпренгера (авторов «Молота ведьм») послали на костер петуха, заподозренного в связи с дьяволом. Сейчас трудно сказать, действительно ли несчастный петух докатился до того, что самостоятельно снес яйцо, или его оговорили, но в приговоре черным по белому значится: сжечь петуха и яйцо.

Животных, подобно тому как это было сделано с альбигойцами и тамплиерами, сплошь и рядом обвиняли во всякого рода непристойностях.

Так, в 1565 году был сожжен вместе со своим хозяином мул, которому предварительно отрубили все четыре ноги. Уже в 1750 году, незадолго до революции, потрясшей до основания проржавелый феодальный каркас, состоялся процесс, на котором ответчицей выступала погрязшая в безнравственности ослица. Благодаря заступничеству местного кюре, письменно удостоверившего ее благовидное поведение, обвиняемая была оправдана судом и освобождена из-под стражи. Чувствовалось веяние новых времен.

Подобных и даже еще более удивительных примеров можно было бы привести великое множество, но вряд ли есть в этом необходимость. Основная мысль, полагаю, и без того предельно ясна.

Многочисленные общества охраны животных борются с жестокостью, проявляемой людьми. И это, конечно, похвально, невзирая на ханжество, присущее бур-

* Гекатомба — в Древней Греции так называлось большое жертвоприношение; в переносном значении — жестокое уничтожение множества людей.

жуазному обществу. Но когда убивают оленей, чтобы пустить вкруговую чашу с кровью, или бросают в огонь голубей, речь идет не только о тварях безвинных, но прежде всего о людях, отвергающих общечеловеческую мораль. Пусть ритуальные жертвоприношения, совершаемые современными колдунами и ведьмами, не способны вызвать записанных в «черные книги» духов; и тем не менее, обращаясь к душе человеческой, они пробуждают кровавые призраки прошлого, заволакивают глаза дымом, затмевают разум темной завесой инстинкта. Ни на минуту нельзя упускать из виду притязания оккультизма на *иррациональную универсальность*, иначе легко проглядеть его разлагающее начало, присущую ему всеохватность в закабалении душ. Любые предрассудки, кровавые наветы и самые разрушительные идеи свободно укореняются в атмосфере истерии и иступления. Нетрудно ввести в преступное русло безумие, но управлять им нельзя.

Близ западногерманского городка Гайзельвинда приютился окруженный сумрачными елями хутор, в котором хозяйничал ныне в бозе почивший Михаэль фон Лилиенфельд, высокопарно именовавший себя президентом «Тайного совета магического земного круга». Старый оригинал взрыхлил вокруг усадьбы землю, заботливо удобрил ее и засеял ядовитыми травами. Огородив этот созданный по образцу древних чернокнижников «колдовской садик» забором с колючей проволокой, Лилиенфельд развернул бурную деятельность. Вскоре почти все жители Гайзельвинда и большая часть штайгервальдских крестьян оказались в колдовских тенетах. Одним он продавал средства от сглаза, других пользовал парами белены

и цикуты, у третьих изгонял с помощью едкого дыма красавки чертей.

— Людям следует открыть глаза на деяния и связи, ведомые лишь нам, посвященным, — наставительно повторял новоявленный просветитель.

«Деяния и связи» недолго оставались тайной для профанов. Вскоре о Лилиенфельде, развернувшем бойкую торговлю по почте, узнали не только в Федеративной республике, но и в Швейцарии, Австрии и других странах, где нашлись поклонники «германской народной медицины».

Оккультное тяготеет к исчерпывающей полноте картины мира, его пророки тоже стремятся к универсальности. Чем только не торговал почтенный шарлатан, пустившись на восьмом десятке во все тяжкие! Он отправлял «магический чай» (около 4 марок за 100 граммов), «аура-очки», способствующие развитию ясновидческого дара (32 марки), пентакли и талисманы на все случаи жизни, чью колдовскую силу можно было постоянно «обновлять» за ежегодный взнос в 12 марок. Желаящим, а таких было много, Лилиенфельд рассылал «секретные» таблицы «месячного света», где были точно обозначены все роковые и благоприятные дни. С таким перечнем можно было чувствовать себя уверенно. Сегодня сеешь раздоры, завтра спокойно занимаешься бизнесом, в пятницу — только любовью. Разумеется, в человеческой жизни случаются досадные осечки, главным образом по вине дьявола и завистливых соседей — колдунов. Чтобы полностью защитить себя от всяких дурных влияний и устранить случайности, Лилиенфельд советовал вступить в основанный им «Всемирный союз света». Набившие оскомину слова «всемирный» и «свет» действовали почти безотказно, тем более что «посвящен-

ным» давались лестные привилегии. По-настоящему «секретную» литературу господин президент поставлял лишь членам своей лиги. Всего за 30 марок они могли приобрести практическое руководство с завлекательным названием «Симпатия-магия-волшебная медицина с семью магическими печатями». Те же, кто, стремясь к «наивысшему знанию», готовы были выложить 120 монет, приобретали роскошный, переплетенный в свиную кожу том «Шестой и седьмой книг Моисея».

Я видел этот не вошедший в Тору текст, появившийся впервые в XVI веке, то есть по меньшей мере через две тысячи лет после первых пяти книг библейского пророка.

Надо отдать должное издательству «Планет» в Брауншвейге, выпустившему это издание в свет. Наглядные рисунки, выполненные в средневековой манере, затейливые буквицы, готический шрифт. Настоящий гримуар XX века! Содержащиеся же в нем рецепты и заклинания, к которым каждая эпоха что-нибудь да добавляла, достойны цитирования в любом курсе психопатологии. Так, чтобы вылечить от алкоголизма, достаточно разорвать лягушку, затем поджарить ее и истолочь в порошок. От эпилепсии спасают заживо сваренные и также измельченные в порошок кроты. Но самым чудодейственным средством признавался пепел из человеческих костей.

Потомки тех, кто с помощью таких вот рекомендаций пытался лечить людей, скот, заклинать град и пожары, удобряли человеческим пеплом капустные поля Освенцима, варили мыло из человечины, изготавливали абажуры из татуированной кожи. Во всех этих немыслимых злодеяниях, естественно, виновен фашизм. Но чтобы принять нацистскую

доктрину, чтобы всецело подчиниться ее чудовищной практике, необходимо было преодолеть известные внутренние запреты. Тем, кто не только знал, что можно глотать пепел из человеческих костей, но и верил в то, что это нужно для здоровья или успеха, оказалось проще победить «предрасsudки прогнившего гуманизма».

Пепел Клааса стучал в сердце Тиля Уленшпигеля, а средневековые некроманты и суеверные обыватели прокрадывались к остывшим кострам еретиков, чтобы украсть горсточку чудодейственного праха. Путь человечества к звездам пролегал через тернии. Пепел мучеников будет вечно стучать в сердца живых. Иначе бы они не приносили ежедневно к памятнику Джордано Бруно цветы.

Но и ядовитые семена дают свои опасные всходы. Один молодой каменщик вместе со своим отцом-инвалидом и потерявшим работу приятелем, прочтя «шестую и седьмую книги», решили разбогатеть. Строго следуя предписанию, поймали и закололи косяку, а затем сожгли ее на костре из сухой вербы. Ожидаемого вознаграждения — компания почему-то рассчитывала получить от бога пять тысяч марок — не последовало, но был суд, который слушался в округе Ахаус.

К сожалению, отравители вроде Лилиенфельда на нем не фигурировали, равно как и издатели духовной отравы. Впрочем, фирма «Планет» (точно такое же название выбрали для своего обскурантского журнала Повесть и Бержье) однажды все же предстала перед западногерманским судом. Произошло это еще в 1956 году, когда гамбургский учитель Иоханнес Крузе обвинил издательство в сознательном надувательстве публики. Приговор, вынесенный издателям Мазуху и

Шнеллю, звучал поначалу грозно. В нем значились такие деяния, как обман, недобросовестная конкуренция, призывы к жестокому обращению с животными, осквернение могил, воровство и даже нарушение закона о борьбе с венерическими болезнями (гонорею «Шестая и седьмая книги» предлагали лечить дождевыми червями, сваренными в масле оливы — древа Меркурия).

Кара, однако, назначалась смехотворная — штраф в 900 марок. Правда, на нераспроданные экземпляры книги и типографское клише наложили арест, что грозило фирме миллионным убытком и было куда посущественней штрафа, но все обошлось. Суд второй инстанции отменил приговор и снизил сумму штрафа до 300 марок.

Выступавший в качестве эксперта защиты профессор этнографии

Вилли Эрих Пойкерт причислил тошнотворный опус к разряду «магической народной литературы» и призвал судей защитить «подлинно народную книгу, содержащую забытые культурные ценности». Примерно в тех же выражениях отзывался в свое время о «нордическом» волшебстве Геббельс.

Под гром оваций и вспышки репортерских блицев Мазух, Шнелль и приглашенный ими эксперт, столь трогательно воскресивший лексикон «третьего рейха», покинули зал. Оставшиеся 10 тысяч экземпляров немедленно разошлись, было оттиснуто второе издание, третье, затем обнаружилось новые, ускользнувшие от внимания библиостов «свитки», и, наконец, на прилавки поступила «Последняя и совершенно секретная книга Моисея».

Огра
сфин

У меня е
помыслы,
есть страд
это беско
ства или

Кавалер
дывал пе
ну...

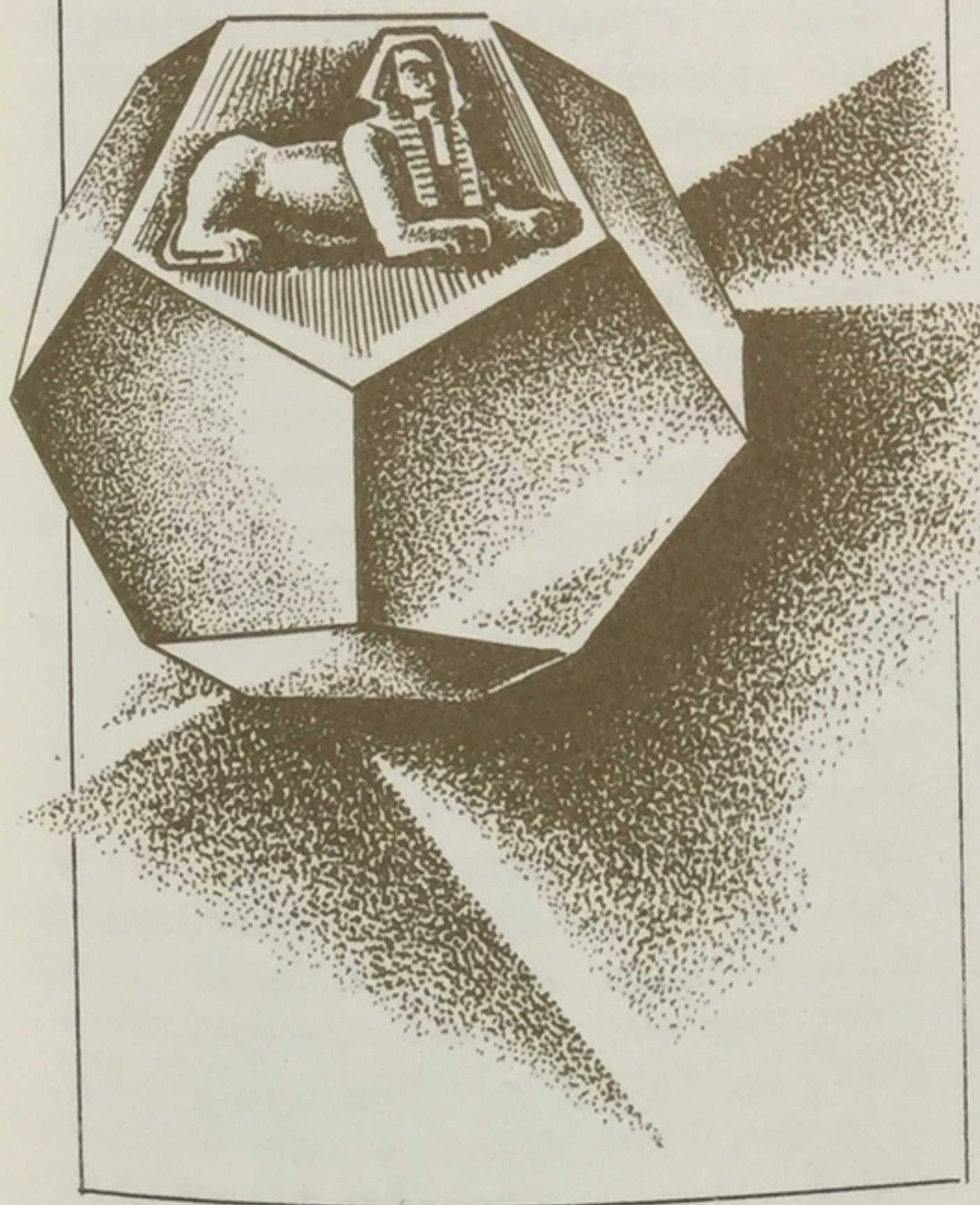
Ограниченный сфинкс

У меня есть любовь и любовные помыслы, есть слезы, порывы, есть страдания и томления: а все это бесконечно дороже, чем царства или владычества.

Раймунд Луллий,
«О природе»

Кавалер де Тарсис долго разглядывал перстень, хранивший тайну...

Барбэ д'Оревилли,
«Лики дьявола»

Я НЕ СЛУЧАЙНО прервал изложение «древних», «теоретических» основ оккультизма очередным экскурсом в современность. Исследуя парадоксы средневекового мышления, необходимо постоянно помнить о том, как может преломиться в современном сознании оккультный тернер, в частности его «физический план» с привычным нам ассоциативным рядом — люди, животные, деревья.

Все замкнуто во всем: и в дыме «чародейных трав», и в подернутых смертной поволокой глазах жертвенных агнцев человек искал лишь свое отражение.

На очереди у нас «мертвая природа»: «планетные типы» металлов и драгоценных камней. Кавычки употреблены дважды не случайно. Оккультисты не знают разделения на живое и мертвое, одухотворенные и неодухотворенные вещи. Жизнь и смерть для них не более чем отдельные стадии единого вневременного процесса, метаморфозы «Вечного Теперь».

Всегда жили горы — Лысая, Брокен и Блокула, на которых собираются ведьмы, живут астральные камни Стоунхенджа и, конечно, реки, озера, источники, дарующие волшебное обновление телу в Иоаннову ночь.

Металлы и камни считались таким же конденсатом планетного начала, как люди и звери. Одно представляло другое, а все вместе слагалось в непостижимые сферы мировой гармонии. Именно так взирали на мир и на свое «Искусство» алхимики. «С помощью алхимии, — писал философ и богослов Альберт Великий, — включенные в минералы металлы, пораженные порчей, возрождаются...» Это не случайная метафора, не жаргонная обмолвка человека, сочетавшего, как и подавляющее большинство алхи-

миков, златоделание с составлением исцеляющих эликсиров.

В алхимической теургии получение Солнца и Луны, то есть злата-серебра, было однозначно избавлению «неблагородных» металлов от порчи, лечению их, переводу в гармоничное состояние благородства-здоровья. Не случайно название медикаментов было одним из синонимов «красной тинктуры», «философского камня». «Великое деяние», таким образом, уже заранее включало в себя все алхимические аспекты: получение золота и обретение бессмертия, универсальный растворитель и универсальное лекарство.

«Спагирическое искусство, — подчеркивал Анджело Сала (XVI—XVII вв.), — составляет ту часть химии, предмет которой — природные тела: растительные, природные, минеральные. Адепты этого искусства совершают нужные операции, вознамерившись употребить эти тела в медицине».

Опираясь на реальные, но зашифрованные магическими символами химические превращения, практическая алхимия существенно отличалась от магии. Алхимик, не в пример колдуну, мог похвастаться вполне конкретными достижениями. Если не золотом, то по крайней мере порошком, как Бертольд Шварц, или фарфором, как Бедгер. Я уж не говорю о технологических процессах и инструментах, доживших до наших дней. Однако астральная сущность у обеих ветвей герметизма общая, равно как и объединяющий их термин «Искусство», латинское *Ars*.

Автор книг «Алхимия как феномен средневековой культуры» и «Образ мира в зеркале алхимии» В. Л. Рабинович тонко замечает по этому поводу:

«Чередование искусство — наука, наука — искусство едва ли слу-

чайно. *Artiste* — химик, *artifex* — искусник, ремесленник, но *artisan* — художник (и тоже ремесленник). Алхимия — ремесло, доведенное до искусства. Но — и наука, открытая «детям истины».

Это в значительной мере относится и к астрологии, и к теургии, с той лишь разницей, что последней вообще нечего выложить на судебный стол истории, ибо вне экстатической ауры она, как мифический подпоручик Киж, «фигуры не имеет».

Планетная классификация металлов и самоцветов, повсеместно использовавшаяся для изготовления магических предметов, выглядит так:

Планеты	Металлы	Самоцветы
Солнце	Золото	Карбункул *
Луна	Серебро	Алмаз
Меркурий	Ртуть	Сердолик
Венера	Медь	Изумруд
Марс	Железо	Рубин
Юпитер	Олово	Сапфир
Сатурн	Свинец	Обсидиан

Сразу же оговоримся: если относительно классификации металлов, лежащей в основе алхимических превращений, разночтений практически нет, то схема драгоценных камней подвергалась самым неожиданным переменам. Древние и новые мистики часто относят к Солнцу хризолит и алмаз, а также связанные с ними магическими соответствиями гиацинт, авантюрин, рубин, гелиотроп, хризопраз. К Луне в подобной системе относят опал и адуляр («лунный камень») с акваарином, бериллом, жемчугом и топазом — их эманациями.

Для наших целей вся эта совершенно произвольная раскладка

* Это старинное название густо-красных прозрачных минералов, очевидно, следует отнести к соответственно окрашенному алмазу. Символом Луны тогда будет обычный белый алмаз.

особого зна
важно лич
чить «пла
разобрать
тине мист
опутывавш
еще челове
Иное дело
камней и
верия. Он
место в ку
жем, «Иск
ные творч
телей и поз
димый отп
культуре.
ских заблу
стательная
глава.

«Лунный
линза, «
Куприна,
Артура Ко
первые пр
произведе
торых под
Что и п
кристаллы
же иного
где-то на
миды цен
Тянущийся
ческий шл
оставленн
веческой
ливали их
ность.
К чести р
сказать, ч
люди, зна
вещам и
Лично дл
бодомысл
несравнен
Описывая
он ухитр
стему аст
в том чис
лы и кам
«На гульс
с четверт
стяной ма
в виде д
ной двум

особого значения не имеет. Нам важно лишь в принципе обозначить «планетный тип», чтобы разобраться в сложнейшей паутине мистических соответствий, опутывавшей, да и опутывающей еще человеческий мозг.

Иное дело — магические свойства камней и связанные с ними суеверия. Они занимают заметное место в культе или, лучше скажем, «Искусстве» и, преобразованные творческой фантазией писателей и поэтов, оставили неизгладимый отпечаток в общемировой культуре. В истории человеческих заблуждений это самая блистательная, самая искрометная глава.

«Лунный камень» Уилки Коллинза, «Гранатовый браслет» Куприна, «Голубой карбункул» Артура Конан-Дойла — вот лишь первые пришедшие на память произведения, сами названия которых подсказаны самоцветами. Что и говорить, сверкающие кристаллы, стоившие порой дороже иного графства, пребывали где-то на самой вершине пирамиды ценностей древнего мира. Тянувшийся же за ними мистический шлейф и кровавые следы, оставленные в водовороте человеческой алчности, стократ усиливали их роковую притягательность.

К чести разума следует, однако, сказать, что всегда находились люди, знающие истинную цену вещам и явлениям.

Лично для меня образцом свободомыслия и юмора всегда был несравненный Франсуа Рабле. Описывая одежды Гаргантюа, он ухитрился осмеять всю систему астральных соотношений, в том числе «планетные» металлы и камни.

«На гюльфик пошло шестнадцать с четвертью локтей той же шерстяной материи, и сшит он был в виде дуги, изящно скрепленной двумя красивыми золотыми

пряжками с эмалевыми крючками, в каждый из которых был вставлен изумруд величиною с апельсин. А ведь этот камень, как утверждают Орфей в своей книге *De lapidibus* [«О камнях»] и Плиний, *libro ultimo* [в своей последней книге], обладает способностью возбуждать и укреплять детородный член».

Как мы вскоре увидим, приписываемые камням магические особенности не идут далее простейших соответствий — напомним, что изумрудом управляет Венера, — высмеянных Рабле. Переходя от одной детали туалета к другой, великий остроумец не упускает случая поиздеваться над суеверием своих современников.

«Для его перчаток были употреблены в дело шестнадцать кож, снятых с упырей, а для опушки — три кожи, снятые с вурдалаков. Таково на сей предмет было предписание сенлуанских кабалистов. Перстни у него были такие: ...на указательном пальце левой руки — карбункул величиною со страусово яйцо в весьма изящной оправе из чистого золота; на безымянном пальце той же руки — перстень из необыкновенного, дотоле не виданного сплава четырех металлов, в котором сталь не портила золота, а серебро не затмевало меди... На безымянном пальце правой руки Гаргантюа носил перстень в виде спирали, и в него были вделаны превосходный бледно-красный рубин, остроконечный брильянт и физонский изумруд, коим не было цены...»

Сугубо астрологический смысл этого отрывка легко поддается расшифровке. Если сопоставить планетные характеристики камней, металлов и пальцев, которые тоже соотносились с «планетными буграми», то получится полнейшая бессмыслица, —

чего, видимо, и добивался гениальный «извлекатель квинтэссенции», как именовал себя Рабле. Он окончательно срывает маски, когда переходит к характеристике цветов платья и связанной с ними символике. Однако, прежде чем дать соответствующую выдержку из «Гаргантюа и Пантагрюэля», изучим оккультную сводку планетных цветов, а заодно и планетных «ароматов и благовоний»:

Планеты	Цвета	Ароматы и благовония
Солнце	Золотой	Гелиотроп
Луна	Серебряный	Ирис
Меркурий	Радужный	Можжевельник
Венера	Зеленый	Вербена
Марс	Красный	Вереск
Юпитер	Голубой	Мята
Сатурн	Черный	Мак

Оставляя эту таблицу без комментариев, я с удовольствием предоставляю слово метру Франсуа Рабле:

«Цвета Гаргантюа, как вы знаете, были белый и голубой, — этим его отец хотел дать понять, что сын для него — радость, посланная с неба; надобно заметить, что белый цвет означал для него радость, удовольствие, усладу и веселье, голубой же — все, что имеет отношение к небу.

Я уверен, что, прочтя это место, вы посмеетесь над старым пьяницей и признаете подобное толкование цветов слишком плоским и вздорным; вы скажете, что белый цвет означает веру, а голубой — стойкость. Ну, так возрадите же мне, если хотите, но только спокойно, без раздражения, не волнуясь и не горячась (времято у нас теперь уж больно опасное!)... Чего вы на стену лезете? Кто вам внушил, что белый цвет означает веру, а голубой — стойкость? «Одна никем не читаемая и не почитаемая книга под названием *Геральдика цветов*, которую

можно купить у офеней* и книгонош», — скажете вы. А кто ее сочинил? Кто бы он ни был, он поступил благоразумно, не указав своего имени. Впрочем, не знаю, что в нем более достойно удивления — самомнение или глупость: может статься, самомнение, ибо он, не приводя никаких оснований, доводов и причин, опираясь только на свои собственные домыслы, осмелился предписать, как именно надлежит толковать цвета, — таков обычай тиранов, которые в противоположность людям мудрым и ученым, почитающим за нужное приводить веские доводы, стремятся к тому, чтобы здравый смысл уступил место их произволу; а может статься, глупость, ибо он воображает, что, не имея доказательств и достаточных оснований, а лишь следуя его ни с чем не сообразным догадкам, люди станут сочинять себе девизы.

И точно (видно, правду говорит пословица: было бы корыто, а свиньи найдутся): он нашел каких-то допотопных простофиль, и вот эти-то простофили и поверили его писаниям; накроив по ним изречений и поучений, они разукрасили ими упряжь своих мулов и одежду слуг, разрисовали ими свои штаны, вышили их на перчатках, выткали на пологах, намалевали на гербах, вставили в песни и, что хуже всего, запятали и бросили тень на доброе имя некоторых целомудренных матрон, а те об этом и не подозревали.

Вот до чего дошли эти придворные щеголи и суесловы! Если они избирают своим девизом веселье, то велят изобразить весело; если кротость, то — крота; если печаль, то — печать; если рок, то — бараний рог; если лопнувший банк, то — лопнувшую банку; если балкон, то — коней

* Офеня — бродячий книготорговец.

на балу
и торг»
Какое
вание в
ских, ка
ческих и
ся, на в
Одним
разруши
сплетени
ную нем
логии ф
шегося
жествен
трубаду
ний кар
иерархи
нок в с
сходили
окостен
кового
При это
сенции»
на соб
действи
Тьма с
на пере
Мастер
мученн
ми деви
мом, Р
вложил
«Однак
подобн
пасно —
гавань,
когда-н
обстоят
помощ
заключ
на при
него м
и како
и что
обозна
чтобы
подста
как г
кувши
Памят
свиней
достос
тивши
в Мон

на балу; если восторг, то — воз и торг».

Какое поразительное проникновение в самую сущность магических, кабалистических, символических игр! Это нам, как говорится, на все случаи жизни.

Одним небрежным дуновением разрушив мистические хитросплетения, Рабле обнажил духовную немощь и нищету всей идеологии феодализма, жадно цеплявшегося за призрачные нити «божественных» соответствий. Если трубадур обрушивался на внешний каркас феодально-церковной иерархии, то Рабле нацелил клинок в солнечное сплетение, куда сходились нервные окончания окостеневшей системы средневекового мира.

При этом «извлекатель квинтэссенции» отнюдь не заблуждался на собственный счет — время действительно было опасное. Тьма сгущалась перед рассветом на переломе эпох.

Мастерски расправившись с «вымученными и грубыми» омонимами девизов и цветовым символизмом, Рабле с лукавой улыбкой вложил шпагу в ножны.

«Однако плыть далее среди подобных пучин и мелей небезопасно — я возвращаюсь в ту гавань, откуда я вышел. Надеюсь когда-нибудь изложить все это обстоятельно и доказать как с помощью философских умозаключений, так и путем ссылок на признанные авторитеты древнего мира, сколь многочисленны и каковы суть цвета в природе и что каждым из них можно обозначить. Дай только бог, чтобы с плеч моих не свалилась подставка для колпака или же, как говаривала моя бабушка, кувшин для вина».

Памятуя о пословице насчет свиней и корыта, приведенной достославным гуманистом, защитившим ученую диссертацию в Монпелье в одно время с Ност-

радамусом, окунемся в увлекательную игру цветными камешками. Ставшая особенно модной в последние годы, она всячески раздувается ювелирными концернами, извлекающими из жгучего интереса к оккультной символике добавочные миллиардные доходы. По причине резко возросших цен на природные кристаллы азартная погоня за талисманами, не переставая быть забавой богатых людей, превратилась еще и в самую прибыльную статью капиталовложений. И это единственное, к чему стоит относиться серьезно, ибо в гороскопной таблице камней — на Западе и в некоторых странах Востока ее часто прилагают к визитной карточке ювелирной фирмы — столько же смысла, сколько в упомянутой выше «Геральдике цветов».

Поэтому, не касаясь пока распределения самоцветов по знакам зодиака, познакомимся с общесимволическим значением некоторых особо «магических» камней. Сколько романтических легенд и наивнейшей чепухи связано с ними! Как маняще переливаются они в обманчивом калейдоскопическом узоре, который, словно витражная розетка, возникает вдруг в готическом лабиринте, где в облике Гермеса скрывается Минотавр.

Конечно, цель всего творенья — мы, Источник знания и прозренья — мы. Круг мироздания подобен перстню, Алмаз в том перстне, без

сомнения, — мы.

(Омар Хайям)

Алмаз, по учению древних мистиков, дарует добродетель, мужество и приносит победу. Однако он не сулит особого успеха тому, кто приобретал его за деньги, а, оказавшись в руках преступника, даже мог навлечь на него недобрые силы. Считалось, что царь-камень изгоняет греховные помыслы, но не может противостоять дьявольскому наваждению. Алмаз с зеленоватым оттенком был излюбленным оберегом материнства.

Лал, или красная шпинель, особой славой пользовался в странах Востока. Его носили, чтобы защититься от ослепительного солнца пустыни. Детям и людям буйного темперамента этот «сгущающий» вождения минерал был противопоказан. Старики же спасались им от болей в пояснице.

Сапфир снискал славу благороднейшего из самоцветов. Этот синий мистический камень Юпитера и молодых монахинь сообщал сосредоточенность и чистоту души в часы молитвы, укреплял верность, целомудрие, защищал от вероломства и страха, охлаждал страсть. Но, желая привлечь к себе возлюбленного, женщина поила его из кубка, «заряженного» силой сапфира. Особенной мощью наделяли звездчатый сапфир («сапфир стар») — кабошон с шестилучевым сиянием. Эти три серебристые, пересекающиеся в центре линии символизировали идею тернера, а в народной молве — веру, надежду, любовь.

Рубин на Востоке ценился гораздо выше алмаза. Обладая магическим свойством обращать души к великой цели, он сулил сильным мира сего победы и подвиги, а людям простым — любовь и счастье, предупреждая изменением цвета об опасностях. Алый чистой воды рубин давал защиту от низших духов и злобных чар, укреплял сердце, прогонял тоску и возвращал силы. Однако злобного от природы человека рубин мог превратить в настоящего демона.

Гиацинт, или благородный циркон, якобы теряющий блеск перед грозой, помогал от меланхолии и галлюцинаций. Его носили заклинатели, чтобы уберечь себя от злых духов. Мистики наделяли гиацинт высшей магической мощью и связывали его происхождение с погибшим еще до Атлантиды континентом Лемурией, что не мешало этому темно-красному камню прослыть талисманом куртизанок. В этом качестве гиацинт препятствовал зачатию, содействовал выкидышам и задерживал рост волос на скрытых частях тела.

Александрит, меняющая свой цвет в зависимости от освещения разновидность хризоберилла, олицетворяет двойственность человеческого

кровообращения. Он регулирует кровотворение, очищает кровь и укрепляет сосуды. В отличие от других камней, мистическая репутация александрита не связана с древними традициями, ибо камень был открыт лишь в середине прошлого века. Приписываемые ему терапевтические свойства поэтому полностью отвечают уровню тогдашней медицины.

Нужно ли лучшее свидетельство полнейшей произвольности астрологического мифа? Поэтому, перечисляя далее лечебные свойства различных камней, я не стану всякий раз прибегать к оговоркам. Нужно лишь постоянно помнить о том, что симпатическая медицина была и остается ответвлением магии и, следовательно, целительная сила неотделима от оккультной.

Изумруд, дарующий веселье и радость зеленый камень Венеры, оккультисты окрестили «талисманом Исиды», ответственным за бессознательные влечения человека. Они считают, что этот минерал еще не достиг своей максимальной мощи и его эволюция продолжает идти своим чередом. Изумруд покровительствовал мореплавателям и матерям; его употребляли для прорицания будущего оракулы; страдающие забывчивостью и плохим зрением носили его на шее. Оправленный в золото, этот антидемонический оберег спасал от бессонницы, любовных чар и всяческой заразы. Его прописывали подросткам, дабы оградить целомудрие. Нерон использовал выточенную из цельного изумрудного кристалла линзу в качестве своего рода монокля. Он способствовал долголетию и рассеивал ипохондрию, превращал сны в явь и открывал тайные мысли. Родившихся в сентябре изумруд охранял от ложных друзей, но, не сумев побороть дурных качеств хозяина, мог расколоться и потерять волшебные свойства.

Золотистый топаз древние называли камнем просветления. Его употребляли в борьбе с одержимостью и безумием, как средство от бессонницы и дурного глаза. Родившимся в ноябре он приносит любовь и верность, в мае — буйную фантазию и неоправданный гнев. Вообще же это излюбленный талисман гедонистов, для

укрепления
достоинств
ощущений.

Необыкновенно
повсеместно
Ее главным
рвать враж
рвать непр
людям она
в доме, дл
оборачивал
гом. Носим
началась д
течения и
Как и чел
юность, зр
оттенки от
синего к
грядущую
глазах ил
перед нена
рает», ко
больной.

Темная, с
разнообразн
обретающ
голубиной
маном ч
какой-ниб
вызывать
перстня с
вычерчив
полу и тай
от «Черн
покровит
не угрожа
ли нары
вания.

Зеленова
торому г
вало свя
кровью п
рикам п
кожу и
Особую
седстве
пень жи
усиливал
кровь м
ная заум
«Сила л
духе в т
или о та
младши
камень,
ев. Изве
ность к
кровени

укрепления безмятежной жизнерадостности и обострения вкусовых ощущений.

Необыкновенно счастливые качества повсеместно приписывались **бирюзе**. Ее главным назначением было примирять вражду, укрощать ссоры, смирять несправедливый гнев. Добрым людям она обещала мир и достаток в доме, для злых и безнравственных оборачивалась непримиримым врагом. Носимая на шее бирюза предназначалась для останавливания кровотечения и исцеления от желтухи. Как и человек, бирюза переживает юность, зрелость и старость, меняя оттенки от белесого к голубому и от синего к зеленому. Предупреждая грядущую опасность, она стареет на глазах или теряет ненадолго блеск перед ненастьем, а то и вовсе «умирает», когда ее носит безнадежно больной.

Темная, с металлическим отливом разновидность гематита — **кровавик**, обретающий после полировки цвет голубиной крови, прослыл талисманом чернокнижников. Едва ли какой-нибудь заклинатель дерзал вызывать духов, не имея на пальце перстня с кровавиком. Этим камнем вычерчивали магический круг на полу и тайные знаки. Людям, далеким от «Черного Искусства», он не дает покровительства, но и бедами также не угрожает. С его помощью врачевали нарывы и мочеполовые заболевания.

Зеленовато-красчатый **амозонит**, которому герметическое учение придавало связь с «растительно-животной кровью моллюсков», возвращал старикам порывы молодости, улучшал кожу и лечил нервные истощения. Особую активность развивал он в соседстве с нефритом. «Солнечная ступень жизни Земли», таким образом, усиливала «растительно-животную кровь моллюсков». Одна высокопарная заумь подгоняла другую...

«Сила лабрадора, — писал в том же духе в трактате «О свойствах камней или о талисманах» теософ Драс Леви-младший, — скрыта от нас, т. к. это камень, рожденный миром гипербореев. Известно, что он усиливает склонность к видениям и мистическим откровениям. Носить его опасно, т. к.

действие его часто проявляется в эксцентрических поступках. Тот, кто, имея на себе лабрадор, занимается магией, всегда может встретиться с гибельной неожиданностью».

Ничего не скажешь, красиво звучит: «мир гипербореев»! И к тому же таинственно. Невзирая на то что с крупными географическими открытиями давно было покончено, оккультизм предпочитал изъясняться в терминах если не античных, то уж наверняка средневековых представлений о Земле.

Древность — это капитал не только в глазах антикваров, но и мошенников, знающих секреты создания «вековой» патины на бронзовых поделках и трещинок-кракелюров на копиях шедевров старинных мастеров. Людям свойственно бездумное доверие к «преданьям старины глубокой», гипнотическое очарование ее тайнами.

К числу талисманов издавна причисляли солнечный камень — **авантюрин** и лунный — **адуляр**. Золотые искры авантюрина символизируют радость, веселье, бодрость духа и ясность разума, холодное и мутноватое свечение лунного камня — мечтательность, мягкость и нежность. Этот камень смягчает людей непреклонных и излишне самоуверенных. Он опасен лишь для замкнутых и капризных натур, одержимых болезненными грезами. Считается, что он помогает при эпилепсии и почечной колике. Халдейским магам, которые клали его под язык, адуляр сообщал добавочный дар прорицаний. В новолуние, когда он наливается особым ледяным сиянием, к нему возвращается вся его первобытная сила.

Благородный **опал**, играющий всеми цветами радуги, отваживались носить без особого риска только рожденные в октябре. Это камень обманчивых надежд, в коем находят болезненную усладу лишь меланхолики и пустые мечтатели, испытывающие тягу к самоубийству. С древних времен считалось, что он влечет сердца к черной магии, а то и прямо в дьявольские сети. Только чистота помыслов и крепость веры могли спасти человека от опасностей, навлекаемых опалом. Он рождает злобные подозрения, сеет раздоры, омрачает разум опасениями и страхом перед темнотой.

Несчастливой драгоценностью почитался и **жемчуг**, который разрешалось носить лишь в связке. Как и бирюза, он умирает от испарений больного тела и часто хиреет в руках любителей беспрестанно перебирать самоцветы. Однако он способен, меняя при этом цвет, дарить здоровье женщинам, которые заключают в себе негативную силу Луны. В этом отношении жемчуг прямо противоположен лунному камню, воплотившему положительные влияния.

Столь же избирателен в своем астрологическом воздействии **янтарь**. Этот солнечный камень приносит счастье лишь рожденному под знаком Льва, остальным же и, в первую голову, Тельцу он решительно противопоказан. Золотистые прозрачные его разновидности использовались для лечения ангины, головной боли, заболеваний ушей и глаз. При сжигании он одурманивает и насыщает виденья.

Кораллы, напротив, хороши всем и особо «показаны» всякого рода гадалкам и гадалкам. Коралловые бусы носят от дурного глаза, они излечивают раны и язвы, укрепляют память и даже избавляют от нервного тика.

Углеподобный, легко поддающийся полировке **гагат** называют камнем Великой Матери. Наделенный «силой древнего света», он часто используется в качестве талисмана, смягчающего разлуку и утишающего душевную боль. Отделяя мужское начало от женского, он открывает обман и дает забвение в любви. Рождая в женщине противоестественную склонность, гагат опасен при беременности. Им врачевали подагру и судороги.

Дымчатый хрусталь, или раухтопаз, считался камнем ясновидящих и наркоманов. Возбуждая фантазию, он искажал представление о реальном мире и мешал предсказаниям будущего.

Черная разновидность горного хрусталя — **морион** почитался как талисман некромантов, облегчающий сношения с потусторонним миром.

Аметист — камень епископов римско-католической церкви, как явствует из его латинского названия, оберегал

от пьянства. Он делал человека бодрым, отгонял от него дурные мысли, а спрятанный под подушку насылал счастливые сны. Красавицы разглаживали аметистовым кабшоном морщины, сводили веснушки.

Надежнейшими оберегами почитались и «глазчатые» разновидности кварца. **Кошачий глаз** охранял от превратностей любви, **тигровый** — от коварства конкурентов, **соколиный** — помогал в единоборстве с врагом.

В любовной магии широко использовались всевозможные халцедоны, и в первую очередь белый **карнеол**. Он привлекал к женщине сердца поклонников, спасал от приступов меланхолии и вспышек опасного гнева.

Гелиотроп — темно-зеленая плазма с алыми крапинками — был талисманом военных и поэтому никогда не использовался при исцелениях. Перстни и браслеты с этим камнем одевали заклинатели.

Черный агат давал власть над силами ада и защищал от опасностей, **слоистые разновидности** одаривали любовными чарами мужчин и спасали от жажды во время болезни, **полосатые** минералы ослабляли всевозможные боли и обостряли слух.

Почти универсальным симпатическим воздействием отличался **сардоникс**, давая защиту от энвольтований любви и ненависти, защищая от лжи и неверности, останавливая кровотечения, сращивая костные переломы. Родившимся под августовскими звездами он пророчил счастливое супружество и долгую жизнь.

Таким же широким диапазоном отличалась и **яшма**. Камни холодных оттенков открывали невидимое для глаза и приподнимали завесу будущего, красная яшма ликвидировала кровотечения и обостряла обоняние, темная — предохраняла от яда и ненависти.

Одним словом, каждый камень считался целительным и волшебным. Все вместе они обещали здоровье, счастье и долголетие,

предохраняли от чужих волхваний и устраняли преграды для собственной магии. Ставки в этой игре были все те же: богатство, могущество и любовь.

Широко было распространено мнение, что украденные камни проявляют скорее несчастливые свойства, нежели позитивные, а будучи купленными, становятся чудодейственными через множество лет. Подлинными талисманами признавались лишь подаренные или полученные по наследству драгоценности. При этом считалось, что женские камни приносят больше счастья мужчине, а мужские — обретают полную силу на пальцах женщины.

«Чтобы увеличить сродство с камнем,— объясняет Драс Леви,— его надевают на палец и, представив себя окутанным невидимым эфиром, пытаются в воображении впивать его через камень и разливать по телу или же концентрировать в больном органе, потом его как бы выдыхают через камень».

Для еще более глубокого воздействия на таинственные сплетения астрал на камнях гравировали символические изображения: медведя — на аметисте, лягушку — на берилле, всадника с копьем — на халцедоне, барана — на сапфире и т. п. Такие магические геммы оправляли по желанию хозяина в золото, серебро, железо, медь и различные металлические сплавы. Лишь сердолик и берилл требовали непременно золотого обрамления, а гиацинт — серебряного.

Помимо специфических, присущих талисманам свойств, благоприятными для ношения считались камни, связанные со знаком зодиака владельца. Помимо этого, каждому месяцу соответствовал «пик активности» определенных камней, когда они считались определяющим талисманом.

Месяцы	Камни по «древней» системе	Камни по современному ювелирному перечню
Январь	Гранат, гиацинт	Гранат, александрит
Февраль	Гиацинт, аметист	Аметист
Март	Аметист, яшма	Аквамарин, «блэк стар»
Апрель	Яшма, сапфир	Алмаз, циркон
Май	Агат, изумруд, сапфир	Изумруд, нефрит
Июнь	Изумруд, агат	Жемчуг, агат
Июль	Оникс, изумруд	Рубин, «рубин стар»
Август	Сердолик, сардоникс	«Лунный камень», хризолит
Сентябрь	Хризолит, сапфир	Сапфир, «сапфир стар»
Октябрь	Берилл, аквамарин, хризолит	Опал, кошачий глаз
Ноябрь	Топаз, берилл	Топаз
Декабрь	Рубин, топаз	Бирюза, голубой циркон

Степень совпадения, как мы видим, не слишком велика: шесть частичных «попаданий» и шесть абсолютных «промахов».

Еще больше расхождений мы встретим в таблице «гороскопных» камней на с. 136.

Как и в первом случае, я включил в таблицу астрологических универсалий две одинаковые графы. Первая составлена по рекомендациям Дэвида Конвея — автора опубликованной в 1974 году монографии «Оккультный букварь магии», вторая — по «древним» источникам, препарированным Драсом Леви. Обеим системам, разумеется, грош цена. Поражает другое: расхождения между ними настолько разительные, что бессмысленно даже говорить о какой-то там «забытой мудрости», или, как любят выражаться современные оккультисты, «средневековой науке».

Знак зодиака	Металл	Камень (соврем.)	Камень (древн.)	Цвет	Растение	Камни противоп. созвездия
Овен	Железо	Рубин, красная яшма	Сардоникс, аметист	Алый	Герань	Весы
Телец	Медь	Топаз, изумруд	Агат, карнеол	Красно-оранж.	Мальва	Скорпион
Близнецы	Ртуть	Александрит, оникс	Топаз, берилл	Оранжев.	Орхидея	Стрелец
Рак	Серебро	Изумруд, бирюза	Изумруд, халцедон	Янтарный	Лотос	Козерог
Лев	Золото	Опал, циркон	Рубин, яшма	Зелено-желт.	Подсолнечник	Водолей
Дева	Ртуть	Алмаз, хризолит	Изумруд, сапфир	Желто-зел.	Подснежник	Рыбы (кроме сапфира)
Весы	Медь	Хризолит, нефрит	Алмаз, берилл	Изумрудно-зел.	Алоэ	Овен
Скорпион	Железо	Сердолик, малахит	Топаз, аметист	Зелено-синий	Кактус	Телец
Стрелец	Олово	Карбункул, сапфир	Гиацинт, гранат	Синий	Тростник	Близнецы
Козерог	Свинец	Морион, турмалин	Оникс, хризопраз	Индиго-голубой	Чертополох	Рак
Водолей	Свинец	Аквамарин, лазурит	Сапфир, обсидиан	Фиолетовый	Полынь	Лев
Рыбы	Олово	Жемчуг, аметист	Александрит, аквамарин	Малиновый	Опийный мак	Дева

Ларчик раскрывается, как всегда, просто. Конвей (род. 1939), «валлийский нонконформист» и дипломированный специалист по французской философии XVIII века, чьи заслуги в области пропаганды магии наперебой расхваливают «Санди таймс», «Скотсмэн», «Йоркшир пост» и «Санди телеграф» и чью книгу называют «сенсационной» журналы «Обозрение парапсихологии» и «Йога и здоровье», даже не потрудился сверить свои выкладки с другими источниками. Да и изменило бы это что-либо? Ведь за всеми этими минералогическими, цветовыми, растительными и прочими соответствиями ровным счетом ничего не стоит. Они либо высосаны из пальца, либо старательно, хотя и с ошибками, переписаны со средневековых книг. Оккультист старой школы, Драс Леви, правда, действовал не столь нахраписто, как бравый валлиец, подвизавшийся одно время на дипломатической службе при Европейском экономическом сообществе, но тоже дал волю фан-

тазии. И это скорее правило, чем исключение. Подавляющее большинство оккультных сочинений нельзя использовать даже в качестве материала для критического разбора. Полная разногласица, противоречия на противоречиях. Короче: «Все врут календары». Да и может ли быть иначе? Небезынтересно в этой связи обратить внимание и на последнюю графу таблицы. «Противоположные созвездия», механически повторяющиеся через каждые шесть строк, лишний раз свидетельствуют о механической природе оккультных перестановок, которые кое-кем выдаются за «отголоски забытых знаний». Нельзя забыть того, чего не было, как нельзя вспомнить о том, что еще не успело произойти. Вопреки сенсационному заголовку пресловутого Эриха фон Деникена (книга и фильм «Воспоминание о будущем»), вопреки восторженным отзывам литературных критиков, прославляющих «новую звезду магии и оккультизма» — Дэвида Конвея.

«Дома» Генитур

Изволите видеть: вот это — небеса, а на них целая дюжина богов сидит. Вот, значит, как вертятся они, двенадцать обличьев и выходит. К примеру — Баран вышел: ладно! Кто, значит, родился под тем бараном, у того и скотины много и шерсти; голова крепкая, рожа бесстыжая.

Гай Петроний Арбитр,
«Пир Трималхиона»

О, Аллилуйя! Слабость! Нежность!
Небесный спазм! Возврата нет!
Бурь ликования мятежность,
Сплетай в объятьях всю
безбрежность
Любовью дышащих планет!

Жюль Лафорг,
«Перед большой розеткой
в оконнице церкви
Богородицы»

В ЭТИХ КОРОТКИХ выдержках из произведений — сатирического и восторженно-апологетического, — разделенных почти двумя тысячами, уместилась, по сути, вся астрологическая доктрина с ее 12 знаками зодиака и планетами, чье императивное воздействие определяет судьбу человека, пронизывает его чувственный мир, а вместе с ним и прочие живые и мертвые сферы.

В начале нашего века на астрологию смотрели как на «мнимую», «забытую» науку. По крайней мере, так отзывался об этой древнейшей области человеческих заблуждений «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Ф. Ф. Зелинский, посвятивший астрологии обстоятельную статью в «Вестнике Европы» за 1901 год, считал возможным вынести ей приговор еще в заголовке: «Умершая наука».

Астрология, однако, не умерла и не сделалась жертвой забвения. Благополучно пережив краткий период непопулярности, она, подобно удалившейся от Солнца комете, вернулась из тени и вновь засверкала на дымном небосклоне просвещенного века, только что пережившего кровопролитнейшую из войн. В Германии после первой мировой войны соблазнительное искусство звездных предсказаний сразу же поставили на широкую ногу и газеты запестрели объявлениями неведомо откуда возникших составителей гороскопов. В клиентуре, невзирая на голод и разорение, недостатка не ощущалось. Почтовая марка стоила 10 миллионов, за предсказание брали 25. Разница, если не вдаваться в математику, несущественная, а заглянуть в завтрашний день хотелось как никогда прежде, ибо окружающая жизнь казалась полной бессмыслицей.

Старинный
гороскоп

За туманный намек на скорые и, разумеется, отрадные перемены не жаль было банкнот с сумасшедшим количеством нулей. Все равно к вечеру цены на хлеб совершали новый чудовищный скачок. Профессора астрологии обслуживали не только

отдельных клиентов, но даже целые города, а в 1918 году был составлен гороскоп для всей Германии.

Этому документу, скрепленному подписями власть имущих, суждено было сыграть свою роль в апрельские дни 1945 года,

когда во
лина сом
кольцо в
чу, заб
балаганн
Принято
выросла
гии, подо
ческой к
бочка хи
В извест
тельно т
базирует
и произ
тине зв
составле
ли себе
рактной
щиеся у
философ
или, вер
(1501—15
Кеплер
законы о
Короче
магии, к
ской, пр
ние, мож
хотя астр
мику, см
редиамент
стью в
механик
Астроло
герметич
на подкр
математ
целиком
из астр
культ
месла, с
ральная
софии и
тельно
Следы
ний вст
ках акк
щество
христиа
Вавилон
ного за
могли и
ные общ
и други

когда вокруг дымящегося Берлина сомкнулось долгожданное кольцо возмездия. Жалкую, отмечу, забегаю вперед, позорно-балаганную роль.

Принято считать, что астрономия выросла из колыбели астрологии, подобно тому как из алхимической куколки выпорхнула бабочка химической науки.

В известной степени это действительно так, ибо всякий гороскоп базируется на реальной, хоть и произвольно толкуемой, картине звездного неба. Недаром составлением гороскопов покупали себе право заниматься абстрактной наукой такие выдающиеся ученые, как математик, философ и врач Жером Кардан или, вернее, Джероламо Кардано (1501—1576) и астроном Иоганн Кеплер (1571—1630), открывший законы обращения небесных тел. Короче говоря, астрологической магии, как и магии герметической, предшествовало наблюдение, можно даже сказать опыт, хотя астролог, не в пример алхимику, смело смешивающему ингредиенты, не обладал возможностью вмешиваться в небесную механику.

Астрология намного старше своей герметической сестры. Несмотря на подкрепляющий ее построения математический аппарат, она целиком и полностью возникла из астрологии — древнейшего культа светил, тогда как в ремесла, связанные с химией, астральная, идущая от чистой философии идея проникла на сравнительно поздней стадии.

Следы астрологических верований встречаются еще в раскопках аккадской цивилизации, существовавшей за 2 тысячи лет до христианской эры. В Ассирии, Вавилоне, Египте без авторитетного заключения звездочета не могли и шагу ступить, а религиозные общины Индии, Шри Ланки и других стран Южной Азии по

сей день руководствуются астрологическими предписаниями, выработанными тысячи лет назад. Достаточно сказать, что большая часть браков заключается там только после скрупулезного изучения гороскопов. Если планеты препятствуют союзу, то родителям жениха и невесты остается лишь принести друг другу подобающие извинения. В жизни народов Индокитая до недавнего времени астрологи занимали столь же заметное место, а в Непале из-за неблагоприятного сочетания звезд на целый год отсрочили торжественную коронацию нынешнего короля-бога Бирендры Бир Бикрам.

Принято считать, что астрономия выросла из колыбели астрологии, подобно тому как из алхимической куколки выпорхнула бабочка химической науки.

В известной степени это действительно так, ибо всякий гороскоп базируется на реальной, хоть и произвольно толкуемой, картине звездного неба.

Нет, астрология и не думала умирать, она лишь на какое-то время укрылась в тени, чтобы, дождавшись своего часа, буйно расцвести бок о бок с ракетодрами, радиотелескопами и компьютерами, которые чуткая на малейшие движения моды «массовая культура» быстро поставила на службу современным магам.

Нурсийский некромант, Сабинский маг

Тебе шлет преданности изъявления.
От смерти отделял его лишь шаг,
Трещал костер, огонь лизал поленья.
(Гете, «Фауст»)

О каком костре, более того, о какой вере и какой ереси может идти речь, если обязанности

звездного оракула ныне принял на себя электронный мозг?

...Серебристо-голубой «шевроле» вез меня в филиал фирмы «Астрофлаш», разместившийся на одном из этажей знаменитого небоскреба «Эмпайр стейт билдинг».

Оказавшись в ярко освещенном зале, напоминающем то ли банк, то ли транспортное агентство, я подошел к вырезанному в стекле окошку и, уплатив требуемую сумму, получил бланк-заказ. Отойдя к стойке, над которой висела карта мира, разграфленная на пронумерованные ячейки, нашел уголок, где приблизительно должен был находиться мой родной Харьков, и быстро заполнил нужные пункты: место и точное время рождения (год, месяц, час). Щеголеватый клерк в модном блейзере грациозным мановением спрятал листок в сверкающий контейнер и куда-то отправил его по пневмопроводу, скорее всего к программистам. Не прошло и пяти минут, как из щели трансмиттера поползла перфорированная лента и задвигалась каретка соединенной с дисплеем электрической печатной машинки, а еще через минуту я держал в руках подробное руководство к действию на ближайшую неделю. Вернее, к бездействию, потому что судьба благоприятствовала мне лишь на любовном фронте, тогда как от решительных движений в сфере бизнеса и длительных путешествий следовало воздержаться. Может быть, я бы так и поступил, если бы уже не вложил почти весь свой наличный капитал в сомнительную операцию «Астрофлаш» и меня не ждало судно, готовое отплыть на другое утро в Филадельфию.

В зале находилось человек сорок, хотя люди постоянно менялись. Одни, прочитав гороскоп, бережно складывали его и уносили с

собой, другие небрежно бросали на пол, словно обесцененные бумаги на бирже или проигранные билетки на бегах.

Хоть и не принято совать нос в чужие тайны, но я украдкой подобрал три или четыре бланка. В одном из них тоже содержалась рекомендация переждать неопределенную конъюнктуру.

— Поступает ли в ваш компьютер биржевая информация? — осторожно спросил я девушку, скупавшую в информационной кабинке. В конце концов, это был мой последний шанс на куртуазном поприще, ибо единственная на нашем корабле женщина-кок, мягко говоря, не соответствовала моим стандартам.

— Зачем? — искренне удивилась она.

— Но разве предсказания компьютера не обусловлены деловой активностью?

— Это деловая активность зависит от сочетания светил, — терпеливо растолковала она азы своей науки. — Как и вообще все, — добавила заученным тоном и обворожительно, как это умеют американки, улыбнулась.

— И любовь?

— О, любовь! В любви успех больше зависит от человека, от двоих, я хотела сказать, хотя случай, везение и прочие неопределенности имеют колоссальное значение.

— А как обстоят дела вашей фирмы? Ей, надеюсь, звезды благоприятствуют?

— В прямом и переносном смысле! — поняла она с полуслова. — Мы, можно смело сказать, процветаем. Филиалы компании открываются еще в двух районах Нью-Йорка. Вы знаете, что наша главная квартира в «Грэнд сентрал»? — Она вручила визитную карточку с планом города. Но я не собирался отыскивать астрологическую Мекку. И так все было

ясно, да и времени оставалось в обрез.

Будь в моем распоряжении хотя бы лишний день, я бы для сравнения обратился к конкурентам. Тем более что компания «Зодиакроникс сервис», в чьем названии удачно сочетались слова «электроника» и «зодиак», обслуживает клиента на дому. Стоит приобрести соответствующий абонемент, и вас поставят на телефонное обеспечение. Кроме ежедневного гороскопа «Зодиакроникс» дает специальные консультации. Можно узнать, как продвинуться по службе, завоевать симпатии влиятельных людей, уладить семейный конфликт. Однако, как говорится, телефонный разговор к делу не подошьешь, и многие предпочитают печатную продукцию с замысловатыми чертежами и таинственными знаками. Нью-йоркская корпорация «Ти Би Эс компьютер сентерс» наладила конвейерное производство таких «индивидуальных» гороскопов всего по 15 долларов за штуку. Это намного ниже суммы, которую требуется уплатить за самый пустяковый совет юристу или врачу.

Почти в каждом штате создана сеть магазинов, где за 20 долларов можно заказать месячные гороскопы, которые будут аккуратно доставляться по почте.

«Математическая машина все знает значительно лучше, чем вы,— утверждает реклама.— Так позвольте ей руководить вашими шагами».

Это же так здорово, когда кто-то берется за какую-то двадцатку провести твой терпящий бедствия челн через все рифы и мели моря житейского! Особенно в столь неверную и переменчивую эпоху, как ныне, когда рушатся устои и катастрофически теряют социальную позолоту привычные ценности. Компьютеру и вправду виднее, как тут быть.

«Современная ворожея в нашей стране,— отмечал по этому поводу репортер агентства «Уорлд пресс»,— должна избегать стеклянных шаров, черных котов и других устаревших реквизитов. Раньше сила чернокнижия заключалась в магической палочке, теперь — в электронном мозге компьютера».

Репортер, сделавший столь превосходную рекламу прибыльному бизнесу «Зодиакроникс», плохо, однако, разбирался в массовой психологии, а о чернокнижии судил по волшебным сказкам. Ворожеи в его стране не только не избегают устаревших реквизитов, но буквально гонятся за ними по антикварным лавкам, чтобы воссоздать столь импонирующий деловому американцу колорит средневековой Европы или подчеркнуть вычурный «ретростиль». Другое дело, что это ничуть не мешает бойкой торговле гороскопами, отпечатанными на перфорированной ленте. Как, в свою очередь, «кибернетическая» астрология не отбивает куска хлеба у звездочетов, работающих по старинке.

Сферы охоты обозначены четкими границами достатка. Компьютер, где производство поставлено на поток, обслуживает сравнительно небогатую клиентуру, «ремесленники» в стиле Нострадамуса и Руджери — элиту большого бизнеса. Гонорары, которые получают такие «звезды небесной науки», исчисляются десятками тысяч долларов. Крупных астрологов зачисляют штатными консультантами, а иногда даже вводят в советы директоров. Их прогнозами пользуются для составления конъюнктурных сводок, при подборе кандидатов на руководящие должности, в рискованной биржевой игре.

Предсказательница Джейн Диксон, якобы предвидевшая самоубийство Мэрилин Монро, заняла

штатное место в вашингтонском «Ферст нейшнл бэнк», а пророк, выступающий под псевдонимом Золар Брюс Кинг, сколотив на составлении гороскопов солидный капитал, сам сделался предпринимателем и основал астрологическую фирму. Точно так же поступил и его британский коллега Морис Вудраф, чьи пророчества регулярно появляются в газетах и передаются по телевидению. Другой лондонский астролог, Эдвард Линдоу, поставляющий гороскопы для газеты «Пипл», сделался, как о нем отзывается печать, «фантастически богатым человеком» благодаря тайным рекомендациям, даваемым для узкого круга высокопоставленных лиц. Каких именно? О, это, разумеется, тайна.

Трудно разобраться, где здесь заведомая ложь, а где рассчитанная на обывателя рекламная приманка. Но, как правило, астрологи скрывают имена влиятельных работодателей, а видные коммерсанты предпочитают не называть своих консультантов. Так, несмотря на то что газеты часто упоминали об анонимном астрологе мультимиллиардера Джона Пирпонта Моргана, даже вездесущие американские журналисты далеко не сразу сумели дознаться, кто это. Счастливым, выигравшим от столь сенсационного «разоблачения», оказался Ивангелин Адамс (род. 1932). Его услугами пользовалась и Мэри Пикфорд.

Причуды капризной Клио! Финансовые короли, подобно владыкам древнего мира, прежде чем сделать решающий шаг, обращаются к звездочетам. Это уже не тяга к средневековью, а прыжок куда-то в бронзовый век. Раскопки убедительно показали, что уже в третьем тысячелетии до новой эры аккадские, шумерские и халдейские цари держали при себе жрецов, кото-

рые постоянно следили за перемещением небесных светил. Известно, например, что Сеннехериб отказался от военного похода из-за неблагоприятного расположения звезд и планет, а клинопись на цилиндрической печати царя Лагаша Гудеа (около 2050 до н. э.) сообщает о явлении ему во сне богини Нисабы, дочери Эа, которая несла табличку с небесными знаками, предвещающими добро.

«Халдейское мудрствование», как в старину называли гадание по звездам и числам, — пишет советский исследователь М. И. Шахнович, — было основано на симпатической магии, на отождествлении небесных светил и чисел с божествами. Каждое число и буква символизировали бога или богиню, которые изображались в виде звезды».

Это значит, что клиент астролога обращается за помощью к финикийским ваалам.

В Персии корни астрологического древа уходят в немые, древние пласты. Среди современников Заратуштры известен Гиамасба, написавший «Книгу философа», переведенную анонимным звездочетом на арабский язык лишь в XIII веке. В ней скрупулезно перечисляются всевозможные планетные сочетания, охватывающие своим влиянием разные стороны человеческой жизни. Столь же древни, хотя, возможно, и не оригинальны в основе, астрологические традиции Индии. Уже «Атхарваведа» называет 28 накшатров — «лунных домов», определяющих людские судьбы.

Столько же «зодиачных домов» (7×4) упоминается и в астрологических трактатах Древнего Китая. Впоследствии, однако, китайцы, подобно вавилонянам, разделили небесный круг, который Солнце обходит в течение года, на 12 зооморфных созвездий. Кстати, и само слово «зоди-

ак» означает буквально «звери-
ный», хоть и есть в нем такие
созвездия, как Дева, Водолей,
Близнецы или Весы. В Индии,
искони связанной с Двуречьем
торговыми путями, тоже вскоре
перешли на вавилонскую си-
стему.

12 «домов» (3×4 , а $3 + 4 = 7$) вклю-
чают те же универсалии, что и
28. Недаром прославленная эпи-
ческая поэма о Гильгамеше со-
стоит из 12 таблиц, каждая из
которых отвечает определенному
созвездию.

Божий избранник говорит с чело-
веком на языке мировой гармо-
нии. По крайней мере, так мни-
лось безвестным жрецам, астро-
логам и поэтам:

Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Спящий и мертвый друг с другом
схожи —

Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка? Когда близок он
к смерти...

(Эпос о Гильгамеше)

Я выбрал для примера таблицу
X, соответствующую Весам —
символу гармонии и мировой
справедливости.

Как и в известной нам эллинской
таблице, вавилонская система
основывается на сакральной сед-
миде богов-планет. Шамаш в
ней соответствует Солнцу, Син —
Луне, Мардук — Юпитеру, Не-
рагл — Марсу, Иштар — Венере,
Набу — Меркурию и Нинурт —
Сатурну. Знакомая властитель-
ная связь богов, планет, металлов,
зверей, растений и пр., унаследо-
ванная от вавилонской традиции,
выражалась универсальной се-
меркой. Магическим числом, про-
истекающим от семидневной
фазы Луны.

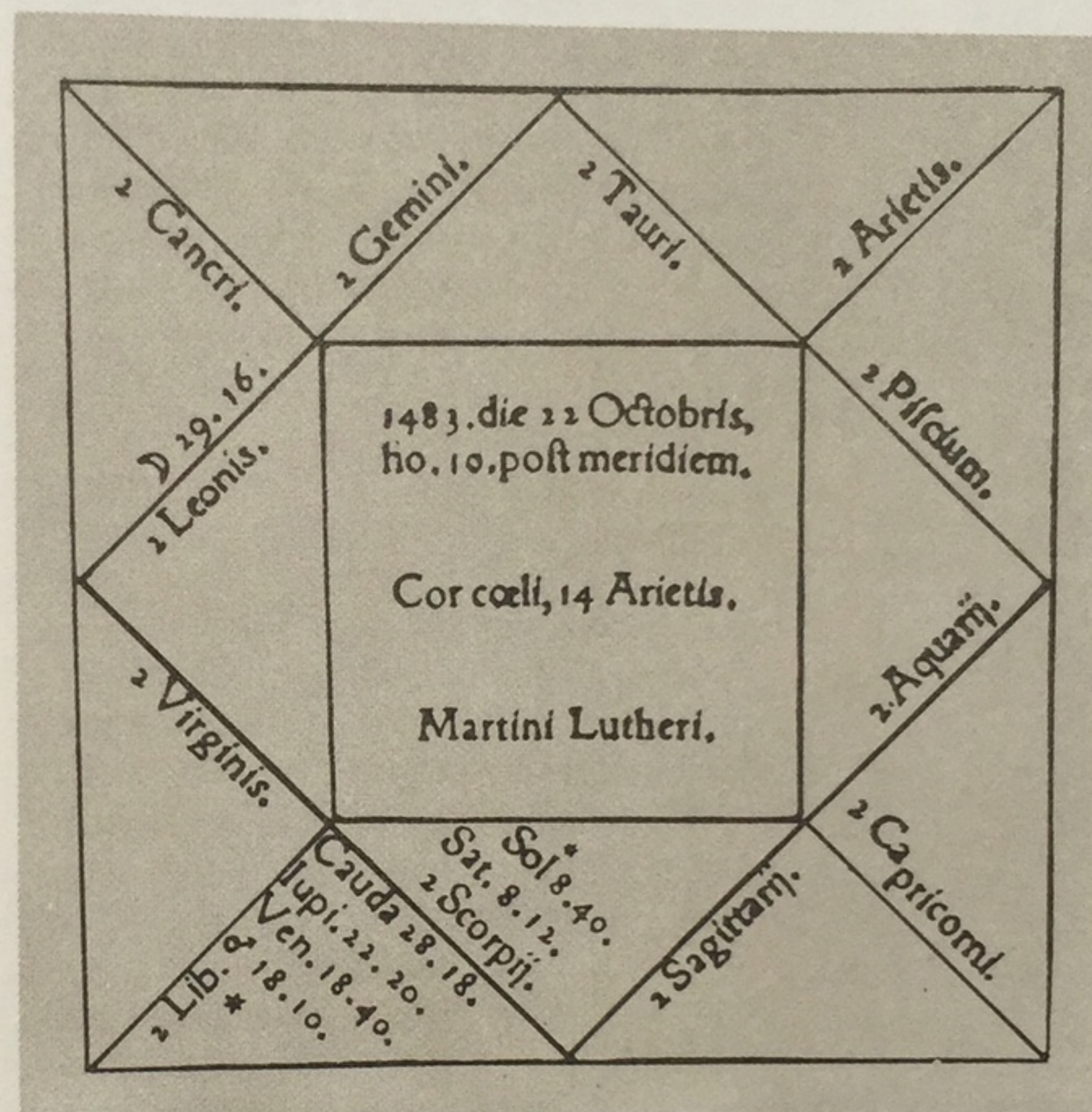
Первые гороскопы, насколько
можно судить, появились в Асси-
рии. Ассирийские звездочеты, как
и их последователи из астрологи-
ческого бюро, специально обслу-
живающего нью-йоркскую бир-

жу, основное внимание уделяли
Юпитеру — Мардуку, богу-гро-
мовержцу и царю богов, закле-
менному Библией Ваалу.

Астрология, окончательно не от-
почковавшаяся от сабеизма, про-
цветала в Египте еще во времена
Геродота. Человеческое тело, по-
добно зодиаку, было разделено
на 360 частей, управляемых соот-
ветствующими деканами. Рос-
пись гробницы Рамзеса Четвер-
того дает наглядное представле-

«Дома» планет на гороскопе.
Алхимическая рукопись.
Англия, XV в.

«ДОМА» ГЕНИТУРЫ

Причуды капризной Клио!
Финансовые короли, подобно владыкам
древнего мира, прежде чем сделать
решающий шаг,
обращаются к звездочетам.
Это уже не тяга к средневековью,
а прыжок куда-то в бронзовый век!

ние об анатомо-космических со-
ответствиях, наложивших глу-
бокий отпечаток на каббалу, ал-
химию, тайные учения розен-
крейцеров и, возможно, буддийс-
кий тантризм.

Марко Поло, посетивший Тибет в XIII веке, упоминает о том, как астрологи (очевидно, тантрические ламы) определяли положение созвездий в момент смерти того или иного лица, чтобы выбрать наилучший момент для похорон. Подобные церемонии мне не раз приходилось наблюдать в горных джунглях Малайзии, в Гималаях, на севере Таиланда.

В египетской астрологии Солнце было сопряжено со лбом, Луна — с мозгом, Меркурий — с языком, Сатурн и Юпитер — соответственно с левым и правым глазом, Венера и Марс — с ноздрями. Точно так же соотносились с человеческим телом созвездия: с головой, шеей или плечом — Овен, с руками — Близнецы, с ногами — Рыбы.

Л. Я. Штернберг в своем классическом труде «Первобытная религия» дает этому довольно оригинальное объяснение:

«В Древнем Египте астрономы, не имея никаких обсерваторий для наблюдения за созвездиями днем, прибегали к следующему остроумному способу. Два астролога становились друг против друга, один с северной стороны, другой с южной, и каждый держал... пальмовый лист, который в

середине имел узенькую щель, и каждый из них смотрел в свою щелочку на щелку пальмового листа своего визави, ища таким образом меридиан того созвездия, которое он хотел наблюдать в данный момент. При наблюдении замечали, что следующая часть зодиака приходится ниже лба по направлению правого глаза, а тому, который смотрел с другой стороны, приходилась противоположная часть зодиака против правого глаза, потому что, по мере того как мы спускаемся по зодиаку, точка наблюдения спускается ниже по телу наблюдателя, переходя постепенно к локтю, бедру, голени, ноге. Таким образом, каждая часть зодиака ассоциировалась с той или другой частью тела». Подобному моделированию нельзя отказать в убедительности, тем более что описанное действие могло происходить на самом деле, хотя я нигде не нашел ссылок на соответствующий папирус. Дело лишь в том, что доподлинно не известно, как наблюдали древние звездочеты за дневным небом. Наконец, не надо забывать о том, что кроме анатомических соответствий существуют и другие ряды: анималистский, растительный и т. д. Я не думаю, чтобы звери принимали непосредственное участие в астрономических наблюдениях. Едва ли всю аморфную и громоздкую сущность магии можно наглядно и просто уложить в сугубо рациональные схемы. В том-то и трудность постижения магического мышления, что оно одновременно сочетает в себе два образа мироздания: мистический и реальный. Мистика же отталкивается от совершенно произвольных соответствий и сочетаний, будь то цифровые, цветовые или семантические. В этой мешанине добаться до краугольных камней едва ли возможно. Скорее

В Индии, где великолепно знали анатомию и с незапамятных времен создали столь мощную систему тренировки как йога, упорно членили скелет на 360 отдельных костей.

По одной на каждый градус.

Возможно ли более наглядное доказательство присущего магическому мышлению пренебрежения реальностью?

Мистические соответствия, эта поражающая воображение «премудрость», были однажды вознесены над очевидностью, да так и остались висеть в пустоте, не имея никаких опор.

всего, их просто-напросто нет, ибо мы имеем дело с магией, а не с загризированной в мистические одежды какой-то «забытой наукой».

Вот почему даже сверхмодерновые ЭВМ четвертого поколения, «щелкающие» планетные сочетания, как орешки, не смогут заменить взлохмаченную старуху с черным котом и хрустальным шаром, а вежливая улыбка одетого с иголочки клерка из какой-нибудь «Астрофлаш» — срамных поцелуев невежественного мага, беснующегося в выложенном из готовых блоков круге.

В том и суть герметической гексаграммы, что она замыкает в себе макрокосм — мироздание и микрокосм — человека, а раз есть человек, то сами собой возникают и симпатические соответствия его органов с элементами Вселенной. Закон подобия. Торжествующая универсальность. Законченная гармония.

В Древнем Китае, где рано сложился религиозно-этический культ государя и государственности, а человек, как таковой, был низведен до винтика, астрологи уже во втором тысячелетии до н. э. распределили влияние различных созвездий между провинциями Срединной империи. Разве это не абстракция в самом чистом, можно даже сказать, бюрократическом виде?

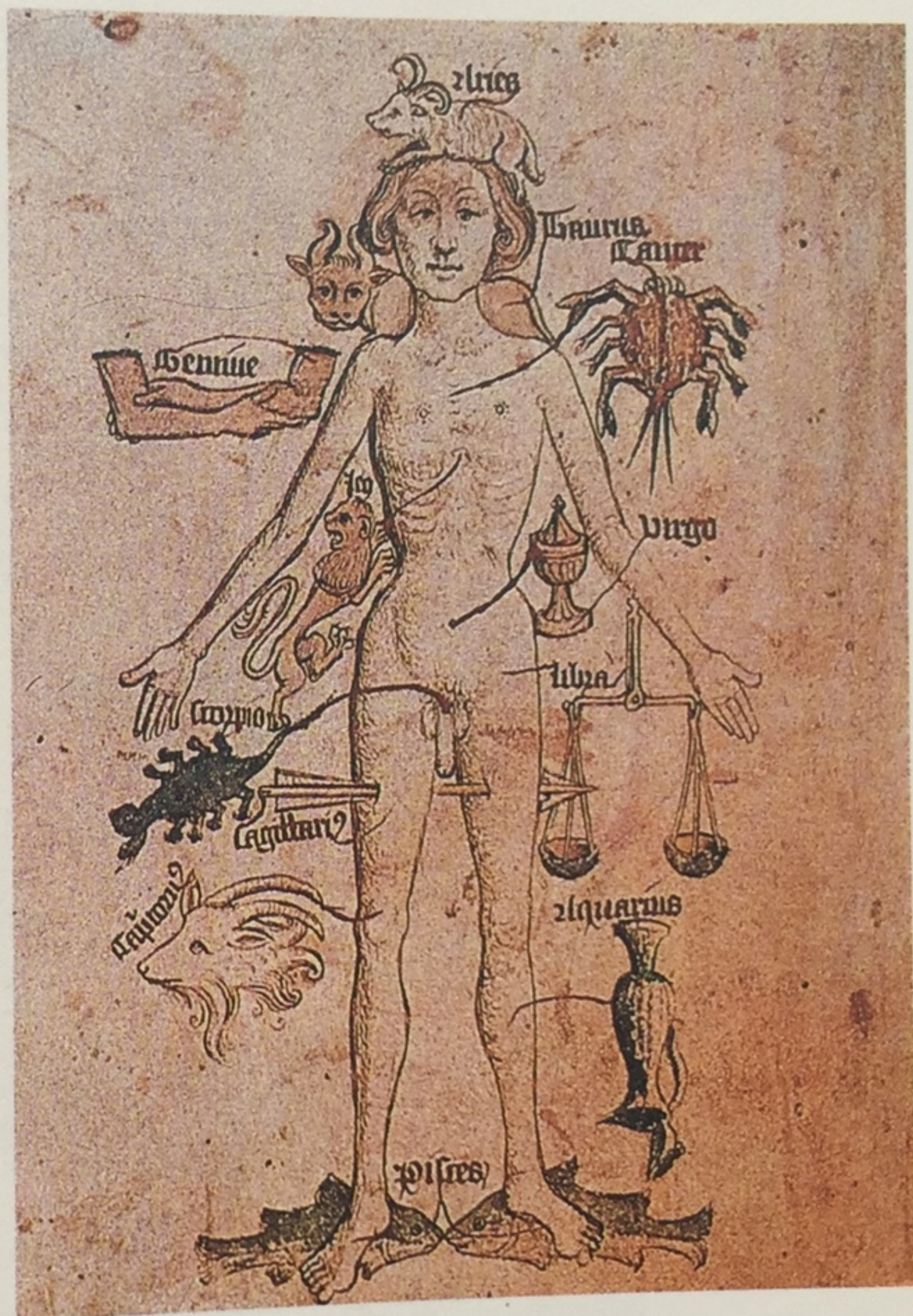
Не случайно и в Индии, где великолепно знали анатомию и с незапамятных времен создали столь мощную систему тренировки, как йога, упорно членили скелет на 360 отдельных костей. По одной на каждый градус. Возможно ли более наглядное доказательство присущего магическому мышлению пренебрежения реальностью? Мистические соответствия, эта поражающая воображение «премудрость», были однажды вознесены над очевидностью, да так и остались

висеть в пустоте, не имея никаких опор.

Астрология, являя собой сердцевину магической ойкумены, не составляет, разумеется, исключения. Чтобы убедиться в том, достаточно «поверить» ее если не алгеброй, то астрономией. Известно, например, что из-за постепенного смещения земной оси точки равноденствия основательно переместились к западу

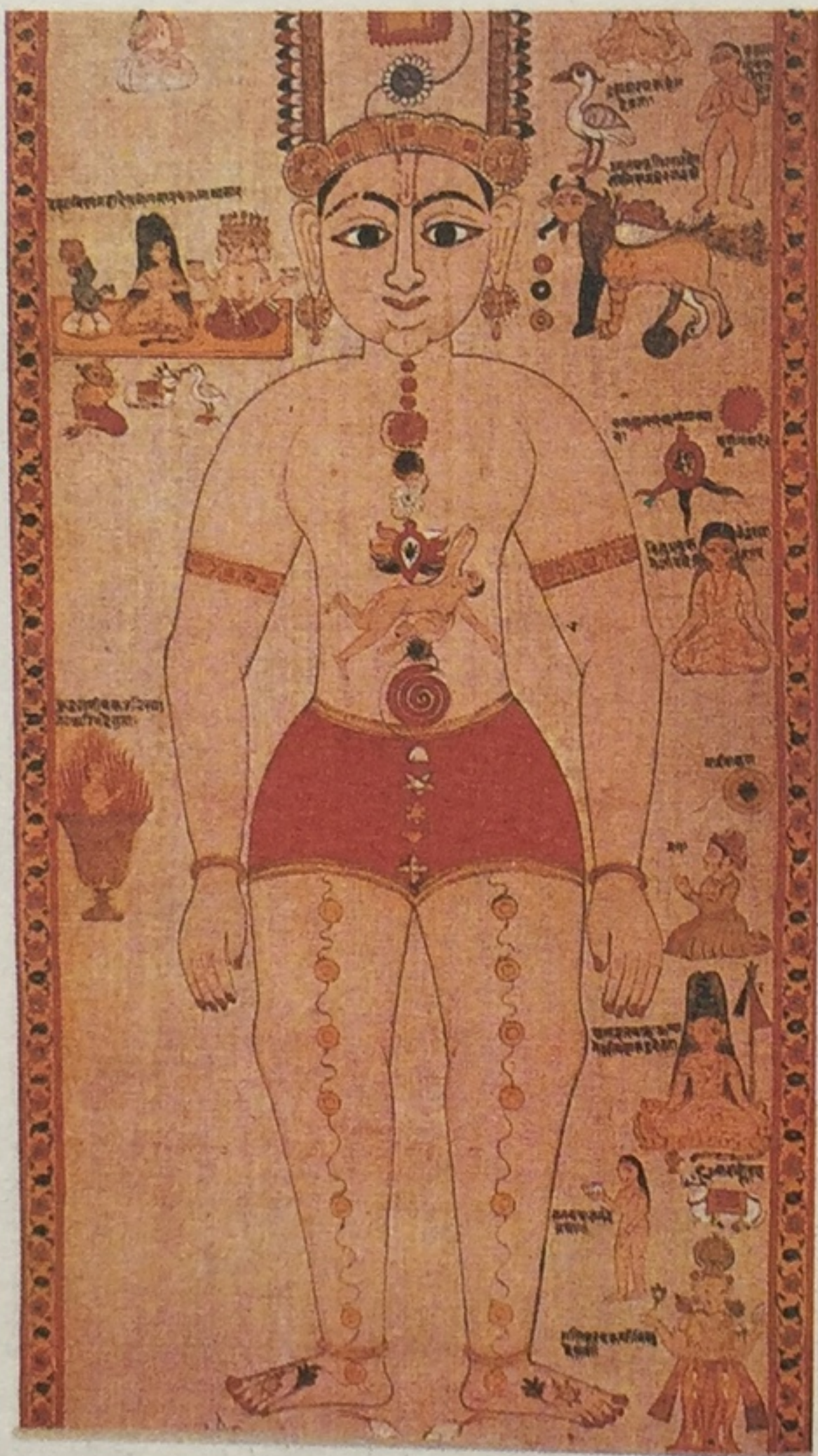
Астрологические соответствия частям человеческого тела. Франция, начало XV в.

«ДОМА» ГЕНИТУРЫ

по сравнению с далекой полупо- легендарной эпохой, когда сложились правила составления гороскопов. Вид современного неба отличен от халдейского. Если, скажем, в описываемый евангелистами период точка весеннего равноденствия приходи-

лась на знак Овена, то ныне она попадает в созвездие Рыб, хотя астрологи, в том числе и работающие с ЭВМ, делают вид, будто ничего не случилось. А ведь дело касается не какого-то там пустяка, но стержня, на который, как шашлык на шампуре, нанизаны колдовские радения, теософские мудрствования, религиозный символизм и в первую очередь гороскопные выкладки. Это

Астрологический символизм
в индуистской тантре

с одной стороны, а с другой — современные звездочеты не только пользуются квантовыми хронометрами и новейшей широтной сеткой, но и пытаются вносить поправки на влияние таких неизвестных халдеям планет, как Уран, Нептун и Плутон. Так в «Астрологии» Джефа Мэйо, предназначенной для «серьезного

изучения» гороскопной науки, древние чертежи планетных сфер и зодиака дополнены этими открытыми в новейшее время мирами. Есть они и в специальных таблицах, где магические соотношения мирно соседствуют с точнейшими астрономическими данными по части восхождения и «симпатии» планет.

Этот обман или даже самообман, изначально присущий магии, лишь вынужденная для нее точка опоры. При всем желании следовать за наукой, на чем спекулируют легионы имеющих ученые степени обскурантов, мистическая система не может отказаться от основополагающих принципов подобия, иначе она потеряет себя самое, растает как утренний туман. Иное дело, что жажда идти в ногу с веком постоянно толкает то одних, то других адептов на компромиссы и всяческую модернизацию. Не смея затронуть основу, которая, повторяю, остается неизменной, они громоздят химерические конструкции. Эти болезненные порождения противоестественного союза науки и мистики либо тут же разваливаются, либо бережно канонизируются последующими поколениями оккультистов, отчего лишь разбухает аморфный, неуловимо меняющийся очертания монстр.

Я знал людей — американцев и европейцев, — которые отказывались иметь дело с астрологами, «признающими» существование трех дальних планет Солнечной системы. Откровенно говоря, мне импонирует такая последовательность. Если уж верить в халдейскую премудрость, то пусть все будет по-настоящему: семь подвижных светил, лунный календарь и уж конечно плоская земля.

Отдадим же и мы необходимую дань древним верованиям, чтобы проследить непрерывную связь времен — от жрецов Аккада до

кибер...
Запада...
структ...
гически...
цивили...
Достато...
собой к...
цев и ал...
и кален...
прониз...
циклич...
В книж...
розенкр...
(1574—...
ров», оп...
есть пр...
котором...
нетным...
связь м...
пролега...
сердце...
Здесь я...
же космо...
рый пр...
идов в н...
ниях, к...
бога бр...
человеч...
Так же...
другу и...
фигуры...
соответ...
руками...
Джерол...
ные «н...
цузские...
XV век...
кий код...
руковод...
лоукал...
хотворя...
неразр...
бии чел...
Угрюмы...
И Тэль...
Узрела...
Где нити...
Непрех...
вая ман...

киберастрологов современного Запада. И чисто внешне, и в своем структурном построении астрологические диаграммы различных цивилизаций удивительно схожи. Достаточно сопоставить между собой космические диски китайцев и ацтеков, тибетскую мандалу и календарь майя, чтобы уяснить пронизывающую их общую идею цикличности.

В книге мистика и теоретика розенкрейцерства Роберта Флуда (1574—1637) «История двух миров», опубликованной в 1617 году, есть примечательный чертеж, на котором концентрическими планетными орбитами показана связь макрокосма и микрокосма, пролегающая через человеческое сердце, приравненное к Солнцу. Здесь явственно ощущается тот же космический символизм, который проявлялся у ацтеков и друидов в кровавых жертвоприношениях, когда на алтарь солярного бога бросались еще трепещущие человеческие сердца.

Так же внутренне близки друг другу индуистские тантрические фигуры и сферы астрологических соответствий планет с головой и руками человека, выполненные Джероламо Кардано. Посвященные «небесной медицине» французские и немецкие инкунабулы XV века, знаменитый «Салернский кодекс здоровья» и китайские руководства по акупунктуре (иглоукалыванию) — всех их одухотворяет могучая уверенность в неразрывном космическом подобии человека.

Угрюмый сторож вечных врат засов
железный поднял,
И Тэль, сойдя, узнала тайны
невиданной страны,
Узрела ложа мертвецов, подземные
глубины,
Где нити всех земных сердец
гнездятся, извиваясь...
(Вильям Блейк, «Тэль»)

Непреходящая и вечно изменчивая маниакальная идея магии!

Можно спорить о том, откуда почерпнули греки, затем арабы, а с ними вся средневековая Европа космогонические символы Востока, и в частности привычный нам зодиак: из Вавилона или через посредство египтян. Покойный академик М. А. Коростовцев, даривший меня своей дружбой, был уверен в последнем. Вообще, когда речь заходила о «мощнейшем», по его выраже-

«Чакры» — центры энергии в индуистской тантре

«ДОМА» ГЕНИТУРЫ

нию, явлении, каким несомненно была древнеегипетская религия, Михаил Александрович проявлял удивительную страстность, одухотворявшую даже сугубо академические описания математических папирусов, которые он столь успешно расшифровал.

О его концепции преемственности египетской философии греками с исчерпывающей полнотой можно судить хотя бы по монографии «Религия Древнего Египта»:

«Возьмем аспект чисто космогонический, отвлечемся от теогонии. В космогонии участвуют природные субстанции: вода (Нун), земля (Геб), небо (Нут), воздух (Шу), солнце (Атум, Ра и др.), тьма (Кук и Каукет в Гермополе) — или абстрактные начала: бесконечность (Хух и Хаухет), невидимое (Амон и Амаунет) в концепции того же Гермополя. Организатор этих элементов, демиург, сам — один из элементов природы; он появляется из водяного хаоса, изначального океана Нуна.

Здесь напрашивается параллель с греческой натурфилософией. Фалес из города Милета (конец VII — начало VI в. до н. э.) первым из натурфилософов считал, например, началом всего воду. Учение Фалеса о воде как начале всего сущего перекликается с представлением египтян о первобытном океане Нуне. Плутарх... прямо заявляет, что свое учение Фалес заимствовал у египтян. Независимо от того, соответствует это истине или нет, несомненно одно: греки знали учение египтян об океане Нуне, и, разумеется, задолго до Плутарха. Ибо если бы они этого не знали, Плутарх не мог бы об этом написать».

Блестящий парадокс на грани тривиальности.

Однако я привел его не только ради изящнейшего, почти математически строгого доказательства преемственности древнеегипетских идей, лежащих, кстати сказать, в основе теургии. Дело в том, что европейцы — наследники эллинской науки — вкладывают в понятие стихии греческое, натурфилософское содержание, тогда как для египтян это были

живые боги, коими они и остались под эллинскими именами в колдовских мистериях.

Согласно теургической концепции, соответствующий, например, Хроносу свинец — это не только конкретный металл, но и сам состарившийся бог Хронос, которого следовало, как учили алхимики, «исцелить», превратив в золото, вернуть ему с помощью «философского камня» вечную молодость. В изумрудном кристалле, голубке, в медном кольце и пахучей вербене древние оккультисты видели и реальные вещи, и символ божества, и само божество — прекраснейшую Афродиту — Венеру, которой Парис вручил свое роковое яблоко.

К сожалению, видимо, из-за узости исторической перспективы и бездумного следования привычным образцам авторы современных оккультных исследований упускают именно этот аспект теургии, сокровенный, сущевный.

«Греки не скопировали египетские воззрения, — признает Коростовцев, — а взяли из них то, что можно было положить в основу натурфилософских учений. Разумеется, это предполагало уровень мышления более высокий, нежели религиозно-мифологический».

Уровень мышления — это точка отсчета. Собственно, магия потому и осталась висеть в пустоте, что подобный скачок мог разрушить всю ее предельно запутанную архитектуру. Как всякая вера, она апеллировала не к мышлению, а к первобытным инстинктам. Поэтому не столь важно, откуда греки заимствовали двенадцатичленный зодиак — из Двуречья или же нильской дельты. Религиозно-мифологический уровень обеих культур был практически одинаков. Великий Пифагор, впрочем, согласно распространенной молве, 12 лет

(12!) пр
мог по
знания,
выклад
тамошн
рии» Ге
то, что
логичес
Достато
ский жр
ким поч
постави
ская ма
поветри
жрецам
до Герод
с Бэлом
ту — с
было пр
четство
В Спарт
тарха, з
отправл
ное не
увидеть
звезду,
шего бо
ственно
триумф
чтобы о
тиранов
Из мно
наследи
бивых
дошли
ние со
Максим
безосн
Птолем
Аккумуля
следие
с 700
несравн
библио
зошедш
Герост
просте
— Есл
зал он
телям,

* Эфоры
ным собр
руководи
ства.

(12!) провел в Вавилоне и вполне мог получить астрологические знания, с нумерологическими выкладками заодно, прямо из рук тамошних жрецов. И «отец истории» Геродот ясно указывает на то, что эллины научились астрологическим гаданиям у халдеев. Достаточно сказать, что вавилонский жрец Берос пользовался таким почетом в Афинах, что ему поставили памятник. Вавилонская магия не стала чужеродным поветрием в Греции. Местным жрецам, которые еще задолго до Геродота отождествляли Зевса с Бэлом — Мардуком, а Афродиту — с Иштар, тем более легко было принять халдейское звездочетство.

В Спарте, по свидетельству Плутарха, эфоры* раз в девять лет отправлялись наблюдать звездное небо. Если им удавалось увидеть при этом падающую звезду, то правителя, прогневившего богов, призывали к ответственности. Это был подлинный триумф астрологии, рожденной, чтобы стать покорной служанкой тиранов.

Из многочисленного письменного наследия звездочетов свободолубивых полисов Эллады до нас дошли лишь сравнительно поздние сочинения Геминуса, поэма Максима и «Четверокнижие», безосновательно приписываемое Птолемею.

Аккумулированное греками наследие Востока сгорело вместе с 700 тысячами манускриптов несравненной Александрийской библиотеки. Халиф Омар, превзошедший печально знаменитого Герострата, руководствовался простейшей сентенцией.

— Если все эти рукописи, — сказал он, отдав приказ поджигателям, — повторяют истины, из-

ложенные в Коране, то они бесполезны, если противоречат слову аллаха — вредны.

Печальная участь постигла 200 тысяч томов Пергамской библиотеки, а также библиотеку Иерусалимского храма. Хуанди предал огню сочинения, в том числе астрологические, китайских мудрецов. Утрачена знаменитая коллекция Писистрата в Афинах, уничтожены пергаменты тайного убежища храма Пта в Мемфисе...

Лишь случайные обрывки, отдельные фрагменты, загадочные проблески забытых знаний — вот что осталось нам от исчезнувших цивилизаций. Сгорели вырезанные на дереве и никем не прочтенные письма народа острова Пасхи и книги катаров. Во времена конкисты епископ Ланда предал огню почти все кодексы народа майя, и теперь каждая новая находка археолога перечеркивает все умозаключения предшественников. Наше далекое прошлое — это цепь белых пятен, прерываемая изредка островками достоверных фактов. Мы не можем объяснить пока, откуда в древнем Багдаде за сотни лет до нашей эры знали, как делать сухие электрические батареи, или почему в монетах, относящихся к 235 году до нового летосчисления, содержится никель. Это факты, с которыми не приходится спорить. Последовательно соединенные батареи из выгребных ям древнего Багдада давным-давно лежат под стеклом в музее. Кстати сказать, их долгое время принимали за непонятные ритуальные предметы. Только случайно зашедший в музей инженер обнаружил истинную сущность этих столбиков из металлов и смолы. Но сколько еще загадок не получили истолкования!

Насколько можно судить по дошедшим до нас источникам,

* Эфоры — ежегодно избиравшиеся народным собранием лица (5 человек), призванные руководить политической жизнью государства.

образованное римское общество взирало на астрологию довольно скептически. И если Сенека признавал влияние планет на человеческие дела, то Цицерон, Плиний Старший, Секст Эмпирик и Гай Петроний довольно едко высмеивали звездочетов. Это не значит, конечно, что астрология не имела в Вечном городе ревностных почитателей. Сатиры Ювенала красноречиво свидетельствуют о том, что аристократы, купцы и плебс с одинаковым увлечением гадали по зодиаку. Особым почетом пользовался астролог Луций Таруций Фирман (116—28 до н. э.), который по поручению своего друга Варрона сделал попытку вычислить по звездам год основания Рима. На первых порах благоволили к звездочетам и цезари, о чем свидетельствует поэма Манилия «*Astronomica*», посвященная Октавиану Августу. Астрологией интересовался и жестокий властолюбец Тиберий, которому будто бы предсказали день смерти, но уже в царствование Клавдия из города был изгнан некий Фурий Скрибониан, осмелившийся спросить у звездного оракула о том, скоро ли умрет император. Вслед за не в меру любопытным гражданином удалились в изгнание и слишком много знающие жрецы.

Впрочем, ненадолго, потому что дальнейшая и никем не предугаданная судьба звездной науки уподобилась качанию на качелях: то вверх, то вниз. Нерон и в особенности Отон расточают астрологам ласки и золото, а Вителлий под страхом смерти выдворяет их с Апеннинского полуострова. Веспасиан хотя и подписывает запрещающие декреты, но оставляет при себе домашнего звездочета, а его сыновья Тит и Домициан сами ударяются в вычисление гороскопов. Период относительного благоденствия продолжался

довольно долго. Септимий Север, Каракалла, Александр Север даже выплачивали астрологам жалованье и разрешали им учреждать специальные школы. Гонения возобновились, однако, при Диоклетиане и его преемниках, решивших раз и навсегда очистить Рим от халдеев. Ныне мы можем воочию судить о том, насколько успешны были их благие порывы.

На 1980 год в Итальянской Республике насчитывалось 17 тысяч зарегистрированных составителей гороскопов, которые время от времени устраивали, причем с большой помпой, общенациональные съезды. Каждый третий итальянец регулярно следит за астрологическими сообщениями, широко представленными в печати. В Неаполе, например, недавно установили доставленные из Франции автоматы. Набор монет в 2 тысячи лир (чуть больше 2 долларов) обеспечивает мгновенную выдачу гороскопа на каждый день.

В уцелевшем от превратностей судьбы сочинении «Восемь книг Астрономии», написанном сицилийцем Фирмиком Матерном (IV в.), мы впервые сталкиваемся с подробно разработанным учением о 12 «домах», которое вот уже 16 столетий привлекает своим призрачным светом доверчивых мотыльков.

Прежде чем познакомиться с этими, известными еще китайцам и индийцам «домами», вспомним первую встречу булгаковского Берлиоза с Воландом на Патриарших прудах:

«Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался шить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде «Раз, два... Меркурий во втором доме... Луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь...» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!»

Разумеет
смаатрива
Маргарит
во по де
чисто ху
ческой т
ное зна
и по час
Предска
как мы
сбылось.
автора, н
с учени
а также
от араба
го в XII
judiciis
«велико
ста Мор
шего ка
logia gal
Каждое
предска
расшифр
Припом
о «пла
в новый
генитур
це — от
ющее в
вотворн
предель
неты. П
через
оно вме
нетами
влияни
зом с
людей.
щений
благод
государ
высоки
Прерог
мы зна
ваны:
ведлив
воинств
влажна
властву
тиями,
тьмы, и
ет каб
актера

Разумеется, было бы наивно рассматривать роман «Мастер и Маргарита» как некое руководство по демонологии, хотя за его чисто художественной, фантастической тканью скрывается серьезное знание темы. В том числе и по части гороскопов.

Предсказание «князя тьмы», как мы знаем, почти тотчас сбылось. Разумеется, по воле автора, но в точном соответствии с учением Фирмика Матерна, а также его последователей — от араба Ибн-Рагеля, написавшего в XIII веке руководство «*De judiciis astrorum*», до последнего «великого астролога» Жана-Батиста Морена (1583—1656), оставившего капитальный труд «*Astrologia gallica*».

Каждое слово воландовского предсказания поддается точной расшифровке!

Припомнив все, что мы знаем о «планетных типах», войдем в новый магический круг — круг генитуры, где начальствует Солнце — отец всех вещей, — разливающее вместе с Луной свой животворный свет и определяющее пределы господства каждой планеты. Проходя последовательно через все 12 знаков зодиака, оно вместе с подчиненными планетами испытывает различные влияния, которые роковым образом сказываются на судьбах людей. Вне зависимости от возмущений Солнце всегда остается благодетельным. Оно — светило государей (Людовик-Солнце) и высоких вельмож.

Прерогативы других планет, как мы знаем, строго регламентированы: Юпитер управляет справедливостью, Марс — небесным воинством, Венера — любовью, влажная и меланхолическая Луна властвует над ремеслами и занятиями, требующими покровительства, и потому покровительствует кабатчикам, ростовщикам и актерам, в ведении непостоян-

ного Гермеса — Меркурия найдутся науки, искусства и астрология в том числе. Все это мы уже хорошо знаем, однако, чтобы не забывать о причудах магического мышления, нужно время от времени суммировать исконные азы «Искусства» на новых исторических витках. Тем более что влияние планет многозначно. Горящий кровавым огнем Марс не только покровительствует всем проливающим кровь (воинам и лекарям, палачам и поварам), но, царствуя над железом, благоволит к оружейникам, кузнецам, ювелирам. Ровное сияние гиганта Юпитера свидетельствует не только о мудрости, но и о доброте. Он опекает мудрецов, наставляет философов, печется о мирных селянах. Наконец, бледный, медлительный, свинцово-тяжелый Сатурн, чей чахлый блеск говорит о болезненной слабости, служит последним проводником одряхлевшим мужам, питает слабость к отшельникам и монахам. Если прибавить сюда известные нам анатомические, анималистские и прочие соответствия, то получится полнейшая путаница противоречивых влияний, искусственной, нарочито усложненной символики. Знак Льва, когда в него входило только Солнце, мог означать, например, просто сильного, порой жестокого человека, а в сочетании с Марсом — пророчил судьбу героя или разбойника. Тут уж сам астролог должен был сообразить, кому что назначено, несмотря на то что зачастую властительные заказчики сочетали в себе и то и другое. Нужно было учитывать и психологию августейших особ, которые не отделяли себя от подвластной страны.

— Государство — это я! — говорил Людовик-Солнце.

Но так как от Солнца ждали лишь блага, на передний план выступили продолжительные пе-

риоды Сатурна, которые оказывали роковое воздействие как на отдельных людей, так и на целые государства, особенно в соединении с Юпитером.

Пророчить несчастье целой стране было все-таки безопаснее, чем ее государю. Известен анекдот о Людовике XI и его астрологе. Будучи разгневан то ли неудачей в алхимических экспериментах, то ли дурным гороскопом, король, прежде чем позвать палача, обратился к придворному оракулу с коварным вопросом:

— Знаешь ли ты день собственной смерти?

— Я умру за три дня до вашего величества! — отвечивал находчивый звездочет.

Суеверный монарх не решился проверить.

Гороскоп, или генитура, основывался, таким образом, на расположении всех светил в данный момент времени, отвечающий точке на колесе зодиака. В специальном значении слово «гороскоп» характеризовало точку эклиптики, восходящую в момент рождения человека. Начиная от этой точки, небо делилось кругами склонения на 12 равных частей, или «домов». Ближайший к гороскопу, ниже горизонта, получил наименование «дома жизни», затем следовали «дома богатства» или счастья, братьев, родства, детей, слуг или иногда здоровья, брака, смерти, веры, почестей, дружбы и, наконец, вражды.

Как мы видим, с помощью «домовой системы», абсолютно произвольной и нисколько не связанной с реальной картиной неба, можно было предсказать все, что угодно, и даже вновь перетолковать ранее сделанное предсказание.

На такой базе составлялась «небесная фигура», имевшая вид квадрата, круга или иногда соответственно разграфленной каба-

листической гексаграммы. Из нее-то посредством довольно запутанных правил и всяческих условностей и выводились нужные предсказания. Так, например, если Солнце имело резиденцию в первом «доме», новорожденному обещали здоровье и успехи в науках, если же там останавливался зловеший Сатурн, то следовало опасаться натуры нечистой, ленивой и вероломной.

Булгаковского Берлиоза, согласно мгновенно составленной Сатаной «небесной фигуре», погубил переменичивый Меркурий, так неосмотрительно забредший в «дом счастья». Но это случилось лишь по вине несчастливого знака в шестом «доме здоровья», потому что при прочих благоприятных условиях Меркурий во втором «доме» предвещал счастье в торговле, а Луна, которая ушла от бедного председателя МАССОЛИТа, стоило ей заглянуть в пятый «дом», могла наобещать ему кучу детей.

В замке Фридланд, расположенном в Северной Чехии, я видел роскошно выполненный гороскоп полководца Тридцатилетней войны А. Валленштейна (1583—1634). История этой впечатляющей кабалистической диаграммы с именами бога и ангелов весьма примечательна.

Впервые составленная в 1608 году Иоганом Кеплером «небесная фигура» предсказывала брак на тридцать третьем и кончину от лихорадки на семидесятом году жизни в том случае, если внезапная смерть не настигнет лихого военачальника в 1613 либо в 1625 году. Когда прошел впустую назначенный для женитьбы год и не сбылись другие отмеченные астрологом события, Валленштейн распорядился отослать гороскоп назад для исправления, что было тогда делом обычным, ибо едва ли кто мог назвать с точностью до нескольких минут

время своего появления на свет. Поэтому, чтобы скорректировать картину неба, отталкивались, как от новой точки отсчета, от какого-нибудь строго зафиксированного события: болезни, крупного успеха, августейшей аудиенции и т. п. Валленштейн сделал на этот счет соответствующие пометки для своего астролога, которому судьба уготовила место в ряду величайших астрономов мира.

«Исправив» время рождения полководца всего лишь на полчаса, Кеплер добился совпадения с уже известными событиями и, предсказав новые, пометил неблагоприятные конstellляции, чтобы можно было вовремя принять необходимые меры.

Закончив работу в 1625 году, Кеплер через пять лет скончался. Между тем новый вариант генитуры оказался столь же неуспешным, как и прежний.

Можно, конечно, сбросить со счетов 1627 год, особо неблагоприятный по Кеплеру и победоносный для его клиента, одержавшего победу над датчанами, потому что опасные конstellляции для того и помечаются, чтобы умелыми действиями избежать предначертанного удара судьбы. Даже 1630 год, последний для астролога и, согласно гороскопу, бесцветный для Валленштейна, но на самом деле ознаменовавшийся его отставкой и затем новым назначением, не поставишь в упрек астрологу, так как плюс и минус взаимно уничтожаются. Но как быть с 1634 годом, обозначенным, за исключением марта, крайне благоприятно? Как объяснить злодейское убийство властителя Фридриха 25 февраля 1634 года, то есть в период удач и по меньшей мере за три дня до наступления чреватого угрозой марта?

Конечно, это чисто риторические вопросы. Полнейшая несостоятельность астрологии давным-

давно стала непреложным фактом.

Астрологи США почти единогласно предсказывали весной 1968 года поражение на президентских выборах Ричарда Никсона и соответственно новый четырехлетний срок Линдона Джонсона, который своим отказом от баллотировки разрушил все прогнозы, как карточный домик.

В опубликованной в 1965 году книжке «Бобби Кеннеди, следующий президент Соединенных Штатов» были напечатаны гороскопы обоих братьев — Джона и Роберта. Первый был мертв, и это сходилось с его генитурой, второго еще только ждала пуля убийцы, но звезды об этом почему-то молчали. В таком же разладе с действительностью оказался и гороскоп Жаклин Кеннеди, составленный Золтаном Масоном, где знак Скорпиона, суливший постоянство «эмоциональных привязанностей», обернулся скоропалительным браком с судовладельцем Онассисом.

Кеплер знал истинную цену астрологии, занимаясь составлением гороскопов лишь ради заработка. Иное дело — Кардано, тяжело переживший преждевременную смерть Эдуарда Шестого Английского, коему он посулил 55 лет спокойной, если такое возможно для короля, жизни. Подаривший человечеству известный каждому автомобилисту вал, Кардано прослыл еретиком, что, конечно, неудивительно при его специальности. Но в отличие от других астрологов он дал на то достаточный повод, осмелившись составить гороскоп Христа.

Говорили, что ученый покончил с собой в тот день, который был отмечен траурным крестиком на гороскопе, составленном им для самого себя.

Вероятно, это красивая байка, но сын Нострадамуса, тоже Мишель де Нотр-Дам, действительно попытался поджечь город Пузен, когда не сбылся предсказанный им пожар, за что и был казнен в 1575 году.

Сразу же скажу, что не все пророчества звездных оракулов кончались крахом. Иначе вера в астрологию, как и вообще любая вера, лишенная «чудес», не смогла бы удержаться на троне в течение тысячелетий. Но таково свойство памяти, что она удерживает лишь поражающие воображение успехи и развеивает тривиальные поражения. Помнят то, что сбылось, и помнят именно потому, что сбылось. Мир по природе своей статистичен, и потому время от времени в нем происходят забавные совпадения, кажущиеся на первый взгляд невероятными.

В своем предисловии к книге Г. А. Гурева «История одного заблуждения», посвященной критике астрологии, М. И. Шахнович приводит характерный пример:

«В 1941 г. было проведено соревнование трех известных астрологов. Один астролог правильно угадал 12 раз из 100 случаев, другой — только 9 раз, а третий — 4 раза. Таким образом, 12, 9 и 4% верных «предсказаний» способствуют вере в астрологию. Старые газеты обыватель не читает, а поэтому не проверяет предсказаний астрологов».

За небольшим исключением, добавим, потому что в том же предисловии рассказано о невзгодах бразильского звездочета Кардоса, посулившего футболисту Пеле, у которого родилась очаровательная дочурка, сына. В этом простейшем случае, как в игре в «орел-решка», у астролога было 50 шансов из 100 на верный ответ. Математика могла бы дать более успешный прогноз, тем паче

что был разработан метод, получивший в 1949 году красноречивое название «метод Монте-Карло», по названию города, известного своим игорным домом. Этот метод позволяет рассматривать поведение системы, каждый этап которой моделируется при помощи любого источника случайных чисел, будь то рулетка, подбрасывание монеты, тиражная таблица или данные переписи населения.

Известный математик Джон Литлвуд привел в книге «Математическая смесь» пример самого удивительного совпадения, случившегося в его жизни:

«Девушка шла по Уолстон-стрит (Лондон) к своей сестре Флоренс Роз Далтон, которая работала поварихой в доме № 42 по этой улице. Она прошла мимо дома № 40 и подошла к дому № 42, где поварихой работала некая Флоренс Роз Далтон (совсем другая женщина), находившаяся в то время в двухнедельном отпуске; эту Флоренс Роз Далтон в качестве поварихи заменяла ее сестра. Но этот дом оказался домом № 42 по Овингтон-сквер (откуда в этом месте есть узкий проход на Уолтон-стрит), дом же № 42 по Уолтон-стрит был следующим... Безусловно, некоторое количество удивительных совпадений должно было иметь место в действительности...»

Вероятность этого столь курьезного и никак не связанного с трансцендентными силами случая настолько мала, что напрочь зачеркивает самые поразительные «удачи» оракулов. Даже Нострадамусовых Наполорона и Гислера*. Знаменитый астролог, между прочим, предсказал конец света на год, в котором страстная пятница придется на день святого Георгия (23 апреля),

* Идентифицируются с Наполеоном и Гитлером.

светлое воскр
Марка (25 апрел
ла Христова —
(24 июля).

Подобное совпад
400 лет случал
потому что его
вероятность до
а о конечном ре
му счастьем, м
очию.

Бурный расцв
вообще «тайных
ся на роковой Х
гойских войн, п
походов, учрежд
и повального
дующие столет
костры, лишь у
хоть и не в мер
адептов «Черно
В университета
и других просл
философскими
кафедры астр
чуть ли не важн
ты в переполне
познавали сек
генитур.

Не было в Евр
не подвизалс
окруженный
нием вельмож
почти неогран
сюзерена. Нед
ре, и в памя
Екатерины М
от братьев Коз
жери и Миши
следний был
вой-матерью
Карла Девят
Варфоломеевс
ку читатель пр
лен об имевши
тиях, по крайн
из увлекатель
отца, Проспер
Манна, мне с
необходимые
тем более ум
сандр Дюма
гвоздю, на ко
силь все, что

светлое воскресенье — святого Марка (25 апреля) и праздник тела Христова — святого Иоанна (24 июля).

Подобное совпадение за истекшие 400 лет случалось многократно, потому что его математическая вероятность достаточно высока, а о конечном результате, к общему счастью, можно судить вочию.

Бурный расцвет астрологии и вообще «тайных наук» приходится на роковой XIII век, век альбигойских войн, провала крестовых походов, учреждения инквизиции и повального ведовства. Последующие столетия, несмотря на костры, лишь укрепили высокий, хоть и не в меру опасный статус адептов «Черного Искусства».

В университетах Парижа, Падуи и других прославленных своими философскими школами городов кафедры астрологии считались чуть ли не важнейшими и студенты в переполненных аудиториях познавали секреты построения генитур.

Не было в Европе двора, где бы не подвизался свой астролог, окруженный боязливым вниманием вельмож и пользовавшийся почти неограниченным доверием сюзерена. Недаром и в литературе, и в памяти поколений имя Екатерины Медичи неотделимо от братьев Козимо и Лоренцо Руджери и Мишеля Нотр-Дам. Последний был приглашен королевой-матерью в качестве врача Карла Девятого — главного героя Варфоломеевской ночи. Поскольку читатель превосходно осведомлен об имевших тогда место событиях, по крайней мере знает о них из увлекательных романов Дюма-отца, Проспера Мериме и Генриха Манна, мне остается лишь дать необходимые комментарии. Это тем более уместно, что сам Александр Дюма уподобил историю гвоздю, на который можно повесить все, что угодно. Великий ро-

манист имел на это право. Природное добродушие и поразительное жизнелюбие позволяли ему ко многому относиться без должного пиетета. Особенно к магии, в которую создатель «Королевы Марго» не верил ни на грош.

Зато верила сама королева. Рисуя принизить романтический облик этой высокоученой и прелестной женщины, которой несчастный Ла Моль завещал свой череп, о чем упоминает в «Красном и черном» любящий достоверность Стендаль, я все же рискну привести свидетельство мемуариста.

«Королева Маргарита в молодости отличалась красотой, несмотря на то, что у нее были слегка отвисшие щеки и несколько длинное лицо. Никогда, пожалуй, не было на свете женщины, более склонной к любовным утехам... Она носила большие фижмы со множеством карманчиков, в каждом из коих находилась коробочка с сердцем усопшего любовника; ибо когда кто-то из них умирал, она тотчас же заботилась о том, чтобы набальзамировать его сердце» (Жедеон Таллеман де Рео, «Занимательные истории»).

История действительно занимательная, свидетельствующая о том, что не только Екатерина, но и ее дочь была не чужда колдовских забав.

Ее пылкий и беззаветный любовник, каким Дюма рисует Ла Моля, был, по уверению Бальзака, коварным заговорщиком, у которого действительно нашли при аресте исколотую булавами восковую куклу с короной на голове (О. Бальзак, «Об Екатерине Медичи»). Вместе со своим другом Коконнассо (храбрый рубака-католик происходил из итальянцев) он, не брезгуя никакими средствами, пытался проложить путь к трону будущему Генриху Четвертому, в чем ему споспе-

шествовали астролог Екатерины Козимо Руджери — брат Лоренцо, которого кабалисты называли Великим, и сын Руджери Старшего, или Роже, — старейшины французских алхимиков.

Будучи личным врачом Лоренцо Медичи, герцога Урбино, Роже по праву возглавил школу «тайных наук», из которой вышли Кардано, Нострадамус и Агриппа, упрочившие славу и влияние властолюбивого герметиста.

Среди его учеников были и искуснейшие врачи, и не менее знаменитые отравители. Пропитанная мышьяком книга, которую подсунили Карлу Девятому, не выдумка Дюма. Известны ухищрения и почище: надушенные перчатки; отравленная свеча, погубившая еще Ногарэ; букет живых цветов, чей запах приносил мгновенную смерть; башмаки, надев которые упал бездыханным Хуан Австрийский. Верхом остроумия в те оригинальные времена считался нож, лезвие которого с одной стороны было намазано отравой. Хорошенькая фрейлина предлагала сгоравшему от любви кавалеру разделить с ней персик или, допустим, гранат и спокойно съедала свою половину, в то время как несчастный молодой человек корчился в судорогах у ее ног.

Или вспомним помаду, предназначенную для госпожи де Сов, дабы она своим поцелуем отравила Генриха Наваррского.

Дюма вполне реалистично описал развлечения королевь-матери по части ядов. Ошибся он лишь с восковой куклой, которая якобы должна была подарить Ла Молю сердце Маргариты.

«Тот, кто сделал изображение, совершенно похожее на мой вид, тот околдовал весь мой вид, он взял приготовленный для меня волшебный напиток и осквернил мое платье», — свидетельствует клинописный текст халдейского заклинания.

Увы, граф Ла Моль по праву взошел на эшафот. Куклу протыкали иглой, когда энвольтовали на смерть, а не занимались любовным приворотом. И то, что не удалось посредством колдовства, было достигнуто отравленной книгой о соколиной охоте.

Охота на своих королей была излюбленным занятием французских пэров. Направляемые герцогами де Гиз, лигистские фанатики действовали по испытанному шаблону. Генриха Третьего, вступившего на трон отравленного брата, тоже сперва пытались «извести», протыкая нареченную его именем куклу раскаленной иглой, затем прибегли к яду и, наконец, подослали убийцу. Первую операцию с восковой фигуркой проделал, насколько известно, еще Мариньи, властитель Монфокона, задумавший устранить в 1315 году Людовика Десятого.

Утыканные гвоздями деревянные фигурки из Конго выражают, в сущности, ту же идею симпатической магии, жесткую связь человека с его подобием, одухотворенным колдовскими наговорами и украдкой добытыми волосами, клочком одежды, а всего лучше — капелькой крови.

Зная, насколько короток век королей, Козимо Руджери предсказал Екатерине, что все три ее сына будут править, хотя наследует им все же Генрих Четвертый, и это сбылось. Следя за оборотами прялки и впав в сомнамбулическое состояние, он предостерег королеву от какого-то Сен-Жермена. Екатерина с тех пор всячески избегала одноименного замка, где была подземная тюрьма. Ирония судьбы: исповедником, которого пригласили к одру умирающей королевы, был аббат Сен-Жермен. О другом Сен-Жермене, жившем в XVIII веке и выдававшем себя не только за ученика братьев Руджери, но и за собеседника Иисуса Христа,

я рассказ
напомню
будто он
своивший
графство,
«Всем, чт
но о каба
писал Ба
Медичи»))
таинствен
Надеюсь,
но ломати
силой пр
Руджери
Может б
суеверна
дана — н
детельств
как-то об
Понтием
зумно.
— А зна
десять по
изучает т
ни? — ро
его пыта
анахрони
Мишель
Роже, бы
ловеком
дился в
Реми, гд
лой нау
В Авинь
труды др
пелье —
мненно,
видное
Свободн
нееврейс
ми, что
то удив
Нострад
в единст
но и миф
номичес
ли обра
ред по
назад —
всех пре
по-насто
одно, к
мент от
короля.

съезде астрологов рейх был провозглашен ведущей страной небесного оккультизма. Усиленно раздуваемый миф о том, что фюрером «повелевают звезды», нашел «научное» подтверждение в книге некоего Рейсмана «Астрология и культ политического вождя».

Звездочеты со всего мира, в том числе и тибетские тантрики, бросились искать счастья в Берлин. В 1937 году в Германии обосновался и швейцарец Карл Эрнст Краффт (1900—1945). Его первые публикации по «астробиологии» * сразу же привлекли внимание министра пропаганды Геббельса, слывшего среди нацистских бонз многогранным интеллектуалом, чуть ли не рафинированным интеллигентом. Занявшись расшифровкой, естественно, в угодном для национал-социалистов направлении пророчеств Нотр-Дамы, Краффт, едва началась новая мировая война, уверенно предрек поражение Франции и падение Парижа. Успех этих тщательно спланированных в германском генеральном штабе «предсказаний» вскружил бедному астрологу голову, и он наделал каких-то глупостей. В 1941 году Краффта арестовало гестапо. В одиночке на Принц-Альбрехтштрассе, 8, ему было о чем задуматься. Но по-видимому, судьба Ганнусена (о нем речь впереди) не пошла Краффту впрок. Когда после года тюремного заключения его освободили и направили в распоряжение все того же министерства пропаганды, он, вместо того чтобы бежать сломя голову, вновь вошел в опасную близость с тайными махинациями нацистов.

На сей раз астролога подчинили СД, где он занялся своим прямым

* Оккультные «астробиология», «астромедицина», «астрозоология» и «астроботаника», несмотря на современно звучащие названия, основываются на «планетных типах» и никакого отношения к науке не имеют.

делом: составлением гороскопов. Краффт, не жалея сил, «ставил генитур» высшего генералитета, вычислял конstellляции своих и чужих, Роммеля и Монтгомери.

Узнав, что в своих оперативных решениях, а также в кадровой политике Гитлер и вправду частенько руководствуется «повелением звезд», прагматики из британской «Секрет интеллидженс сервис» тоже завели у себя астрологов, пытаясь предугадать по гороскопам гитлеровских военачальников очередное назначение или замену.

Иногда такие прогнозы оказывались успешными, хотя и не влияли сколько-нибудь заметным образом на положение на фронтах. По крайней мере до высадки в Нормандии, когда исход войны уже не вызывал сомнений.

Но возвратимся к Краффту, который не извлек урока ни из собственного, ни из чужого опыта и, по всей вероятности, так и не понял, что куда лучше было бы продать душу дьяволу, чем связаться с черным орденом рейхсфюрера Гиммлера.

В 1943 году астролог был вновь арестован и отправлен в концлагерь под Ораниенбургом, а незадолго до конца войны убит выстрелом в затылок по пути в Бухенвальд.

Закономерный и многозначительный финал.

Странная и больная книга Нострадамуса, чьи метафорические четверостишия вновь, как отмечалось в начале повествования, с увлечением берут на вооружение милитаристы и реакционеры, многократно издавалась со всевозможными добавлениями и каждый раз приспособлялась к злобе дня.

Когда незадолго до Великой французской революции «Астронимические четверостишия» вышли с добавкой, очевидно масон-

ского происхождения, содержавшей указание на гибель римско-католической церкви, папа включил книгу Нострадамуса в список запрещенных.

Помимо достижения прямых и конечно же в наше время неблагоприятных, поджигательских целей работающие «под Нострадамуса» невидимки льют воду на мельницу суеверной легенды, будто великий мистик продолжает дополнять свое творение из потустороннего далека.

Наш рассказ о «гороскопной науке» близится к логическому завершению. Остается для полноты общей картины лишь закончить историю гороскопа Германской империи, составленного в день ее падения — 9 ноября 1918 года.

Он был извлечен из архивов, когда уже набирала невиданное ускорение и мощь заключительная эпопея второй мировой войны в Европе — Берлинская операция нашей победоносной армии.

В бункере имперской канцелярии сгущалась истерическая атмосфера неумолимого предчувствия конца. Еще в марте Гитлер, кривя и кусая губы, сказал секретарше: «Я не могу положиться ни на одного человека, все меня предают. От этого я совершенно болен...» Постоянно точившая его мания преследования, а вместе с ней и невроз прогрессировали, и загнанный в крысиную нору вождь «тысячелетнего рейха» уже не выбирался из подземелья прогуливать свою овчарку.

В последний раз столпы империи собрались за одним столом 20 апреля, чтобы отпраздновать день рождения своего фюрера, которому исполнилось 56 лет. Последний день рождения и для некоторых — последний день в бетонированной яме, ибо той же ночью Гиммлер и Риббентроп бежали из осажденной столицы. Геринг тоже оставил Берлин, не забыв позвонить к себе в «Каринхалле»,

чтобы справиться о том, как идет эвакуация несметных ценностей, награбленных им в оккупированной Европе.

Незадолго до того, как нацистские бонзы один за другим оставили своего фюрера, и произошли интересующие нас события.

Геббельс, еще лелеявший надежду сделаться единственным наследником уже несуществующей империи и потому не отходивший от фюрера ни на шаг, взялся почитать ему из «Истории» Т. Карлейля.

Книга раскрылась на замусоленном, сотни раз читанном месте, где излагалась история развала русско-австрийского альянса в период Семилетней войны* и спасения прусского короля Фридриха Второго от неминуемой гибели. Нацистские главари, давно мечтавшие о распаде антигитлеровской коалиции, ныне просто-таки грезили о том, что вот-вот случится новое чудо, подобное внезапной смерти русской государыни Елизаветы, когда Петр Третий поспешно заключил с Фридрихом мир.

На впавшего в депрессивное состояние Гитлера набивший оскомину эпизод произвел прямо-таки гальваническое, вернее, месмерическое воздействие.

Ударившись в транс, он закружился на месте, придерживая дрожащую неповинующуюся руку, и зачастил голосом кликуши:

«Судьба Фридриха... судьба Фридриха... судьба Фридриха». Геббельс тоже впал в состояние мистического экстаза или, скорее всего, напустил на себя экзальтацию, так как сразу сообразил, что нужно сделать, и распорядился принести хранящиеся в секретном сейфе гороскопы: тот самый,

* Семилетняя война 1756—1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером) и Португалией — с другой.

от 9 ноября 1918 года, и еще второй, который был составлен для самого фюрера в день захвата нацистами власти — 30 января 1933 года.

И два маньяка, два людоеда в лихорадке склонились над астрологическими чертежами второго и «третьего рейха», ища в них спасительное знамение.

Между генитурами обнаружилась связь. Обе диаграммы сходились на том, что в 1939 году начнется война и самые тяжелые ее последствия для Германии придутся на вторую половину 1945 года. Далее, однако, намечалась некоторая стабилизация, а там и долгожданная победа в августе того же 1945 года.

Не находя слов, Гитлер и его верный министр молча уставились друг на друга. Фюрер, по свидетельству самого Геббельса, расстроганно прослезился.

Когда же через несколько дней в бункер пришло известие о смерти президента США Франклина Делано Рузвельта, бесноватый рейхсканцлер и верховный главнокомандующий, по словам его секретарши, «впал в совершеннейший экстаз».

Звезды не обманули! Пророчество начинало сбываться.

«Звезды указывают, что вторая половина апреля станет для нас поворотным пунктом», — твердил Геббельс.

Едва ли этот нацистский «интеллектуал», а уж тем более сам фюрер были способны прочесть гороскоп. Ведь и псевдонауки требуют определенных знаний, которых у дорвавшихся до власти погромщиков просто и быть не могло. Впрочем, никакой работы мысли от них и не требовалось. Обнаруженные впоследствии в бумагах Магды Геббельс обе генитуры были не только снабжены нужными печатями и подписями, но и надлежаще расписаны.

Гороскоп Гитлера, заверенный штампом Берлинского округа, а именно Геббельс был гауляйтером имперской столицы, содержал, в частности, следующую текстовку: «В апреле 1945 г. Германия окажется в состоянии все свои ударные силы перебросить на Восточный фронт, и по истечении пятнадцати месяцев Россия окончательно будет завоевана Германией. Коммунизм будет искоренен... Россия распадется на маленькие государства».

Совершенно ясно, что весь этот вздор был написан не в 1933 году и даже не в 1941-м, когда гитлеровцы были одержимы бредовой идеей блицкрига, а именно теперь, в преддверии развязки. Но таково свойство псевдонауки, что она подчиняет себе разум самих обманщиков. Геббельс взирал на свеженькие подписи работников собственного аппарата как на знак чуть ли не божественной аутентичности.

«Это была атмосфера сумасшедшего дома», — отмечал, описывая ситуацию в бункере, американский журналист Уолтер Ширер в капитальной книге «Величие и падение третьего рейха». — Члены кабинета... возлагали надежды на предсказания звезд».

Но были исчислены сроки — до дней, до часов, до минут...

Гитлер покончил с собой 30 апреля в 15 часов 30 минут, когда до конца «переломного» апреля оставались считанные часы. Отравив предварительно своих детей, ускользнули в могилу от неизбежной расплаты Йозеф и Магда Геббельс.

В указанном в гороскопе августе состоялась историческая Потсдамская конференция. Что же касается предсказанного срока в 15 месяцев, оставшихся до окончательной победы, то он истек в разгар Нюрнбергского процесса, где Гитлер фигурировал как преступник № 1.

Древо жизни

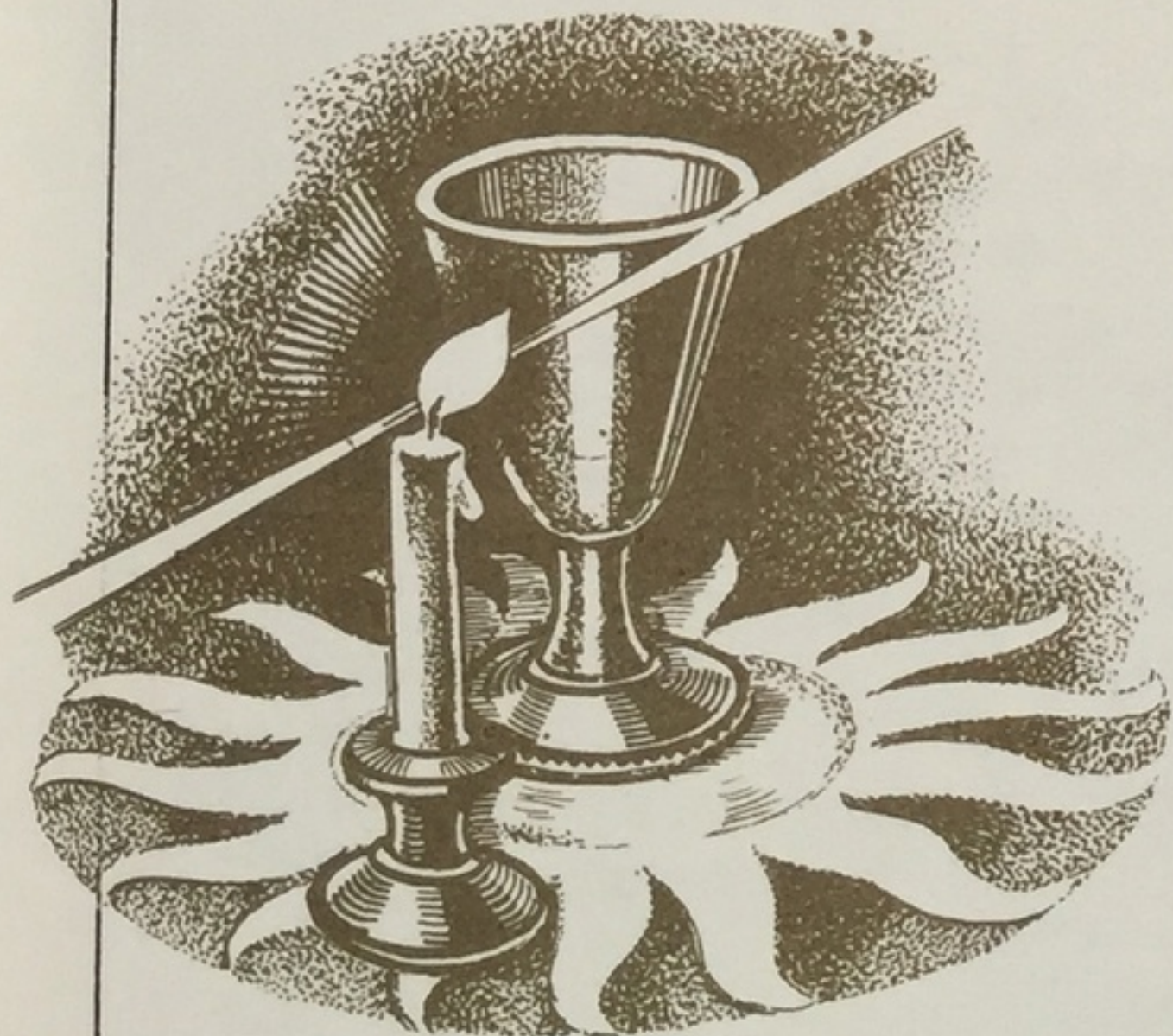
Ангелы божьи в плащах
одинаковых
Дали отведать мне зернышек
маковых,
В Лету меня окунули потом
И напоили каким-то питьем.

«Апокалипсис Голиарда»
(из «Ватиканского собрания»)

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли — вне сознания —

далеко,
Туда, где светят царственные
числа.

Валерий Брюсов,
«Числа»

В «ПОСЛАНИИ к коринфянам» апостол Павел упоминает о том, как его похитили и вознесли на «третье небо», хотя он и не уверен, было ли это действительно вознесение или некое духовное озарение. О том, что представляет собой загадочное «третье небо», рассказывают анонимные авторы ветхозаветных апокрифов «Заветы двенадцати патриархов» и «Книга Еноха». Небо, по их свидетельству, состоит из семи ступеней, на «третьем же небе», где побывали Павел и Енох, расположен библейский рай. Среди ветхозаветных праведников Енох занимает особое место. Его прижизненная космическая одиссея стала объектом бесчисленных мистических спекуляций. Шарлатаны ФРГ, как уже сказано, приписывают Еноху дичайшие рецепты «натуропатии», апологеты «космической религии» обожествляют в его образе первого землянина, зачисленного в экипаж инопланетян, бороздивших просторы галактик. Непосредственное общение с богом делало Еноха великолепным объектом для всяческих «откровений». Апокриф от его имени появился еще во II веке н. э. и пользовался большим авторитетом в раннехристианской церкви. В Византии эту впоследствии надолго исчезнувшую книгу читали еще в начале VII века. Ее эфиопский перевод был обнаружен лишь в 1773 году, а в 1886 году обнаружился и обширный греческий отрывок.

В седьмой и восьмой главах этого загадочного труда содержится подробное описание грехопадения ангелов, перекликающееся с соответствующими стихами (1—4, гл. VI) книги Бытие:

«Когда люди размножились и стали рождаться у них видные из себя и прекрасные лицом дочери, то ангелы, сыны неба, увидев их, вспыхнули к ним любовью и ска-

зали: «Пойдем, выберем себе жен из дочерей человеческих и произведем с ними детей...» Они взяли себе жен, каждый по своему выбору, они вошли к ним и жили с ними и научили их волшебству, заклинаниям и употреблению корней и трав... Кроме того, Азазел научил людей делать мечи, ножи, щиты и панцири; он же научил их делать зеркала, браслеты и украшения, а также употреблению румян, подкрашиванию бровей, употреблению драгоценных камней изящного вида и цвета, так что мир совершенно преобразился. Появилось безбожие, распространился разврат; люди стали грешить и сошлись с истинного пути. Амацарак научил всякому волшебству и употреблению корней. Армерс научил, как прекращать действие чар; Баркаял научил наблюдать светила небесные; Акибиил научил знаменам и приметам; Тамиил — астрономии и Асарадел — движению Луны».

Падшие ангелы, подарившие людям полный набор тайных дисциплин, в глазах чернокнижников обрели демоническую природу, а вдохновенные «тарелкоманы» ныне обратили их в вояжирующих астронавтов.

В каббале, широко распространенной среди европейских мистиков в XIII, особо отмеченном темным поветрием века, скрыто, согласно оккультным преданиям, именно это завещанное ангельскими пращурами сокровенное знание о мире и человеке, индифферентно зашифрованное, согласно другому мифу, в Библии. Именно эта соотнесенность с текстом священного писания, которое необходимо было дешифровать, чтобы извлечь божественное знание, и делала каббалу столь притягательной для черных и белых магов европейского средневековья. Спасительная тень Ветхого завета, вопреки дурной

репутации первоисточников — все-таки падшие ангелы, — оберегала и самих кабалистов, чьи изыскания не могли не раздражать ортодоксально настроенных инквизиторов.

Попытки извлечь спрятанные в книге Бытия «величайшие тайны мироздания», с одной стороны, можно было рассматривать как дело богоугодное, с другой — как самую кощунственную ересь. Все зависело от широты взгляда. Вот почему одни римские папы предавали кабалистов анафеме, а другие сами ревностно занимались цифровыми и буквенными подстановками, составлявшими основное существо каббалы.

Легенда о зашифрованном, доступном лишь посвященным подтексте, точнее, параллельном тексте Бытия находит отголоски в вавилонском Талмуде. Там действительно говорится о том, что Моисей кроме записанных на скрижалях законов получил от господина и множество устных инструкций, которые следовало свято хранить от профанов в узком кругу особо доверенных лиц. К их числу принадлежали 70 старейшин, поставленных Моисеем начальниками над кочующими в пустыне коленами. Передаваемая из уст в уста тайна нигде и никогда не была записана, что вынуждало кабалистов искать утерянный ключ.

Слово «каббала» означает «предание». Если судить по дошедшим до нас кабалистическим сочинениям, то можно прийти к заключению, что их основополагающие идеи действительно могли в течение долгого периода, хотя, конечно, не с библейских времен, передаваться из рода в род, отшлифовываясь и совершенствуясь внутри узкого круга сектантов, пока все учение не было собрано и записано.

«Приблизительно за 300 лет до нашей эры древнееврейские бук-

вы
в к
g=3
тели
мощ
сумм
како
пыта
прим
восоч
знач
теля
щес
ком
ные
иску
слово
Клас
геом
ся уж
толк
жест
ческ
цифр
дней
анал
васи
гах
Из н
ческ
«Сеф
рени
или
учен
ческ
(юни
докт
деля
валь
и те
или
тенн
наст
зуис
ский
подд
нию
Фор
чало
талм
Тору
ний,
* Мар

вы стали употребляться также в качестве чисел: $a=1$; $b=2$; $g=3$; $d=4$ и так далее. Прорицатели, предсказывавшие с помощью каббалы, подсчитывали сумму цифровых значений букв какого-либо имени и таким путем пытались пророчествовать; например, составляя слова или словосочетания с тем же цифровым значением, они делали для носителя этого имени выводы, касающиеся его будущего. Тем же языком чисел выражались также тайные слова и тому подобное. Это искусство называли греческим словом *gematria*, геометрия»^{*}. Классическим примером такой геометрии (или гематрии) является уже знакомое нам числовое истолкование имени солнечного божества Meithras, где замена греческих букв соответствующими цифрами дает 365, то есть число дней года. То же получается при аналогичных операциях с именем василидианского божества Ab-гахах.

Из наиболее древних кабалистических книг до нас дошли лишь «Сефер Йецира», или «Книга Творения», и более поздняя «Зохар», или «Сияние». Кабалистическое учение включает в себя практическую (маасит) и умозрительную (юнит) части. Умозрительная доктрина, в свою очередь, подразделяется на космогонию, или буквально «дело о том, что вначале», и теософию — «дело колесницы или выезда божия». Тесно сплетенные друг с другом, оба «дела» настолько темно, а подчас и казуистически трактуют библейский текст, что местами едва поддаются адекватному изложению.

Формально это полностью отвечало изначальному стремлению талмудистов не только уберечь Тору и Талмуд от чуждых влияний, но и придать своим изыска-

ниям боговдохновенный характер.

«Кто переводит библейский текст по внешнему виду, тот лжец», — говорится в Талмуде («Киддушин»).

Однако зародившаяся в недрах талмудистских толкований каббала обратилась ересью по отно-

Старинный гобелен с кабалистической символикой

ДРЕВО ЖИЗНИ

Автор книги «Сефир Йецира», скрыв свое имя под псевдонимом библейского Авраама, не оставил конкретных следов времени написания, что и породило легенду о доисторической древности каббалы.

^{*} Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 487.

шению к ортодоксальному иудаизму, не больше, впрочем, чем герметические науки, в число которых она влилась в XIII веке,— по отношению к римской церкви. Для чернокнижников кабалистические методы оказались желанной находкой.

Автор книги «Сефер Йецира», скрыв свое имя под псевдонимом библейского Авраама, не оставил конкретных следов времени написания, что и породило легенду о доисторической древности каббалы. Комментаторы IX века отнеслись к этому вполне серьезно, но сопоставление с другими источниками показало, что книга составлена никак не ранее III—IV веков. По мнению ряда исследователей, она была закончена еще позднее — в седьмом или даже восьмом столетии.

Влияние пифагорейских, эпикурейских и отчасти неоплатонических школ Александрии ощущается в ней особенно полно. Видя первопричину сущего в акте творения бесконечного и лишеного каких-либо проявлений абсолюта, автор «Сефер Йецира» утверждает: «Тридцатью двумя путями и тремя седарим (счислениями) бог создал мир». Этим кабалистическая книга бросает вызов Талмуду, стоящему на идее сотворения из ничего.

Подобно пифагорейцам, для которых числа были не только символами мировых начал, но и самими элементами мира, пращур кабалистов выдвигает в качестве первооснов путей и счислений 10 сефирот (чисел) и 22 буквы алфавита. В отличие от вневещного абсолюта сефирот является фундаментальной реалией, входящей в универсальную «белиму». «Десять чисел,— говорится в «Книге Творения»,— белима: по числу десяти пальцев, пять против пяти, но завет единства между ними. Десять сефирот белима: десять, а не девять, десять,

а не одиннадцать, пойми разумением и разумей пониманием, пытай их, исследуй их, установи вещи как следует и помести создателя на его место».

Сам стиль этого необыкновенного, взывающего к активному разуму документа наводит на мысль об «Изумрудной скрижали» Гермеса и последующих герметических сочинениях. Еретический характер книги и ее духовная близость к сокровенным учениям александрийских гностиков не вызывают сомнений.

«Так недвусмысленно оппозиция к Талмуду нигде раньше выражена не была,— отмечает М. С. Бельский в книге «Что такое Талмуд».— Талмуд запрещает человеку вдаваться в исследование основных начал мира. Возбраняется, говорит талмудист Элеазар бен Ираи, доискиваться недоступного, исследовать скрытое. «Думай лишь о том, о чем думать тебе дозволено». Вопреки запрету «заниматься таинственным» философ возвышает человека и призывает его к раскрытию сокровенных тайн природы».

Призыв этот, однако, был понят в узкоокультурном плане. Тем более что бог автору «Книги Творения» рисуется хоть и не антропоморфным демиургом, но мистическим абсолютом, пребывающим в неразрывном, почти алхимическом единении с мирозданием.

«Их конец внедрен в их начале, и их начало внедрено в их конце, как пламя соединено с углем, ибо бог есть один, и нет ему второго, а до единицы какое можешь назвать число?»

Описывая числовую гармонию мира, «Сефер Йецира» отождествляет первое число с духом, тогда как три последующие, «три матери чисел», олицетворяют Вселенную, время и самого человека.

Далее следует расшифровка понятий, данная в системе при-

вычных
преки
лам, В
из тре
и огня)
и кале
на тепл
и дожд
формал
сердце,
век. О
два (!)
шину»
страны
систем
щая с
ческих
практи
Широк
и симв
ра» с
чисел»
моса,
шин),
создае
турфи
подобн
своя
ностей
образу
соглас
шение
как
богов,
отделя
хия —
ки кр
ческой
сти е
скую:
«Двад
3 мате
Три
Их ос
ты, ч
между
Чтобы
дости
мощь
гемат
метод
также
комст
нем к

вычных триад — тернеров. Вопреки четырем античным началам, Вселенная дается состоящей из трех стихий (воздуха, воды и огня); подгоняется под триаду и календарное разделение года на теплое (лето), холодное (зима) и дождливое (весна, осень) время; формально троичным (голова, сердце, корпус) мыслится и человек. Остальные числа образуют два (!) измерения, то есть «вышину» и «глубину» и четыре страны света. Так выглядит система сефирот, пронизывающая существо всех кабалистических учений и магической практики.

Широко используя мистику цифр и символику букв, «Сефер Йецира» с помощью «трех матерей чисел», выражающих основы космоса, и трех букв (алеф, мем, шин), символизирующих стихии, создает свой, отличный от натурфилософского, но формально подобный ему универсум. В нем своя система понятий и ценностей. Так, например, вода образует землю, что вполне согласуется с реальным соотношением океана и суши, а огонь, как могущественный атрибут богов, порождает небо, которое отделяет от земли третья стихия — воздух. Буквенные знаки кроме философско-символической нагрузки призваны нести еще и морально-юридическую:

«Двадцать две буквы основания: 3 матери, 7 двойных и 12 простых. Три матери: алеф, мем, шин. Их основная черта: чаша правоты, чаша виновности и закон между ними».

Чтобы понять, каких «чудес» достигают кабалисты с помощью буквенного символизма, гематрии и других численных методов (темура, нотарикон), а также для более глубокого знакомства с таротом, вновь прибегнем к таблице (см. с. 166).

Принятое в магии оккультное значение букв, не менее интересное для нас, нежели каноническое, было выработано, судя по наличию планеты Уран, где-то в конце XVIII века, когда теософско-теургическое направление в оккультизме окончательно выделилось в самостоятельный отдел.

Простейшие формулы, встречающиеся в магии, тоже могут быть представлены в наглядной таблице, получившей наименование «Ключ тернера».

1	—	Единица	Существо
2	1+1	Бинер	Соединение
3	2+1	Тернер	Размножение
4	2+2	Кватернер	Закон
5	2+3	КвинкENER	Знание
6	3+3	Двойной тернер	Прогресс
7	4+3	Септернер	Истина
8	4+4	Двойной кватернер	Рок
9	4+5 (3×3)	Тройной тернер	Познание

Соответствующими буквами выражались и принятые в кабалистическом методе четыре действия арифметики. Планеты помимо цифровых значений букв обозначались особыми числами, которые широко использовались в астрологии:

Солнце	6—212—666
Луна	9—81—369—3321—2321
Меркурий	8—64—260—280
Венера	7—49—157—1252
Марс	5—25—65—325
Юпитер	4—16—34—136
Марс	3—9—15—45

Теперь, познакомившись с исходными принципами каббалы, посмотрим, какие действительные и мнимые тайны открывались при теософских манипуляциях с буквами и числами.

Беря, например, слово «хаке-сеф» (h'ksf) — серебро, фигури-

Буквы алфавита		Каноническое значение		Оккультное значение		
русск.	евр.	числа	понятия	картины тарота	планеты и зодиак	символы
А	Алеф	1	Человек	Маг	Солнце	Воля
Б	Бет	2	Рот	Дверь храма	Луна	Знание
Г	Гимел	3	Берущая рука	Изис-Урания	Земля	Действие
Д	Далет	4	Грудь	Кубический камень	Юпитер	Реализация
Х(h)	Тхей	5	Дыхание	Человек	Меркурий	Вдохновение
В	Вов	6	Глаз, ухо	Два пути	Дева	Испытание
З	Зейн	7	Стрела	Колесница Осириса	Стрелец	Победа
Х	Хет	8	Поле	Темис	Весы	Равновесие
Т	Тет	9	Кровля	Закрытый светильник	Нептун	Благоразумие
Ю	Июд	10	Указательный палец	Сфинкс	Козерог	Удача
К	Коф	20 500	Рука сжимающая	Лев	Лев	Сила
Л	Ламед	30	Рука разжимающая	Жертва	Уран	Насильственная смерть
М	Мем	40 600	Женщина	Коса	Сатурн	Превращение человека
Н	Нун	50 700	Плод	Человеческий гений	Водолей	Человеческое начало
С	Самен	60	Змея	Тифон	Марс	Рок
О	Айген	70	Материальная	Башня, пораженная молнией	Овен	Разрушение
П	Пей	80 800	Рот и язык	Магическая звезда	Венера	Надежда
Ц	Цадек	90 900	Крыша	Сумерки	Рак	Заблуждение
К	Коф	100	Топор	Свет	Близнецы	Счастье
Р	Рейш	200	Голова	Пробуждение мертвых	Рыбы	Возобновление
Ш	Шин	300	Стрела	Корона	Бык	Искушение
Т	Тоф	400	Грудь	Крокодил	Скорпион	Награда

рующее в библейском эпизоде, повествующем о библейском царе Артаксерксе и визире Амоне, выводили h'ez — виселица, на которой в итоге был повешен злонамеренный визирь, ибо составляющие оба слова буквы давали одинаковую сумму 165. Пользуясь подобной методикой, можно было подобрать все, что угодно.

В Откровении Иоанна Богослова, завершающем Новый завет, описан выходящий из моря зверь с семью головами и десятью рогами.

«Здесь мудрость, — предупреждает автор Апокалипсиса. — Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

О, эти три шестерки, которыми в старину няньки пугали детей! В американском фильме «Предзнаменование» показан ребенок с этим скрытым в кудряшках роковым клеймом — знаком дьявола. Толстовский Пьер Безухов, прибегнув к гематрии, приходит к тому, что зверь, чье имя 666, — Наполеон.

Недостаток
сонской
но как
Энгельс
зверя»,
поколен
вателей
душего
дали
мистик
четани
подтвер
лядным
ных зн
самого
«Зверь
и нет
семь
жена, и
пять п
еще не
не дол
которы
восьмо
же, ко
ликий
земным
Из это
дится
холмах
земным
вия и
той ца
довав
Нерону
9 июн
не пр
которь
Нерон,
разнес
жив и
врагам
злодея
только
растер
собств
умерт
родств
самых
ромно
В глаз
ратор-
«звере
Рим —

Недостаточно овладевший масонской наукой Пьер ошибался, но как он был близок к истине! Энгельс показал, что «число зверя», так волновавшее целые поколения богобоязненных обывателей, скрывает не имя грядущего антихриста, как утверждали и продолжают твердить мистики, но древнееврейское сочетание «кесарь Нерон». Это подтверждается не только наглядным суммированием численных значений букв, но и текстом самого Откровения:

«Зверь, которого ты видел, был, и нет его... Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи... Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями».

Из этого описания легко выводится Рим, построенный на семи холмах и «царствующий над земными царями», время действия и действующие лица. «Шестой царь» — это Гальба, наследовавший гонителю христиан Нерону, покончившему с собой 9 июня 68 года; тот, кто «еще не пришел», — Отон; а «зверь, который был и которого нет», — Нерон, потому что в тот период разнесся слух, будто цезарь жив и вскоре вернется на страх врагам. Вести о чудовищных злодеяниях Нерона, который не только бросал толпы людей на растерзание хищникам и поджег собственную столицу, но и велел умертвить мать, жену, многих родственников, друзей, достигли самых отдаленных уголков огромной империи.

В глазах первых христиан император-злодей был действительно «зверем» и «антихристом», а Рим — «блудницей вавилонской»,

как иносказательно говорит автор Апокалипсиса. Иоанну Богослову было чего страшиться. Неудивительно поэтому, что он прибегнул к зашифровке.

Но одно дело — разгадывать явно зашифрованные вещи, другое — насильственно подгонять под желаемое однозначный текст, никакой потаенной информации не содержащий.

Так, с помощью гематрии легко получить, скажем, букву «шин», имеющую числовое значение 300, сложив цифры, отвечающие буквам, составляющим слова «дух господ». Но это отнюдь не значит, что всюду, где только встречается символ абсолюта «шин», говорится о начале Вселенной. А ведь точно таким же манером из слов «я вижу трех мужей» (первая книга Моисея) арифметически получается: «Они суть Михаил, Рафаил и Гавриил».

Еще больший простор для откровенных спекуляций дают методы нотарикона, когда любая буква любого вырванного из контекста слова может быть принята за начало нового или, напротив, целый абзац сведен до отдельных нужных по смыслу слов. Так, например, каббалу, называемую также Хохмо Нейсутро, то есть «тайная мудрость», можно изобразить как хейн, или «милость». Тамура, или попросту метод анаграмм, позволяющий делать любые буквенные перестановки, воистину превращает мудрость в милость, так как почти не требует от ловца сокровенных истин текстологической работы. Все написанное человечеством состоит из букв, следовательно, разъяв любой текст на отдельные элементы, можно подогнать его под любой намеченный загодя вариант.

С помощью кабалистических методов «вычисляются» имена 72 астральных гениев и «дежурных»

ангелов, управляющих делами подлунного мира, а также зашифровываются алхимические рецепты. Для пущей секретности можно даже воспользоваться кабалистическим алфавитом — прообраз масонского, где буквы представлены комбинацией точек и прямых углов.

Часы	Назв. часа	Воскресенье	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
1	Яин	Михаил	Гавриил	Самуил	Рафаил	Сашиель	Анаель	Кассиель
2	Янор	Анаил	Кассиель	Михаил	Гавриил	Самуил	Рафаил	Сашиель

Кабалистические мифы и аллегории, подчас неожиданные и поэтические, пронизывают многие области практической магии, алхимию и ритуалы тайных обществ, восходящих молвой к духовно-рыцарским орденам. Присущая им магическая символика, нарочито усложненная и перегруженная «секретной», хоть зачастую и предельно наивной информацией, питается кабалистически истолкованными образами священного писания. Так, например, в видениях библейского пророка Иезекииля божий престол окружали причудливые крылатые фигуры человека, быка, льва и орла, подобные «тому сиянию, которое он видел на берегу реки Ховары», то есть в Халдее, на родине астрологии.

Это «видение небесной колесницы», в котором привыкли угадывать темный смысл, послужило кабалистам поводом расширить и без того перегруженные списки ангельских ратей. К ангелам, управляющим звездами, стихиями, добродетелями, пороками, страстями, добавились занимающие подчиненное положение духи обоего пола, которых розенкрейцеры нарекли элементами.

В системе каббалы добрые ангелы управляются Метатроном,

называемым также Сар-Гапаном, или ангелом Божественного лица, а злые сонмища подвластны Самуилу, ангелу смерти.

Вот как выглядит знакомая нам планетная таблица, в которой названия светил заменены именами ангелов, управляющих часами дня и ночи:

Ограничимся начальными строчками в этом графике вахт, потому что ангельские имена чередуются в нем с планетной точностью. Для колдунов, которым вменялось в обязанность знать, кто именно управляет выбранным для чародейства часом, такая таблица была хорошим подспорьем.

Буквальное значение представленных в ней имен следующее:

Анаель — Внемли мне, бог.

Гавриил — Сила бога.

Самуил — Яд бога.

Михаил — Подобный богу.

Сашиель — Справедливость бога.

Рафаил — Бог-исцелитель.

Кассиель — Престол бога.

Этой «великолепной семерке» божьих прислужников противостояла не менее могущественная демоническая команда:

Вельзевул — Владыка тьмы и демонов.

Самаель — Владыка воздуха и ангел загробного суда.

Питон — Дух прорицания.

Асмодей — Ангел-истребитель.

Белиал — Дух вероломства.

Люцифер — Дух астрального света.

Сатана — Противящийся богу.

Из бесчисленного сонмища духов, где встречаются уже знакомые нам, но чуточку измененные имена, приведем лишь некоторых:

Таваель —
Кафаель —
Иоанну Кр —
Рафаель —
Во-Аель —
Заимель —
Гетатиа —
Самаель —
Число анг —
бесконечно
ся закончи
димым ми
фигуре Са
картины у
и последне
72 высши
астральног
лия) и на
ниев знак
из них уп
дусами, и
и поэтому
ходится т
Козерога э
мо, Гомот;
Атерешини
При совер
ствий след
ла часа, и
не забыв,
вующих пл
В именах
собственно
прикладно
по учению
ленное их
творить ве
ним хотя б
А. И. Ку
молодой
кроссвордо
вает недос
Аместигон.
щийся к н
дия Исаев
пает оли
стихийных
подчинить
царь — пов
Мефистофе
ставлено
слов «меф
«тофиз» —
однажды у

Таваель — Дух святого Иосифа.
Кафаель — Дух, сопутствующий
Иоанну Крестителю в пустыне.
Рафаель — Дух Соломона.
Во-Аель — Дух призраков.
Заимель — Дух Моисеева жезла.
Гетатиа — Дух Моисея.
Самаель — Дух магии.

Число ангелов и духов стихий
бесконечно, поэтому нам придет-
ся закончить знакомство с неви-
димым миром на символической
фигуре Самаеля. Для полноты
картины упомянем еще первого
и последнего персонажей в списке
72 высших разумных существ
астрального мира (Вегуя и Вера-
лия) и назовем нескольких ге-
ниев знаков зодиака. Каждый
из них управляет десятью гра-
дусами, или одним деканом,
и поэтому на один знак при-
ходится трое дежурных. Для
Козерога это будут Темезо, Ени-
мо, Гомот; для Весов — Серукут,
Атерешинис, Арпиен.

При совершении магических дей-
ствий следовало задобрить и анге-
ла часа, и зодиакального гения,
не забыв, конечно, и соответст-
вующих планетных духов.

В именах божьих и ангельских,
собственно, и кроется назначение
прикладной каббалы, потому что,
по учению мистиков, целенаправ-
ленное их написание способно
творить великие чудеса. Вспом-
ним хотя бы «Звезду Соломона»
А. И. Куприна, где скромный
молодой человек — любитель
кроссвордов — случайно угады-
вает недостающее имя: Афроа-
Аместигон. Мефистофель, являю-
щийся к нему под видом Мефо-
дия Исаевича Тоффеля, высту-
пает олицетворением буйных
стихийных сил, которые сумел
подчинить себе библейский
царь — повелитель демонов. Имя
Мефистофель, кстати, тоже со-
ставлено из древнееврейских
слов «мефиз» — разрушитель и
«тофиз» — лжец. В «Фаусте» он
однажды упомянут как Воланд,

что позволило Булгакову обoga-
тить литературный пандемонизм
совершенно оригинальным ге-
роем.

В личной библиотеке Гёте в Вей-
маре мне показали переплетен-
ный в кордовскую кожу том «Ма-
гии, кабалистики и теософии»
Георга фон Веллинга (1652—1727),
которым пользовался создатель
«Фауста». Рассматривая его соб-
ственноручные пометки, я на-
толкнулся на знак микрокосма
в виде человеческой фигуры, впи-
санной в пятиконечную звезду.

«Ты испугался пентаграммы?» —
спрашивает Мефистофеля Фа-
уст.

Ангелы, демоны, элементалии,
гении, духи, античные боги, го-
мункулусы, оборотни — все по-
рождения мистики и каббалы
встречаются на страницах гран-
диозной по замыслу и исполне-
нию поэмы, восславившей мощь
человеческого разума.

Обратимся вновь к фантасмаго-
рическому видению Иезекииля,
жреца Иерусалимского храма.
В раннехристианской символике
оно нашло четкое астральное вы-
ражение. Человекоглавый сфинкс
Матфея, орел Иоанна, лев Марка
и бык Луки сделали олицетво-
рением новозаветного кватерне-
ра: четырех сторон света, четы-
рех ветров и четырех еванге-
лий.

В христианских манускриптах
II—III веков встречается магиче-
ская гексаграмма с пронумеро-
ванными зубцами и итоговой сум-
мой 21 в центре. По четырем сто-
ронам от нее расположены головы
сфинкса, орла, льва и быка. В
средние века эта кабалистическая
фигура получила наименование
«корона магии». Головы сопут-
ствующих евангелистам тварей,
расположенные крестом по пе-
риметру, украшают и дипломы
всевозможных масонских лож,
подчеркивая космическую сущ-
ность божественного промысла.

Точно так же в индо-буддийской астральной мистике страны света представляют конь, слон, лев и бык.

Умозрительное учение каббалы исходит из идеи сокровенного неизреченного божества, которое, будучи выше любого определения, неизбежно ограничивающего сущность, может быть названо только Эн-соф, или «Бесконечное». Дабы выделить в себе самом место для конечных существований, Эн-соф преднамеренно идет на самоограничение — «тайна стягивания», — порождающее миры. Не изменяя непостижимой сути неизреченного, это позволяет ему явить себя существам конечной природы. Эн-соф — это «Старец дней», древний круг света, закрытое око. До внешнего проявления все заключалось в нем, в его нулевой Вселенной, и имя его было ничто. Когда в пустоте абсолюта обозначилась начальная световая точка, в которой проявился замысел демиурга, стала формироваться умопостигаемая Вселенная — плод творческой мысли и производительных сил, причина и начало всего сущего. Изливаясь в предвечную пустоту, животворный свет Эн-софа образует постепенно затухающие, по мере удаления от центра, сферы эманаций. Доступный лишь мысли, свет этот, однако, не обладает вещественной природой, и его первоначальные лучи не более чем основные формы или категории бытия — 32 пути премудрости (10 сефирот и 22 буквы), из которых каждая соответствует божьему имени.

В кабалистических сочинениях, древних и новейших, сефироты представлены в виде «древа жизни» — наглядной схемы, жестко связывающей между собой абстрактные элементы мироздания: Венец (Кетэр), Мудрость (Хохма), Ум (Бина), Милость или Великодушие (Хесед или Гедула), Кре-

пость или Суд (Гебура или Дин), Красота или Великолепие (Тифэрет), Торжество (Нэцах), Слава или Величие (Ход), Основание (Иесод) и Царство (Малахут). Это силы александрийца Филона, зоны гностиков.

Мыслимые как части единого целого, сефироты образуют форму совершенного существа — первоначального человека Адама — Кадмона. Для большей наглядности и в полном соответствии с астрологическим принципом они соотносятся с отдельными частями человеческого тела: Кетэр — чело, Хохма и Бина — глаза, Хесед и Дин — руки, Тифэрет — грудь, Нэцах и Ход — бедра, Иесод и Малхут — ноги.

Подобно тантре, каббала привносит в «древо жизни» половой признак, выделяя помимо божественной эманации его женскую ипостась — Шекину (Скинию). В известном смысле Шекина — это индуистская Шакти.

В книге «Зогар», написанной Моисеем де Леоном (1250—1305), Адам — Кадмон совмещает в себе три или даже четыре лица, представляемые сложными комбинациями мужских (правых) и женских (левых) сефирот, что также формально перекликается с тантрой правой и левой руки.

По примеру многих герметиков Моисей де Леон приписал свое сочинение знаменитому предшественнику, а именно Симону бен Иохая (II в.), которого, согласно Талмуду, вразумил сам ангел Метатрон. Мрачный спиритуализм этого сочинения произвел сильное впечатление на современных де Леону и последующих оккультистов. Впервые напечатанные в Мантуе в 1558—1562 годах обе книги каббалы не переставали переиздаваться. Кабалистическими методами живо интересовались итальянский гуманист Пико делла Мирандола и немецкий ученый Рейхлин, написавший, в

частности, в своем философском труде «Самую широкую европейскую философию» (1509) Флудд и Г. Современная каббала — не менее интересная терминологическая ботаника чинов. Отсюда с прочей кабалистикой на Западе. Так, вышел Йорке под «Книга Си» совым тиражом пор почти

1. Активный нововведческий, ведущий, мягкий
2. Пассивный, мягкий
3. Блистательный, ослепительный, приносящий для другого

лась. Нескучно жал во Фрэнсисе, рассчитан на сбор смысла каббалы. «Искусство» Хадсон» в свою литературу иллюстрирует «Каббалу» Галеви зодиака, таинственности, даосизму, новых странствий, изданию тибетского, из Поскьеда, Ибн Абдулафия

частности, книгу «О кабалистическом искусстве». Отдали ей самую щедрую дань и «пэры» европейского герметизма: Агриппа Неттестеймский, Парацельс, Вильгельм Постель, Роберт Флудд и Генрих Мор. Современные маги, знающие о каббале лишь понаслышке, тем не менее широко пользуются ее терминологией и детально разработанными списками ангельских чинов. Отсюда ясно, почему наряду с прочей литературой по магии кабалистические книги издаются на Западе массовым тиражом. Так, вышедшая в 1949 году в Нью-Йорке под редакцией Г. Шолема «Книга Сияния» была издана массовым тиражом в 1963 году и с тех пор почти ежегодно переиздава-

Такой интерес был бы оправдан, если бы речь шла об изучении оригинальных философских систем древнего и средневекового мира, неизвестных сторон обрядности или толковании спорных религиозных догматов. На самом же деле «массовую культуру» привлекает только магическая сторона кабалистических трактатов и теософские методы вычисления, потому что нумерология приобрела ныне характерные черты мании, помешательства. Познакомимся с основополагающими категориями этой — на уровне гадания по «счастливым» билетикам — «авгуральной науки», для чего сведем в таблицу соотношенные с цифрами качества и черты характера.

1. Активный, склонный к нововведениям, сильный, ведущий	4. Несчастливый, унылый, тусклый, трудный, нищий	7. Мистик, философ, вечно куда-то стремящийся, суеверный
2. Пассивный, подчиненный, мягкий	5. Нервный, авантюрный, подвижный, сексуальный	8. Материалист, сильный, усложненный, денежный, деловой
3. Блистательный, счастливый, особо удачливый, привлекательный для другого пола	6. Домосед, неактивный, инертный, счастье, домашний уют	9. Высшая мыслительная и духовная активность

лась. Несколько изданий выдержал во Франции, Англии и США рассчитанный на широкого читателя сборник «Универсальный смысл каббалы». Известное лондонское издательство «Сэмис и Хадсон» включило кабалистическую литературу в свою прекрасно иллюстрированную серию «Искусство фантазии», в которой «Каббала» Зеев бен Шимона Галеви закономерно дополняет очерки по алхимии, астрологии, магии, тантре, дзэн-буддизму, даосизму, суфизму и т. д. В разных странах ведется работа по изданию трудов кабалистов-основателей: Исаака Слепого из Поскьеро, Азриеля, Нахманида, Ибн Латифа, Исаака Лурия, Абулафия и других.

Постоянно встречаясь в ходе повествования с пифагорейской мистикой чисел, мы не обманемся и относительно источника «нумерологических типов». Это все то же пифагорейство, усложненное позднейшими наслоениями гностицизма, христианской символики и кабалистических методов сложения. Вот как выглядит в этой эклектичной системе привычный числовой ряд:

- 1 — бог; первопричина; мужчина.
- 2 — дьявол; женщина.
- 3 — христианская троица; Озирис, Изида, Гор (Серapis, Изида, Гарпократ), Марс и Венера, соединенные через любовь (в стиле Боттичелли и Веронезе), мистический тернер.

4 — четыре сезона в году; четыре недели в месяце; четыре стороны света; четыре евангелиста; четыре угла дома и т. д. Одним словом, универсальная стабильность.

5 — пять лепестков розы; пять чувств; нервная энергия; сексуальность. Пентаграмма — звезда микрокосма.

6 — баланс и гармония. По правилам сложения $6=1+2+3$, где 1 — мужчина, 2 — женщина и 3 — любовный тернер. Для женщин 6 — мать семейства, домашняя хозяйка с присущими ей качествами: теплота, уют, работоспособность; для мужчин 6 — исполненный высших сил универсальный муж. Гексаграмма — знак макрокосма, звезда магии и каббалы.

7 — универсальная семерка со всеми ее магическими свойствами. Особая роль числа 49 (7×7). 49 лет, или юбилей, — отдых самой Земли.

8 — двойной гептанер (двойная четверка); единство сил и средств; число друидизма, смягчающее через единство противоположных качеств дурное влияние четверки на судьбу человека.

9 — полное совершенство. Девятка вмещает все, ибо в ней все цифры от 1 до 9. Это число посвящения в таинства; путь от смерти к перерождению, так как оно символизирует полный круг в 360° ($3+6+0=9$).

Ортодоксальная нумерология ограничивается девяткой. Высшие номера почти не используются в гаданиях и несут чисто символическую нагрузку.

Среди них особо выделяются:

11 — число верных учеников Иисуса; знак жизни и смерти, открывающий врата загробных таинств.

12 — законченность; 12 месяцев и знаков зодиака; часов дня и ночи; библейских колен и главных олимпийских богов; апостолов и подвигов Геракла, дней рождества и т. п. Нумерологически оно созвучно с тройкой ($1+2$) и семеркой ($3+4=7$, а $3 \times 4=12$), вмещающей все проявления материи и духа, все ритмы Вселенной и человеческого естества. 21 (3×7) — «корона магии».

13 — традиционно несчастливо. Отсюда, по-видимому, проистекают плохие свойства четверки ($1+3$). Это число, превышающее на единицу полный комплект, дюжину, чревато взрывом, неведомым переходом к новому ка-

честву и потому опасно. Это излюбленный номер некромантов, знак колдовских капищ, связанный со смертью.

22 — число букв, которыми написана Тора, и главных арканов тарота.

40 — абсолютная законченность. Сорок дней и ночей лил дождь в потоп. Столько же времени общался Моисей с богом на Синае, а Христос провел в пустыне. Отсюда проистекает древнее верование, что нормальная беременность должна длиться 280 дней (7×40). Число 40 символизирует здоровье. Слово «карантин» буквально означает «сорокадневный период». «Сорок сороков» также излюбленная мера русских мехопромышленников.

Вот, собственно, и вся премудрость. Можно лишь удивляться тому, что столь наивное и примитивное суеверие уживается с напряженным ритмом и сложностью современной городской жизни. Видимо, его притягательность для обывателя, огорошенного бурными катаклизмами и нестабильностью, кроется именно в простоте нумерологических подсчетов, не требующих ни особых знаний, ни сложного ритуала, ни магического посредника. Да и не так уж проста она, эта питаемая фольклорным богатством и практическим опытом поколений цифровая условность, ибо обращается непосредственно к сердцу, минуя контроль сознания.

«Двенадцать выстроены как на войне: три друга, три врага, трое оживляют и трое умерщвляют. Три друга: сердце и уши; три врага: печень, желчь и язык; трое оживляют: две ноздри и селезенка; трое умерщвляют: два главных отверстия и рот».

Эту выдержку из «Книги Творения» скорее можно отнести к области схоластики, нежели магии, но схоластики наглядной, полностью отвечающей умозрительным представлениям и даже содержащей начальные зерна диалектики: «Семь двойных по

ДРЕВО ЖИЗНИ

Альбрехт Дюрер.
Меланхолия.

изменчивости: мудрость — глупость, богатство — бедность, плод — бесплодие, жизнь — смерть, господство — раболепство, мир — война, красота — безобразие».

Научные наблюдения показали, что 7 — это оптимальное число единиц, которыми способен опе-

Осколки числовой мистики, доставшиеся в наследство от Халдеи, составляли когда-то не только достижения магии, но и причудливую мозаику синкретического, опутанного мистикой, знания.

рировать человеческий мозг, получающий основную информацию о мире благодаря зрению и слуху.

Осколки числовой мистики, доставшиеся в наследство от Халдеи, составляли когда-то не только достояние магии, но и причудливую мозаику синкретического, опутанного мистикой, знания. Вавилонские жрецы, измерявшие время с помощью водяных и солнечных часов, задолго до появления компаса знали, как определить по Солнцу стороны света, откуда, возможно, и проистекала неистребимая уверенность в симпатических связях времени и пространства, а значит, и возможность возвыситься над реальностью, навязать ей свою волю.

Подобно брахманам Древней Индии, пользовавшимся для вычисления «века Брахмы» невероятно большими числами, халдейские маги умели делать сложнее вычисления. Наряду с десятичной системой они использовали также и шестидесятичную, распространив ее на дроби. Такими дробями в Западной Европе оперировали еще в XVI веке, а в России они встречаются в арифметике Магницкого, по которой учился гениальный Ломоносов.

Халдеи первыми начали обожествлять числа, присвоив каждому из своих ваалов постоянную цифру. Из табличек, найденных при раскопках Ниневийской библиотеки, известно, что Бэл обозначался числом 20, позднее слившийся с ним Мардук — 11, Син — 30 и т. д. Низшим духам, которых было великое множество, достались дроби: $\frac{30}{60}$ получил неведомый нам «утук», $\frac{40}{60}$ — «гигим», $\frac{50}{60}$ — «максим».

Священные числа 3, 7, 12, 60 евреи вынесли из вавилонского пленения, а верховный маг халдеев и библейский пророк Даниил возвел числовую символику до уров-

ня государственных прорицаний: «Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония...» (Даниил. 9, 24).

Обнаруженные при раскопках в Ниппуре глиняные таблички содержат длинные ряды разложений различных степеней священной «шестидесятиницы», в частности столь большого, как $60^8 + 10 \times 60^7 = 195\,955\,200\,000\,000$. Можно лишь гадать о том, зачем понадобилось магам столь умопомрачительное число и что они пытались объять им? По порядку оно сравнимо лишь с «веком Брахмы» — наибольшим циклом индуистской космогонии, составляющим 311 040 000 000 000 лет. Если учесть, что связи народов Двуречья с Индостаном были установлены еще в III тысячелетии до н. э., то едва ли подобное совпадение можно считать случайным. Думается, что оно отражает общность воззрений на окружающий человека космос. Об этом свидетельствуют и другие вычисления вавилонян, имеющие сугубо прикладной, астрономический характер.

Надпись, сделанная в честь царя Саргона Второго (722—705 до н. э.) в Хорсабаде, сообщает, что протяженность городской стены составляет $20 \times 3265 + 40 \times 1460$ пядей. Странная на первый взгляд, хоть и простая, арифметическая задача. Смысл ее, однако, не только в общем итоге.

Ключ к решению (не в арифметическом смысле) дает священное число 653, символизировавшее вечность. Разложив его на слагаемые 242 и 361 и умножив все на 5, халдейские математики получали важнейшие астрономические константы: 3265 (период созвездия Феникса) = 1460 (период Сириуса) + 1805 (лунный период).

Отсюда нет
пророчески
надписи.
стоять 20
40 — Сириу
100 тысяч л
От столь хи
ших жрече
колоссальн
нас дошли
левшие на
ках, прость
гии, да еш
сказок, нар
клиний.
На аллегор
брехта Дю
ровой квад
день офици
ческим, хо
кого отнош
«Корона м
ский маги
магические
у Дюрера.
Что, кром
ния сумм
жили сюда
тики или
теля?

16	
5	
9	
4	

Перемнож
дийского
кральное
сумма (34
мощью г
в вездесу

Отсюда нетрудно расшифровать пророческий смысл закладной надписи. Хорсабаду предстояло стоять 20 периодов Феникса и 40 — Сириуса, то есть без малого 100 тысяч лет.

От столь хитроумных, составлявших жреческую тайну операций колоссальными величинами до нас дошли какие-то крохи, уцелевшие на клинописных табличках, простые символы нумерологии, да еще триады и седмицы сказок, народных заговоров и заклинаний.

На аллегорической гравюре Альбрехта Дюрера изображен цифровой квадрат, который по сей день официально именуют магическим, хотя он и не имеет никакого отношения к волшебству.

«Корона магии», «индо-буддийский магический треугольник», магические квадраты в 16, как у Дюрера, и девять клеток...

Что, кроме очевидного совпадения суммы чисел в рядах; заложили сюда мавританские математики или неизвестные их учителя?

16	3	2	13
5	10	11	8
9	6	7	12
4	15	14	1

Перемножение цифр «индо-буддийского треугольника» дает сакральное число 108. Постоянная сумма (34) квадрата Дюрера с помощью гематрии превращается в вездесущую семерку (3+4).

«Корона магии» (21) образует тернер — тройку. Может быть, в этом и весь секрет? Как же гадают на числах? В принципе это нехитрое дело.

Предположим, что нам встретился некий Джон Смит, родившийся 19 сентября 1935 года в Балтиморе. Какую «прогностическую» информацию он может извлечь из этой даты и имени, заменив все буквы числовыми эквивалентами?

19 сентября 1935: $1+9+9+1+9+3+5=37$; $3+7=10$; $1+0=1$.

Итак, звезды подгадали для нашего героя завидную судьбу. Ему предназначено главенствовать, пролагать новые пути, активно вмешиваться в жизнь, вести за собой других.

Имя, которое есть знак, тоже не сулит Джону Смигу покоя.

John Smith $10+15+8+14=47$
и $19+13+9+20+8=69$;
 $4+7=11$; $1+1=2$;
 $6+9=15$; $1+5=6$

Разделив фамилию (родовое имя) на имя личное ($6:2=3$), получаем числовой итог, подразумевающий натуру счастливую, блистательную, склонную к приключениям, в том числе и амурным. Это типичный герой-любовник.

Суммирование ($6+2=8$) дает результат тоже неплохой; «сильный, денежный, деловой». Впрочем, совпадение для нас вовсе не обязательно. В случае расхождений мы его просто-напросто отбросим, как это делали и продолжают делать жрецы от нумерологии, когда арифметические выкладки не сходятся с заранее намеченным итогом.

Место рождения, Baltimore, дающее в нашем случае гороскопную корректировку, обещает полный успех в любых эскападах. Кажется, чего лучше?

Джон Смит* (английский эквивалент Ивана Кузнецова) — са-

* Smith — кузнец (англ.).

мое распространенное в англосаксонских странах именно сочетание. Поэтому наивно даже думать, что всем таким Джоном, в том числе и балтиморским, уготована столь роскошная судьба.

Я нарочно взял такой пример, потому что знал одного Джона Смита, стрелка-радиста, сбитого над Вьетнамом во время американской военной эскалации 1972 года. Это был тихий, непривлекательный человек, болезненный и не-

счастливый. Мы с ним дважды встречались в Ханое, и я знаю о всех неудачах, в том числе и в сфере, подвластной числу 5 (сексуальной), которые привели его в конце концов в армию.

Отдельный пример, конечно, аргумент далеко не достаточный, но та очевидная истина, что судьбы Джонов Смитов, даже рожденных в один час 19 сентября 1935 года, не могут быть одинаковыми, не нуждается в доказательствах.

КИММ ТЕНИ

Не из Аида
Но даже вз

Я вижу Бел
Пруды, сил
Печальный

Киммерийские тени

Не из Аида ли исходят эти трели?
Но даже вздоха нет у роз,
чтоб умереть.

Поль Фор,
«Филомела»

Я вижу Бельфора
Пруды, силуэт
Печальный собора,

Которого нет...

Жан Жироду

В ПРАЖСКОМ ГРАДЕ сохранилась мощенная грубым булыжником улочка, на которой, по преданию, жили алхимики, прозванная по такому случаю Золотой. Судя по неказистым одноэтажным домишкам, притулившимся по левую сторону от грандиозного собора святого Вита, золотом тут и не пахло. Крохотные перекошенные оконца и низкие потолки сумрачных комнат, где неведомо как уместались мастерские с горном, лабораторными столами и заставленной сосудами полкой свидетельствовали о беспросветной нужде, иступленной работе, тайне.

Близость католической святыни, с ее устремленными в небо шпилями, мощными контрфорсами и легкими, летящими в небо аркбутанами, наверное, порядком смущала незадачливых чернокнижников, укрывшихся в богемской столице от преследований инквизиции. Подобное соседство, надо думать, вполне устраивало и прихожан, и клириков. Практичные горожане предпочитали усилить действие чудотворной молитвы не менее чудодейственным эликсиром, а ежели это не помогало, с удвоенным рвением прибегали к спасительным объятиям матери-церкви.

Так или иначе, но талер-другой перепадал в тощий алхимический кошелек, и, если бы не снедающая сердце честолюбивая жажда свершить «Великое деяние», скромный изготовитель лекарств мог бы рассчитывать на устойчивый доход. Но деньги в полном смысле слова вылетали в трубу, потому что большинство герметистов свято верило в возвышенные цели своего «Искусства». Тем более что сам император «Священной Римской империи» Рудольф Второй (1576—1612) покровительствовал любым герметическим изысканиям. Безграничным доверием императора пользовался, например,

«Золотая улочка»
в Пражском граде

знаменитый кабалист Лёв Иегуда бен Бецалель, чье каменное надгробие хранит следы паломничества. Как и многие ученые люди той поры, Лёв сочетал занятия философией и медициной, в коих весьма преуспел, с эффектными магическими трюками. С по-

мощью «волшебного» зеркала, секрет которого так и остался нераскрытым, он по просьбе Рудольфа вызвал тени его августейших родителей, чем поверг императора в состояние мистического экстаза. У букиниста, открывшего лавку в одном из ал-

Крохотные перекошенные оконца и низкие потолки сумрачных комнат, где неведомо как уместались мастерские с горном, лабораторными столами и заставленной сосудах полкой, пуще всяких слов свидетельствовали о беспросветной нужде, исступленной работе, тайне.

химических домиков, я нашел гравюру, запечатлевшую потрясенного императора и могущественного мага.

С именем Лёва легенда связывает и великана Голема, который сотворил всевозможных бед, когда нерадивый подмастерье забыл вложить в рот глиняного робота полоску пергамента с волшебными письменами. В сиянии этого

мифа померкли другие заслуги мудреца, который, как и Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541), известный под именем Парацельса, якобы создал лекарства, остановившие истребительное продвижение чумы.

В многочисленных рассказах о Големе, возможно, есть доля правды. Последовав примеру прославленных предшественников, Лёв вполне мог изготовить человекоподобный автомат. Насколько можно верить свидетельству современников, Альберт Великий достиг на этом поприще подлинного совершенства. Его ученик Фома Аквинский, застав однажды в алхимической лаборатории механическую фигуру, занятую раздуванием мехов, принял ее за демона и, вооружившись метлой, смело вступил в схватку. «Что ты наделал, Фома! — огорченно воскликнул Альберт, найдя по возвращении лишь одни обломки. — Я потратил на это двадцать лет жизни!»

Подобная история представляется вполне правдоподобной, потому что алхимических мастеров дразнила не только несбыточная мечта об универсальном катализаторе, но и казавшийся более достижимым призрак механического двойника — универсального помощника. Такое существо должно было обладать всеми нашими достоинствами и не иметь присущих живой плоти недостатков. Достоинства мыслились, конечно, как чисто человеческие, недостатки же должен был устранить более надежный, чем протоплазма, материал: обожженная глина, камень, а еще лучше — покорный обработке металл. Отголоски сказаний о механических слугах мы найдем в эпосе шумеров и Эдде, древних упанишадах и каббале. Первые человекоподобные автоматы появились сначала в храмах Древнего Вавилона и Египта. Проглотив монету, они отмеривали

точную дозу благовонного масла или совершенно бесплатно — в образе Железной девы — заключали в смертельные объятия какого-нибудь нечестивца. В клинописных памятниках сохранились описания Медного Молоха, который проглатывал младенцев и изрыгал пламя.

В XVII—XVIII веках машины-андроиды возродились уже в виде игрушек. Барышни в кринолинах наигрывали на пианоле и мило раскланивались с почтенной публикой, а полуобнаженные заклинательницы змей манипулировали резиновыми удавами. Была даже машина-шахматист, которая имела честь сразиться с самим Наполеоном. Правда, в шахматном столике, скорчившись в три погибели, сидел ее создатель, но ситуация от этого, конечно, не менялась. Суеверная молва едва ли делала различия между куклой с часовым механизмом в груди и дьявольским воплощением. Неизбежные поломки таких кукол, возможно, и породили миф о взбунтовавшихся монстрах.

Но оставим молву, вдохновлявшую не одно поколение поэтов-романтиков, и обратимся к фактам. После Рудольфа Второго сохранилось несколько гороскопов, в которых благодарные за щедрое покровительство астрологи не поскупились на счастливые предсказания. Вопреки благостным прогнозам, император-герметист умер на тридцать шестом году жизни, а его последние дни были отравлены междоусобной борьбой. Так, в 1608 году он был вынужден уступить брату Матвею Венгерское королевство, Австрийское эрцгерцогство, маркграфство Моравию, а в 1611 году — и Чехию.

При новом царствовании померкла слава Золотой улочки, хотя слухи о том, что кому-то из мастеров удалось получить «философ-

ский камень», не утихали в богемской столице вплоть до конца XVII века. *Lapis philosophorum* — магическое сердце алхимии, соединившей в себе практические приемы многих достойных ремесел. «Красный лев», «магистерийум», «великий эликсир», «панацея жизни», «красная тинктура» и прочие титулы, коими нарекли «философский камень» в темных алхимических манускриптах, — нечто большее, чем абсолютный катализатор. Ему приписывались чудесные свойства, сравнимые разве что с проявлением божественной мощи. Он был призван не только облагораживать или «излечивать» металлы — эманации планетных начал, но и служить универсальным лекарством. Его раствор, разведенный до концентрации так называемого *augum potabile* — «золотого напитка», обеспечивал излечение всех хворей, полное омоложение и продление жизни на любой срок. Каждый, таким образом, мог обрести желанное долголетие, оживить мертвеца, проникнуть в сокровенные тайны натуры. Для этого нужно было лишь завладеть «магистерийумом». Самого же алхимика, сподобившегося сотворить подобное чудо, волшебные превращения ожидали уже в процессе «Великого деяния». Окончательное созревание «философского яйца» должно было ознаменоваться божественным преображением плоти и духа адепта-ремесленника. Вот почему сотворение «магистерийума» полагалось созвучным акции демиурга. Что перед таким могуществом все золото мира? Пустяк, жалкая мишура...

Другое алхимическое сокровище — «белый лев», или «малый магистерийум», — призванное облагораживать металлы до стадии серебра, явно бледнело, как Луна при свете Солнца, перед мощью истинного «философского камня».

То же можно сказать и об «алкагесте» — всеобщем растворителе, столь упорно отыскиваемом алхимиками. Великие мастера, искавшие заведомую несообразность, почему-то не утруждали себя заботой о том, как сохранить подобное вещество, в каком сосуде.

К сожалению, усилиями римского императора Диоклетиана, повелевшего в 296 году сжечь все египетские папирусы, где говорилось об искусстве златоделания, истоки алхимии скрыты во мгле. Позднейшие христианские легенды, связывающие ее с царем Соломоном или даже Моисеем, ничуть не проясняют дымовой завесы, в которую костры фанатиков и тиранов обратили бесценное прошлое человечества. Мы даже не знаем происхождения самого слова «химия» — арабская приставка «ал» не в счет — и точного его перевода.

Одни связывают название древней и всегда современной науки с термином *chimeia* — наливание, настаивание, другие — с именем *Khem* (*khamē, chemi*), означавшем «Черную землю» — Египет, где якобы зародилось сокровенное искусство рудознания и металлургии. Для решения любопытной лингвистической загадки привлекают и латинское *humus* — почва, земля, и созвучные греческие слова: «хюмос» — сок, «хюма» — литье, «хюмевсис» — смешивание.

Как ни странно, но во всей этой разноплеменной многоголосице смутно угадывается изначальная суть. Здесь и скупое мерцание рудных жил в узкой штольне, и жар бьющей из летки струи расплавленного металла, и покачивающиеся на весовой чашке крупинки, и густеющий в реторте сок сонных трав, и блеск амальгам, и горечь ядов, и аромат эссенций...

В подобной
своя смыс
блуждате
во тьме
новые ме
нако в бе
ная ночь
интересу
чинка, н

Пьетро ди Козимо.
Портрет Симонетты Веспуччи
с «гностическим» змеем

КИММЕРИЙСКИЕ ТЕНИ

В подобном перечислении есть своя смысловая магия, и его соблазнительно длить, вскрывая во тьме иноязычных речей все новые метафорические грани. Однако в беспредельной, как звездная ночь, алхимической сфере нас интересует не химическая начинка, но магическая, планетная

*Соблазняя тайной вечного круговорота,
библейский змей ласкает раздвоенным
жалом горький плод познания,
а гностический ящер, заглотав
собственный хвост, открывает пути
в первобытную бездну.*

псевдосуть и как следствие — златоделание, чудеса «философского камня».

Это несколько облегчает исследовательскую задачу. В эзотерическом плане алхимия начинается с вещей нам уже известных — трактатов Гермеса, с гностической символики Александрии. Она выступает как часть астрологии, как разновидность «астроминералогии», «астроботаники» и самостоятельный раздел магии. Поэтому столь многое покажется нам знакомым в алхимической практике. В том числе и привычка самих адептов укрываться за громкими псевдонимами, наивная и чем-то родственная мании величия одновременно.

Первым здесь следует назвать Демокрита, точнее, лже-Демокрита, чей манускрипт «Физика и мистика» положил начало длинному списку зашифрованных, изобилующих яркими метафорами текстов, толкующих об искусстве магических трансмутаций. За ним последовали столь же темные и не поддающиеся разгадке сочинения лже-Платона и лже-Пифагора, где за разноцветным колоритом драконов и львов мерещится театрализованная христианско-языческая мистерия, где приносит себя в жертву умирающее и воскресающее затем божество. Соблазняя тайной вечного круговорота, библейский змей ласкает раздвоенным жалом горький плод познания, а гностический ящер, заглотав собственный хвост, открывает пути в первобытную бездну. Этот сошедший с магических фресок змей «Книги мертвых» Египта станет излюбленным символом первых алхимиков. Вскоре к нему прибавятся танцующая в огне саламандра и отверстое в мир подсурмленное око.

Несколько видоизмененный египетский иероглиф, изображающий глаз человека, обретает но-

вое существование и среди кабалистических знаков. На личной печати немецкого ученого Георга Агриколы он выгравирован вместе с магическим именем Аранта. Другое заклинание поминающее древнейшего сирийского бога Абраксакса, вырезано на гностической гемме, прославляющей владыку Вселенной.

Атрибут верховной власти — сноп молний — одинаков у олимпийцев, шумеро-вавилонских, древнеиндийских богов. Одинакова и трактовка змея, причастного к сотворению мира и вовлечению в божественный хор вод стихий, над которыми разделяют с Исидой главенство Соломон и Гермес Трисмегист. Такая алхимическая троичность изображена Бернардино ди Бетто (XV в.) в ватиканских апартаментах Борджи, в келье святых. Сочетав библейского медного «змия» с рептилиями кадуцей, алхимические таинства включили в свою причудливую эмблематику западного в реторту Меркурия и гомункулуса, замкнутого в «яйцо философов», божественного Гермафродита и отверстую могилу с Адамовой головой на дне. Подобно богу, принесшему себя в жертву, человеку надлежало пройти через смерть и тьму, чтобы вновь возродиться для света. Превращение, которое претерпевала божественная плоть, как бы повторялось в малых кругах, где, подобно планетам, обращались ипостаси материи и разума, преобразующего косный вещественный мир.

Демииург микрокосма — алхимик приносил себя в жертву во имя грядущего воскрешения, подменив идею своего рода соборности * личным преображением,

* Соборность — термин православного богословия, означающий, что в церкви осуществляется добровольное соединение (собор) индивидов на основе любви к богу и друг к другу.

сопричаст
космоса,
печатан
ским пра
космичес
ра, Серд
По мыс
не только
золото от
говраще
тых боле
ных собо
безвинно
искупле
химик н
щества
едино с
и палач
Сущест
ных, но
значном
совреме
клатурь
ния». О
в «Кни
лийско
Рипли
расшиф
цузским
том Дю
«Чтобы
мудрец
мень»,
софско
она не
льва.
сильне
красно
кипени
красно
с кисл
выпар
тится
которо
ложи
торту

* Несомненно, алхимизм — свинцовая являющаяся часть космологического ка
Суть в
номенклатуры
ществам
названи

сопричастным, однако, эволюции космоса, потому что в недрах запечатанного по всем герметическим правилам атонора созревало космическое яйцо — Солнце мира, Сердце творца.

По мысли Василия Валентина, не только адепт, но и беспорочное золото отдает себя огненному круговращению во имя своих, тронутых болезнью и скверной планетных собратьев. Оно как Христос, безвинно идущий на Голгофу во искупление грехов мира. Маг-алхимик на этом крестном пути вещества исполняет две слитых водино сольных партии: жертвы и палача.

Существует несколько подробных, но не поддающихся однозначному переложению на язык современной химической номенклатуры рецептов «Великого деяния». Один из них, приведенный в «Книге двенадцати врат» английского алхимика Джорджа Рипли (XV в.), был как будто бы расшифрован знаменитым французским химиком Жаном Батистом Дюма:

«Чтобы приготовить эликсир мудрецов, или «философский камень», возьми, сын мой, философской ртути и прокаливай, пока она не превратится в зеленого льва. После этого прокаливай сильнее, и она превратится в красного льва *. Нагревай еще до кипения, но не кипятить (!), этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмазанную глиной реторту и не спеша дистиллируй.

* Несмотря на убедительную с точки зрения химизма расшифровку Дюма, видящего здесь свинцовый сурик, упоминание «красного льва», являющегося одним из синонимов «философского камня», вызывает законное недоумение. Суть в том, что у алхимиков не было единой номенклатуры, и совершенно различным веществам они зачастую давали одинаковые названия.

Собери отдельно жидкости различной природы, которые появляться при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост».

Можно по-разному относиться к этому пронизанному грозной поэзией тексту. Одни видели в нем лишённые смысла колдовские заклинания, другие — нарочито затемненную тайну, манящую призраком невиданного могущества. Записанный же химическими формулами — отождествив «философскую ртуть» со свинцом, Дюма получил адекватную систему преобразований, — он рисует тривиальный процесс, в котором участвуют свинцовые соли и окислы. Последнее хорошо для раскрытия секретов древних мастеров, но бесполезно для постижения алхимической сути. Химические соединения, сколь бы ценны они ни были, всего лишь вещества, косная материя. Они непричастны к чудесным свойствам «магистериума» и сами нарочь лишены чудесного ореола. Ясность не только обесцвечивает поэтический блеск алхимических текстов, но и убивает на корню саму алхимическую идею. И все потому, что алхимия — это не только «предхимия», но еще и волшебство, которое не поддается абстрактному моделированию. Двойственное прочтение характеризует и скрывающую подробности «Великого деяния» зашифрованность. С одной стороны, это жреческая, не терпящая постороннего глаза скрытность, с другой — обычный цеховой секрет, пресловутая «тайна фирмы». Есть, наконец, и третий аспект, сугубо человеческий, иногда исключительно трогательный. Он то встречает, несмотря на временные провалы, полное понимание

потомков. Алхимикам не позавидуешь. Пусть среди них было немало заведомых обманщиков, но ведь и сильные мира сего гнали их, как красного зверя!

Вспомним Бётгера, которого держал в заточении саксонский король. Не в силах купить волеизъявленную свободу златоделанием, несчастный узник случайно раскрыл секрет фарфора.

Альберт Больштедтский, снискавший титул «Великого в магии, еще более великого в философии и величайшего в теологии», недаром умолял собратьев быть скрытными: «...прошу тебя и заклинаю тебя именем творца всего сущего утаить эту книгу от невежд. Тебе открою тайну, но от прочих я утаю эту тайну тайн, ибо наше благородное искусство может стать предметом и источником зависти. Глупцы глядят заискивающе и вместе с тем надменно на наше «Великое деяние», потому что им самим оно недоступно. Они поэтому полагают, что оно невозможно. Снедаемые завистью к делателям сего, они считают тружеников нашего искусства фальшивомонетчиками. Никому не открывай секретов твоей работы! Остерегайся посторонних! Дважды говорю тебе, будь осмотрительным...»

Это не мрачное предостережение посвященного в высшие таинства мага и уж тем паче не ревностная забота мастера, стремящегося оградить от конкурентов источник дохода, но крик души.

О строгом сохранении тайны предупреждали и другие выдающиеся мастера трансмутаций: Арнальдо из Виллановы (ок. 1235—1313), Николай Фламель (1330—1417?) и даже Парацельс, презревший «Великое деяние» ради лекарственной ятрохимии*, оказавшейся на поверку все той же

алхимией, но с «астроботаническим» уклоном. Знаменитый естествоиспытатель и врач Парацельс уподобил человеческий организм реторте, в которой протекают сложные химические превращения. «Ятрохимик есмь,— говорил он о себе,— ибо равно ведаю химию и врачевание».

Стоя одной ногой уже в новом времени, он оставался, однако, в плену магических соответствий, а значит, не порывал с алхимией: «Никто не докажет мне, что минералы безжизненны. Ибо их соли, колчеданы и квинтэссенции жизнь человеческую поддерживают. Утверждаю решительно, что металлы и камни наделены жизнью, как и корни, травы и плоды». О его приверженности к средневековым стереотипам мышления свидетельствует и усовершенствованный метод лечения сифилиса парами ртути, просуществовавший вплоть до нашего века. Не подозревая, естественно, о существовании чувствительного к ртути возбудителя, Парацельс исходил из астрологического формализма: оппозиции Венеры Меркурию, а следовательно, противостояния недуга на почве любви эманации божественного посланца.

Логические следствия, вытекающие из заведомо противоположных посылок, иногда бьют точно в цель. Но это случайное попадание. Прописывая из тех же соображений страдающим мигренью пациентам серебро — металл Луны, управляющей мозгом, Парацельс не достигал успеха. Не уменяли боли и золотые пилюли противоположного по природе и воздействию на организм Солнца.

В философском отношении ятрохимик Парацельс не столь далеко ушел от астрологических воззрений Птолемея, о которых мы можем судить по обильным цитатам в алхимических сочинениях арабов.

* Ятрос (греч.) — врач.

«...Солнце всл
роды произв
лоты, в мен
сухости... Лу
действие пото
всего к Земле
маются влажн
разом, она раз
верженные ее
ствует их гни
«Доктор обеих
певтики и хи
не только рук
нятой шкалой
ности, но даж
натурах, или
руководствова
ми магически
соответствии
карства его во
низм.
Крылатой мн
владела изнур
следием и тоск
обновления эл
После того ка
софы афинско
гнаны визант
ром Юстиниан
выражению
тьма и молча
факел, зажж
мыслителями,
знания подхва
ные, которые
няли философ
тематика, астр
пышно расцв
калифов. Но
арабские мудр
лись, оставая
телевских пр
тивших перв
ческий и бес
многого дости
геодезии, опти
ланные Альга
пор поража
точностью. Н
ширную эмпи
арабские учел
новых философ
строения мира
ный ученый,

«...Солнце вследствие своей природы производит действие теплоты, в меньшей степени также сухости... Луна имеет влажное действие потому, что она ближе всего к Земле, из которой поднимаются влажные пары. Таким образом, она размягчает вещи, подверженные ее влиянию, и способствует их гниению».

«Доктор обеих медицинских наук» — терапевтики и хирургии, Парацельс не только руководствовался принятой шкалой сухости и влажности, но даже в учении о сигнатурах, или «знаках природы», руководствовался первобытными магическими верованиями о соответствии внешнего вида лекарства его воздействию на организм.

Крылатой мыслью Парацельса владела изнуренная тяжким наследием и тоскующая в ожидании обновления эпоха.

После того как последние философы афинской школы были изгнаны византийским императором Юстинианом, воцарились, по выражению одного летописца, тьма и молчание. Казалось, что факел, зажженный греческими мыслителями, погас. Но эстафету знания подхватили арабские ученые, которые безоговорочно приняли философию Аристотеля. Математика, астрономия, медицина пышно расцветали при дворах калифов. Но основ мироздания арабские мудрецы почти не касались, оставаясь в плену аристотелевских представлений, утративших первоначальный творческий и беспокойный дух. Они многого достигли в астрономии, геодезии, оптике. Измерения, сделанные Альгазеном (XI в.), до сих пор поражают необыкновенной точностью. Но, несмотря на обширную эмпирическую основу, арабские ученые не выдвинули новых философских концепций строения мира. И даже такой видный ученый, как Аверроэс (Ибн-

Рушд), остался в памяти потомков лишь как почитатель и комментатор Аристотеля.

Первый выдающийся химик арабов Абу-Муза-Джабир, или Гебер, как его принято называть, жил в Севилье около 800 года. Вплоть до XV века Гебер, за мудрость прозванный аль-Софи, оставался высшим авторитетом среди арабских и европейских ученых. Это был Аристотель алхимии. Недалеко Роджер Бэкон (1214—1292) называл его *Magister Magistrorum* — учителем учителей.

Символ алхимического единства мужского и женского начал, золота и серебра

Сочетая медного «змия» с рептилиями гермесава кадуцея, алхимические таинства включили в свою причудливую эмблематику запаянного в реторту Меркурия, андрогина и гомункулуса.

Греческие ученые, а вслед за ними и ранние алхимики — Зосима, Африкан, Синезий, Олимпиодор почти не занимались практической химией. Гебер же не только поражал знаниями в этой области, но и предпринял попытку дать первую химическую теорию.

Считая, что металлы состоят из больших или меньших количеств ртути и серы, он подразумевал не конкретные вещества, а некие чистые элементы, от которых зависели не только свойства, но и сама природа металла. Основопологающий труд Гебера «*Summa perfectionis magisterii in Suanatura*» оказал колоссальное влияние на Альберта Великого и Роджера Бэкона, Арнальдо из Виллановы и Раймунда Луллия (ок. 1235 — ок. 1315) — поэта, философа, миссионера-францисканца, которому приписывают добрую сотню алхимических сочинений. В библиотеке богемского монастыря Тепла среди других алхимических рукописей сохранилось и написанное на пергаменте сочинение Луллия.

Блистательную когорту пророков и подвижников «высокого» герметизма замыкает Василий Валентин, «ясновидящий» мистик из ордена бенедиктинцев, живший в первой половине XV века. По-видимому, все они искренне веровали в «магистериум» и златоделание. Во всяком случае, сложный символизм и затемненность их текстов не есть «киммерийские тени» для сокрытия заведомой лжи. Занимаясь, причем узкопрофессионально, историей химии, я много времени посвятил изучению алхимических чертежей и рисунков. На первый взгляд это мрачные гротески: скелеты, вороны, факелы — полный мистический букет. Вместе с тем некоторые из них весьма легко расшифровать. Это не что иное, как эмблемы химических процес-

сов: перегонки, разложения и т. п. В результате действия огня, к примеру, появляется черный обуглившийся скелет вещества (зола) и птица (летучий газ). Не более чем первоначальная химическая символика. Условный язык для записи протекания тех или иных реакций.

Парацельс всем существом своим принадлежал к «птенцам гнезда Альбертова». Но — такова двойственность эпохи — дух его рвался из тесных оков слепой магической веры. Он верует еще в нечистую силу, в «магистериум» и «живую воду», но златоделание уже почитает вздором.

Между тем солнце алхимиков-мистификаторов, адептов-фокусников только еще поднималось над горизонтом, слепя фальшивой позолотой.

В музеях Амстердама и Осло хранятся медали, якобы отчеканенные из алхимического золота, с пробой «выше, чем у червонцев», а также луидоры, пистоли и гинеи, изготовленные «при помощи философского камня».

Подлинная технология подобных чудес была на потеху людей просвещенных раскрыта известным французским химиком Э. Ф. Жоффруа, который выступил в 1722 году с разоблачительным докладом в Парижской академии наук.

Вот несколько примечательных выдержек из этого документа:

«Конечно, было бы желательно, чтобы искусство обмана оставалось совершенно неизвестным представителям любой профессии. Но ненасытная жажда наживы побуждает некоторых людей бесчисленными способами применять это искусство на практике. Поэтому благоразумие требует научиться понимать такого рода мошенничества, чтобы уметь защититься от них...

...Главное, к чему стремятся эти жулики, — это показать людям,

как на их
та минерал
щается в
Для этого
или капели
торых кла
или серебр
ное назван
крывают
из смеси
углей с кл
масса заст
поры как
или капел
В других с
делают у
туда золот
рошок и за
берут дер
долбленну
лубление
тые или
потом закр
кой из тог
чинают п
лочкой ра
она загора
ются, и сп
гоценный
гель.
С целью о
шать дра
свинцовой
ной извест
трудно сп
ребряные
шие слит
лото пред
ртутью и
серебро. А
якобы в
ния.
Необходи
что прохо
шенников
царская в
(смеси к
пользуют
то или сер
они завер
они проп
вестями з
же карты
ются, мо

как на их глазах взятое для опыта минеральное вещество превращается в драгоценный металл. Для этого они используют тигли или капли (чашечки), на дно которых кладут немного золотой или серебряной извести (старинное название окисей), а сверху покрывают их массой, состоящей из смеси порошка истолченных углей с клеем либо воском. Эта масса застывает и выглядит до поры как настоящее дно тигля или капли.

В других случаях они в куске угля делают углубление, засыпают туда золотой или серебряный порошок и заливают его воском. Или берут деревянную палочку, выдолбленную с одного конца; в углубление всыпают мелкие золотые или серебряные опилки, а потом закрывают отверстие пробкой из того же дерева... Когда начинают помешивать такой палочкой расплавленное вещество, она загорается, опилки высыпаются, и спрятанный внутри драгоценный металл попадает в тигель.

С целью обмана нетрудно примешать драгоценные металлы к свинцовой, сурьмяной или ртутной извести. В свинец совсем нетрудно спрятать золотые или серебряные зерна или даже небольшие слитки. Иногда для этого золото предварительно осветляют ртутью и выдают его за олово или серебро. А потом получают золото якобы в результате превращения.

Необходимо остерегаться всего, что проходит через руки этих мошенников — «философов». Часто царская водка или крепкая водка (смеси кислот), которыми они пользуются, уже содержат золото или серебро. Бумагу, в которую они завертывают свои материалы, они пропитывают, если надо, известию золота или серебра. Даже карты, которыми они пользуются, могут содержать металли-

ческие примеси. Видели стекло, в которое было введено некоторое количество золота, когда расплавленная стеклянная масса еще находилась в печи.

Некоторые «философы» вершат свои обманы с помощью гвоздей, наполовину железных, наполовину золотых либо серебряных. Людям внушают, что совершается «превращение», когда железный гвоздь окунают в некую таинственную тинктуру. Выглядит это довольно заманчиво...

Однако на деле это не более чем фокус. Все эти гвозди, которые так похожи на железные, на самом деле состоят из двух частей, правда очень аккуратно спаянных и покрытых краской под цвет железа. Только эта краска и исчезает в «таинственной» жидкости... Именно таким, полужелезным и полузолотым, был гвоздь, который некогда видели в кабинете великого герцога Тосканского. Подобные же гвозди, наполовину серебряные, наполовину железные, я демонстрирую сейчас Академии. И точно такой же нож, с золотым концом лезвия, когда-то был подарен одним предприимчивым монахом английской королеве Елизавете...»

Рассказ о подобных хитростях, достаточно изощренных и делающих честь химическим знаниям их инициаторов, не входит в нашу задачу. Тем не менее я хочу привести для сравнения еще одну характерную цитату, взятую на сей раз из книги нашего современника:

«Мы располагаем многочисленными свидетельствами, доказывающими, что алхимики способны были, а может быть, и теперь способны производить золото, и даже существуют медали, выбитые из алхимического золота... Может быть, следовало бы при- дать больше значения рассуждениям алхимиков о так называемых вторичных металлах. Так,

Питер Брейгель.
Мастерская алхимика

например, некоторые из них стремились превратить в золото не обычное олово, а «олово с зеленым свечением».

Если предположить, что «олово с зеленым свечением» — это таллий, который похож на олово и в огне светится зеленым светом, то, может быть, мы будем иметь объяснение этого секрета. Дело в том, что достаточно таллию потерять альфа-частицу, чтобы превратиться в золото... Мне известны крупные компании, которые безуспешно пытались подверг-

нуть анализу старательно выкраденные образцы, которые предлагались как «философский камень», то есть ядерный катализатор, позволяющий производить превращения (трансмутации). Я видел два таких образца, которые выглядели как куски красного стекла. Методы химических и физических анализов дали столь противоречивые результаты, что на их применении не настаивали». (Ж. Бержье, «Промышленный шпионаж», 1972).

Говоря о своих современниках, Себастьян Брант не очень стеснялся в выражениях:

«Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат...»

До чего же уклончиво и даже стыдливо стал изъясняться соавтор «Утра магов» мосье Бержье! Почему, позволительно спросить, «не настаивали» мифические исследователи мифического «ядерного катализатора» на своих методах? Не лучше ли

было сказать прямо, что вся современная наука, столкнувшись с волшебством, потерпела фиаско? Разве нечто подобное не описано у Бальзака в «Шагреновой коже»?

Я привел эту выдержку не для того, чтобы разоблачать заведомый вымысел, слегка загримированный в расчете на абсолютно «стерильного» в вопросах науки читателя под современность. Я не встречал в алхимических книгах упоминания о «зеленом свечении» олова, хоть, возможно, такое и есть, но ни о таллии, ни об альфа-частицах средневековые алхимики знать никак не могли — это очевидно.

Сравнивая, даже чисто текстологически, доклад Жоффруа и выпад (иначе не назовешь) Бержье, невольно приходишь к печальным размышлениям о том, куда может завести человеческий разум столь вопиющий и беззастенчивый обскурантизм. Дистанция в 250 лет достаточно наглядна, чтобы отпала надоб-

ность в более крепких эпитетах.

Говоря о своих современниках, Себастьян Брант (ок. 1458—1521) не очень стеснялся в выражениях:

Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат...
Вот этой, мол, наукой ложной
И золото в ретортах можно
Искусственным путем

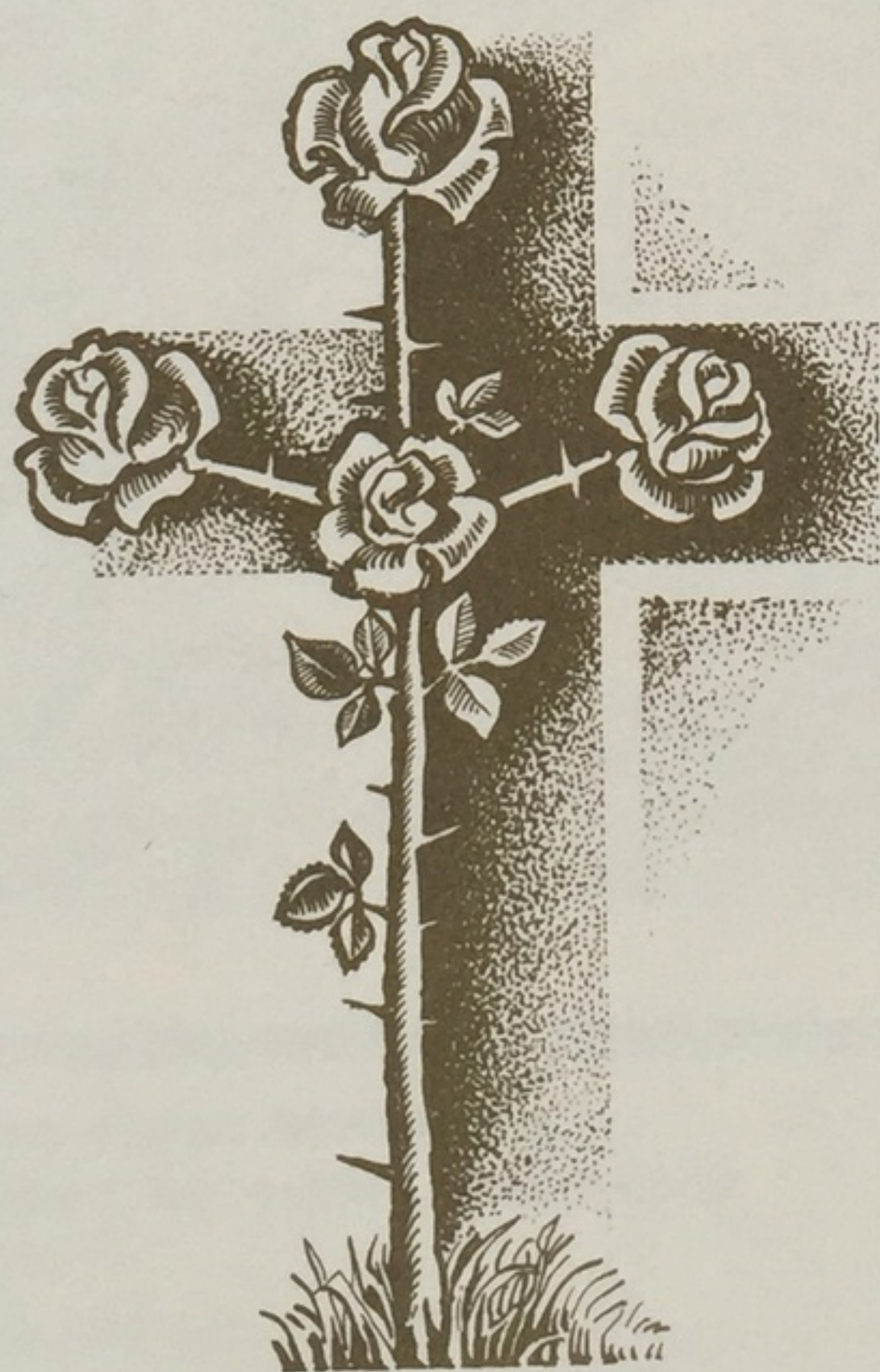
добыть,—
Лишь надо терпеливым быть.
О, сколь неумные лгуны —
Их трюки сразу же видны! —
Кто честно и безбедно жили,
Все достояние вложили
В дурацкие реторты, в тигли,
А проку так и не достигли.

Автору прославленного «Корабля дураков» мудрено было догадаться о том, что «неумные лгуны» знали, оказывается, об олове с «зеленым свечением», «ядерном» (!) катализаторе и прочих мудреных штуках. Темны пучины моря житейского и переменчивы его ветры, несущие из века в век непотопляемые суда.

Роза и крест

Тотчас же из медвежьей пасти выпорхнул злой дух в образе крылатой змеи. Это был Немразль, дух низшей степени, который был предназначен к моим услугам. Вскоре я услышала беседу на языке эгрегоров, прекраснейших падших ангелов...

Ян Потоцкий,
«Рукопись,
найденная
в Сарагосе»

ВСЕ СЕМЕРО неизвестных собрались в 1610 году в Париже. Говорили, что были они невидимы и жили на земле не один человеческий век, следя с высот своей мудрости за ничтожными страстями и великими муками людскими. Они принесли с собой семь книг, в которых содержалось сокровенное знание, дающее власть над живой и мертвой натурой и душами людей, а в последней книге были сведены воедино законы, по которым живут и разрушаются государства. Каждый неизвестный владел одной только книгой, которую пополнял и совершенствовал всю свою долгую жизнь. И если кто-то из них, устав от хрупкой оболочки, подвижнической мудрости и блужданий по дорогам земли, хотел успокоиться, то созывал остальных. Неподвластные времени и расстояниям, не ведая ни голода, ни жажды, они тут же спешили на печальный зов собрата, чтобы отпустить его на вечный покой. Но прежде они должны были познакомиться с тем, кого уходящий избрал своим преемником. И если кандидат казался достойным, допускали его к великому посвящению, пройдя которое он получал книгу и магическое кольцо. Оно давало власть над миром бесчисленных духов, могло притягивать жемчуг и драгоценные камни. И вот отцы-основатели тайно встретились, чтобы увидеть того, кому отныне суждено было, обретя волшебные свойства, множество лет владеть третьей книгой, повествующей о трансмутациях элементов...

Им предстояло сделать особенно ответственный выбор, ибо сокровенное знание третьей книги, похищенное тысячу лет назад, частично было разглашено алхимиками.

«Венец поэтического блеска окружает орден розенкрейцеров, — не скрывая восхищения, отмечал

обычно сдержанный в уже цитированной те.— Магический играет около их игра а таинственность облекли себя, пр очарование их и блеск напоминае только мелькнул ображения и раз, всегда, оставив, себя постоянные следы...»

Не знаю, как нас грез», но таинственной фантазии блеска было дей достаточно. Розен гена проливает дена, напоминаю организацию ие и там мистическое долгое наблюдение, которого пр влечь во внутренне итог — представ руководителем ря на отсутстви рических источ логия представ вомерной, потом церство, против бя «Обществу И но должно было тивные методы соперника. Поднимая забр ры помышляли дена, нежели о борстве. Ведь Креста пребыва тях «воображе ных грез», « уже во весь го как о влиятели ской силе. Иез вавшие троны первых порах ли о горстке намерившихся К «вящей сла ство Лойолы статочно напо о Генрихе Тре

обычно сдержанный Гекерторн в уже цитированной нами работе. — Магический свет фантазии играет около их грациозных грез, а таинственность, которою они облекли себя, придает лишнее очарование их истории. Но их блеск напоминает метеор. Он только мелькнул в областях воображения и разума и исчез навсегда, оставив, однако, после себя постоянные и пленительные следы...

Не знаю, как насчет «грациозных грез», но таинственности, поэтической фантазии и мишурного блеска было действительно предостаточно. Розенкрейцерская легенда проливает свет на устав ордена, напоминающего секретную организацию иезуитов. И здесь и там мистический покров тайны, долгое наблюдение за кандидатом, которого предполагалось вовлечь во внутренний круг, и как итог — представление неопита руководителям братства. Несмотря на отсутствие надежных исторических источников, такая аналогия представляется вполне правомерной, потому что розенкрейцерство, противопоставившее себя «Обществу Иисуса», неизбежно должно было перенять эффективные методы могущественного соперника.

Поднимая забрало, розенкрейцеры помышляли более о славе ордена, нежели о серьезном единоборстве. Ведь пока орден Розы и Креста пребывал где-то в областях «воображения» и «грациозных грез», «Общество Иисуса» уже во весь голос заявило о себе как о влиятельнейшей политической силе. Иезуиты, вовсю атаковавшие троны, скорее всего, на первых порах даже не подозревали о горстке конспираторов, вознамерившихся овладеть миром. К «вящей славе господней» братство Лойолы резало королей. Достаточно напомнить в этой связи о Генрихе Третьем, убитом фана-

тиком Клеманом, и наследовавшем ему Генрихе Четвертом, который тоже погиб от ножа, вложенного иезуитами в руку такого же религиозного безумца Равальяка. Лишь в следующем столетии, когда с притязаниями на вселенскую власть выступит масонство, поглотившее, кстати сказать, розенкрейцеров, обозначится подлинное соперничество.

И еще одно рациональное зерно нам удастся извлечь из мифа «О семи неизвестных», сотканного совместными усилиями масонов и поэтов-окультистов вроде Станисласа де Гуайта. Сетуня о «частично разглашенной» алхимиками премудрости, розенкрейцеры лишней раз обнаруживают свое несомненное эпигонство.

Они появились на свет, когда с эзотерической алхимией, в сущности, было покончено. Подлинные ученые, отряхнув мистическую паутину, целиком посвятили себя исследованию природы, а мистификаторы-златоделы пополнили ряды фальшивомонетчиков. Эзотерическая тайна оказалась, таким образом, бесхозным наследством. «Красные львы», пожирающие себя драконы и скрытая «киммерийскими тенями» золотая вода бессмертия покидали авансцену под ностальгические вздохи эстетов. Что там ни говори, но действительно жаль было «того огня, что просиял над целым мирозданием и в ночь идет, и плачет уходя». Как удивительно подходят эти строки Фета к алхимии! Вспыхнув «беззаконной кометой» над мирозданием, она навсегда улетала в тот самый вековечный мрак, который тщила, но так и не смогла осветить.

Но ничто, повторяю, или почти ничто не исчезает из памяти человечества бесследно. Старые одежды не выбрасываются, их перелицовывают и подновляют. Авось сгодится на худой конец

для карнавала. Розенкрейцерство, одарившее литературу многих европейских стран очаровательным вымыслом, уподобилось такому алхимическому заупокойному карнавалу.

Обложка французского журнала «Роза и крест». Конец XIX в.

Отдавая себе отчет в том, что глобальные цели алхимии оказались окончательно дискредитированными, розенкрейцеры поспешили откреститься от пращуров, чье эмблематическое наследство так ловко прибрали к рукам.

Образ зияющей кладбищенской ямы с Адамовой головой был аккуратно перенесен на уютный масонский коврик. Символ божественного возрождения обернулся слегка шокирующим по святительным фарсом.

Отдавая себе отчет в том, что глобальные цели алхимии оказались окончательно дискредитированными, розенкрейцеры поспешили откреститься от пращуров, чье эмблематическое наследство так ловко прибрали к рукам. Да, соглашались авторы розенкрейцерских манифестов, искатели «философского камня» впали в низкое заблуждение, алкая временных выгод, копаясь в прахе земном, но зато они, истинные адепты Розы и Креста, одухотворили, очистили первоначальную алхимическую идею, придав химерическим поискам «магистериума» возвышенную, а не узкомеркантильную цель. Не прозаическое золото должно было сделаться объектом исканий философа, но нетленные сокровища духа. Назначение розенкрейцерства в том и состоит, чтобы помочь избранным рода человеческого раскрыть духовное око, прозреть для горнего сияния, исполниться внутренним светом высшей истины. Прекраснодушный наивный лепет! А ведь запомнится, западет в душу, пойдет гулять по свету затверженный устами теософов, антропософов, оккультистских офеней Запада и Востока.

«Происхождение общества сомнительно», — в один голос утверждают исследователи, и это, конечно, верно. Но кроме сомнительных сведений есть еще и традиция. Розенкрейцерская легенда, удивительно напоминая предания духовно-рыцарских орденов святой земли, обнаруживает и разительное сходство с иезуитским прототипом.

Апологеты ордена ведут его летоисчисление с XIV столетия, когда

некий Николо Барно предпринял длительное путешествие по Германии и Франции с целью собрать всех подвижников «философского камня» в единое герметическое общество. Скорее всего, из этого ничего не вышло. Во всяком случае, в анонимном сочинении «Отголосок розенкрейцерства» ясно упомянуто о том, что попытки подобного рода предпринимались и в конце XVI века, когда алхимия переживала агонию.

Сохранилась, однако, достоверная запись о том, что в 1610 году немецкий нотариус Газельмейер, представ перед иезуитским судом, рассказал о рукописи, озаглавленной «Fama Fraternitatis» («Слава братства»), излагавшей устав ордена. В 1614 году было распространено небольшое сочинение, называвшееся «Всеобщее преобразование света» и содержащее эту крамольную «Славу братства», где упоминалось о Христиане Розенкрейце, основавшем в XIV веке герметическое сообщество. Никаких других следов об этом розенкрейцерском патриархе не имеется, хотя названные сочинения и были отпечатаны в Касселе Вильгельмом Весселем: одно — в 1614, другое — в 1615 году.

Легенда гласит, что, подобно рыцарям-крестоносцам, мальтийцам, масонам и бесчисленным мистикам разных эпох, Розенкрейц получил посвящение в таинства на Востоке. Рожденный в 1378 году в Германии, он еще юношей отправился вместе с одним бывалым монахом в Палестину. Пробыв три года в Дамаске и Иерусалиме, перебрался в Каир, а затем совершил поездку по странам Магриба, где приобщился к сокровенной мудрости тамошних магов. Само собой разумеется, что весь вояж протекал на фоне больших и малых чудес. Когда, например, наш паломник путешествовал по Аравии (вспом-

ним посольство графа Литта), его узнавали и окликали по имени учнейшие мужи, никогда прежде с ним не встречавшиеся. Собственно, от них он и перенял высшие секреты, в том числе искусство продления жизни. Вернувшись через Испанию на родину, умудренный пилигрим скоро приобрел верных учеников и умер, искренне ими оплакиваемый, 106 лет от роду (по другим указаниям — 150), но не по причине естественной дряхлости, а потому, что устал от жизни. Среди первых соратников Розенкрейца, решившихся произвести вместе с ним мировую реформу, называют трех нищенствующих монахов. Впоследствии к ним добавилось еще четверо. Разъехавшись по разным странам проповедовать идеалы розенкрейцерства, они ежегодно собирались вместе, чтобы дать друг другу отчет о своей деятельности. Отсюда, вероятно, и возник миф «О семи неизвестных».

Название ордена традиционно выводят из имени его основоположника, которое означает «Розовый крест». Более поздние толкователи оперируют латинскими словами *ros* (роса) и *crux* (крест) — «Росный крест», так как, согласно алхимическим представлениям, субстанция, обозначаемая как роса, считалась наилучшим растворителем золота. Эмблема креста выступает при этом как вензельное сплетение (+) букв LVX, образуя основополагающее понятие «свет».

Такая заведомо искусственная подтасовка находится в очевидном противоречии как с символикой ордена, так и с его литературным базисом. Не случайно же розенкрейцеры зачисляли провансальский «Роман о Розе» в предтечи своего аллегорического учения, в котором легко различим золотой венчик излюбленного цветка альбигойцев и труба-

духов. Не мифическая роса, которая в равной степени могла быть и эликсиром долголетия и царской водкой, а *Rosa philosophorum* — «Роза философов» упоминается в книге «Искусство златоделания, химией именуемое», появившейся в том же 1610 году, когда иезуиты узнали от приговоренного к галерам Газельмейера про «Славу братства», принявшего антипапскую эстафету.

В преемственности символов, как и в преемственности идей, тоже есть своя неумолимая логика. Усиливая растущую в обществе оппозицию гнетущему засилью иезуитов, розенкрейцеры объективно способствовали Реформации. Они, безусловно, стремились к освобождению философской мысли от оков средневекового мистицизма, бичуя в своих памфлетах «зверя Запада» и «зверя Востока», то есть папу и Магомета. Однако даже беглое знакомство с изложенной в «Славе братства» программой убеждает нас в полной тождественности розенкрейцерских идеалов с волшебными сказочками в стиле Елены Блаватской и пресловутого «йога» Рамачараки, под чьим брахманским именем скрывался шарлатан-европеец.

Отрекшись от старых бредней о колдовстве, ведьмах и сношениях с дьяволом, фантасты розы и креста населили невидимый космос-астраль бесчисленными сонмами прелестных и услужливых духов. В воздухе кувыркалились эфирные сильфы, в воде плескались ундины, в прядях огня танцевали саламандры, а трудолюбивые гномы, стуча молоточками, обследовали рудные жилы. Все они жаждали лишь одного — прийти к человеку на помощь.

«Мне мысль твоя — закон. Что ты прикажешь?» — восклицает сильф Ариэль в «Буре» Шекспира.

Любого из первоначальных духов можно было поставить себе на службу, заключив его в розенкрейцерский перстень, кристалл, зеркало. Составленные из чистейших частиц стихии обитания, первоначальные духи не ведали оков пространства и времени и могли жить тысячи лет. И все же, не обладая бессмертной душой, они были обречены на уничтожение. Этим и объяснялась их подчиненная по отношению к людям роль. Лишь страстная любовь, которую каждый из духов надеялся пробудить в человеческом сердце, давала шанс разделить бессмертие с обожаемым властелином.

Розенкрейцерская доктрина была желанной находкой для артистического мира, но в роли новой религии или даже философской системы она могла вызвать лишь снисходительную улыбку. Милую сказочку требовалось хоть чем-нибудь подкрепить. Невидимые духи нуждались в осязаемых мощах.

Согласно легенде, могила Христиана Розенкрейца была случайно обнаружена в подземных коридорах братства. В ней нашли написанный золотом свод таинств и откровений, содержащий пророчество о грядущем конце света. Точная дата предначертанного события осталась, к сожалению, неизвестной, но, судя по излюбленной розенкрейцерской дистанции 100 лет, она давно минула без заметных последствий.

Однако по состоянию на первую четверть XVII столетия весть о неминуемом светопреставлении, впрочем далеко не единственная, не могла пройти бесследно. В столь чрезвычайных обстоятельствах братство решило несколько приподнять завесы секретности и познакомить общественность с доктриной и целями рыцарей Розы и Креста, составлявших

ранее прерогатива круга. Главнейшая загла, по словам (Тайные общества на. СПб, 1905) земных бедствия человеческого философии, которую после своего появления следовали Мо. Уже по одной угадать в розенкрейцерском каббалистическом последователе тайнам и, притом кую риторикой уберечься от заветы христианства ведя нравственности, налагали, неслись не слишком, но, неманчивыми. Ишение обязанности лечить больные страны притом являться не умирая, назхранить тайны. Последний зывал неоплат сколько гарно долгую очередное ное сочинение nitatis Rosдание Братнаделало «Исповедание всем благпризывом жению обиздателя ных писемудостоило ры былино как дуно обладаеутствие

ранее прерогативу внутреннего круга.

Главнейшая задача ордена состояла, по словам Георга Шустера (Тайные общества, союзы и ордена. СПб, 1905), «в уменьшении земных бедствий путем приведения человечества к истинной философии, которую познал Адам после своего падения и которой следовали Моисей и Соломон». Уже по одной этой фразе можно угадать в розенкрейцерстве соединительное звено между учением каббалы и философским масонством. Будучи герметиками, розенкрейцеры обещали своим последователям доступ к высшим тайнам и, предвосхищая масонскую риторику, наставляли, как уберечься от болезней, блюдя заветы христианской религии и ведя нравственный образ жизни. Обязанности, которые они на себя налагали, не только представлялись не слишком обременительными, но, напротив, крайне заманчивыми. Получившие посвящение обязывались безвозмездно лечить больных, носить одежду страны пребывания, ежегодно являться на собрания ордена, умирая, назначить преемника и хранить тайну 100 лет.

Последний пункт не столько связывал неопита обетом молчания, сколько гарантировал ему рекордно долгую жизнь. Одним словом, очередное анонимно выпущенное сочинение «Confessio Fraternitatis Rosae Crucis» («Исповедание Братства Розового Креста») наделало в Европе много шума. «Исповедание» обращалось ко всем благомыслящим людям с призывом присоединиться к движению обновления мира. В адрес издателя хлынул поток благодарных писем, но ни одно из них не удостоилось ответа. Розенкрейцеры были где-то совсем рядом, но как духи воздуха — сильфы — не обладали видимой плотью. Отсутствие отклика не охладило

горячие головы. От желающих присоединиться к союзу, чтобы совместно произвести решительную реформу общественной жизни, не было отбоя.

Сейчас этот насыщенный фанатичным суеверием и очевидными нелепостями памфлет способен вызвать лишь недоумение. Возможно, правы исследователи, усмотревшие в «Исповедании» откровенную насмешку над сумбурным мировоззрением, царившим в головах людей на пороге новой эпохи. Так, например, высмеивая «проклятое делание золота», автор «Исповедания» тут же отзывался о нем с величайшим пиететом. Оказывается, это было только «побочным занятием» философских братьев, которые «знали еще тысячи подобных штучек и даже еще получше, чем эта».

За первым памфлетом последовали десятки других, порой изящных и остроумных, но чаще пустых, ничего, кроме напыщенного словоизвержения, не содержащих.

Братство достигло поставленной цели. Ажиотаж вокруг розенкрейцерства разгорелся необычайный. Отдельные трезвые голоса, обвинявшие орден в распространении ложных медицинских рецептов и теологических бредней, тонули в восторженном хоре одураченных, жаждущих чуда простаков. И вдруг ушат холодной воды: в числе ярых хулителей розенкрейцерства оказался не кто иной, как сам автор наделавших столько шума апологетических брошюр!

Насколько можно судить по противоречивым откликам современников, этим оригиналом был теолог из Вюртемберга Иоганн Валентин Андрэ (1586—1654). Человек одаренный и разносторонне образованный, он презирал догматические споры, проповедуя идею всеобщего хри-

стианского единения. Преданный издателем, он признался, что написал в юности озорное фантастическое произведение «Химическая свадьба», но от остальных приписываемых ему сочинений открестился решительно. Анализируя фамильный герб Андрэ: андреевский крест и четыре розы, геральдические изыскатели пытались повернуть дело так, будто сам он и был «основателем» вымышленного, никогда не существовавшего общества. Отличительным знаком братства был, однако, не андреевский крест с розами между лучами, а роза с крестом в середине — эмблема страдания и любви, созвучная символу иезуитов — сердцу с крестом.

Традиционную же аббревиатуру крестной таблички INRI («Иисус Назарянин Царь Иудейский») розенкрейцеры толковали на свой лад: *Igné Natura Regenerando Integrat*, или «Природа обновляет возрождающим пламенем».

Это было дерзким вызовом церкви и потому оставило след в ее анналах. Короче говоря, не только мистификации и загадки излучал розенкрейцерский метеор.

Пусть «Исповедание» было издательской сатирой, а Андрэ, что отнюдь не доказано, ее автором, но основать движение, охватившее добрую половину Европы, он едва ли мог. Тем более в юности, потому что ему было лишь 25 лет в 1610 году, когда судили читателя «Славы братства».

Вообще с розенкрейцерством сопряжено немало исторических и чисто литературных курьезов. Наиболее примечательный из них связан с именем Джузеппе Франческо Борри, алхимика и миланского уроженца. Обвиненный в ереси за обличение злоупотреблений римской курии, он был арестован святейшей инквизицией и заточен в замок Сант-Анд-

желло, где и умер в 1695 году. Примечательно, что ровно через 100 лет в том же каземате окончил свои дни Джузеппе Бальзамо, известный миру как граф Калиостро.

Современники приписывали Борри авторство знаменитого кабалистического романа «Граф Габалис», изданного в 1670 году аббатом Вильяром де Монфоконом. Это любопытное повествование, составленное из отдельных выпусков: «Граф Габалис», «Кабинет графа Габалиса», «Гении помощники», «Непримиримый гном» и «Новые беседы», выходило с подзаголовком «Посвящение в тайную науку». Роман построен в виде бесед, вводящих в мир невидимых духов и как бы посвящающих читателя в святая святых розенкрейцерской каббалы.

Мне посчастливилось прочесть эту некогда наделавшую столько шума, а ныне почти забытую, ставшую библиографическим раритетом книгу. Невзирая на сугубо серьезное предисловие оккультистов-издателей и многозначительные примечания, я вынес впечатление, что и этот, так волновавший чувствительных дам и пылких «ясновидящих», роман не более чем остроумная шутка, веселая пародия на кабалистические рассказы, которыми увлекались парижане времен мушкетера д'Артаньяна.

Впрочем, предоставим лучше слово самому герою, от лица которого ведется рассказ о таинственном чернокнижнике-графе: «...в том, что я охотнее разоблачаю секреты, чем им следую, виноват скорее мой Сатурн, чем граф Габалис. Если звезды не исполняют своих обязанностей, то в этом граф неповинен; граф неповинен также и в том, что я не обладаю достаточным величием души, чтобы попробовать сделаться

господином и
чивать стихи
шими суще
демонами,
миры, разго
восседающим
троне, и пр
оберегающего
пропустить
по его аллеям
память этого
и говорить, ч
вие того, что
этому.
Разве нельзя
при постоя
грабежах и
руки како
Быть может
он не мог по
так как нап
ший на него
В этом месте
издательско
всеми этим
великие и
только тем
между строк
Очевидно,
числу подо
тому вряд
бать мое гл
в том, что
стный Бор
бат Вильяр
не только
и розенкр
ми, но и н
Да будет
имя!
Ян Потоц
ский пис
кавалер, и
ценный о
в своем
«Рукопис
се».
Парижски
выходивш
начале ны
оспорить
«Граф Г
1670 году
ном и шу

господином природы, взбаламучивать стихии, беседовать с высшими существами, повелевать демонами, производить новые миры, разговаривать с богом, восседающим на своем грозном троне, и принудить херувима, оберегающего вход в земной рай, пропустить меня для прогулки по его аллеям... Зачем оскорблять память этого достойного человека и говорить, что он погиб вследствие того, что научил меня всему этому.

Разве нельзя предположить, что при постоянных нападениях, грабежах и разбоях он пал от руки какого-нибудь негодяя? Быть может, при беседе с богом он не мог поднять на него взоров, так как написано, что взглянувший на него умирает».

В этом месте сделано характерное издательское примечание: «Под всеми этими шутками сокрыты великие истины, замечаемые только теми, кто умеет читать между строк».

Очевидно, я не принадлежу к числу подобных провидцев. Поэтому вряд ли кто сумеет поколебать мое глубочайшее убеждение в том, что автор, будь то злосчастный Борри или же добрый аббат Вильяр, от души потешался не только над кабалистическими и розенкрейцерскими выдумками, но и над догматами религии. Да будет памятно его славное имя!

Ян Потоцкий, блестящий польский писатель и мальтийский кавалер, использует потом драгоценный опыт «Графа Габалиса» в своем знаменитом романе «Рукопись, найденная в Сарагосе».

Парижский журнал «Теософ», выходивший в конце прошлого — начале нынешнего веков, пытался оспорить очевидное: «Сочинение «Граф Габалис», написанное в 1670 году, представляет в смешном и шутовском виде некоторые

из таинств розенкрейцеров. Цель напечатания этого сочинения состояла, по всей вероятности, в том, чтобы заставить обратить внимание на оккультные науки (так оказывается! — Е. П.), что и удалось автору, судя по тому, что оно сильно распространилось и было много раз переводимо. Главный сюжет его составляют браки *элементалов* с людьми, символизируя власть, получаемую адептом над силами-духами природы. Эта идея поясняется примерами одержимости мужчин и женщин, предающихся сношениям с *инкубами* и *суккубами*».

Сделаем несколько терминологических уточнений. Элементалы (элементалии) — это и есть первоначальные духи, стремящиеся овладеть человеческим сердцем. Парацельс разделял их на инкубов — стихий мужского пола и суккубов — женского. По обвинению в сожительстве с демонами тысячи женщин приняли огненную кончину. Чрезвычайно показательное отношение к столь деликатной теме новейших оккультистов.

«Элементалы человека, — утверждал, например, доктор Папюс, — это те инстинктивные существа, которые известны под именем шариков кровяных или красных и белых или лейкоцитов».

Забавно, не так ли? И чем, спрашивается, сей упоительный бред, написанный на заре нашего века, озаменованного выдающимися научными открытиями, разнится от опуса Бержье, повенчавшего альфа-частицы с «философским камнем»?

Маниакальный апломб на фоне вопиющего невежества вернее всего отличает провозвестников сверхъестественного, будь то заурядные черти, сильфы, спиритические духи или «маленькие зеленые человечки», прилетевшие на тарелках.

Розенкрейцеры, пустившие крепкие корни в немецких землях и Нидерландах, не оставляли надежды покорить Париж, где модные философские поветрия устаревали столь же скоро, как и примелькавшиеся костюмы.

«Мы, депутаты коллегии Розового Креста, — оповещала специально отпечатанная афишка, — видимо и не видимо пребываем в этом городе. Мы учим без книг или знаков всеобщему языку, который может спасти людей от смертельного заблуждения».

Напрасные потуги. Расколовшая Европу Тридцатилетняя война (1618—1648) заставила перетряхнуть старый хлам и основательно пересмотреть и реальные, и мнимые ценности. Французы, особенно после остроумных памфлетов Габриеля Ранде, не помышляли о переустройстве мира, который и без того изменялся прямо на глазах под аккомпанемент мортир и мушкетов.

В 1630 году в Лейдене вышла книга Петера Мормио «*Arcana Naturae Secretissima*» («Секретнейшие тайны природы»), где розенкрейцерские «арканы» подразделялись на три основные дисциплины: вечное движение, превращение металлов и всеобщее лекарство.

Перекраивалась карта Европы, с глобуса исчезали белые пятна, а правнуки Розенкрейца по-прежнему витали в алхимическом дыму и за неимением лучшего принялись за составление своей родословной.

Германские розенкрейцеры возвели ее к легендарным временам короля Артура, а шотландцы и шведы, перенявшие у немцев иоаннитское предание, претендовали на происхождение от александрийских магов. Основав общество «Мудрецов Света», которое именовали также Ормузским, они присвоили себе венецианского льва, прижимающего

когтями пергамент с изречением: «Мир тебе, мой Марк евангелист».

Войны, как известно, ускоряют смешение обычаев и языков. В Венеции, где издавна собирались на тайные встречи алхимики, возникло местное отделение братства, установившее вскоре связи с единомышленниками из Эрфурта, Лейпцига, Амстердама.

Завоевывая страны и города, герметическая община превращалась в масонскую ложу. Окончательно это оформилось в Англии, куда укрылись после Тридцатилетней войны «немецкие братья».

В конце XVIII века английские розенкрейцеры пополняли свои ряды за счет «вольных каменщиков». Кроме правительствующего сената и главной коллегии в Лондоне братство располагало отделениями в Бристоле, Манчестере, Кембридже, Оксфорде, Эдинбурге и Глазго.

Под сенью масонских лож, декорированных кабалистическими знаками и атрибутами смерти, алхимия окончательно вырождается в систему символов. «Философский камень» перестает быть «красным львом» и «магистериумом» и становится синонимом духовного совершенства.

В масонском сочинении «Пламенеющая Звезда» приводится своеобразный схоластический диалог, являющийся частью посвятительных таинств.

— Когда герметические философы говорят о золоте и серебре, обыкновенное ли золото и серебро подразумевают они?

— Нет, потому что обыкновенное золото и серебро мертвы, между тем как золото и серебро философов полны жизни.

— Какая цель масонских исследований?

— Узнать, как сделать совершенным то, что природа оставила несовершенным в человеке.

— Какая ц
следований
— Узнать, ч
ным то, ч
несовершен
и увеличит
камня».
— Тот ли
которого о
степень?
— Да, это
торый «в
желают от
«Магистер
новится «
основании
весным па
пени «Ры
Несколко
Как и люб
щество, в
гностическ
щее к том
рыцарства
новывало
нице таин
Подобные
ницы мож
ных гра
адепта, с
храма. Д
ступень
ную ста
ролога —
идею, дл
ты, для
степени.
В перво
церстве, е
миф, ра
градаций
ший раб
ответств
и «млад
подмасте
На какой
в двадц
когда о
оформил
нилась,
масонски
черкнуто
ственно,
Кроули

— Какая цель философских исследований?

— Узнать, как сделать совершенным то, что природа оставила несовершенным в минералах, и увеличить силу «философского камня».

— Тот ли это камень, символ которого означает нашу первую степень?

— Да, это тот самый камень, который «вольные каменщики» желают отесать.

«Магистериум», «феникс» становится «кубическим камнем» в основании нового Тампля, словесным паролем масонской степени «Рыцарь Солнца».

Несколько замечаний о степенях. Как и любое герметическое сообщество, восходящее духовно к гностическим сектам, претендующее к тому же на золотые шпоры рыцарства, розенкрейцерство основывалось на восходящей лестнице таинств.

Подобные аллегорические лестницы можно видеть на старинных гравюрах, изображающих адепта, стоящего у подножия храма. Для алхимика каждая ступень отображала определенную стадию деяния, для астролога — зодиакально-планетную идею, для кабалиста — сефироты, для масона — градусы, или степени.

В первоначальном розенкрейцерстве, если таковое, конечно, не миф, различались следующие градации: «отец», распределявший работы; «старший», что соответствовало званию мастера, и «младший», то есть ученик, подмастерье.

На какой-то стадии, скорее всего в двадцатых годах XVI века, когда орден организационно оформился, структура его усложнилась, обретя характер прото-масонский и вместе с тем подчеркнута герметический. Собственно, последнее и побудит Кроули взять за основу учреж-

денного им сексуально-магического ордена ступенчатый конус Розового Креста.

По линии восхождения розенкрейцерские ступени именовались: Zelator — ревнитель; Theoricus — штудирующий теорию; Practicus — допущенный к самостоятельной работе; Philosophus — постигающий истину; Adeptus junior — младший адепт; Adeptus major — старший адепт; Adeptus exemptus — чрезвычайный адепт; Magister templi — магистр храма; Magus — маг.

Всего девять ступеней, в отличие от семи аллегорических ступеней, ведущих к вратам храма алхимии и астрологии.

В последующем масонстве подобная тенденция к увеличению «градусности» получит широчайшее развитие. Наивысшую из возможных тайну, за которой уже нет ни познания, ни любопытства, благоразумно постараются отдалить. Короля не должно лицезреть в голом виде.

Организационно поглощенное масонством, розенкрейцерство идейно раздвоилось и продолжило оккультное существование в недрах откровенно колдовских или даже вовсе сатанистских сект.

Альфонс Луи Констан (1810—1875), писавший под псевдонимом Элиафаса Леви, кажется, первым предпринял попытку объединить магов-одиночек в единый интернациональный орден, построенный по образу тамплиерского или же розенкрейцерского. Путешествуя по Европе, он встречался с польским мистиком Хоэне-Вронски и английским писателем Эдуардом Булвер-Литтоном. Первая большая работа Леви, «Основы магии», вобравшая богатый опыт средневекового чернокнижия, кабалистические методы прочтения, а также колдовскую практику Аполлония Тианского, сделала его кумиром нового поко-

ления оккультистов. Во исполнение заветов учителя они и основали «Французский кабалистический орден розенкрейцеров», ставший подлинной академией сатанизма. Вскоре подобные учреждения возникли и в других странах.

Общество розенкрейцеров в Англии пожаловало сей внушительный сертификат «достопочтенному брату доктору Уинну Весткотту IX°, верховному магу». От имени высшего совета грамоту подписал сам же Весткотт, удостоенный девятой степени посвящения.

В Англии общество было возрождено в 1866 году Робертом Вентвортом Литтлом, разыскивавшим в архивах описания древних розенкрейцерских ритуалов. Он был дружен с Кеннетом Маккензи, автором «Королевской масонской энциклопедии», и находился под сильным влиянием Харгрейва Дженнингса, издавшего в 1870 году книгу «Розенкрейцеры, их ритуалы и таинства». Обе эти работы и дали Литтлу необходимую основу для творческой реанимации розенкрейцерского обряда. Особенно заметен в нем вклад Дженнингса, составившего этаким коктейль из различных религиозных систем, в которых на первое место упорно выдвигался фаллический культ. Опередив, разумеется в карикатурной форме, З. Фрейда, Дженнингс и Литтл целиком ответственны не только за сугубо обскурантистский дух последующих розенкрейцерских учений, но и за сексуально-магические новации Кроули. Дальнейшая история ордена связана уже с этим жрецом всех религий, а также с Уинном Весткоттом.

Мне довелось видеть роскошный диплом, окаймленный гирляндами символических роз, на котором значилась дата: апреля 14-го дня 1898 года и место выдачи: Лондон. Общество розенкрейцеров в Англии пожаловало сей внушительный сертификат «достопочтенному брату доктору Уинну Весткотту IX°, верховному магу». От имени высшего совета грамоту подписал сам же Весткотт, удостоенный девятой степени посвящения, что соответствует, как мы видели, титулу «Magus». Чуть ниже поставил свой росчерк и генеральный секретарь, достигший восьмой степени. Насколько я мог разобрать подпись, это был Вильям Фергюссон. Все это было лишь скромной прелюдией бесцеремонной все-

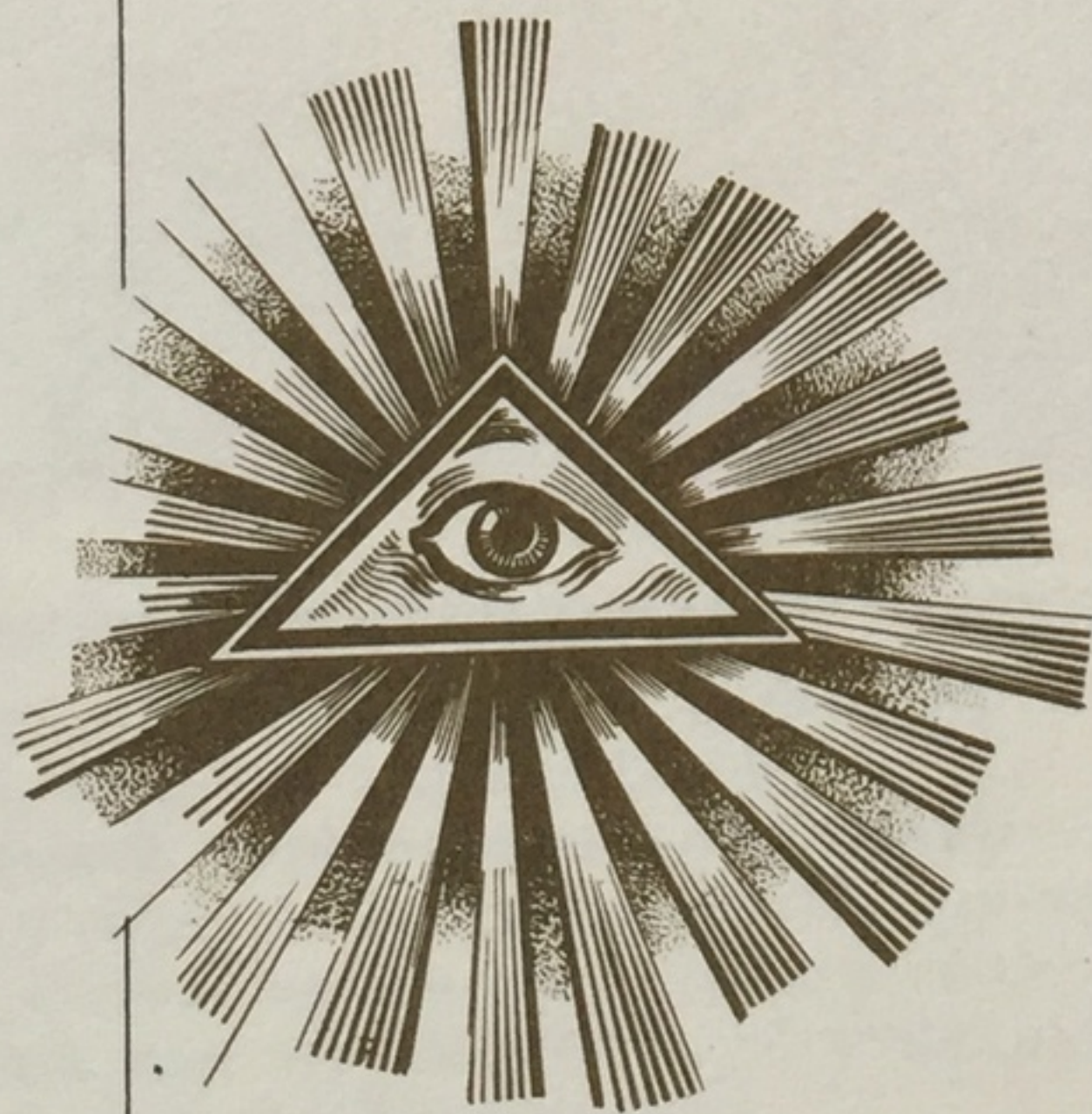
дозволенности, в которую оку-
нулся орден, перемахнув через
океан. В Новый Свет розенкрей-
церы попали уже в наше время.
Сперва девственную почву удоб-
рил ирландский теософ Вильям
Джаджи, баловавшийся магией
и розенкрейцерским духовидени-
ем совместно с Блаватской. В са-
мом конце прошлого века он от-
крыл в Нью-Йорке «Арийское
теософское общество». Затем
вложил свою лепту Мак Хейндл,
он же Макс Грашов. Открыв отде-
ление в Калифорнии, он выпус-
тил две претенциозные книжонки
окультного содержания («Розен-
крейцерская космоконцепция» и
«Послание звезд») и на том вы-
дохся. Гарри Спенсер Левис,
учредивший в Сан-Хосе новую
штаб-квартиру, действовал с

большим успехом. Ныне его брат-
ство насчитывает свыше 100 ты-
сяч членов и располагает рези-
денцией, построенной по образцу
древнего египетского храма. Как-
никак американские рыцари ве-
дут свое происхождение не от
какого-нибудь короля Артура и
даже не от александрийских ма-
гов, а от самых древних и самых
тайных жреческих сект! Полторы
тысячи лет до рождения Хрис-
това — это вам не шутка. Такой
генеалогический козырь покроет
любую карту Старого Света.
Сын ловкача Гарри, Ральф
Масквелл Левис, вообще провоз-
гласил себя «императором орде-
на», о чем и разослал циркуляр-
ные письма по капитулам ста-
рушки Европы. Закономерный
финал.

Глаз в треугольнике

Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.

Вильям Блейк,
«Золотая
часовня»

«ВЫ СЛЫШАЛИ о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного», — писал в «Пиковой даме» А. С. Пушкин.

Таинственный граф (1710—1784) объявился в Париже в 1748 году на приливной волне набирающего силу масонства. Францией правил тогда красивый, самовлюбленный и порочный Людовик Пятнадцатый, хотя злые языки говорили, что все дела королевства вершатся в будуаре маркизы Помпадур. Ограбленный, задавленный непосильными тяготами народ роптал, иезуиты, опутавшие страну липкой паутиной доносов, подслушивания, подглядывания и всеобщего страха, открыто взывали, интригуя против монарха, к новому Равальяку. «Я умру как Генрих Четвертый», — жаловался король. Решив, однако, жить долго, он наложил запрет на вездесущий орден и обласкал «вольных каменщиков», в которых увидел естественного союзника. В 1738 году в Париже начала действовать «великая ложа».

Хотя графство под названием Сен-Жермен никогда не существовало в феодальной Европе, графа не только приняли в Версале, но ему были оказаны там почести, положенные лишь принцам крови. Удивляться этому не приходится. Путешествовать инкогнито в XVIII веке было модно. (Павел Первый, например, объехал Европу под именем графа Северного.) Кроме того, Сен-Жермен, побывавший в 1740 году в Вене, заручился блестящими рекомендациями. К числу его друзей принадлежали знатнейшие вельможи австрийского двора: князь Лобковиц, граф Забор. Не остался без внимания и великолепный подарок — редкостной работы бриллиантовое кольцо, поднесенное им королевской пассии. Сен-Жермен был, бесспорно, незау-

рядной лично
разбирался в
химии, знал
медицине и бе
на многих язы
встреченный в
он нигде подол
и всюду слыл
в Париже его
было принято
Риме — за ит
бурге — за ру
Его страсть
имена была с
нуе и Ливо
графом Салты
дах — графом
штинии и Гео
испанского гр
не без причи
дили слухи о
конный сын
Марии, полк
красавца пр
но, люди, зн
этикета, цар
испанском
усмехались,
очереди был
менее роман
Одно время
тали сыном
Ференца Р
народное во
бургов. Кар
граф Бранд
верен этой м
версии до н
свидетели,
в том, что
запись о
Георга, Ли
ски, датиро
да. И такая
существова
касательств
было точно
умер в мла
«Что с то
чами кле
Наследник
надежном
надзор вер
зей. Фере

рядной личностью. Он хорошо разбирался в науках, особенно в химии, знал толк в музыке, медицине и без акцента говорил на многих языках. Дружелюбно встреченный во многих столицах, он нигде подолгу не задерживался и всюду слыл чужеземцем, хотя в Париже его без труда можно было принять за француза, в Риме — за итальянца, в Петербурге — за русского.

Его страсть постоянно менять имена была сродни мании. В Генуе и Ливорно он назвался графом Салтыковым, в Нидерландах — графом Сармонтом, в Голштинии и Гессене выдал себя за испанского гранда. И, возможно, не без причины, потому что ходили слухи о том, будто он незаконный сын испанской королевы Марии, полюбившей неведомого красавца простолюдина. Конечно, люди, знающие о строгости этикета, царившего при суровом испанском дворе, недоверчиво усмехались, тем более что на очереди была новая легенда, не менее романтическая.

Одно время Сен-Жермена считали сыном венгерского князя Ференца Ракоци, поднявшего народное восстание против Габсбургов. Карл Александр, маркграф Бранденбургский, остался верен этой многим полюбившейся версии до конца. Нашлись даже свидетели, готовые дать присягу в том, что видели церковную запись о крещении Леопольда Георга, Липот-Дьердь по-венгерски, датированную 26 мая 1696 года. И такая запись действительно существовала, хоть и вне всякого касательства к графу, так как было точно известно, что ребенок умер в младенчестве.

«Что с того? — пожимали плечами клеветы Сен-Жермена. — Наследника Ракоци укрыли в надежном месте и отдали под надзор верных, испытанных друзей. Ференц Ракоци, которого

самого чуть не отправили в детстве на тот свет, сделал все, чтобы оградить его от наемных убийц».

При этом обращалось внимание на один из псевдонимов графа — Цароки, анаграмму родового имени.

Много толков вызвала в свете история с бриллиантом короля, будто бы «вылеченным» безотказным Сен-Жерменом. Скептики, правда, замечали, что ему ничего не стоило просто подменить один камень другим, благо граф располагал для этого обширной коллекцией алмазов. На балу его видели с такими бриллиантовыми пряжками на туфлях, что двор был в потрясении, а маркиза Помпадур не сводила с них глаз. Однако сам Сен-Жермен достоверно сообщал, что действительно умеет лечить камни и научился этому в Индии.

Как бы случайно проговорившись, Сен-Жермен любил вернуть словцо о каких-нибудь давно прошедших событиях, в которых якобы принимал участие. Когда как-то зашла речь о Франциске Первом, он привел всех в великое смущение, обмолвившись, что часто беседовал с покойным Франсуа.

«Мы были друзьями, — снисходительно отзывался он, например, о Христе. — Это был лучший человек, какого я знал на земле, но большой идеалист. Я всегда предсказывал ему, что он плохо кончит».

Подобные фразы он ронял на ходу, с рассеянным видом, словно по забывчивости. Одни считали это чудачеством, другие относились серьезнее. Тем более что загадочный граф прославился как живописец, создавший светящиеся в темноте картины; его великолепные стихи были полны недосказанностей и тревожили потаенным смыслом; сочиненные им сонаты и арии вызывали

зависть профессиональных музыкантов. А в довершение всего оказалось, что очаровавший общество скрипач-виртуоз Джованнини был не кто иной, как проказник граф! Всем сразу стало понятно, почему Джованнини выступал в маске. А чудеса, которые показывал Сен-Жермен королю в своей алхимической лаборатории в замке Шамбор? Людовик сам вынул из тигля золотой слиток.

Оказавшись среди своих, Сен-Жермен считал нужным немного приподнять завесу таинственности. Масонским лидерам, которые открыли ему доступ к казне, он «признавался»: «Эти глупые парижане воображают, что мне пятьсот лет. И я даже укреплял их в этой мысли, так как вижу, что им это безумно нравится. Но если говорить серьезно, то я на самом деле намного старше, чем выгляжу». И те верили, что Сен-Жермен и вправду многому научился на Востоке. И если у него нет эликсира бессмертия, то он знает зато тайну целебных трав. «Чай Сен-Жермена», который пьет по утрам король, оказывает благотворное действие.

В сущности, не приходится особенно удивляться, что к услугам столь разностороннего человека было все золото масонских лож. Он достиг высших степеней посвящения во Франции, Англии, Германии и России. Его приезд в Санкт-Петербург летом 1762 года, несомненно, был продиктован далеко идущими целями масонов. Известно, что фаворит императрицы Екатерины Второй Григорий Орлов вручил ему очень крупную сумму.

Возможно, это была благодарность за помощь, которую Сен-Жермен оказал воцарению императрицы. Здесь мало достоверных свидетельств, но, как обычно, великое множество анекдотов. Известно только, что Орлов,

обращаясь к Сен-Жермену, называл его *сего padre* — дорогой отец. Карл, владетельный ландграф Гессен-Касселя, которого неутомимый путешественник представлял по части розенкрейцерства и масонства, тоже был без ума от *сего padre*, которому доверил для «алхимических опытов» немалое количество чистопробного золота.

С другой стороны, «великий мастер» прусской ложи князь Фридрих-Август Брауншвейгский не считал Сен-Жермена масоном. Такого же мнения придерживался и Фридрих Второй, сам «вольный каменщик», видевший в Сен-Жермене шпиона.

Теософы и мистики всех мастей возвели его в пророки на манер Симона-волхва или Аполлония Тианского. Одни считали его мудрецом, спустившимся с вершин Гималаев, другие — в частности, Блаватская — тайным властелином Тибета.

Другой загадочной личностью, потрясшей воображение современников и порядком содействовавшей упрочению оккультных мифов масонства, был Калиостро. Тоже мистик, чудотворец, собеседник Христа и самозванный граф. О нем, впрочем, известно больше достоверных подробностей, чем о Сен-Жермене, которого десятки людей «видели» уже после смерти, в канун революции, и даже еще позже. Не исключено, как это издавна повелось, что нашелся лже-Сен-Жермен, или Сен-Жермен II, возжаждавший воспользоваться знаменитым именем, но не обладающий для этого нужными качествами. Калиостро, подражая Сен-Жермену даже в мелочах, решил, однако, действовать под собственным псевдонимом.

Сын палермского негодяя, Джузеппе Бальзамо (1743—1795) рано покинул родной дом, предпочтя науку странствий всякой

иной. Как и
объявлялся по
ми — граф Фе
легрини и гра
характере не
зом сочетали
варство, обра
жество. Этот
великодушный
увлекательны
варварским к
ставлял собой
миссионера и
ренный от
щедро, как Се
дал не меньш
лекать к себе
Приехав в М
лил очароват
общество. Дв
вполне достат
шенно покор
и ученых в
Медом, граф
фон Корф. Б
особ женского
ным.
Алхимик, вра
школы, астр
жрец тайны
был казаться
кой для всяч
ществ. Иллю
масонству «
вербовали е
во Франкфур
Посвящение
ко от города,
Основатель
фессор Адам
1830) раскры
наполненны
оттуда руко
навшуюся с
смейстеры с
Далее следо
ги, начертан
писей.
В этой напи
ском языке
что иллюми
против трон
посвящения
ли, что об

иной. Как и Сен-Жермен, он объявлялся под разными именами — граф Феникс, Ахарат, Пелегрини и граф Калиостро. В его характере непостижимым образом сочетались достоинство и коварство, образованность и невежество. Этот человек, впрочем великодушный и наделенный увлекательным, хотя несколько варварским красноречием, представлял собой странную помесь миссионера и авантюриста. Одаренный от природы не столь щедро, как Сен-Жермен, он обладал не меньшим талантом привлекать к себе людские души.

Приехав в Митаву, он не замедлил очаровать тамошнее высшее общество. Двух часов оказалось вполне достаточно, чтобы совершенно покорить таких знатных и ученых вельмож, как граф Медем, граф Ховен и майор фон Корф. Влияние же его на особ женского пола было безмерным.

Алхимик, врач розенкрейцерской школы, астролог, физиономист и жрец тайны, Бальзамо должен был казаться лакомой приманкой для всяческих секретных обществ. Иллюминаты, близкие к масонству «просветленные», завербовали его в свое общество во Франкфурте-на-Майне.

Посвящение происходило недалеко от города, в подземной пещере. Основатель и глава ордена профессор Адам Вейсгаупт (1748—1830) раскрыл железный ящик, наполненный бумагами, и вынул оттуда рукописную книгу, начавшуюся словами: «Мы, гротесмисты ордена тамплиеров...» Далее следовали формула присяги, начертанная кровью, и 11 подписей.

В этой написанной на французском языке книге утверждалось, что иллюминатство есть заговор против тронов. После церемонии посвящения Бальзамо уведомил, что общество, в которое он

вступил, уже пустило глубокие корни и располагает крупными суммами в банках Амстердама, Роттердама, Лондона, Генуи и Венеции.

Пройдя церемонию и получив крупную сумму на расходы, а также секретные инструкции, Бальзамо сразу выехал в Страсбург.

Там он прожил некоторое время богатым и щедрым барином, давая много, но ничего и ни от кого не принимая. Людей состоятельных он дарил своими советами, а бедняков — советами и деньгами, что вскоре превратило его в предмет общего обожания.

В то же самое время по соседству, в Саверне, проживал некий прелат, чья любовь к тайнам и смелые амурные похождения привели вскоре к грандиозному скандалу, потрясшему Францию.

Узнав, что поблизости поселился чародей и философ, принц-кардинал Роган поспешил завязать с ним знакомство и направил своего егермейстера испросить у Калиостро аудиенцию.

Но насколько самозванный граф был ласков и любезен с бедняками, настолько же любил пошутить над знатными особами. Он знал человеческую природу. Именно это свойство заставляло аристократов еще сильнее заискивать перед Калиостро. Посланца кардинала он встретил весьма надменно: «Если это у принца пустое любопытство, то я отказываюсь его видеть; если же он имеет надобность во мне, то пусть скажет». Нечего говорить, что этот высокомерный ответ не только не рассердил кардинала, но, напротив, очень ему понравился.

Неотступные униженные просьбы этого блестящего прелата, более родовитого, чем сам король, победили наконец непонятное упорство таинственного иностранца,

который, как, впрочем, следовало ожидать, согласился дать князю церкви, пэру и великому милостынераздателю Франции аудиенцию. С того момента Роган сделался нежным другом и восторженным почитателем графа Калиостро. Ловец душ, как всегда, не промахнулся.

Вот, собственно, все, что знали о Калиостро до того, как он решил поселиться в Париже на постоянное жительство. Ходили, правда, смутные слухи, что таинственный граф обладает даром ясновидения и, кроме того, открыл эликсир бессмертия. Как утверждали некоторые, Роган сумел выпросить малую толику этого эликсира для себя и проживет теперь лет четырехста, оставаясь молодым и неутомимым в любви. Возможно, что именно благодаря этим слухам Калиостро заинтересовался сам король. Роли в игре были расписаны на века, и замена статистов — Калиостро вместо Сен-Жермена и Людовик Шестнадцатый вместо Людовика Пятнадцатого — ничего, в сущности, не значила. Зная о затруднениях, которые испытывал Людовик Шестнадцатый, вступив в брак с юной австрийской принцессой, Бальзамо действовал наверняка, ибо только этим можно объяснить беспрецедентную поддержку, которую оказал король всем начинаниям сомнительного авантюриста. И все же итальянскому парвеню не доставало аристократической тонкости предшественника. Добившись от короля указа о том, что всякая критика по адресу Калиостро будет рассматриваться как антигосударственное деяние, он явно перегнул палку и нажил себе сильных врагов.

Изысканные манеры, огромное влияние при дворе, красноречие и богатство — все это быстро сделало Калиостро кумиром парижан. Неувядающая красота его

жены Лоренцы Феличиани вновь возбудила толки об эликсире бессмертия. Поговаривали, будто итальянская красавица была когда-то вавилонской царицей Семирамидой, а сам Калиостро якобы хорошо знал Христа и частенько беседовал за чашей фалернского с Юлием Цезарем, Суллой и Понтием Пилатом. Даже сомнительность богатств и добродетелей графа служили его популярности. Парижане буквально толпами осаждали его дом.

Поселился Калиостро на улице Сен-Клод в самом красивом особняке квартала. Причудливость и сказочная роскошь обстановки только укрепили за ним славу алхимика и некроманта. В убранстве салона, обставленного с восточной пышностью и погруженного в полумрак, если только его не заливали светом десятки канделябров, можно было угадать характер хозяина — философа, конспиратора и чудотворца. В центре стоял бюст Гиппократата, а на восточной стене висела мраморная доска, на которой золотыми буквами была начертана всеобщая молитва Александра Попа: «Отче Вселенной, ты, которому все народы поклоняются под именами Иеговы, Юпитера и Господа! Верховная и первая причина, скрывающая твою божественную сущность от моих глаз и показывающая только мое неведение и твою благодать, дай мне, в этом состоянии слепоты... различать добро от зла и оставлять человеческой свободе ее права, не посягая на твои святые заповеди. Научи меня бояться пуще ада того, что мне запрещает моя совесть, и предпочитать самому небу то, что она мне велит!»

Из одной этой надписи посвященные могли догадаться, что хозяин чертогов — розенкрейцер, иллюминат или «вольный каменщик».

Неудивитель
верженцев
в среде ар
возросло.
заслуга Кал
вал в Пар
Митаве, Пе
«египетские
степеней д
очередном
денежный
Но было б
в этом чел
ного загов
но перехо
отделяющу
венного об
происходи
на которых
ко полити
ми и некр
можно был
стро то в
того поко
трещинку
в чьем-то
тому подо
лиостро д
из круга
Да и заче
помнить о
Чтобы за
денег, ко
члены сен
месяца з
бинете, гд
лото.
Многозна
он дава
каждого
слуга от
проба к
выше пр
Подобно
иногда
что его в
ны с про
торый по
держива
видом о
в общес
коим, с
ских» л
семью п

Неудивительно, что число приверженцев масонства, особенно в среде аристократов, сразу же возросло. И в этом немалая заслуга Калиостро, который основал в Париже, как до этого в Митаве, Петербурге и Варшаве, «египетские» ложи. Доведя число степеней до 90, он при каждом очередном «посвящении» взымал денежный взнос.

Но было бы неправильно видеть в этом человеке последовательного заговорщика, ибо он постоянно переходил роковую черту, отделяющую заговор от обыкновенного обмана. У него вечно происходили какие-то сборища, на которых занимались не столько политикой, сколько фокусами и некромантикой. Постоянно можно было слышать, что Калиостро то вызвал какого-то имени-того покойника, то уничтожил трещинку или пузырек воздуха в чьем-то фамильном камне, и тому подобное. По-видимому, Калиостро даже не пытался выйти из круга сен-жерменовых чудес. Да и зачем, если никто не желал помнить о прошлом?

Чтобы замаскировать источник денег, которыми его снабжали члены секты, он в конце каждого месяца запирался у себя в кабинете, где якобы изготовлял золото.

Многозначительными намеками он давал понять, что после каждого такого уединения его слуга относит ювелиру слиток, проба которого почти всегда выше пробы луидоров.

Подобно Сен-Жермену, Бальзамо иногда «проговаривался» о том, что его внезапные отлучки связаны с процессом омоложения, который постоянно приходится поддерживать. С самым серьезным видом он уверял, будто состоит в общении с семьей ангелами, коим, согласно обряду «египетских» лож, поручено управление семьей планетами, и приписывал

себе власть временно материализовать духов через посредство молодых девушек, которых называл голубицами или питомицами.

В числе его ярых приверженцев можно было найти представителей всех сословий: дворян, прелатов, ученых, военных, ремесленников и т. д. Даже такая высокая особа, как герцог Люксембургский, не смог устоять перед его чарами. Все они называли учителя не иначе как «обожаемый отец» и с готовностью повиновались ему. Бюсты с надписью «божественный Калиостро», изваянные из мрамора и отлитые из бронзы, украшали аристократические дворцы. Люди носили его портреты на медальонах, часах, веерах.

Но звезда Калиостро стремительно закатилась, когда он оказался замешанным в скандальную аферу с бриллиантовым ожерельем. Оказавшись в тюрьме, Бальзамо по примеру других заключенных по этому делу — Рогана и авантюристки Ла Мотт, выпустил оправдательную брошюру. В ней, в частности, говорилось: «...я провел свое детство в Медине, под именем Ахарата, во дворце муфтия Салагима. Моего наставника звали Алтотасом. Это был замечательный человек, почти полубог, обстоятельства рождения которого остались тайной для него самого... Я много путешествовал и удостоился дружбы со стороны самых высоких особ. Чтобы не быть голословным, перечислю некоторых из них: в Испании — герцог Альба и сын его герцог Вескард, граф Прелата, герцог Медина-Сели; в Португалии — граф де Сан-Виценти; в Голландии — герцог Брауншвейгский; в Петербурге — князь Потемкин, Нарышкин, генерал от артиллерии Мелисино; в Польше — графиня Концесская, принцесса Нассауская; в Риме —

кавалер Аквино, на Мальте — гротмейстер ордена.

В разных городах Европы есть банкиры, которым поручено снабжать меня средствами как для жизни, так и для щедрой благотворительности. Достаточно вам обратиться к таким известным финансистам, как г. Саразен в Базеле, Санкостар в Лионе, Ансельмо ла Круц в Лиссабоне, и они с готовностью подтвердят мои слова.

Я не имею никакого касательства к делу об ожерелье. Все выдвинутые против меня обвинения — бездоказательная клевета. Они могут быть легко опровергнуты, что я и сделаю ниже. Сами же обстоятельства этого дела меня не интересуют, и я не считаю возможным для себя их обсуждать...

...Я написал то, что достаточно для закона, и то, что достаточно для всякого другого чувства, кроме праздного любопытства. Разве вы будете добиваться узнать точнее имя, мотивы, средства незнакомца? Какое вам дело до этого, французы? Мое отечество для вас — это первое место вашего королевства, где я подчинился вашим законам; мое имя есть то, которое я прославил среди вас; мой мотив — бог; мои средства — это мой секрет».

Эта брошюра, или, как ее называли, «памфлет», где, вопреки грубым хитросплетениям и реминисценциям из арабских сказок, рыцарских романов, розенкрейцеровских и мальтийских легенд (Аравия!), явственно ощущалось поправленное достоинство, также умножила число масонов, видевших в Калиостро своего учителя.

Такова была эпоха, когда жажда чуда и предчувствие исторических катаклизмов выливались в восторженную истерию: властителем дум был врачеватель Месмер, объединивший людей через

открытый им «животный магнетизм».

Все громче стали раздаваться голоса, требовавшие немедленно освобождения «божественного Калиостро». И он был оправдан вместе с Роганом, хотя это и бросало тень на честь королевы Франции.

О глубоком кризисе, охватившем высшее общество в то время, можно судить по легенде, известной как «предсказание Казота».

В самый канун революции видный иллюминат-мартинист и писатель Жак Казот был приглашен на обед, который давал один известный ученый. Трапеза протекала чрезвычайно весело. Говорили об успехах человеческого ума и о грядущих событиях, в которых присутствующие заранее приветствовали «освобожденный разум». Один только Казот казался грустным и хранил глубокое молчание. Когда его спросили о причине столь странного поведения, он ответил, что провидит в будущем страшные вещи. В ответ на это Кондорсе стал с присущим ему остроумием вышучивать Казота, всячески вызывая его на откровенность. В конце концов Казот, грустно улынувшись, сказал: «Вы, господин Кондорсе, отравитесь, чтобы избегнуть смерти от руки палача». Грянул дружный смех. Тогда Казот поднялся и, отодвинув бокал с вином, обвел присутствующих взглядом. «Вас, мой бедный Шамфор, — тихо сказал он, — заставят перерезать себе жилы. Вы же, Балли, Мальзерб и Рушер, умрете на эшафоте, посреди заполненной народом площади».

Он хотел продолжить свое мрачное пророчество, однако герцогиня Граммон, смеясь, перебила его: «Но женщины, по крайней мере, будут пощажены?» — «Женщины? — переспросил Казот. — Вы, сударыня, и много дру-

гих дам вместе
дете отвезены
же площадь со
руками». Ска
изменился в л
глаза, казалось
нятся слезами.
тивосьмилетний
ленной сединой
ха был так вел
безысходной
гостей внезапн
госпожа Грамм
шутливое настр
увидите, — вос
что он даже
исповедаться
«Нет, сударын
вой Казот, —
мый, котором
снисхождение,
нулся на мгно
дет... король Ф
Взволнованны
ниматься из-за
ча поклонился
ся и собрался
гиня Граммон
дорогу. Прин
и досадуя на с
ла своими воп
ные пророчес
призывая Ка
шуткой, спро
дин пророк, ка
вас самих?» С
ей, но и не
уставясь гла
вдруг подня
душно, ни
щаясь, сказа
священного
семь дней п
его стен, вз
«Горе вам!
день он вскр
В тот же ми
пущенный
осадными ма
го и убил на
поклонился
Эту занимат
уже без ма
лады пере

гих дам вместе с вами, вы будете отвезены на телеге на ту же площадь со связанными назад руками». Сказав это, Казот изменился в лице; его голубые глаза, казалось, вот-вот наполнятся слезами. И этот шестидесятивосьмилетний человек с убежденной сединой головой патриарха был так величествен в своей безысходной печали, что смех гостей внезапно умолк. Только госпожа Граммон сохраняла еще шутливое настроение. «Вы сейчас увидите,— воскликнула она,— что он даже не позволит мне исповедаться перед казнью». — «Нет, сударыня,— покачал головой Казот,— последний казнимый, которому сделают такое снисхождение, будет... — Он запнулся на мгновение: — Это будет... король Франции...»

Взволнованные гости стали подниматься из-за стола. Казот молча поклонился хозяину, извинился и собрался уходить. Но герцогиня Граммон преградила ему дорогу. Принужденно улыбаясь и досадуя на себя за то, что вызвала своими вопросами столь мрачные пророчества, она, как бы призывая Казота закончить все шуткой, спросила: «А вы, господин пророк, какая участь ожидает вас самих?» Он ничего не ответил ей, но и не трогался с места, уставясь глазами в пол. Потом вдруг поднял голову и равнодушно, ни к кому не обращаясь, сказал: «Во время осады священного города один человек семь дней подряд ходил вокруг его стен, взывая к согражданам: «Горе вам! Горе!» На седьмой день он вскрикнул: «Горе мне!» В тот же миг огромный камень, пущенный неприятельскими осадными машинами, попал в него и убил наповал». Казот вновь поклонился и вышел.

Эту занимательную историю вот уже без малого 200 лет на все лады перепевают оккультные

авторы разных стран. Удостоилась она попасть и в энциклопедию всяческих тайн и чудес, которую составил священник Григорий Дьяченко (Из области таинственного, простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной сущности. М., 1900).

Какова же истинная подоплека столь занимательного рассказа, главный герой которого Жак Казот был арестован за попытку организовать побег Людовика Шестнадцатого и по приговору революционного суда казнен 24 сентября 1792 года?

«Гибель на эшафоте,— говорится об этом в работе В. М. Жирмунского и Н. А. Сигала «У истоков европейского романтизма», — а также усиленные занятия мистикой и связь с тайными сектами и отдельными лицами, пользовавшимися репутацией «ясновидцев», послужили поводом для биографической легенды, которая окружила имя Казота романтическим ореолом и принесла ему... едва ли не большую известность, чем его литературное творчество. Речь идет о знаменитом «пророчестве» Казота, впервые опубликованном в 1806 году в «Посмертных сочинениях» его младшего современника, писателя Ж.-Ф. Лагарпа. Достоверность этого пророчества довольно рано подверглась сомнению; уже в середине XIX в. его подлинность была полностью отвергнута, и оно было отнесено к числу литературных мистификаций, широко распространенных в эпоху романтизма. Новейшие исследователи, в целом принимая эту точку зрения, вносят, однако, в нее некоторые поправки: опираясь на свидетельства лиц, общавшихся с Казотом в предреволюционные годы, они полагают, что мистически настроенный писатель, искренне считавший себя «ясновидцем», мог

действительно высказывать в самой общей форме свои суждения о надвигающемся социальном перевороте и тех грозных последствиях, которые он нес... Собственная судьба Казота, как и судьба других более или менее известных лиц, дала затем Лагарпу конкретный материал для «Пророчества», сочиненного им уже после событий 1792—1793 гг.».

Через атмосферу, царившую на вечере у своего товарища по Академии, Лагарп передает накал общих предчувствий и надежд тех роковых лет:

«Шамфор прочитал нам свои нечестивые, малопрстойные анекдоты, и дамы слушали их безо всякого смущения, даже не считая нужным закрыться веером. Затем посыпались насмешки над религией. Один привел строфу из вольтеровой «Девственницы», другой — философские стихи Дидро:

Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

И это встречало шумное одобрение. Третий встал и, подняв стакан, громогласно заявил: «Да, да, господа, я так же твердо убежден в том, что бога нет, как и в том, что Гомер был глупцом».

«На буйном пиршестве задумчив он сидел», — скажет потом М. Ю. Лермонтов об отравленном ядом дурных предчувствий Казоте, еще острее ощущавшем свое одиночество среди лихорадочного веселья.

Воспитанник иезуитов, роялист и последователь португальского теософа Мартинеса Паскуалиса, Казот вполне мог предостеречь хохочущих гостей, что они играют в опасные игры. Это вечная тема Валтасарова пира, «пира во время чумы», непревзойденно раскрытая Пушкиным. В системе оккультного герметизма эзоте-

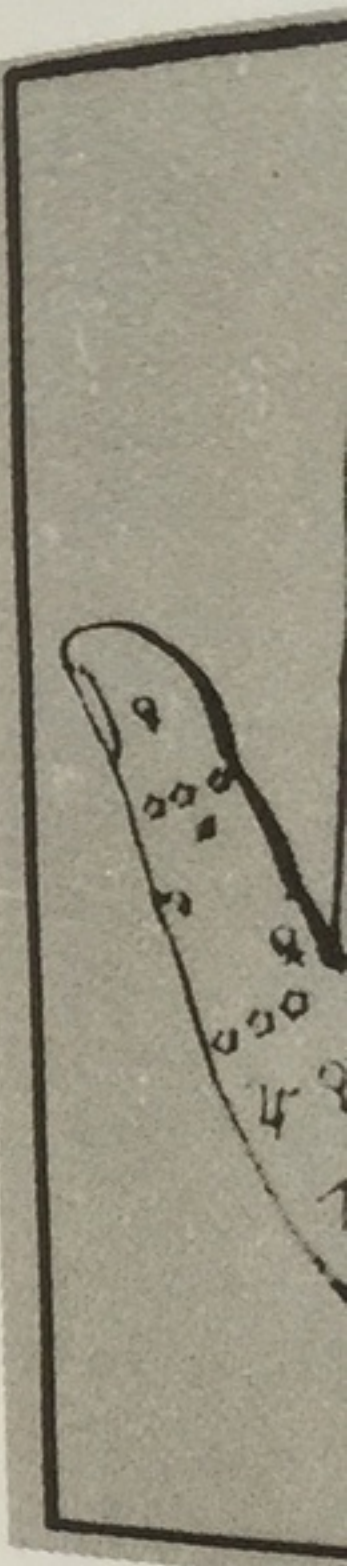
рическое масонство не составляет особого исключения. Мистификация, обман, дешевые фокусы — вот его неперемный тернер.

Заканчивая рассказ о трех (здесь, право, случайное совпадение) таинственных личностях XVIII века, напомним, что после вынужденного отъезда из Парижа Калиостро был в 1789 году арестован инквизицией в Риме и заключен в замок Сант-Анджело. Вынесенный ему «за проповедование учения, открывающего широкие двери мятежу» смертный приговор заменили пожизненным заключением. За попытку убить исповедника, чтобы воспользоваться для побега монашеским платьем, Джузеппе Бальзамо перевели в замок Сант-Лео, где он и умер в 1795 году. Однако по другим сведениям случилось это именно в Сант-Анджело, куда его зачем-то вновь привезли незадолго до кончины.

В 1797 году Римом овладели наполеоновские солдаты, среди которых было много масонов, и первым делом потребовали освободить «героя революции» Калиостро, но было поздно. Тюремщик мог показать им лишь безымянный холмик.

Кумир оккультных кликуш и шарлатанов дал знать о себе в начале нашего века, когда его голосом неожиданно заговорила Хелен Смит (псевдоним Катерины Мюллер, 1861—1929), швейцарский медиум. Через нее кроме Калиостро «вещала» и Мария Антуанетта, сообщившая массу интересных подробностей, почему-то ускользнувших от внимания историков. Свидетели сеансов Смит говорили, что в ней погибла великая актриса. Превращаясь в Калиостро, она прямо-таки полнела на глазах и начинала сбиваться на итальянский акцент, а становясь французской королевой, рыдала и закатывала

глаза, слов
нож гильот
Излюбленн
однако, юн
сианским я
прочим см
в совершен
Американс
(Элберт Б
ший в 1918
«Церковь
тоже име

Джузеппе
другой ж
тайной се
Вспомни
ского обр
из его м
нимов —
Масонски
лекций
людей Е
щися
вылилис
метизма
ния тай
целью
обществ
Луи Кл
имя (со
Мартине
звание

глаза, словно видела над собой нож гильотины.

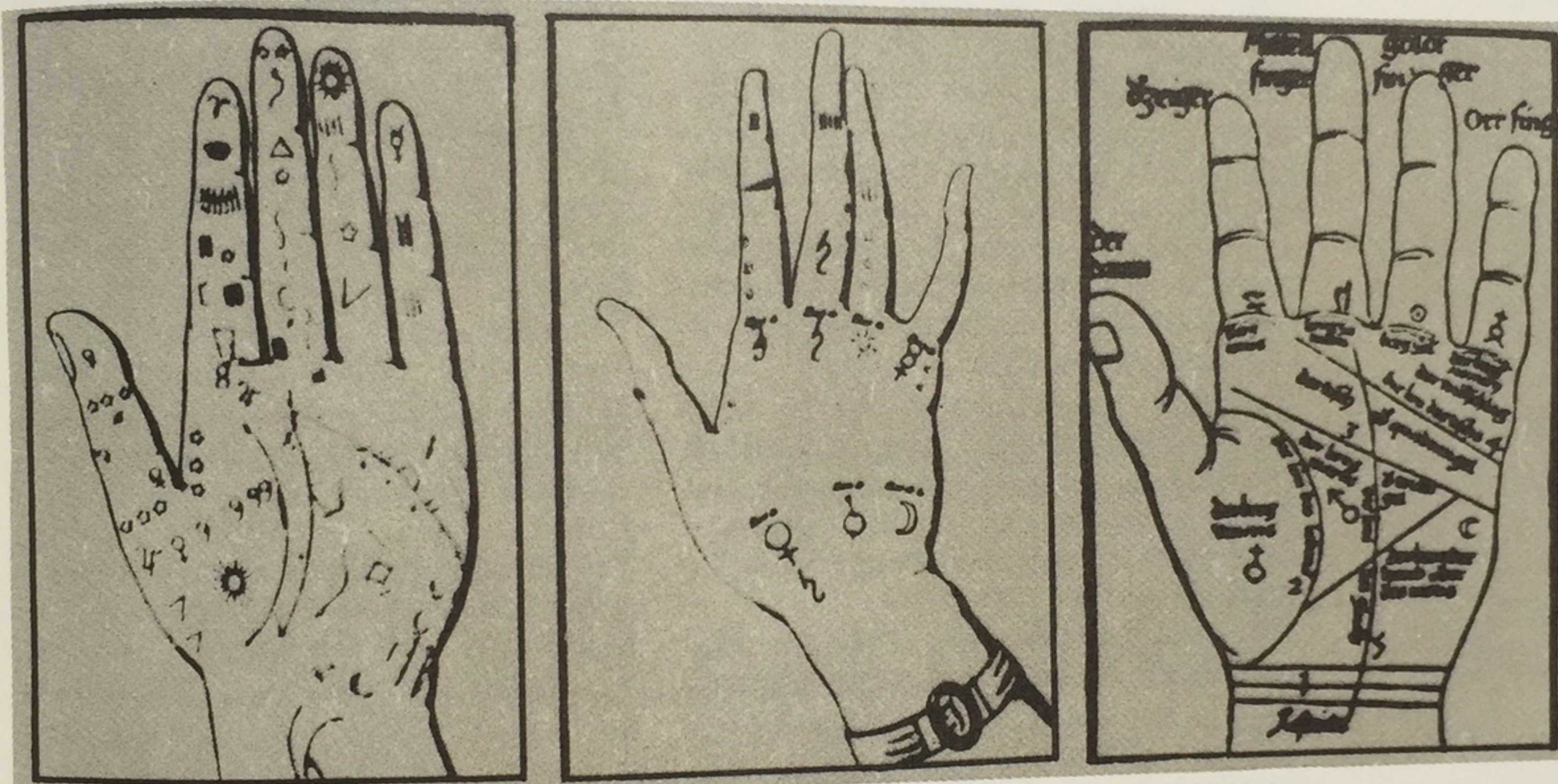
Излюбленным ее амплуа была, однако, юная марсианка. Марсианским языком, «неизвестным прочим смертным», она владела в совершенстве.

Американский астролог Зейн (Элберт Бенджамин), основавший в 1918 году в Лос-Анджелесе «Церковь света», уверял, что тоже имел соприкосновение с

соединил обряды масонства и розенкрейцерства с жесткой иерархической дисциплиной иезуитского ордена. «Тень и молчание — любимые прибежища истины», — говаривал Сен-Мартен. Мирабо, имея в виду иллюминатов, писал, что «они копировали орден иезуитов, но ставили перед собой прямо противоположные цели». То же можно сказать и о мартинистах.

«Предсказания»
мадемуазель Ленорман
по ладоням Наполеона
и Жозефины

ГЛАЗ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ

Джузеппе Бальзамо, хоть и в другой жизни, когда был членом тайной секты в Древнем Египте. Вспомним «ложу — мать египетского обряда» Калиостро и один из его многочисленных псевдонимов — Великий Копт.

Масонский ренессанс, столь увлекший многих просвещенных людей Европы, и все усиливающиеся гонения на иезуитов вылились в новую волну герметизма. Из средства сохранения тайны секретность стала целью религиозно-мистических обществ, повальной манией.

Луи Клод де Сен-Мартен, чье имя (совокупно с именем донна Мартинеса Паскуалиса) дало название обществу мартинистов,

Масонский ренессанс, столь увлекший многих просвещенных людей Европы, и все усиливающееся гонение на иезуитов вылились в новую волну герметизма. Из средства сохранения тайны секретность стала целью религиозно-мистических обществ, повальной манией.

Возвышенные цели вскоре, однако, заволокла беспросветная мгла мистицизма, в которой потонули различия между «новыми розенкрейцерами» и «новыми тамплиерами», иллюминатами и мартинистами.

Показательно, что масонство очень скоро зачислило в свои ряды и «короля мистиков» Якоба Бёме (1575—1624), и Эмануэля Сведенборга (1688—1772), свободно «общавшегося с богом и ангелами». Хотя ни тот, ни другой не имели касательства к деятельности лож, возникла даже специальная «система Сведенборга» и совершенно фантастическая степень «Князей Розенкрейцеров», известная также под названиями «Верховных князей Розового Креста», «Князей Розенкрейцеров Гередома». Как Исида, ищущая останки Осириса, мистика собирала осколки феодальной чина.

Масонские писатели делят историю ордена на два периода: деятельный, когда в ложи допускались только строительные рабочие, и умозрительный, когда большинство посвященных составили люди, посвятившие себя возведению символического храма всемирной гармонии и науки.

Ритуалы и легенды масонства восходят к легендарным временам строительства Соломонова храма. Утверждается даже, что «великий архитектор» поведал масонские тайны Адаму еще при сотворении мира. Во всяком случае, календарь «вольных каменщиков» отсчитывает время с 4000 года до рождения Христа, за исключением «Рыцарей Солнца» (28-я степень шотландского устава), которые не признают летоисчислений и вместо даты ставят семь полей.

Когда царь Соломон, которому повиновались духи, поручил зодчему Хираму Абифу (Адонираму) управлять всеми работами, число строителей достигло уже 3 тысяч. Чтобы избежать путаницы при раздаче денег, Адонирам, состоявший до того на службе у властителя Тира, разделил своих людей на три разряда: учеников, подмас-

терьев и мастеров. Разряды эти можно было узнавать только при помощи тайных знаков, слов и прикосновений. Однажды трое подмастерьев, решив поскорее стать мастерами, устроили в храме засаду. Они хотели подстеречь Адонирама и любой ценой выпытать у него высший мастерский пароль. Каждый из подмастерьев затаился у одной из дверей. Когда Адонирам появился наконец у южного входа, один из них вышел из-за укрытия и потребовал секретный пароль. Адонирам отказался сообщить подмастерью высокие тайные знаки, и тут же на его голову обрушился сильный удар. Это подмастерье ударил строителя линейкой. Адонирам бросился к западной двери, но и там его ждал заговорщик, который нанес удар в сердце остроконечным наугольником. Собрав последние силы, Адонирам хотел спастись через последнюю, восточную дверь, но третий убийца, не добившись желаемого пароля, добил строителя мастерком.

Когда на город опустилась мгла, подмастерья унесли тело Адонирама на Ливанскую гору, где и закопали, отметив место ветвью акации. Но посланные царем девять мастеров обнаружили могилу, легко выдернув ветку из покрытой мохом земли. Когда свежий грунт разрыли и увидели обезображенное тело, один из мастеров коснулся мертвого Адонирама ладонью и сказал: «Макбенак! Плоть покидает кости!» И тогда было условлено, что слово это останется впрямь между мастерами вместо утерянного со смертью Адонирама пароля. При посвящении в степень мастера лежащему в гробу кандидату вкладывали в руку ветвь акации, а восклицание «Акация знает!» стало излюбленной поговоркой масонов.

Девять строителей, обнаруживших кости (переосмысленная в

масонстве а
преображения
кликнули: «
gratia!», или
нутом перево
богу, наш мас
холм!»

Указывая на
сти масонски
нарочитым у
сарказма под
лейские мас
вполне владе
ляться дейст
дится: латын
ким и гречес
ком оккульт
обнаруживае
корни масон
мнимые, зав
щенной симв
няет многозн
ка посвятите

Проанализиру
«великим мас
телем масон
стерья:

— Брат, нет
вами и мною?
— Есть, досто
— Что же это
— Тайна, дос
— Какая это
— Каменщик
— Итак, вы,
— Таким ме
мают братья
тенный.

— Почему в
— Для тайны
час перейти н
— Есть ли у
— Есть, мно
— Где сохра
— В своих с
— Кому они
— Никому, н
щей.

— Что такое
— Знаки, пр
— Скажите,
веком долже
— Это долже
шийся от сво
— Где вы с
ляться масон

масонстве алхимическая идея преобразования), в один голос воскликнули: «*Musculus domus, Dei gratia!*», или в масонском развернутом переводе: «Благодарение богу, наш мастер имеет мшистый холм!»

Указывая на очевидные нелепости масонских легенд, критики с нарочитым удивлением и не без сарказма подчеркивали, что библейские мастера, оказывается, вполне владели латынью. Удивляться действительно не приходится: латынь, наряду с еврейским и греческим, считалась языком оккультизма, что лишний раз обнаруживает гносеологические корни масонского ритуала. Его мнимые, завуалированные напыщенной символикой тайны проясняет многозначительная риторика посвятительных диалогов.

Проанализируем словообмен между «великим мастером» ложи и соискателем масонской степени подмастерья:

— Брат, нет ли чего-нибудь между вами и мною? — спрашивает мастер.

— Есть, достопочтенный.

— Что же это такое, брат?

— Тайна, достопочтенный.

— Какая это тайна, брат?

— Каменничество.

— Итак, вы, я полагаю, масон?

— Таким меня считают и принимают братья и товарищи, достопочтенный.

— Почему вы сделались масоном?

— Для тайны и чтобы из мрака тотчас перейти в свет.

— Есть ли у масонов тайны?

— Есть, много и высокой цены.

— Где сохраняют они их?

— В своих сердцах.

— Кому они доверяют их?

— Никому, кроме братьев и товарищей.

— Что такое тайна масона?

— Знаки, приметы и особые слова.

— Скажите, прошу вас, каким человеком должен быть каменщик?

— Это должен быть человек, родившийся от свободной женщины.

— Где вы сначала готовились сделаться масоном?

— В своем сердце.

— Как готовили вас?

— Я не был ни раздет, ни одет, ни босой, ни обутый, с меня убрали всякий металл, я был с завязанными глазами, с веревкой на шее. Тогда меня повели к дверям ложи в неподвижно-подвижном положении, под руку с другом, в котором я узнал потом своего брата.

— Как вы могли узнать, что тут была дверь, когда у вас были завязаны глаза?

— Потому что нашел я сначала стену, а потом получил допуск.

— Как получили вы допуск?

— Тремя сильными ударами.

— Что вам сказано было изнутри?

— «Кто там?»

— И что вы ответили, брат?

— Человек, который желает получить и просит участия в благах этой достопочтенной ложи, посвященной святому Иоанну, как это сделали до него многие братья и товарищи.

— Почему вы надеялись получить это участие?

— Потому что я родился свободным и пользуюсь доброй славой.

— Что вам сказали на это?

— «Войдите».

— Как вы вошли?

— По острию меча или копья, или другого военного оружия, которое приставили к моей обнаженной груди.

— О чем спросили вас, когда дали вам обязательство?

— «Чего вы желаете больше всего?»

— Как ответили вы?

— «Быть приведенным к свету», — ответил я. С глаз моих сняли повязку и я увидел себя перед братьями, направившими в грудь мою обнаженные мечи.

— И что еще увидели вы?

— Библию, треугольник и циркуль — три великих светильника масонства. Библия управляет нашей верой, треугольник делает прямыми наши действия, циркуль соединяет нас со всем человечеством.

— И что еще увидели вы?

— Три свечи — три меньших светильника. Свеча-солнце управляет днем, свеча-луна управляет ночью, а свеча-мастер управляет ложей. Затем мастер взял меня за правую руку и дал мне прикосновение и слово новопринятого ученика.

«Высокой цены» тайны, смысл посвяtitельного действия и даже преемственные связи масонства с герметическим сектантством — все это с предельной ясностью раскрывается в ритуальных вопросах и ответах. Рассказывая мастеру о том, как его принимали в ученики, будущий подмастерье как бы сдавал экзамен на знание ритуала. С виду бессмысленный лепет, вроде «я не был ни раздет, ни одет», при ближайшем рассмотрении обретает некую бытовую конкретность. У нынешнего кандидата, как некогда у его наряженного в камзол и туфли с бантами предка, просто-напросто отобрали в приемной ложе все металлические предметы. Затем он закатал штанину выше колена, надел на правую ногу комнатную туфлю, расстегнул пиджак, рубашку и обнажил левую сторону груди. Послушно проделав все эти нелепости, неопит подставил шею под петлю и дал завязать себе глаза. Однако если доверчивый простак думал, что его подвергнут изощренным пыткам или принудят к участию в шабаше, то его ожидало разочарование.

Проведенный мимо стража, держащего меч, он стучался «тремя ударами» в двери ложи, где к его сердцу приставляли «военное оружие». Затем, после ритуальной беседы с достопочтенным мастером, давал на коленях присягу. Положив руку на раскрытую Библию, он клялся свято хранить секреты масонства.

По инициативе Перси Герберта, бывшего епископа Нориджа, в 1964 году великая английская ложа разрешила несколько осовременить текст клятвы. Однако канонические фразы, вроде: «Пережьте мне горло, вырвите с корнем мой язык и закопайте его в песок там, куда доходит отлив», способные вызвать восторженный озноб у Тома Сойера и Гека Финна, остались.

Наконец под аплодисменты братьев повязка была снята, расхристаный, ослепленный сиянием ламп неопит увидел хорошо ему знакомых джентльменов в масонских передниках во главе с мастером и двумя надзирателями. Старший из них торжественно вручил новому брату передник, который от тут же надел, чтобы спрятать вскоре в портфель до следующего собрания.

— Братья! — призвал мастер по окончании. — Помолимся великому и всеобщему архитектору мира и строителю человека, о благословении всех наших предприятий, о том, чтобы новый друг стал нашим верным братом, чтобы ниспослал он мир и милость и сделал нас причастными к божественной природе.

Строго говоря, масоны считают себя не тайным обществом, а «обществом с секретами» и, за исключением отдельных наиболее экзальтированных «Тамплиеров» и «Розенкрейцеров», не занимаются оккультными изысканиями. Главный центр английских «вольных каменщиков» — «Фримейсонз-холл» в Холборне — занимает одно из наиболее высоких в Лондоне зданий. В 1966 году британские братья привлекли к себе всеобщее внимание, пышно отпраздновав двухсотпятидесятилетие основания английской ложи — прабабушки масонов всего мира. Тогда же «великим мастером» Англии был торжественно провозглашен герцог Кентский.

Масонство распространено в мире значительно шире, чем это принято считать. В США насчитывается около 50 «великих» и тысяч двадцать провинциальных лож, объединяющих шесть миллионов членов, в Англии — миллион, полмиллиона — во Франции. В Италии существует 526 масонских лож, но численность каждой из них невелика, а всего количество

их членов достигает 15 тысяч человек. За четверть тысячелетия масонство претерпело известные перемены, и теперь его ритуалы, костюмы, символические знаки и пароли уже никак нельзя считать тайной. Прodelав простые формальности, каждый может приобрести наставления по обрядам и выучить примитивные способы зашифровки.

Литература, кино, телевидение давно придали самой широкой огласке игры со шпагами и завязыванием глаз, а в специальных магазинах выставлены на продажу фартуки и рукавицы мастеров, пластмассовые черепа, коврики, изображающие гробы, могилы и прочие атрибуты «потусторонних» забав. Короче говоря, гораздо проще овладеть тайнами «высокой цены», чем постичь истинные цели современного масонства. Масонские лидеры уклончиво объясняют, что они «практикуют систему морали, покрытую вуалью аллегории».

Жаждающие приподнять эту вышитую кладбищенскими знаками «вуаль» могут обрести полный масонский статут в течение нескольких месяцев. Для этого необходимо обзавестись нужными связями и хорошенько выучить ритуал. От ученика, знающего секретное слово «Боаз», к подмастерью путь недолог. Претерпев описанные неудобства, связанные с закатыванием штанины и хождением с петлей на шее впотьмах, имитирующие новый подъем по спиралям познания, подмастерье узнает тайное слово «Иакин» и новый тайный знак.

Далее его ожидает третья ступень и вожденное звание мастера, которое достигается участием (в роли трупа) в пантомиме о Хираме Абифе (см. с. 212). Обряд требует, чтобы кандидат был «убит», а затем «восстал из мертвых». Для этого его могут даже положить в гроб, после чего он

получает ветку акации, а вместе с нею новые масонские знаки и новый пароль.

Доказав, что может умереть, но не выдать масонской тайны, как Хирам, а после воскреснуть, новоиспеченный мастер дает новую клятву, не менее мрачную, чем прежние: «...пусть мое тело разрежут пополам, мои внутренности сожгут, а пепел развеют по лику земли». Это обет не только оберегать от профанов масонские секреты, но и хранить братскую верность другим мастерам, если, конечно, это не противоречит «законам бога и установлениям государства».

Далее мы увидим, как на деле соблюдаются столь благонамеренные обещания.

Если новообращенный думал, что хоть на этой ступени он узнает наконец какие-то удивительные тайны, его вновь ждало разочарование. «Свет мастера — это видимая темнота», — глубокомысленно объяснял достопочтенный хозяин ложи.

Для большинства масонов третьей степенью заканчивается путь вверх. Лишь достаточно влиятельные и честолубивые люди могут сподобиться титулов младших и старших дьяконов и надзирателей, пока уже в зрелом возрасте не получают молоток достопочтенного мастера. Непременными предпосылками для подобного взлета является активное участие в делах ложи, знание ритуалов и щедрые пожертвования на благотворительные цели. Стать мастером ложи и председательствовать на тайных церемониях — вершина мечты среднего масона. Если при прочих равных условиях он не поскупится на предвыборные расходы, она может стать явью. В Англии, например, для завоевания популярности принято делать весомые подарки женам членов ложи на ежегодном званом вечере для дам.

Учитывая большое число масонов, не приходится удивляться тому, что капиталы лож США и Англии исчисляются миллионами.

Эзотерическое влияние оккультизма с особой яркостью проявляется в пестрых обрядах «побочных» ступеней масонства, распространенных главным образом в странах Западного полушария.

В Англии, известной своей приверженностью традициям, единственной высшей степенью, утверждаемой «великой ложей», является «Королевская арка». Носящие этот титул собираются уже не в ложах, а на специальных ассамблеях, где строго соблюдается тщательно разработанный церемониал. «Пророк», «священник» и «король» со скипетрами в руках собираются в пурпурной, голубой и малиновой мантиях вокруг алтаря, на котором начертано «подлинное имя бога» — Ябулон.

Помимо «истинного», или «голубого», масонства, существует великое множество «незаконных» лож и «поддельных» побочных степеней, число которых доходит до 33 («Древние и принятые ритуалы»), 90 и даже 96 степеней («Объединенный ритуал Мемфис-Мизраим»). В той же Великобритании вне иерархии «великой ложи» подвизаются всевозможные «Отмеченные масоны», «Матросы Королевской арки», которыми командует «Достопочтенный мастер Ной», «Королевские и Избранные мастера», известные нам «Тамплиеры», «Красный крест Константина» и «Розовый Крест». У каждой ложи или же ордена своя униформа и зачастую довольно экстравагантные обычаи. Вступление, например, в орден Тайного наставника, состоящий из «высшего правителя», князя и рыцарей, требует от неопита выстрела из лука, после чего ему сообщают значение условных знаков. Так, если кто-то из

рыцарей совершает неразумный поступок, то его предупреждают, показав два пальца, если же все идет как надо, незаметно выбрасывается один.

Секретные коды и жесты, придающие масонским играм особую притягательность в глазах новичков, были частично заимствованы у герметистов-алхимиков или же переняты у мастеров строительных дел прошлого, которые выработали систему необходимых во всякой работе условных знаков. Они-то и стали для масонов опознавательными.

«Считается дурным тоном, и это может быть расценено как грубая шутка, если вы подойдете и выпалите в ухо незнакомцу: «Боаз!» — говорилось в статье о масонах, опубликованной в одном из британских еженедельников. — Знакомство должно начинаться с обмена масонским рукопожатием. В баре масон может провести стаканом по горлу в знак того, что он масон первой ступени. Он может также встать так, чтобы ступни ног его находились под прямым углом друг к другу. Если обмен такими намеками прошел нормально, масон может как бы ненадолго вставить в разговор отдельные фразы из ритуальных обрядов. Другой может заметить: «Меня учили быть осторожным». Затем следует главный вопрос: «Кто ваша мать?» Это означает: «К какой ложе вы принадлежите?» Если ответ удовлетворителен, знакомство состоялось. Существуют буквально десятки намеков, не понятных никому, кто не изучал их специально».

Не поддаются однозначной расшифровке и масонские аллегории, которые, в зависимости от исторического этапа, переживаемого той или иной страной, а также принятого ритуала и степени, трактовались весьма различно. Это особенно заметно на примере стержневой легенды о Хираме Абифе, ко-

торая в канун
ской революци
шенно новой
Символически
конечно, самы
толкованиям.
слушаться к
которые на осно
тались доказат
тот период ло
мартинистов
тично, новый
туал. В этой с
это последний
на Жак де Мо
го — король
Четвертый Кр
мент Пятый
литическую
нию.

Это был приз
тив папы и к
же слово озна
Монархическа
реакция с сам
ла масонство
1738 году, ког
вая во Франц
папа Климент
грозил в бул
лучением люб
рый примкну
союзу. Но па
ние явно зап
жи» к тому м
ли уже не т
ских странах
лии — цитад
Несмотря на
ные обществ
столической
Римской им
организовать
удалось там
Ни аресты, н
был сожжен
мастер» — н
рост повсем
кой оппозиц
масонстве Х
Не помогли
правленные
ков. Невзира
ния, к коим

торая в канун Великой французской революции получила совершенно новую интерпретацию.

Символические вещи поддаются, конечно, самым разнообразным толкованиям. Но нельзя не прислушаться к тем историкам, которые на основе документов пытались доказать, что возникшие в тот период ложи иллюминатов и мартинистов приняли, пусть частично, новый тамплиерский ритуал. В этой системе Адонирам — это последний гроссмейстер ордена Жак де Молэ, убийцы которого — король Франции Филипп Четвертый Красивый и папа Климент Пятый — олицетворяют политическую и духовную тиранию.

Это был призыв к восстанию против папы и королей. Потерянное же слово означало «свобода».

Монархическая и клерикальная реакция с самого начала встретила масонство в штыки. В том же 1738 году, когда образовалась первая во Франции «великая ложа», папа Климент Двенадцатый пригрозил в булле «In eminenti» отлучением любому католику, который примкнет к богопротивному союзу. Но папское предупреждение явно запоздало. «Великие ложи» к тому моменту существовали уже не только в протестантских странах, но и в самой Италии — цитадели католицизма. Несмотря на преследования, тайные общества появились и в апокалиптической столице Священной Римской империи — Вене, хотя организовать «великую ложу» удалось там лишь в 1784 году. Ни аресты, ни казни — в Испании был сожжен на костре «великий мастер» — не смогли остановить рост повсеместной антииезуитской оппозиции, олицетворенной в масонстве XVIII века.

Не помогли и филиппики пап, направленные против богоотступников. Невзирая на резкие выражения, к коим прибегли в своих

вердиктах Бенедикт Четырнадцатый, Пий Седьмой, Лев Двенадцатый, и буллу Пия Девятого, где масонство было названо «скоплением еретиков и сатанистов», не только миряне, но даже некоторые клирики и иезуиты прошли гротескную церемонию посвящения. Собственно, именно под влиянием иезуитского ордена ложи эзотерического толка отошли от политической борьбы, окунувшись с головой в оккультную мистику. И как бы в противовес им сформировались объединения от иезуитов не зависящие, таинственный церемониал которых служил только необходимым прикрытием для политических сборищ.

В России, где первая «великая ложа» возникла с благоволения Петра Первого, полагавшего упрочить таким манером связи с Англией и шире распространить просветительские идеи, масонство превратилось при Екатерине Второй в очаг умеренной оппозиции. Многие видные декабристы отдали ему впоследствии дань.

Осенив знаменами реакции все отжившие и ненавистные будущим республиканцам идеи, сама история позаботилась о том, чтобы к масонству примкнули такие значительные личности, как Лафайет, Марат, Демулен и Бриссо. После взятия Бастилии из 605 депутатов Национального собрания 477 принадлежали к различным ложам, а в одной из них — «Великий Восток» — родился и бессмертный лозунг революции: «Свобода, равенство и братство».

Заметна роль «вольных каменщиков» и в войне за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов. Вашингтон и его ближайшие соратники были глубоко преданы утопическим прекраснотушным мечтаниям просвещенного масонства о всеобщем братстве людей.

Джордж Вашингтон
в масонской ложе.
С картины
начала XIX в.

Многолика символика строителей «Нового храма», осененного заключенным в треугольник божественным оком и пентаграммой с латинской литерой G, что в одинаковой мере может значить и «геометрия», и «гематрия».

Столь же сложна и противоречива историческая роль масонского движения, которому — каждый по-своему — симпатизировали Наполеон и военачальники противостоящих ему армий и которые яростно преследовал Гитлер, а вслед за ним Муссоли-

Заметна роль «вольных каменщиков» и в войне за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов. Вашингтон и его ближайшие соратники были глубоко преданы утопическим прекраснодушным мечтаниям просвещенного масонства о всеобщем братстве людей.

ни, в прошлом масон 33-й степени, что не помешало уже в наши дни фашисту Личо Джелли превратить одну из итальянских лож в гнездо терроризма. Любая попытка оценки «масонства в целом» обречена на провал, потому что как целостное явление оно едва ли существовало в прошлом и тем более не существует сейчас. Только сугубо классовый подход к

каждому конкретному случаю открывает путь к верному решению. Приведем для иллюстрации все тот же пример с депутатами Национального собрания Франции. Взятый вне исторического контекста, он может дать искаженную картину движущих сил революции, которая была не каким-то там детищем тайного заговора, но взрывом праведного народного гнева. Я уж не говорю о том, что значительное число упомянутых депутатов-масонов приняли в 1793 году активное участие в лионском контрреволюционном мятеже.

В равной мере антиклерикальные позиции французской ложи «Великий Восток», чьи откровенно атеистические проповеди еще до недавнего времени так беспокоили Ватикан, не могут скрыть того очевидного факта, что начиная со второй половины прошлого века основная деятельность масонских руководителей была нацелена на борьбу с распространением научных и атеистических знаний.

Это было должным образом оценено и в Ватикане, который уже при Иоанне Двадцать третьем начал относиться к «вольным каменщикам» с большей терпимостью.

В марте 1982 года, например, ватиканская «Оссерваторе Романо» писала, что отлучение грозит лишь тем католикам, которые вступили в объединения, «действительно готовящие заговор против церкви». Под этим подразумевается, считает американский журнал «Тайм», что масонов, не настроенных против церкви, нет необходимости отлучать от нее. Надо ли оговаривать, что это положение целиком и полностью распространяется на бесчисленные ложи и секты, развивающие откровенно обскурантистские традиции розенкрейцерства, тамплиерства, иоаннитства, насаждаю-

щие теософские и кабалистические бредни? Тем более что эти организации действуют зачастую в полном контакте с иезуитским орденом.

Именно на них мы и сосредоточим основное внимание.

Нарочито внедренный в масонскую символику астрологический оккультизм, перекликающийся с обрядами альбигойцев, обнаруживает уже само внутреннее устройство ложи. Здесь и голубой (отсюда «голубое» масонство) с нарисованными на нем звездами свод, мозаичный пол, изображающий землю, которая вновь покрывается цветами после разлива Нила, и три окна — на востоке, западе, юге. На полу (в современных ложах — на стене) изображены и семь символических ступеней, ведущих к храму, у дверей которого стоят две помеченные буквами J и B колонны (Иакин и Боаз). Поддерживающие пустоту, они символизируют столпы Геркулеса, летнее и зимнее солнцестояние. Над гробом или заменяющим его ковриком в центре, где происходят посвящения, сияют позолотой зороастрийские светила: Солнце, Месяц и большая звезда, в которой одни усматривают вифлеемскую, другие — Венеру-Иштар.

Открывая собрание ударом молотка, достопочтенный мастер обращается к надзирателям со следующими словами:

— Брат младший надзиратель, где ваше постоянное место в ложе?

— На юге.

— Для чего вас поместили туда?

— Для того, чтобы замечать, когда солнце достигает меридиана, призывать братьев к отдыху после труда и к трудам после отдыха, дабы впоследствии польза и удовольствие.

— Брат старший надзиратель, где ваше постоянное место в ложе?

— На западе.

— Для чего вас поместили туда?

— Для того, чтобы замечать закат солнца и по приказу достопочтенного мастера закрыть ложу, удостоверившись, что каждый получил должное.

Псевдоастрономический смысл церемонии выступает здесь с предельной наглядностью. Следует добавить еще, что трон мастера находится на востоке:

«Как солнце восходит... чтобы начать и оживить день, так достопочтенный мастер помещается на востоке, чтобы открыть и просветить свою ложу, заставляя работать и поучать своих братьев».

Космическая символика пронизывает и легенду о Хираме Абифе, которая, подобно восточным и греческим мистериям, построена на дуализме доброго и злого начал.

«Драматическая часть древних мистерий, — точно подметил Ч. У. Гекертон — сходство масонского предания с солярным мифом Осириса, — всегда состоит из гибели божества или человека, жертвы духа зла, однако снова возрождающегося к существованию еще достославнее... Мы постоянно встречаем рассказ о печальном событии, о преступлении, погружающем народы в борьбу и горе, сменяемые радостью и торжеством».

Продолжим астролого-мифологическую параллель Осириса — Хирама. Она включает в себя основные универсалии: освещаемые Солнцем страны света, представленные западными, южными, восточными воротами, где затаились убийцы, и 12 знаков зодиака (девять мастеров, нашедших могилу, и трое убийц — подмастерьев). Эти последние олицетворяют погруженный во тьму север и зимние созвездия: Весы, Скорпион, Стрелец.

Даже ветка акации находит в такой мифологеме свое место как неувядаемый аналог букса и мирта. Уподобляя природу, которую покидает Солнце, вдове, эзотерические масоны называют себя, как некогда манихеи, «детьми вдовы». «Пламенеющую звезду», вознесенную вместе с Солнцем и Месяцем над символическим гробом, они отождествляют с Сириусом, по которому египетские жрецы определяли приближение разлива Нила. Эту ярчайшую звезду ночного небосклона, входящую в созвездие Пса, египтяне называли Лающей, Анубисом, Тотом. Ее библейское имя «Сихор» превратилось в греческое «Сейриос» и латинское «Сириус».

Тридцатой степенью старого и принятого шотландского устава является «Рыцарь Кадоша». Слово «кадош» означает «священный», «избранный», и от него производят гермесов «кадуцей». Главной принадлежностью ложи — «храмины», где происходят посвящения, является семиступенная лестница, символизирующая движение Солнца через семь знаков зодиака. Символическое значение каждой ступени раскрывается при посвящении, когда кандидата заставляют подняться по лестнице.

Название первой ступени — «изедеках», она символизирует праведность, отмечая весеннее равноденствие в марте. Далее, в полном соответствии с календарем, следуют: шор-лабан — белый бык; матхок — сладость; емунах — замаскированная истина; хамальсагги — большой труд, саббал — бремя. Последняя ступень носит тройственное наименование: «хемунах, бинах, тебунах» — воздаяние, разум, предусмотрительность. Она олицетворяет Весы и небесного Центавра, обозначаемого в виде бурдюка с вином и тирса — увенчанного шишкой, увитого лозой, прутика.

Достигнув
ноденствия,
землю плод
ный виног
гожданное
ное его раз
тельности.
Подобное
вание, почти
на каждой
стеме сим
ется» как с
родетель, е
Либералы
нов могут
нутую гам
музыка, ге
логика, ри
«князь-р
химическое
шенству «м
возгонка, р
ция и т. п.
Короче гов
тера на с
в стиле мо
черный за
слезками
светила, с
ческих ин
сердец.
Возможно
туалам, з
ки, подоб
доставить
вие, но ст
почтенны
шего пре
Картера
чилийско
охватыва
проблем
как не со
взглядом
циальная
прямо п
техничес
ловечес
всеобщий
мой бед
сти неко
тельность

Достигнув точки осеннего равноденствия, Солнце приносит на землю плоды урожая, и рачительный виноградарь получает долгожданное воздаяние, соответствующее его разуму и предусмотрительности.

Подобное пасторальное толкование, почти в духе Ватто, дается на каждой ступени. В другой системе символов лестница «читается» как сила, труд, наука, добродетель, единение, свет, истина. Либералы из «голубых» масонов могут предложить развернутую гамму наук: астрономия, музыка, геометрия, арифметика, логика, риторика, грамматика; «князья-розенкрейцеры» — алхимическое восхождение к совершенству «магистериума»: обжиг, возгонка, растворение, дистилляция и т. п.

Короче говоря, это подъем из партера на сцену, декорированную в стиле модерн. Колонны J и B, черный занавес с жемчужными слезками и скелетом. Сусальные светильники, орнамент из геометрических инструментов, крестов и сердец.

Возможно, отдельным интеллектуалам, знающим историю и языки, подобные экзерсисы * могут доставить известное удовольствие, но стоит подумать о «достопочтенных мастерах», вроде бывшего президента США Джимми Картера или, того пуще, главаря чилийской хунты Пиночета, как охватывает оторопь. Сложность проблем современного мира никак не совместима с мистическим взглядом на человека и мир. Социальная опасность мистицизма прямо пропорциональна научно-технической вооруженности человечества, могущей обернуться всеобщим благом или непоправимой бедой. Здесь уместно привести некоторые подробности о деятельности «ложи П-2» («Пропа-

ганда-2») в Италии, ставшие известными весной 1981 года.

На следствии по делу «ложи П-2» оказалось, что под прикрытием масонской ложи действовала террористическая организация, преследовавшая далеко идущие планы подрыва республиканских институтов. «Масонство должно стать влиятельным центром незримой власти, способным объединить людей, решающих судьбы нации», — заявлял «достопочтенный мастер» Джелли. Легионер во времена Муссолини и убежденный фашист, установивший связи с окопавшимися в Латинской Америке нацистами, Джелли имел в виду министров, генералов, руководителей секретных служб, сенаторов, депутатов, банкиров, неонацистских главарей и «крестных отцов» мафии.

Уже со второй половины 1972 года существовали как бы две «ложи П-2». Одна, официальная, была, как и полагается, подконтрольна исполнительной джунте «Великого Востока»; вторая — тайная, где бесконтрольно распоряжался Джелли. Именно в этот период по его личной рекомендации был посвящен в члены ложи начальник службы безопасности СИД Вито Мичели.

Просматривая изъятые при обыске документы, следователи впервые получили возможность оценить масштабы заговора. Вот имена, значившиеся в одном из двух списков: Вито Мичели, генерал (Рим); Луиджи Биттони, генерал (Флоренция); Роберто Маньелло, полковник (Перуджа); Никола Пичелла, заведующий секретариатом президента республики (Рим); Фаусто Муссо, генерал финансовой гвардии (Больцано); Ренцо Аполлонио, генерал, командующий тоскано-эмилианским военным округом (Рим); Джованни Чикколо, адмирал (Специя); Джино Биринделли, адмирал, заместитель командую-

* Система каких-либо упражнений.

щего войсками НАТО в Южной Европе, потом — депутат парламента от неонацистской партии (Рим); Луиджи Самуэле Дина, начальник отдела министерства обороны (Рим); Этторе Бруско, руководящий работник государственного телевидения, ответственный секретарь редакции последних новостей (Рим), и т. д.

К этому поистине устрашающему перечню следовало бы добавить имена духовных отцов Джелли (сменившего черную рубашку на масонский передник): ныне покойного кардинала Оттавиани и Элвио Шубба, члена Высшего совета масонов шотландского обряда. Со страниц своего ежемесячника «Инконтро делла дженти» Шубба еще в свое время обратился с призывом объединиться вокруг идеи «черного масонства», слив воедино мистику фашизма и догматы католиков-интегралистов.

В 1974 году в ложу был вовлечен и генерал корпуса карабинеров Джулио Грассини, будущий начальник новой службы гражданской безопасности. «Напомним, что 1974 год был годом очередной попытки государственного переворота, — писали в своем разоблачительном репортаже прогрессивные историки Джанни Росси и Франческа Ломбрасса, — так называемого «белого путча», замышлявшегося Эдгаром Соньо и другими реакционерами, которые маскировались лозунгами «молчаливого большинства». Это был также год эскалации «черного терроризма» (бойни, учиненной неонацистами в мае в городе Брешиа, и взрыва поезда «Италик» в августе), раскрытия «параллельной СИД» и подрывной организации армейского офицерства «Роза ветров». Во всех этих заговорах и преступлениях, несущих на себе отпечаток участия как итальянских, так и зарубеж-

ных шпионских служб и международных центров неонацизма, мы неизменно обнаруживаем присутствие главы «П-2». В памятной записке, которую передал в судебные органы генерал Россетти, этот масонский дуче характеризуется так: «Джелли нарочито не скрывал свои широкие возможности проникать в самые различные сферы власти и диктовать свою волю на самых различных уровнях: от секретариата того или иного министра до президентского дворца Квиринала (Джелли открыто говорил, что Джованни Леоне был избран президентом благодаря ему), от парламента до национальных и международных дипломатических кругов».

Уместно напомнить в этой связи, что ЦРУ проявляло повышенный интерес к масонству. Газета «Республика» писала, что сразу после высадки на Апеннинах «американцы начали поощрять возрождение масонских лож». Этим занимался священник методистской церкви из Калифорнии Фрэнк Джильотти, бывший одновременно главным советником бюро стратегических служб США. По видимому, именно тогда и было задумано создать тайное орудие воздействия на «высшие сферы», передав его «в надежные руки». Таким орудием, а точнее, «теневым кабинетом» стала «ложка П-2». Комитет из авторитетных юристов признал ее деятельность противоречащей конституции Итальянской Республики, и ложка была официально распущена. Разразился невиданный скандал, приведший к правительственному кризису и падению кабинета А. Форлани, а Личо Джелли преспокойно перебрался на Французскую Ривьеру. Когда же итальянская полиция получила разрешение на его арест, он ускользнул буквально из-под носа на быстроходном катере. Следствию оставалось лишь гадать,

куда вед
паутины.
ные на п
вилле «В
в частно
«закр
носном
ным на
дотти.
Ближай
Умберто
камер-ю
был оф
лем Ма.
тевидео
ные сп
П-2» с
го орде
ника «З
началь
адмира
сини и
паралл
ности,
развед
надлеж
ву» с
обряд

куда ведут нити сплетенной им паутины. Документы, обнаруженные на принадлежащей Джелли вилле «Ванда», свидетельствуют, в частности, о тесных связях «закрытой» — в прямом и переносном смысле — ложи с известным нам домом на улице Кондотти.

Ближайший друг Джелли банкир Умберто Ортолани, имевший ранг камер-юнкера папского двора, был официальным представителем Мальтийского ордена в Монтевидео. Сопоставив обнаруженные списки 926 членов «ложи П-2» с матрикулами Мальтийского ордена, репортеры еженедельника «Эспрессо» обнаружили, что начальник генерального штаба адмирал Торриззи, генералы Грассини и Сантовито, возглавлявшие параллельные службы безопасности, и бывший шеф военной разведки Аллавена сочетали принадлежность к «черному масонству» с рыцарским служением по обряду иоаннитов.

Едва ли здесь нужны подробные комментарии.

В любой среде могут оказаться преступники и авантюристы. Среди масонов, в том числе итальянских, в прошлом было много выдающихся ученых, писателей, художников, прогрессивных политических деятелей. Членами лож состояли, в частности, пламенные революционеры Мадзини и Гарибальди. Что общего у них, кроме внешних условностей ритуала, с Джелли и его бандой? Ровным счетом ничего.

Несопоставимые фигуры, несопоставимые имена.

Однако факт использования такой «крыши», как масонская ложа или Мальтийский орден, фашистскими заговорщиками, террористами, бандитами-мафиози говорит сам за себя. Он свидетельствует не только о глубине перерождения столь древних братств, но прежде всего о неизлечимом недуге буржуазных институтов власти и правосудия.

Синяя борода

Изумился святой схимник в первый раз и отступил, увидев такого человека. Весь дрожал он, как осиновый лист; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался из очей; дрожь навело на душу уродливое его лицо.

«Отец, молись! молись! — закричал он отчаянно. — Молись о погибшей душе!» — и грянулся на землю.

Святой схимник перекрестился, достал книгу, развернул — и в ужасе отступил назад и выронил книгу. «Нет, неслыханный грешник! нет тебе помилования! беги отсюда! не могу молиться о тебе!»

«Нет?» — закричал, как безумный, грешник.

«Гляди: святые буквы в книге налились кровью. Еще никогда в мире не бывало такого грешника!»

Н. В. Гоголь
«Страшная месь»

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ понимали под некромантией гадание при посредстве мертвецов, но в средние века столь щекотливым занятиям был придан гораздо более широкий смысл. «Рыцарь застыдился и попытался заставить его взять все, либо часть, но так как он старался напрасно, а некромант на третий день убрал свой сад и желал удалиться, он напутствовал его божьим именем и, погасив в сердце любовные вожделения к даме, остался при честной к ней привязанности», — говорит Джованни Боккаччо в «Декамероне». У Боккаччо *nigromante*, сотворивший среди зимы благоухающий сад, — прежде всего могущественный волшебник, причем не чуждый великодушия. Редкий астролог, а уж тем более алхимик не испробовал себя на сомнительном поприще «Черного Искусства». И немудрено. Дабы не только прожить, но зачастую и выжить, герметическим мастерам постоянно приходилось демонстрировать свою теургическую мощь. Фарфор и порох, родившиеся в алхимических действиях, были уделом избранных, остальным оставались мошеннические проделки с золотом да наводящие ужас манипуляции с расчлененными трупами.

Именно к числу подобных алхимиков-некромантов, добывающих свой нелегкий хлеб с помощью шарлатанских трюков, принадлежал итальянец Франческо Прелати, хваставший своим домашним, ручным, можно сказать, демоном по кличке Баррон. Он был современником героев «Декамерона», но в отличие от *nigromante*, к которому обратился, дабы завоевать сердце прекрасной Дианоры, мессир Ансальдо, особым благородством не отличался. Ради денег он мог пойти не только на обман, но и на более тяжкие преступ-

ления. Этого человека и приютил в замке Тиффож маршал Франции Жиль де Лаваль барон де Ре. Приютил на свою беду и в назидание потомству, ибо, как совершенно справедливо замечено у М. А. Орлова, «во всей истории магического шарлатанства трудно указать более интересную главу, как признание самого Жилия Ре и его главного пособника».

Тот, кого прозвали впоследствии Синея бородой, не убивал своих жен. У него была лишь одна верная подруга жизни, которую он нежно любил, хотя и не упускал случая прижать где-нибудь в укромном углу молоденькую крестьянку. Красавец барон действительно носил бороду, причем большую и золотисто-русую, которую домашний цирюльник бережно расчесывал по утрам черепаховым гребнем. Судьба ничем не обделила Жилия де Ре. Его родовитые предки Краоны и Монморанси оставили ему славнейший во Франции герб и тучные нивы, расположенные в самых плодородных, изобилующих дичью и славящихся своими виноградниками частях Бретани. Потеряв в одиннадцатилетнем возрасте отца, он оказался на попечении слабодушного, во всем ему потакавшего деда и зажил вольготной жизнью. Выпестованный лучшими учителями, молодой сеньор изучил древние языки, разбирался в искусствах, умел наслаждаться тонкой беседой, изысканными яствами, благородными упражнениями в соколиной охоте и фехтовании. Знал толк в лошадях, добром вине и старинном оружии. Страстный библиофил, он тратил баснословные суммы на приобретение редких книг, которые тут же переплетались в дорогие шагреновые переплеты, украшенные фамильным крестом на золотом

поле. Славный герб и необыкновенно славный юноша-книгочей, которого ожидал маршальский жезл.

Но идиллии во вкусе сентиментализма не получилось. Сюжет развивался скорее по законам готического романа, вроде «Эликсира дьявола» Э. Т. А. Гофмана, где действует преступный монах Медард, подхваченный колдовским смерчем.

Проведя несколько лет при дворе Карла Двенадцатого, правившего с 1422 по 1461 год, Ре удалился в свои поместья, где с головой окунулся в гримуары и алхимические трактаты. Прошло несколько лет, как этот антипод благороднейшего Дон-Кихота стал законченным безумцем. Возжаждав волшебной власти над миром, он с присущей ему необузданностью принялся расточать немалые наследственные богатства. Пиршества и охоты, на которые съезжалось все окрестное дворянство, словно призваны были затмить своим великолепием королевские забавы. Но затмили они лишь и без того помраченное воображение бретонского барона. Ре обнаружил вдруг противоположное влечение к мальчикам, которые стали таинственным образом пропадать то здесь, то там. Он сделался нетерпимым и вспыльчивым. К безумным прожекам и экстравагантным выходкам добавились бесконечные тяжбы, которые в конце опустошили фамильные сундуки. И если раньше пристрастие к герметическим сочинениям лишь тешило причудливое воображение тщеславного барона, то теперь мечта о «философском камне» обрела характерные черты болезненной мании. «Великое деяние», или «Grand Oeuvre», на французский манер, представлялось ему единственным средством не только поправить свое подорванное хозяйство, но и

Некроманты Джон Ду
и Эдвард Келли

обрести наконец сверхчеловеческое могущество.

«Великое произведение мудрецов,— отмечал аббат Пари в своем «Похвальном слове Великому деянию, или Философскому камню»,— занимает первое место в ряду всего, что есть прекрасного. Оно дает здоровье, обеспечивает богатство, просвещает

Древние греки понимали под некромантией гадания при посредстве мертвецов, но в средние века столь щекотливым занятиям был придан гораздо более широкий смысл.

разум». Одним словом, все то, чего так не доставало сеньору Тиффожа и прочих родовых феодалов, который порядком подорвал свое здоровье в кутежах и оргиях, почти разорился и отупел от пьянства и оккультной белиберды.

Но к собственному немалому огорчению, Жиль не ощущал в себе призвания к алхимическим подвигам. Он был слишком хорошо образован, чтобы не сознавать свою полнейшую непригодность к постижению таинств. Слова алхимика Фламеля о «двух змеях, которые взаимно убивают одна другую и задыхаются в собственном яде» заставляли учащенно биться доверчивое сердце, но ничего не говорили уму. Выход, однако, скоро нашелся, ибо на рынке чудес предложение всегда опережает спрос.

Прознав о причудах знатного барина, в его замки проложили тропу всяческого рода адепты и некроманты-кудесники, стремившиеся перещеголять друг друга заманчивыми фокусами и безудержными обещаниями. Рондели — круглые башни — Тиффожа спешно стали переоборудоваться под лаборатории. Усердно раздуваемое мехами, хищно запыхало пламя в алхимических горнах. Над замком, о котором из-за пропадающих мальчиков и без того шла худая слава, за клубился вонючий устрашающий дым.

В разгар таких лихорадочных исканий родовое поместье пэра-чернокнижника почтил посещением августейший гость — дофин Людовик, нагрянувший в сопровождении многочисленной свиты. Чтобы как следует принять будущего сюзерена, Жилью пришлось вновь обратиться за ссудой к ростовщикам. Впрочем, это его не слишком озаботило, потому что «Великое деяние»

обещало с лихвой покрыть любые долги. Жаль было лишь гасить печи, где в запечатанных атанорах созревало несметное богатство. Но ничего не поделаешь: тайные грехи, которые все труднее становилось скрывать, научили Ре осторожности. Вход в лабораторию спешно замуровали, орудия «Искусства» припрятали, а пролаз алхимиков разместили по окрестным усадьбам.

Тряхнув стариной, прожженный гуляка пустился во все тяжкие. Едва проводив ублаженного принца и его алчную свору, он велел распечатать заветную дверь и вернуть разжиревших на даровых хлебах шарлатанов. Видимо, именно в этот период и произошло первое столкновение между мессиром Прелати и хозяином замка, который потребовал показать ему наконец знаменитого Баррона. Изворотливый и наглый итальянец, два года водивший доверчивого сеньора за нос, предпочел не обострять отношений. Приложив палец к губам, он на цыпочках отправился разведать обстановку. Затворившись у себя в башне и промучив Жилия долгим ожиданием, возвратился с победной улыбкой на лукавых устах, чтобы поздравить сеньора с успехом. Упрямый Баррон в конце концов смиловился и завалил помещение грудami червонного золота. Ре пришел в совершенный восторг и выразил намерение полюбоваться долгожданным сокровищем хотя бы через щелку. Против ожидания, Прелати не стал отговариваться и повел сгоравшего от любопытства патрона к себе в келью. Но, едва приоткрыв дверь, он тут же захлопнул ее с испуганным криком. С трудом оправившись от потрясения, Прелати сообщил, что произошла какая-то непредвиденная ошибка: золотую

кучу стережет жуткого вида зеленый змей.

Вооружившись распятием, в котором, согласно преданию, хранилась частица подлинного голгофского креста, привезенного паладином-предком, отважный барон вознамерился взглянуть на чудовище и забрать причитающуюся долю богатства. Последнее было совсем не лишним, ибо почти все земли уже находились в закладе.

Вновь обнаружив испуг, на сей раз непритворный, Прелати упал на колени и, молитвенно сложив ладони, загородил собою дверь. Сражаться с демоном, да еще силой креста господнего, было, по его словам, последней глупостью. После подобного выпада ни о каком сотрудничестве не могло быть и речи. Барону де Ре, воспитанному лучшими риториками и схоластами Франции, подобный довод показался достаточно веским, и он вернул семейную реликвию обратно в капеллу.

Этим промедлением и воспользовался злокозненный Баррон, обратив золото в какой-то красный, весьма подозрительный порошок. Пришлось, разумеется, при посредстве Прелати, вступить с демоном в длительные переговоры. Сеньор Тиффожа был согласен на все. Собственно ручно составив формальный договор, в котором уступал свою бессмертную душу за всеведение, богатство и могущество, он покорно скрепил его кровью. Казалось бы, чего больше? Но коварный демон требовал все новых и новых доказательств преданности. Сначала это был совершенный пустяк: курица, которую требовалось принести на алтарь по всем правилам сатанизма. Затем враг человеческого потребовал устами Прелати свое излюбленное блюдо — некрещеного младенца.

Вольному барону, безраздельному властителю жизни и смерти своих крестьян, и такое оказалось под силу. Истребив в угоду извращенным страстям 140 отроков — так впоследствии значилось в документах процесса, — Ре мог позволить себе потешить дьявола этой единственной жертвой. Знал ли он, что на весах церковного суда она перетянет все остальные, вместе с бесчисленными сотнями, приписанными молвой? Не мог не знать, ибо повсюду свирепствовала инквизиция, да не допускал и мысли о каком бы то ни было суде над собой. Убийства на почве распутства или по иному, не связанным с отправлением культа мотивам были вне компетенции епископа, а светского суда барон де Ре мог не опасаться. В своих землях он был полновластный сюзерен. Жаль только, что эти земли были заложены, вернее, проданы с правом выкупа бретонскому герцогу и его вассалам — канцлеру и нантскому епископу Малеструа и казначею Жофруа Феррону. У Жилия просто не достало воображения сопоставить столь важное обстоятельство с крохотной жертвой, принесенной на сатанинский алтарь. Зато заимодавцы сразу связали концы с концами. Благо, сам Ре дал им заманчивую возможность предотвратить нежелательный выкуп и навечно закрепить за своим гербом доходнейшие поместья. Ему и в голову не пришло, что его владения сосредоточены, по сути, в одних руках, ибо канцлер и казначей могли быть подставными лицами в финансовых операциях своего феодального сеньора. Нужно было лишь дождаться удобного случая, чтобы вытащить на белый свет всю дьявольскую подноготную: маниакальные изуверства, черную магию, некромантию, сатанизм.

Неукротимый барон сам привел в действие приготовленную для него мышеловку. Поссорившись с братом Феррона Жаном, поселившимся в одном из отдаленных под заклад замков, Жиль собрал под свое знамя с полсотни вооруженных вассалов и пошел войной на собственные владения. Не посчитавшись с духовным саном недруга, которого обнаружил коленопреклоненным у алтаря, Ре выволок его из капеллы, велел заковать в цепи и отправил в подземную тюрьму. Скорый на расправу барон ни на миг не задумался над тем, на кого поднял руку.

Пока епископ фабриковал дело об оскорблении церкви и исподволь вел расследование ритуального жертвоприношения, герцог потребовал немедленно освободить пленника и очистить отдаленный в залог замок, грозя наложить крупную пеню. Окончательно утратив ощущение реальности, Жиль не только отказался подчиниться приказу, но даже набросился на герцогского посланника с кулаками. В ответ на столь недвусмысленное оскорбление герцог незамедлительно осадил Тиффож и принудил буяна к сдаче.

Жан Феррон вернулся на прежнее место и принялся составлять жалобу, столь необходимую в задуманной епископом Малеструа интриге. Отрезвев от пережитого унижения, Жиль де Ре пораскинул мозгами и решил помириться с герцогом. Предварительно посоветовавшись с Прелати и получив на то благосклонное согласие домашнего демона, он отправился в Нант. Хитроумный герцог принял раскаявшегося грешника с нарочитым благодушием, что явилось в глазах безумца лишним доказательством могущества Баррона. Вернувшись домой, Ре с удвоенным рвением при-

нялся за алт
ва. На полн
мехи, небо
заволокло р
ми. Под и
поползли
хозяин при
губит на
винных дет
ные власти
разительной
однако, то
шийся со
предпочел
тени, пре
епископу.
Публично
и разврат
бовал соз
на которо
свидетелей
женщины,
словно ск
лись, сам
разом. Р
ствами п
располага
им мрачна
ла предп
Епископ,
ковесност
ний, но,
шенные
бароном
надеялся
и разврат
ные очерт
фоже ме
ожидани
го двое
были ни
Прямых
колдуна
без пом
лялось
13 сент
епископ
Ре суд
скрупу
его де
грехи.
гордо п
уверен
пристр

нялся за алхимические безумства. На полную силу заработали мехи, небо над Тиффожем вновь заволокло разноцветными дымами. Под их зловещей завесой поползли слухи о том, что хозяин принялся за старое и губит на потребу дьяволу невинных детей. Светские и духовные власти узнали о том с поразительной быстротой. Герцог, однако, только что примирившийся со строптивым вассалом, предпочел временно остаться в тени, предоставив действовать епископу.

Публично обвинив Ре в ереси и разврате, Малеструа потребовал созыва церковного суда, на котором представил восемь свидетелей. В основном это были женщины, чьи дети исчезли, словно сквозь землю провалились, самым таинственным образом. Никакими доказательствами против Жилия они не располагали, но заслуженная им мрачная известность заставляла предполагать самое худшее. Епископ, конечно, признавал легковесность подобных обвинений, но, предав огласке совершенные или якобы совершенные бароном де Ре злодеяния, он надеялся на то, что объявятся и развяжут языки действительные очевидцы творимых в Тиффоже мерзостей. Однако, вопреки ожиданиям, таких оказалось всего двое, причем их показания были ничуть не лучше прежних. Прямых улик против маршала-колдуна не было, и добыть их без помощи пыток не представлялось возможным.

13 сентября 1440 года канцлер-епископ Малеструа направил Ре судебный вызов, в котором скрупулезно перечислялись все его действительные и мнимые грехи. Тот явился на суд с гордо поднятой головой, в полной уверенности в том, что сумеет приструнить не в меру резвых

обвинителей. Но внезапное бегство близких к Жилию людей — Силье и Бриквиля — поставило его в трудное положение. Не сомневаясь в конечном успехе, епископ решил действовать напролом и отдал приказ взять под стражу всех приспешников и слуг хозяина замка, а землю вокруг перекопать. Последнее было проще сказать, нежели сделать, но сама весть о том, что ищут останки убиенных детей, произвела на людей сильное впечатление. В виновности Жилия уже никто не сомневался. Дело принимало для него дурной оборот. Вместо того чтобы заявить через адвоката о своей неподсудности нантскому епископу, маршал Франции попался в ловко расставленную ловушку и в пылу полемики дал согласие прибыть через 10 дней на специально назначенное разбирательство, в котором кроме Малеструа и прокурора Капельюна должен был принять участие вице-инквизитор Жан Блонен.

Обвинение не теряло времени зря. Пока самоуверенный барон ожидал назначенного дня, слухи о том, что виновность его уже доказана, распространились по всей Бретани. В резиденцию епископа приходили осмелевшие крестьяне и ремесленники, требуя покарать душегуба. Жилия обложили со всех сторон по всем правилам волчьей охоты. Все новые безутешные матери громогласно обвиняли его в убийстве пропавших без вести сыновей. Добровольных свидетелей собралось так много, что судьи никак не укладывались в ими же отведенный срок. Пришлось отодвинуть сессию на 8 октября. Это ничуть не огорчило Малеструа, который прекрасно понимал, что каждый лишний день теперь льет воду на его мельницу.

Судебное заседание началось при шумном скоплении негодующих толп. Рыдания и вопли безутешных родителей перекрывались проклятиями в адрес злодея и благословениями, обращенными к его обвинителям. На фоне общей экзальтации остался совершенно незамеченным и даже не вошел в протокол запоздалый протест Жилья, сославшегося на свою неподсудность. Поздно! Божьему суду подвластны не только владетельные сеньоры, но даже венценосные короли, а судьям в Нанте удалось создать атмосферу именно божьего суда, довести наэлектризованность до высшего предела и свести на нет любые возражения противной стороны. Жиль де Ре был обречен, хотя понял это лишь в объятиях палача, который с садистским сладострастием принялся выворачивать ему суставы.

Но пока до крайностей не дошло, он держался с присущей ему самоуверенностью. Отказавшись принести пресловутую *juramentum de calumnia* — обязательство говорить одну только правду — и презрительным молчанием отвечал на обращенные к нему вопросы. Однако столь явное нарушение канонической формы судопроизводства не лишило прокурора должной уверенности, когда он перечислял инкриминируемые обвиняемому деяния, тщательно распределенные по 49 пунктам. Здесь было богохульство и колдовство, оскорбление святынь и священнического сана, сношение с дьяволом и злокозненная ересь. Зато о детоубийстве, которому придавали такое значение до начала процесса, упоминалось теперь как-то вскользь, причем в самом конце обвинительного акта, где перечислялись порочные черты обвиняемого, склонного к противоестественным влечениям, пьян-

ству и кутежам. Получалось, что Жилья де Ре судили совсем не за то, в чем он действительно был виновен. Сто сорок детских жизней, как третьестепенная подробность, легли в одну строку с винопитием!

Напрасно Жиль обзывал судей лжецами, злодеями и симониаками*, напрасно вновь и вновь твердил о своей неподсудности. Процесс катился по накатанной дорожке. Вице-инквизитор, перед которым за долгие годы прошли толпы ни в чем, в отличие от сеньора Тиффожа, не повинных людей, видел и не таких героев, и все они в конечном итоге получали свое. Он вообще не обращал внимания на возражения и протесты. Точно так же вели себя и остальные члены епископального трибунала.

Когда после утомительного для всех перечисления обвинительных пунктов подсудимого спросили, признает ли он себя виновным, а тот разразился в ответ негодующей тирадой, епископ благосклонно кивнул и торжественно произнес формулу, отлучающую прислужника дьявола от церкви.

Жиль сначала не поверил своим ушам, а затем, придя в неистовство, принялся кричать, что не признает юрисдикции церковного суда, ибо вменяемые ему злодеяния являются уголовными и он требует свидания с королевским прокурором. Перемолотый инквизиционными жерновами, он даже не заметил, что как раз об уголовщине, которая камнем лежала у него на сердце, почти не было речи. Судьи хорошо знали свое дело, введя разбирательство в привычное инквизиционное русло. Они решительно отвергли протест Жилья де Ре, как неосновательный,

* От слова «симония»; здесь — в смысле продажности.

и дали ему
готовиться
пункты об
вынес соотв
ние о подо
в капелле,
и противое
ности подл
все остальн
дьявола и
ходило по в
И здесь на
тей никто
Строя свои
мог вовсе
добной «м
Когда слу
лось, пер
совсем дру
плача, в
барон рух
снять отл
суду и
проявленн
являя го
требуемун
признавал
убийства
стративно
ному три
стрирова
нем свое
не задер
ложено с
относящи
волу.
На какой
ся преж
— Пуст
если кт
призыва
с ним
ему жер
Инквиз
силь по
ченые
куда
сам об
Само
показан
всей ф
чали Ж
Особен
дели о

и дали ему 48 часов, чтобы подготовиться к защите. Разобрав пункты обвинения, прокурор вынес соответствующее заключение о подсудности. Бесчинства в капелле, оскорбление святыни и противоестественные наклонности подлежали суду епископа; все остальное: ересь, вызывание дьявола и служение ему — проходило по ведомству инквизиции. И здесь насчет погубленных детей никто даже не заикнулся. Строя свою защиту, подсудимый мог вовсе не беспокоиться о подобной «малости».

Когда слушание дела возобновилось, перед судьями предстал совсем другой человек. Стеная и плача, вчерашний надменный барон рухнул на колени, умоляя снять отлучение. Он покорился суду и просил прощения за проявленную строптивость, изъявляя готовность произнести требуемую присягу. Добровольно признаваясь в совершенных убийствах — 140! — он демонстративно шел навстречу церковному трибуналу. Писец зарегистрировал показание, но суд на нем своего высокого внимания не задержал. Жилю было предложено объясниться по пунктам, относящимся к служению дьяволу.

На какой-то миг в нем пробудился прежний гонор:

— Пусть меня сожгут живым, если кто-нибудь докажет, что я призывал дьявола, заключал с ним договор или приносил ему жертвы!

Инквизитор распорядился огласить показания свидетелей, полученные на закрытом допросе, куда не был допущен даже сам обвиняемый.

Само собой разумеется, что показания были составлены по всей форме и полностью уличали Жилю в дьяволопоклонстве. Особенно впечатляюще выглядели обличения его слуг Андрие

и Пуату, не поскупившихся на красочные подробности. Судя по очевидным даже для инквизиционного суда нелепостям, они явно переусердствовали в очернении своего господина. Впрочем, главное место на процессе отводилось не показаниям челяди, а признаниям одиозного некроманта Прелати и ведьмы Меффрэ, которая якобы поставляла сеньору младенцев для inferнальных экспериментов. Прелати, в частности, представил суду почти протокольную запись проделанных им вместе с обвиняемым магических действий. Можно лишь удивляться тому, что подобный некромант и чернокнижник, сумевший к тому же обзавестись персональным демоном, вышел из когтей инквизиции живым и здоровым. Но судьи не хотели отплатить черной неблагодарностью человеку, который помог им сокрушить основного врага. Как только был оглашен приговор по делу сеньора Тиффожа, столь неосмотрительно заложившего свои владения, как Прелати, а вместе с ним и Меффрэ были выпущены на свободу.

На Жилю показания свидетелей произвели гнетущее впечатление. Он окончательно пал духом и не стал отказываться от возведенных на него чудовищных обвинений. Даже Баррона, которого так и не удостоился лицезреть, принял на себя поверженный титан.

Казалось бы, суд, а вместе с ним и пребывающий за кулисами герцог могли трубить победу. Подсудимый целиком и полностью изобличен, и нет препятствий для вынесения ему смертного приговора. Но инквизиционный суд — особый суд. При разборе дел, связанных с пособничеством сатане, у судей всегда остается подозрение, что обвиняемый признался не до конца,

что он еще таит в себе нечто исключительно важное, предвкусывая скорую смерть как долгожданное избавление.

Именно о таком случае говорится в «Молоте ведьм», в разделе, красноречиво озаглавленном «Двадцать второй вопрос о том, каков третий способ произнесения приговора, в частности против лица, о котором идет худая молва и которое подлежит допросу под пытками».

Этот раздел настолько подходит к делу Жилия де Ре и с такой полнотой вскрывает чудовищно извращенное мышление инквизиторов, что заслуживает пространный цитирования:

«Случается, что обвиняемый не может быть уличен ввиду отсутствия или собственного признания, или очевидности преступления, или доказательности показаний свидетелей, или вескости улик. Возложить на него клятвенное отречение от ереси не представляется возможным. Но показания обвиняемого противоречивы... При таких обстоятельствах возможно решиться на допрос обвиняемого под пытками. Сообразно с этим решением произносится приговор, который и объявляется обвиняемому. При этом указывается, что приговор скоро будет приведен в исполнение. Однако судья не должен с этим торопиться... Если все остальные средства воздействия остались бесплодными, то следует приступить к допросу, применяя умеренные пытки без кровопролития. Но судья знает, что цель пыток зачастую не бывает достигнута. Одни из пытаемых обладают столь слабым характером, что они подтверждают все, что им говорят, и даже ложные сведения подтверждаются ими (курсив мой.— Е. П.). Другие же столь упорны, что они, несмотря ни на какие пытки, ни в чем не хотят

сознаться. Те, которые уже раньше были пытаемы, выносят пытки лучше, так как они (при поднятии на дыбах) тотчас же вытягивают руки, а потом подгибают их. Хотя есть среди подобных пытаемых и такие, которые оказываются менее выносливыми. Есть и такие, которые с помощью чар выдерживают стойко все пытки. Во время пыток они представляются как бы нечувствительными. Они скорее умрут, чем сознаются. Ввиду этого при пытках надо действовать с величайшим умением и обращать очень много внимания на свойства пытаемого... Если пытка не принудила обвиняемого к признаниям, то судья тут же назначает продолжение пытки на второй или на третий день».

Руководствуясь инструкциями вроде тех, что поколение спустя разработали Шпренгер и Инститорис, усердный прокурор предложил отдать Жилия де Ре палачам. Напрасно выжатый как губка, утративший волю человек заверял судей в своей готовности признать любые обвинения и принести покаяние. Они не верили или, вернее, делали вид, что не верят в его искренность.

— Разве я не возвел на себя таких преступлений, которых хватило бы, чтобы осудить на смерть две тысячи человек! — воскликнул в отчаянии Жиль. Рыдая и прося молиться за упокой своей пропащей души, проследовал он к виселице. Над городомплыли молитвенные песнопения и похоронный звон.

Когда, согласно приговору, мертвое уже тело швырнули в огонь, проклиная изверга горожане пролили сочувственную слезу.

Растрогался и герцог, заметно округливший свой майорат. Некоторые историки, а вслед за

ними и романисты утверждают, что Жиль де Ре пал жертвой не столько жадности соседей, сколько алчности и вероломства друзей. Жизнь не мозаика, ее нельзя разять на четко ограниченные фрагменты. В утверждении, что маршала Франции погубил некромант Прелати, приблизительно столько же истины, сколько в обличениях Распутина — злого гения последней царской четы. Дело не в личности шарлатана. Свято место, как известно, пусто не бывает. Не было бы Распутина, нашелся бы другой мистический наставник, вроде прижившегося одно время в Петербурге Папюса или юродивого Мити Козельского, а то и Матрены-босоножки, от которой царица была без ума.

Подвизался же при царском дворе, до того как появился там беглый конокрад, парижский мясник Филипп? Бежав из Франции, где должен был предстать перед уголовным судом за какое-то темное дело, он назвался высшим оккультным адептом, пролез в самые верхи петербургской элиты и удостоился нежной дружбы августейшей четы, которая стала именовать его «нашим другом».

В одном из писем царица успокаивала чем-то встревоженного супруга: «Наш друг Филипп подарил мне образ с колокольчиками, который предупреждает меня о близости недобрых людей и мешает им подойти ко мне...»

Что за прелесть: икона с шаманскими колокольцами! Не охранка, не казаки с союзниками, а полудикарский амулет, намагнетизированный парижским мясником.

Крылья мосье Филиппу подрезало ошибочное предсказание беременности, которой так ждала Александра Федоровна. К тому же он начал с излишней наг-

лостью вмешиваться в государственные дела, да еще запустил лапу в ларец с драгоценностями.

Впрочем, по сравнению с новым «другом» Гришкой Распутиным французский шарлатан — психологический двойник Прелати — был сущим ангелочком.

Середина XV столетия и начало XX века... Позволительно ли сравнивать? В данном случае позволительно, потому что, повторяю, оккультное помрачение независимо от неуклонного хода исторического процесса. Оно вне перемен, это пресловутое «вечное сегодня».

В интересном исследовании М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», где, в частности, описывается последний маршрут низложенного монарха, меня привлекло следующее описание:

«... Александра Федоровна вынула из сумки химический карандаш и отточенным твердым острием изобразила на глянцеvitой белой поверхности оконного косяка знак свастики, написав рядом: 17/30 апреля 1918 года.

Жильяр (учитель детей. — Е. П.) увидел ее через три месяца, когда вошел в дом вместе с белогвардейскими следователями. Тогда он заметил в своем дневнике: «На стене в амбразуре окна комнаты императрицы я сразу же увидел ее любимый знак Swastika, который она столь часто рисовала... Такой же знак, только без числа, был нарисован на обоях стены на высоте кровати, принадлежавшей, видимо, наследнику».

Н. Е. Марков (Марков 2-й), повествуя в эмиграции о своих попытках увести Романовых, пояснил: «Нашим условным знаком была свастика... Императрица хорошо знала этот знак и предпочитала его другим...»

О симпатии русской императрицы к свастике с тех пор говорят на Западе. Лондонская «Таймс», рецензируя американский двухсерийный фильм «Николай и Александра», назвала Александру Федоровну «фашиствующей Брунгильдой». Главу о пребывании Романовых в Ипатьевском доме В. Александров так в своей книге и озаглавил: «Под знаком свастики». Он отмечает «выявившийся в одном отношении исторический приоритет Александры Федоровны», а именно: «Задолго до того, как крестообразный крест стал заносчи-

во выставлять себя напоказ на фасадах «третьего рейха», его след прочертила на стене Ипатьевского дома в Екатеринбурге низвергнутая императрица». Далее мы увидим, откуда истекает этот «приоритет», это оккультное предвосхищение, сделанное развенчанной царицей, урожденной принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской. Пока же запомним произвольно выстроившийся ряд: истерия, мистика, эмблема фашистских погромщиков.

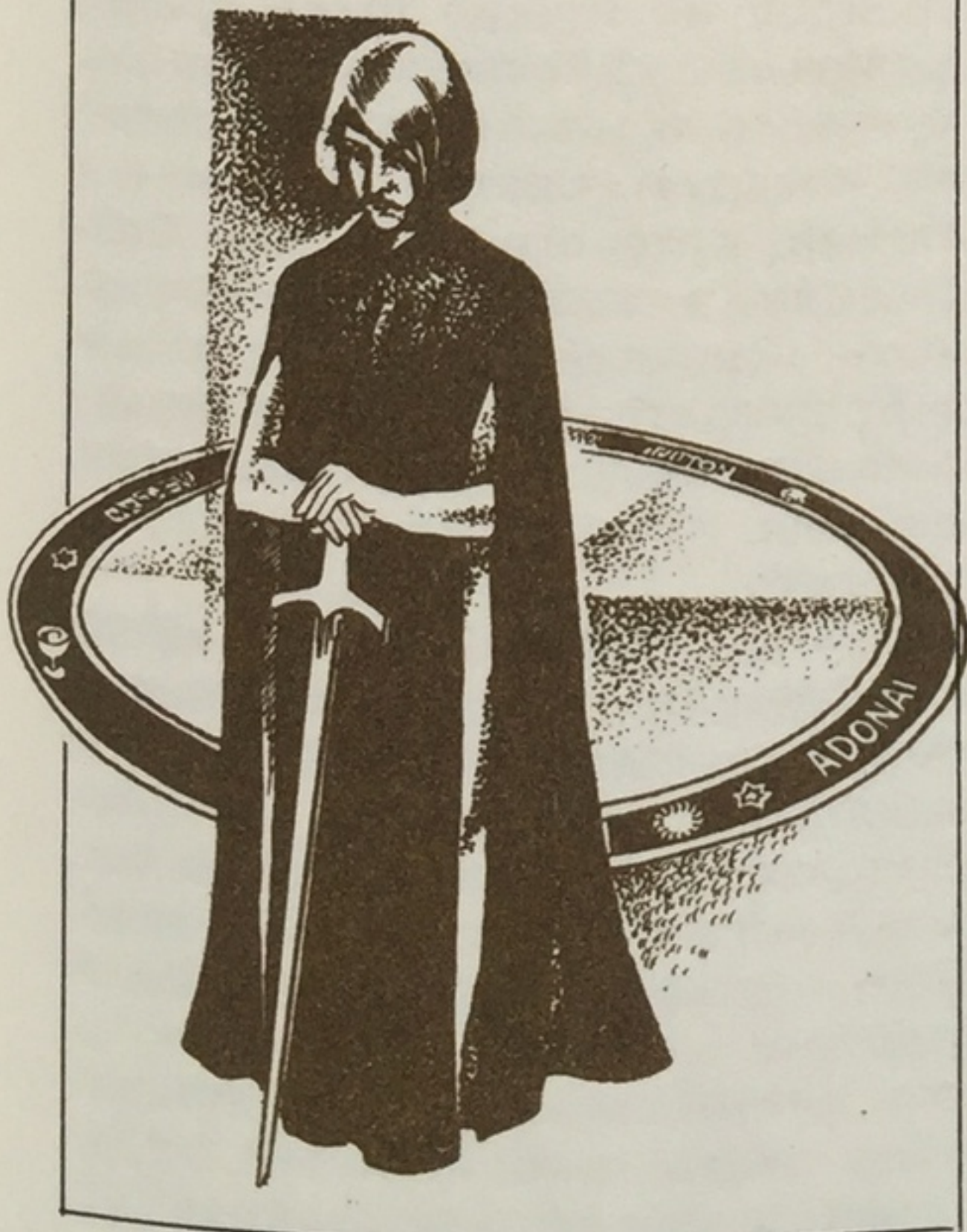
Экзор
в Луд

...Сии бел
представле
рукопись,
колдуна и
с договор
чил с Лк
он выну
носить пр
свое могу
можно, к
личить
углу пе
хранится
нете Лю

Экзорцизм в Лудене

...Сии белые розы собраны и представлены вам, равно как и рукопись, подписанная кровью колдуна и являющаяся списком с договора, который он заключил с Люцифером; оный список он вынужден был постоянно носить при себе, дабы удержать свое могущество. И сейчас еще можно, к великому ужасу, различить слова, начертанные в углу пергамента: «Подлинник хранится в преисподней, в кабинете Люцифера».

Альфред де Виньи,
«Сен-Мар»

БЕЛАЯ РОЗА стала пурпурной, когда Афродита наколола божественную ножку острым шипом... Розы и пергамент, о которых упоминает Альфред де Виньи, действительно были представлены в качестве вещественных доказательств на суде, где в пособничестве дьяволу обвинялся Урбен Грандье, служитель церкви.

Двести лет отделяют процесс Жюль де Ре от не менее знаменитого дела Урбена Грандье. Это не только бездна времени, но и новая историческая эпоха, которую лишь школьник, начитавшийся романов Александра Дюма, мог назвать «веком мушкетера». Для нее куда больше подходит иной символ — обложженный дровами столб. Географические открытия, мануфактуры, прогресс науки и техники — это лишь одна сторона медали, а «охота за ведьмами» — другая. На позолоченном аверсе летящий на всех парусах фрегат, на закопченном реверсе — воронье вокруг эшафота.

Не будем сворачивать корабль с его победного курса. Наш путь проходит по тeneвым страницам истории...

«Как ни омерзительны подробности преследования, поднятого против колдовства до XV столетия, — пишет в «Истории инквизиции» Г.-Ч. Ли, — они были только прологом к слепым и безумным убийствам, наложившим позорное пятно на следующее столетие и на половину XVII. Казалось, что сумасшествие охватило христианский мир и что сатана мог радоваться поклонениям, которые воздавались его могуществу, видя, как без конца возносился дым жертв, свидетельствовавший о его торжестве над всемогущим. Протестанты и католики соперничали в смертельной ярости. Уже больше не сжигали кол-

дуний поодиночке или парами, но десятками и сотнями».

Общее число жертв этого воистину дьявольского пира определяется в 9 или даже 10 миллионов человек.

«Что значат мучения одного распятого на кресте перед муками этих девяти миллионов, сожженных во имя его и во славу святой троицы людей, которым целые месяцы перед этим терзали тела и ломали кости!» — восклицает М. Геннинг в монографическом исследовании, озаглавленном с предельной ясностью — «Дьявол».

В интересующем нас эпизоде дьявольские легионы проявили себя в Лудене, близ старинного французского города Пуатье, избрав для массового паломничества небольшой монастырь сестер-урсулинок. Зная обстановку и нравы женских обителей, удивляться здесь особенно не приходится. «Неудовлетворенная жажда любви и материнства, — отмечал по этому поводу академик С. Д. Сказкин в предисловии к роману Альфреда де Виньи «Сен-Мар», — превращенная в экстаз любви к небесному жениху, часто изливалась на отца-духовника, единственного мужчину, появлявшегося в монастыре и принужденного в силу своих обязанностей выслушивать тайную исповедь, блуждая по самым интимным уголкам женской души. Дело принимало опасный оборот, когда таким отцом оказывался блестящий, красивый и образованный священник».

Урбен Грандье полностью отвечал столь лестной характеристике. Великолепный оратор, получивший основательную подготовку в иезуитской коллегии в Бордо, он буквально завораживал собеседников своей речью. К столь опасному красноречию следует присовокупить и эффектную

внешность, и надменную осанку, и относительную молодость — в разгар событий Грандье минуло 42 года, — и тогда одержимость монашек получит самое простое и совершенно естественное объяснение. К тому же блестящий служитель церкви успел прослыть беззастенчивым ловеласом. Получив 27 лет от роду луденский приход, он соблазнил совсем еще молоденькую дочь королевского прокурора Тренкана, не составляла секрета и его связь с дочерью советника Рене де Бру, с которой он даже тайно обвенчался, сыграв двойную роль: священника и жениха. Одним словом, проказник в рясе был далеко не безгрешен по амурной части. И если бы он действительно получил место духовника в луденской обители, которого так домогался, то вполне могла повториться история Мазетто из Лампореккио («Декамерон», день III, новелла 1). Ведь, как явствует из аннотации, оный Мазетто, «прикинувшись немым, поступает садовником в обитель монахинь, которые все соревнуются сойтись с ним». Грандье не нужно было прикидываться, требовалось лишь получить вожденную должность, на которую претендовал и его лютый враг отец Миньон. Собственно, в них, во врагах, таилась основная интрига: в недоброжелателях, завистниках, оскорбленных отцах, обманутых мужьях, осмеянных слугах господних.

Если же добавить сюда едкий памфлет, в котором луденский попик осмелился задеть самого кардинала Ришелье, то вмешательство дьявола в церковные дела станет куда как ясно. Вольнодумца и гордеца следовало любыми способами погубить, и его погубили, когда представилась такая возможность. Упорствуя в своих притязаниях на

должность, кото
все-таки Миньон
вложил оружие
недругов. Они
подробности
духовника урс
го в Эксе 20
И прежде всего
Луизу, пухлень
в которую все
ее бесстыдны
опасные горяче
бы не повторит
«Князь магов»
мог воскреснут
вновь обратит
Начать решен
заговоренной
цы или, ин
шо известное
шаманам фок
фанатичной
и прочие
Не найдя ни
новились на
белыми роза
от обильной
превративши
эти умилите
ственных г
тайными во
мых густой
щей!
Первой ув
через оград
ательница А
вдохнула
цветов, как
в котором
го садовник
перед глаз
нестерпимо
все ее су
случилось
тельницей
протоколы
ственной
ной натур
Утонченн
де Виньи
детельниц
изящнее:
реть, как
грудь, ка

должность, которая была отдана все-таки Миньону, Грандые сам вложил оружие в разящую длань недругов. Они живо припомнили подробности дела Гоффриди, духовника урсулинок, сожженного в Эксе 20 апреля 1611 года. И прежде всего христову невесту Луизу, пухленькую блондиночку, в которую вселился Вельзевул, ее бесстыдные телодвижения, опасные горячечные речи. Отчего бы не повторить номер в Лудене? «Князь магов» Гоффриди вполне мог воскреснуть в Грандые, чтобы вновь обратиться в пепел. Начать решено было с наузы — заговоренной какой-нибудь вещицы или, иными словами, хорошо известного всем колдунам и шаманам фокуса, основанного на фанатичной вере в сглаз, порчу и прочие губительные чары. Не найдя ничего лучшего, остановились на ветке с прекрасными белыми розами, еще влажными от обильной росы. Ах, эти розы, превратившие Луция в осла, ах, эти умильные слезинки девственных голубиц, сжигаемых тайными вождениями, томимых густой монастырской сучицей! Первой увидела перекинутую через ограду ветвь мать-настоятельница Анна Дезанж. Едва она вдохнула аромат заговоренных цветов, как монастырский сад, в котором так не хватало немого садовника, закружился у нее перед глазами и горячий ток нестерпимого соблазна потряс все ее существо. О том, что случилось с почтенной настоятельницей далее, следственные протоколы повествуют со свойственной инквизиторам скабрешной натуралистичностью. Утонченный стилист Альфред де Виньи (устаами старухи свидетельницы) делает это намного изящнее: «...жалость было смотреть, как она раздираала себе грудь, как выворачивала ноги

и руки, а потом вдруг сплетала их за спиной. Когда святой отец Лактанс подошел к ней и произнес имя Урбена Грандые, из рта у нее потекла пена и она заговорила по-латыни, да так гладко, словно читала Библию: поэтому я ничего как следует не поняла, только запомнила *Urbanus magicus rosas diabolica*, а это значит, что колдун Урбен заворожил ее при помощи роз, которые получил от лукавого. И правда, в ушах у нее и на шее показались розы огненного цвета, и так от них несло серой, что судья закричал, чтобы все заткнули носы и зажмурились, потому что вот-вот бесы вылезут».

Бесы эти вселялись во всех, кто только нюхнул злополучные розы. Вслед за настоятельницей занедужили две сестры Ногарэ, затем порча обнаружилась в хорошенькой монашке Сен-Аньес, дочери маркиза Делямот-Брасе, потом у Клер Сазильи, родственницы всесильного Ришелье, и пошло-поехало. Вскоре в обители не осталось почти ни одной девушки, не затронутой одержимостью. Обрушившийся на скромный провинциальный монастырь бесовский легион вел себя, как воинская часть, завладевшая неприятельской крепостью. Насильники принуждали робких сестер и послушниц выделять невероятные вещи. Причем все одержимые воспламенились страстью именно к Урбену Грандые, который являлся к ним по ночам, искушая на сладостный грех, соблазняя на вечную погибель. Но бог силен! Находясь на самом краю гибели, ни одна урсулинка не сорвалась в пропасть, что и было надлежащим образом засвидетельствовано в ходе многократных экзорцизмов. Сидевшие в девицах бесы вынуждены были подтвердить сей прискорб-

ный для них, но отрадный для Вечного света факт. В опытных руках экзорцистов адские десантники вели себя уже не как оккупанты, но как военнопленные, доставленные в неприятельский штаб на допрос.

Вынужденный давать показания, демон называл свое имя и чин в бесовском легионе, описывал собственную наружность и тот сокровенный уголок в человеческом организме, который не прощено и так бесстыдно занимал.

Я отнюдь не передергиваю ради метафорической полноты, говоря о чинах. В материалах луденского процесса так прямо и сказано — чин. Судя по всему, засевшие в барышнях бесы внимательно проштудировали неоплатоника Дионисия Ареопагита, разделившего в сочинении «Иерархии небесных сил» ангелов — а демоны, или аггелы, — это те же ангелы, только отпавшие от бога, — на девять чинов-разрядов. Во всяком случае, каждый твердо знал свое место в строю.

Настоятельница Дезанж, например, была одержима сразу семью захватчиками, из которых Бегемот, Асмодей и Грезиль оказались происходящими из чина «престолов», Изакарон, Амон и Балам — «властей», Левиафан — «серафимов». Тело сестры Луизы Барбезье оккупировали двое: принадлежащий к «господствам» Эазас, поселившийся под самым сердцем, и причисливший себя к «силам» Карон, который свил гнездышко в центре лба.

Хуже всех пришлось дочери маркиза Сазильи, ибо в нее вселилась адская восьмерка: Забулон, Нефтали, Элими, Враг Девы, Поллютион, Верин, Похоть и Бесконечный, облюбовавший себе местечко под вторым ребром. У этого демона было еще одно имя — Урбен Грандье, что сыграло в судьбе обвиняемого едва

ли не самую роковую роль. О том, как одно и то же лицо может пребывать одновременно под ребром монашки и в церкви святого Петра, где служил наш герой, вопрос даже не поднимался, ибо дьявол всемогущ, вернее, почти всемогущ, потому что и на него есть управа.

Экзорцисты изгоняли бесов из одержимых бедняжек, не зная отдыха. И демоны поддавались, хоть и клялись не покидать облюбленных местечек до окончания лет. В протоколах подробно записаны их показания по части маршрутов для ретирад. Бегемот, например, перед тем как оставить чрево игуменьи, в знак своего выхода обещался подбросить бедную Дезанж вверх, что и было незамедлительно сделано. Изакарон, уходя из последнего ребра, оставил ей сувенир в виде царапины на большом пальце левой руки, сидевший во лбу Левиафан обозначил свой след кровавым крестом.

И так было с каждой: конвульсивные прыжки, корчи, судороги, царапины и кровоточащие стигматы.

Жуткая игра, где заведомый обман становился самообманом, бред сгущался в реальность чудовищного оговора, а истерия карикатурно, как в «Капричос» Гойи, мешалась с фарсом. Когда изгоняемый из сестры Агнессы демон пообещал сдернуть с головы королевского комиссара съера Лобардемона камилавку и держать ее в воздухе, пока будут петь «Мизерере», присутствующими овладел гомерический хохот, что, конечно, тоже было поставлено в вину Урбену Грандье.

Слухи о непотребствах в луденской обители распространились далеко за границы графства Пуатье. Вместе с экзорцистами, заклинавшими одержимых монашек, в монастырь зачастили

и местные с
бы лично
странные я
шли столь
ки. Мин
Аббат Мин
продемонстр
порченных о
комиссия во
как у нее
Заметавши
с неподража
захрюкала,
сжалась в к
впала в со
Аббат Мин
ей в рот
читать экз
павшийся
подавать г
тился к н
просом:
— Зачем т
девицы?
— По зло
тил бес н
ковных сл
— Каким
— Через
— Какие?
— Розы.
— Кто их
— Урбен.
— Скажи
бовал мст
будто нед
которое н
Лудене.
— Гранд
ся враг
не только
та по лег
— Скажи
экзорцис
Лудене м
Грандье.
— Свяш
— Какой
— Свято
— Кто д
— Дьяв
Весь эт
был ск
рован, п

и местные судебные власти, дабы лично засвидетельствовать странные явления, о которых шли столь противоречивые толки.

Аббат Миньон был счастлив продемонстрировать гостям своих порченных овечек. Едва высокая комиссия вошла к сестре Жанне, как у нее случился припадок. Заметавшись на ложе, она вдруг с неподражаемым совершенством захрюкала, затем вся скорчилась, сжалась в комок и, стиснув зубы, впала в состояние каталепсии. Аббат Миньон с трудом просунул ей в рот пальцы и принялся читать экзорцизмы. Когда окопавшийся демон дрогнул и стал подавать голос, экзорцист обратился к нему по-латыни с вопросом:

— Зачем ты вошел в тело этой девицы?

— По злобе, — откровенно ответил бес на том же языке церковных служений.

— Каким путем?

— Через цветы.

— Какие?

— Розы.

— Кто их прислал?

— Урбен.

— Скажи его фамилию, — потребовал мстительный духовник, как будто недостаточно было имени, которое на все лады склоняли в Лудене.

— Грандье, — охотно откликнулся враг человеческий, предавая не только повелителя, но и собрата по легиону.

— Скажи, кто он? — не отставал экзорцист, словно в маленьком Лудене мог быть еще один Урбен Грандье.

— Священник.

— Какой церкви?

— Святого Петра.

— Кто дал ему цветы?

— Дьявол.

Весь этот смехотворный лепет был скрупулезно запротоколирован, и с того дня все деяния

экзорциста проходили в сопровождении судебных властей. Над Урбеном, хоть ему и покровительствовали влиятельные лица, нависла реальная угроза стать вторым Гоффриди, хотя не он, а его противник Миньон был духовником урсулинок.

Кардинал де Сурди, к которому Грандье обратился с жалобой на клевету, оправдал многообещающего талантливого клирика и запретил Миньону проводить дальнейшие экзорцизмы, возложив столь деликатное дело на доверенных лиц. Городские власти тоже были склонны не поднимать шума на всю страну и постепенно спустить дело на тормозах.

Скрепя сердце аббат послушался архиепископа, но зато не послушались черти, которые еще пуще принялись честить своего наперсника Грандье.

Когда вести о луденских чудесах достигли королевских ушей, Людовик Тринадцатый отнесся к ним с похвальной осторожностью, но Ришелье настоял на строжайшем расследовании. Фактически он уже давно вел его, стремясь изобличить автора издевательского памфлета. Найденные в Лудене документы совершенно определенно указывали, что автором был Грандье, поэтому у герцога-кардинала не было причин щадить дерзкого вольнодумца. Следствие он поручил вести Лобардемону, которого снабдил широчайшими полномочиями.

Возвратившись в конце 1633 года в Луден, королевский комиссар первым делом заключил подозреваемого под стражу и занялся сбором «свидетельских» показаний. Для быстроты к каждой одержимой были приставлены свой экзорцист, судебный чиновник и писец. На теле Грандье тем временем нашли «дьявольские печати» — нечувствительные к

боли участки, что было вовсе нетрудно, поскольку инквизиторы располагали специальными иглами, уходившими при самом легком нажиме в рукоятку.

Судьба галантного священника была предрешена. Формальное осуждение было лишь вопросом техники, не более. Выживаемые из уютных норок «престолы» и «власти» давали не только нужные показания, но и снабжали правосудие уликами, поставляли необходимые документы.

Когда нажали как следует на главного беса Асмодея, полонившего аббатису, тот не выдержал и продиктовал копию договора, заключенного между ним и подследственным.

Вот это изделие ограниченного ума и лютой злобы:

«Господин и владыка, признаю вас за своего бога и обещаю служить вам, покуда живу, и от сей поры отрекаюсь от всех других, и от Иисуса Христа, и Марии, и от всех святых небесных, и от апостолической римско-католической церкви, и от всех деяний и молитв ее, которые могут быть совершаемы ради меня, и обещаю поклоняться вам и служить вам не менее трех раз ежедневно, и причинять сколь возможно более зла, и привлекать к совершению зла всех, кого возможно, и от чистого сердца отрекаюсь от миропомазания и крещения, и от всей благодати Иисуса Христа, и в случае, если восхожу обратиться, даю вам власть над моим телом, и душой, и жизнью, как будто я получил ее от вас, и навеки вам ее уступаю, не имея намерения в том раскаиваться.

Подписано кровью:
«Урбен Грандье».

Место, назначенное для хранения подлинника, нам уже известно. Если кого этот документ и изо-

бличает, то лишь саму аббатису, чей стиль косноязычен, а мысль скудна. Ни Асмодея, ни изощренного риторика Грандье никак нельзя заподозрить в такой невнятице.

Судей, естественно, это ничуть не смутило, и Урбен Грандье был приведен к очной ставке со всеми девицами и засевшими в них аггелами. Переполох поднялся чрезвычайный. Демоны заставляли урсулинок делать бесстыдные жесты и радостно вопили их девственными устами: «Господин наш! Господин!»

Виновность подсудимого, таким образом, не вызвала сомнений. Лишь добросовестность судей, желавших докопаться до каждой мелочи, удерживала их от немедленного вынесения приговора.

И она, добросовестность, принесла желанные плоды. Бес Левиафан раскрыл-таки состав зелья, коим были отравлены, а точнее, намагничены белые розы. К вящему ужасу и отвращению присутствовавших, оно оказалось сваренным из сердца невинного младенца, зарезанного на шабаше в Орлеане в 1631 году, золы сожженной облатки для причастия, а также из крови и спермы самого Грандье.

Не будем задерживаться на подробностях, хоть они и не лишены интереса, этого вопиющего, но такого заурядного на фоне аналогичных дел ведьмовского процесса. Результат его был предрешен, и это понимал сам Грандье, сохранивший даже в объятиях пламени редкую выдержку и незаурядное мужество.

Отстаивая свое человеческое достоинство, он пытался противопоставить безумию логику, тщился поразить рациональным оружием многоглавую гидру, витавшую на нетопыриных крыльях истерии.

Когда, дабы загнать
очередную яму, ем
испробовать себя

Table showing the names of the

Sunday	Monday
Michael	Gabriel
name of the Heaven	name of the Heaven
Machen.	Sham

*name of the
of spirits to
made of virgin
illum.*

заклинателя,
веря в стол
тем не менее
на себя свящ
Не смущая
воплями бо
хорошеньки

Когда, дабы загнать Грандые в очередную яму, ему предложили испробовать себя в качестве

мерзкие образины, он поклонился епископу, попросив его благословения начать экзорцизм.

Table showing the names of the Angels governing the 7 days of the week with their Sigils, Planets, Signs, &c.

Sunday	Monday	Tuesday	Wednesday	Thursday	Friday	Saturday
Michael	Gabriel	Camael	Raphaël	Sachiel	Anaël	Cassiel
name of the 1st Heaven	name of the 1st Heaven	name of the 5th Heaven	name of the 2nd Heaven	name of the 6th Heaven	name of the 8th Heaven	No Angels ruling above the 6th Heaven
Machen.	Shamain.	Machon.	Raquie.	Zebul.	Sagun.	

Образец «колдовского» письма и типичная для магической практики в Западной Европе XV—XVI вв. «Книга демонов» (по книге Ф. Баретта «Mag», 1801 г.)

заклинателя, он, нисколько не веря в столь бредовую затею, тем не менее спокойно возложил на себя священническое одеяние. Не смущаясь протестующими воплями бесов, превративших хорошенькие девичьи личики в

Жуткая игра, где заведомый обман становился самообманом, бред сгустился в реальность чудовищного оговора, а истерия карикатурно, как в «Капричос» Гойи, мешалась с фарсом.

Епископ дал требуемое, указав на толпу беснующихся дев. «Ты отрекся от этого!» — визжала дьявольская рать, напоминая о заключенном договоре. Хор исполнил обычное в таких случаях «Veni creator» — «Явись, создатель», и поединок с несуществующим начался.

Вовсе не помышляя всерьез о нелепом единоборстве с одержимыми истеричками, Грандые — наивный мудрец! — надеялся поймать кого-нибудь из них на вранье. Когда урсулинка Клер бросилась к нему с непристойной бранью, он тут же начал ее отчитывать, попросив позволения обратиться к бесу по-гречески.

— Не смеешь! — возопил на это спрятанный в матери-настоятельности злой дух. — Изменник! Обманщик! Согласно заключенному договору, ты не смеешь задавать вопросы по-гречески!

Грандые слегка улыбнулся, готовясь обратить внимание суда на столь явную несообразность, но сестра Клер опередила его надменным выкриком:

— Можешь говорить на любом языке, тебе ответят!

Девушка оказалась образованной. Первоначальный замысел расстроился, Грандые смутился и умолк. Разумеется, это нисколько не повлияло на конечный исход, потому что приговор был предпрешен и, даже если бы демон Клер не знал по-гречески, весы Фемиды все равно остались бы в заранее определенном положении.

Но о внутреннем мире Грандые указанный эпизод говорит многое. Выдержав льющуюся на него со всех сторон брань, хотя хулители продолжали именовать его «владыкой» и «господином», он хладнокровно заметил:

— Я не господин вам и не ваш слуга. И вообще не могу понять, почему, величая владыкой, вы

так и рветесь схватить меня за горло?

Негодующие сестры вместо ответа на вполне резонный вопрос принялись разуваться, обрушив на голову ревнителя логики град увесистых башмаков.

— Ну, демоны сами себя расковали! — издевательски рассмеялся узник, утирая с рассеченного виска кровь.

Шутника увели в тюрьму.

Приговор был вынесен 18 октября 1634 года.

Грандые отказался от исповеди и отвернул лицо от креста, который сунул ему духовник-капucin на месте казни.

Магический меч — обоюдоострое оружие. И все же освященное авторитетом церковной иерархии, оно натворило значительно больше бед, чем в руках одиночек: фанатиков и безумцев, шарлатанов и простофиль. Претендуя на «надвременность-надпространственность» и самонадеянно тщаь навязать свою волю жестко детерминированным законам мироздания, магия уже по сути своей несет разрушительное и, как следствие, преступное начало. Совершенно интуитивно это понял пресловутый маркиз де Сад, увековечивший свое имя в столь малопривлекательном термине, как «садизм».

Устами Брессака, героя романа «Новая Жюстина», он не без сожаления констатирует:

«Что на самом деле можем мы совершить в этой жизни? Ответ прост. Все наши мелкие преступления против морали можно свести к немногому — извращениям и убийствам, случайным изнасилованиям или кровосмешительным связям; наши преступления против религии не более чем богохульство и профанация. Есть ли кто-либо среди нас, кто искренне может признаться, что в самом деле удовлетворен этими пустяками?»

— Нет, конечно пылкая мадам страдаю, можете вас от мизерности, которые дозволяют. Всеми нами оскорбляем, но не самую прискорбительную именную, чтобы обратить ее в блокирование, останавливая движение, останавливая раскачивание, препятствуя природе, и поэтому, что ей оскорбить при ее великую деу, чего этого я сделаю. — Да, — вставляю так. То, чего не преступлений направим наши возможные ужасы, раз мы вать их».

— Нет, конечно,— возразила пылкая мадам Д'Эстерваль.— Я страдаю, может быть, сильнее вас от мизерности преступлений, которые дозволены мне природой. Всеми нашими действиями мы оскорбляем лишь идолов, но не саму природу. Я жажду оскорбить именно природу. Я хочу обратить ее порядок в хаос, заблокировать ее упорядоченное движение, остановить звезды и раскачивать планеты, плавающие в космическом пространстве, препятствовать тому, что служит природе, и покровительствовать тому, что ей мешает,— словом, оскорбить природу и остановить ее великую деятельность. Но ничего этого я сделать не могу.

— Да,— вставил Брессак,— это так. То, чего мы добились, не преступления... Давайте же направим нашу месть по путям возможным. Давайте множить ужасы, раз мы не в силах усилить их».

Преступление и колдовство, они равно повинны как в самих ужасах, так и в их умножении. Вне зависимости от точки отсчета, логика эволюции заставляет их «мировые линии» сойтись у одной и той же черты, за которой уже ничего более не остается, как «оскорбить именно природу», осознавшую самое себя через венец творения — человеческий мозг. Именно поэтому обскуранты и человеконенавистники всех мастей, способные, однако, возвыситься до осознания полной бесперспективности подобного бунта, обращают свое ядовитое бешенство на науку и искусство, без которых немислимо познание объективного мира. Отсюда и людоедский афоризм: «При слове культура я хватаюсь за пистолет».

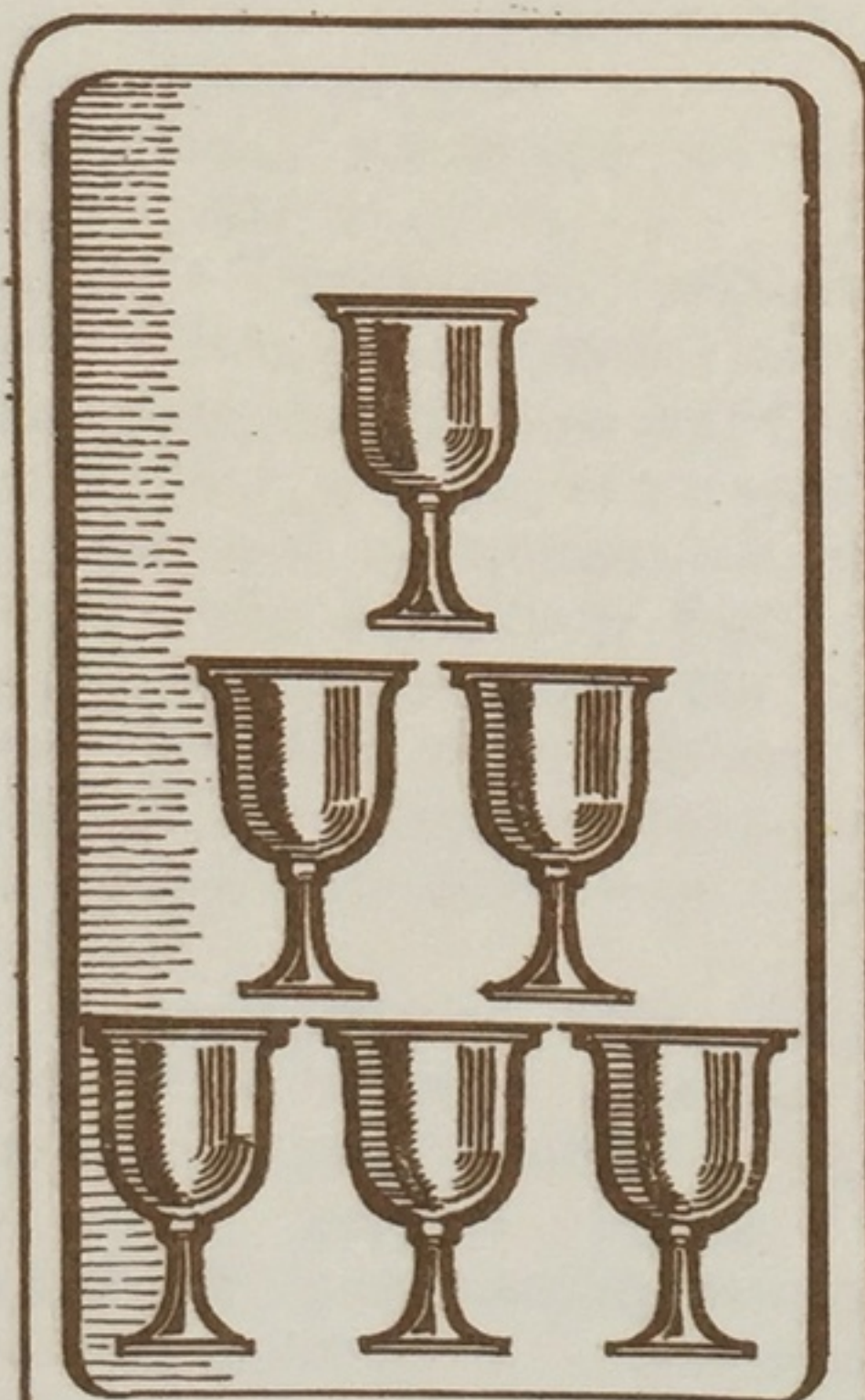
В следующем очерке мы увидим, как тесно переплетутся змеи криминала и черного колдовства.

Черная месса

На юношу из черной книги магий
Смотрели зорко с выцветшей
бумаги

Изображенья для нечистых глаз,
Все мерзости, каких бежит рассказ.

Роберт Саути,
«Баллада
о молодом
человеке»

ОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ вновь восстановленной «огненной камеры» — чрезвычайного трибунала, учрежденного еще Генрихом Вторым (1547) для борьбы с кальвинизмом, была назначена на 10 апреля 1679 года. Когда судьи Людовика Четырнадцатого, «короля-солнца», вошли в задрапированную черным сукном залу, лейтенант коннополицейской стражи Дегре самодовольно приосанился. Злодеяния арестованной им на паперти собора Нотр-Дам Катрин Монвуазен, урожденной Дезейе, далеко превосходили подвиги маркизы-отравительницы Жанны де Бренвье, которую бравый полицейский в свое время сумел извлечь из святых стен льежской обители. На совести дородной красавицы, представшей на сей раз перед судом, были такие подвиги, что даже королевскому юристу метру Ларейни пришлось, дабы унять тошноту, прибегнуть к флакону с нюхательной солью. Пристально вглядываясь в измученную пытками подсудимую, чье некогда роскошное, стоившее 15 тысяч ливров платье было изодрано, запачкано кровью и нечистотами, Габриель Никола Ларейни машинально перелистал лежащие перед ним протоколы. Собранных следствием материалов было более чем достаточно, чтобы без лишних слов передать ювелиршу Монвуазен парижскому палачу. В ее саду в Сен-Жермене было найдено 2500 закопанных детских трупиков и неразвившихся эмбрионов, а изъятого при обыске крысиного яда вполне хватило бы, чтобы отправить на тот свет добрую половину мужей, накутивших своим женам. Однако не заурядные отравления смущали метра Ларейни и уж тем более не подпольные аборты. Особая деликатность процесса заключалась в том, что клиентками Монвуазен состояли особы с очень

ИЯ вновь
 ненной ка-
 го трибу-
 еще Генри-
 для борьбы
 назначена
 ода. Когда
 оннадцатого,
 и в задра-
 сукном за-
 олицейской
 ольно при-
 арестован-
 бора Нотр-
 , урожден-
 восходили
 вительни-
 , которую
 вое время
 тых стен
 и совести
 представ-
 д судом,
 то даже
 етру Ла-
 ы унять
 флакону
 истально
 ую пыт-
 некогда
 5 тысяч
 зодрано,
 стотами,
 и маши-
 ежащие
 ранных
 было
 обы без
 елиршу
 лачу.
 е было
 детских
 ся эм-
 обыске
 ватило
 от свет
 наску-
 Однако
 муца-
 более
 особая
 люча-
 Мон-
 очень

Любовный приворот.
 С картины фламандской
 школы XVII в.

ЧЕРНАЯ МЕССА

громкими именами. Ее услуга-
 ми пользовались, например, гер-
 цогиня Орлеанская, герцогиня
 Бульонская и сама маркиза де
 Монтеспан, заступившая место
 постригшейся в монахини Ла-
 вальер. Могущественная фаво-
 ритка, подарившая его величе-
 ству четверых детей, сама пере-

*Ювелирша рассказала о составе
 приворотного зелья, предназначенного
 для короля, куда входили высушенные
 и истолченные в порошок кроты, кровь
 летучих мышей, шпанские мушки и
 смешанное с колдовскими травами вино.*

живала теперь трудный момент «смены караула».

Получив личное указание Людовика сжечь сразу после вынесения приговора все документы, Ларейни понимал, что скользит по лезвию ножа. К счастью для истории, юрист не выполнил королевских инструкций, и дело было сдано в архив, откуда извлек его в 1792 году вихрь революции.

Лишь благодаря этому мы знаем теперь во всех подробностях, как проходили так называемые черные мессы.

Одна из гравюр тех времен запечатлела Франсуазу де Монтеспан лежащей на жертвенном столе, над которым склонился изувер-священнослужитель, окропивший кровью зарезанного младенца ее обнаженное тело. Благодаря предусмотрительности Ларейни нам известно имя черного мага. Это знаменитый аббат Гибур. Двадцать лет практиковал он черные мессы в заброшенной церкви Сен-Марсель и с помощью восковых фигурок энвольтовал на смерть. Представшая перед «огненной камерой» супруга почтенного ювелира Монвуазена была посредницей между Гибуром и придворной камарильей, которой оба они служили, не зная устали.

Услуги их были весьма разнообразны. Например, поименованные выше принцессы мечтали избавиться от опостылевших им супругов, не прибегая к мышьяку, ибо прах сожженной после отсечения головы маркизы де Бренвье еще носился в воздухе. То обстоятельство, что обреченные на смерть пары Франции упорно не желали умирать, никого не смущало. Раньше ли, позже ли, но энвольтования действуют, и ни о чем не подозревающие рогоносцы начнут усыхать.

Гибур терзал окрещенных кукол булавами, его сообщница наби-

вала мощну, а титулованные негодяйки развлекались вместе с любовниками на черных мессах. Словом, все они могли позволить себе не торопиться.

Обстоятельства мадам де Монтеспан, повторяю, были много сложнее. На озаренном «королем-солнцем» небосклоне всходила новая ослепительная звезда. Нежные чувства, проявляемые Людовиком к юной маркизе де Фонтан, ни для кого уже не были секретом, и промедление грозило Монтеспан безжалостной отставкой. Трижды она пробиралась в заброшенную церковь, чтобы лечь в чем мать родила на холодную каменную столешницу. Перерезав во славу Асмодея и Астарота горло очередному младенцу, Гибур трижды наполнял кровью колдовскую чашу, которую, согласно ритуалу черной магии, ставил между ног королевской любовницы, а колдовство все не срабатывало!

«Желаю, желаю, желаю! — словно в горячке, твердила отвергнутая метресса. — Пусть навсегда сохранят король и наследник дружбу ко мне! Пусть и впредь останется королева бесплодной, и пусть покинет ее король ради меня! Пусть жалует король меня и моих родных всем, что я пожелаю! Пусть считаются со мной и любят меня высокие вельможи! Пусть пригласят меня к участию в королевском совете, дабы я знала обо всем, что там говорится! Пусть король изгонит Фонтан и никогда больше не взглянет на нее! И пусть расторгнет король свой брак с королевой и обвенчается со мной!»

Все мерзости, все вопиющее ничтожество власти, сосущей кровь великого народа, раскрываются в этой нечестивой молитве. Жалкий монарх, с легким сердцем идущий на любое преступление ради удовлетворения сиюминутной прихоти, погрязшие

в пороках ничтожества-куртизаны, зловонная атмосфера преступности, круговой поруки и кумовства. Человеческая жизнь не стоила и гроша, а точнее, оценивалась в пять-шесть ливров, которые приходилось выкладывать Гибуру, чтобы приобрести в населенном бедняками квартале еще одного некрещеного младенца для людоедской потехи. Собранную в чаше кровь он — как то рекомендовали старинные гримуары — запекал в облатки и причащал ими, кощунственно пародируя католическую мессу, свою сиятельную клиентку. Привлекая адские силы угодным им богохульством, шестидесятилетний пастырь изливал при этом потоки самой непристойной ругани. Короче говоря, он проделывал все те чреватые костром гнусности, в которых инквизиторы в течение четырех веков облыжно пытались обвинить мыслителей, реформаторов, ученых.

Едва ли сам он верил в силу таких магических упражнений, а если и верил, то не мог не знать, что заказанная фавориткой черная месса не даст желаемого. Ведь по настоянию других дам — герцогини Ангулемской, мадам де Витри — тот же аббат Гибур служил дьявольскую обедню ради гибели Монтеспан.

О, это был на редкость доходный промысел! Черная месса стоила 100 и более тысяч ливров, за восковую фигурку Монвуазен брала 20, за порцию мышьяка — 50 тысяч. Учитывая «оптовые» цены на новорожденных детей, которых не могли прокормить матери, а также ничтожную стоимость мышьяка, барыш выглядит поистине фантастическим. Несмотря на занесенную над головой Ларейни карающую длань короля, невзирая на ожесточенную травлю растревоженного осинога гнезда аристократов,

фанатичный судейский решил выжать из Монвуазен все до капли. И ювелирша, которой пытка развязала язык, уже не надеясь на покровителей, подробно объяснила каждую статью бухгалтерской книги, обнаруженной в ее доме. Рассказала она и о составе приворотного зелья, предназначенного для короля, куда входили высушенные и истолченные в порошок кроты, кровь летучих мышей, шпанские мушки и смешанное с колдовскими травами вино.

Испробовав этот «любовный напиток» на венценосном партнере, Монтеспан и тут не добилась успеха. Более того, ветреный монарх все-таки успел обзавестись новой пассией. Прибегнув в который раз к помощи безотказной ювелирши, отчаявшаяся Франсуаза велела изготовить специальный пакет, чтобы отравить короля, когда тот соблаговолит ознакомиться с поступившими на высочайшее имя прошениями. Для подколотной змеи Фонтан были заказаны отравленные перчатки.

Именно на этой кульминационной стадии полиция и произвела первые аресты. Число обвиняемых достигло 147 человек. В деле фигурировала даже такая особа, как маркиза Марзини, кузина почившего кардинала Мазарини и также бывшая королевская любовница. Однако на костер вместе с ювелиршей Монвуазен вошли только 35 осужденных. Предупрежденная самим королем, Марзини скрылась в Гент, отвергнутую Монтеспан с рентой в 20 тысяч ливров отправили в ее собственное поместье, а сатаниста Гибура упрятали в тюрьму.

Насквозь прогнивший режим мог еще 112 лет скрывать от глаз народа грязные пятна на своих затканых геральдическими лилиями простынях.

«Тот, кто даровал людям королей,— писал Людовик Четырнадцатый в назидание будущему Людовику Пятнадцатому,— желал, чтобы их чтили как его наместников, и одному себе предоставил право судить об их поступках».

Расстанемся на этом с тайнами королевского дома Бурбонов, чьи архивы, поднятые на поверхность силой революционного взрыва, помогли нам пролить толику света на самую темную сторону колдовского действия. Займемся самим действием.

Джеймс Джордж Фрэзер с тонкой иронией и прозорливостью говорит в «Золотой ветви» по поводу черной мессы следующее:

«В необразованных слоях современной Европы продолжают оставаться в силе различные формы магии и религии. Так, согласно одному сообщению, во Франции большинство крестьян продолжает верить в то, что священник обладает тайной и неодолимой властью над природными стихиями (то есть попросту является магом.— Е. П.)... Гасконские крестьяне также верят, что, для того чтобы отомстить своим врагам, злые люди иногда склоняют священника отслужить обедню, называемую обедней святого Секария. Знают эту обедню очень немногие, и три четверти из них ни за что на свете не согласились бы ее отслужить. Только недобрый священник отважится исполнить этот отвратительный обряд, и можете быть уверены, что на страшном суде он дорого за это заплатит. Викарий, епископ и даже архиепископ города Оша не имеет права отпустить такой грех. Одному лишь папе римскому принадлежит это право. Служить обедню святого Секария можно только в разрушенной и запущенной церкви, где ухают ко всему безучастные совы, где в сумерках

бесшумно летают летучие мыши, где по ночам останавливаются на ночлег цыгане и где под освещенным алтарем притаились жабы. Сюда-то и приходит ночью недобрый священник со своей возлюбленной. Ровно в одиннадцать часов он начинает задом наперед бормотать обедню и заканчивает ее, как только часы зловеще пробьют полночь. Священнику помогает его возлюбленная. Гостия, которую он благословляет, черна и имеет форму треугольника. Вместо того чтобы причаститься освященным вином, он пьет воду из колодца, в который было брошено тело некрещенного младенца».

Обратим внимание на слова «священник со своей возлюбленной».

Для успеха колдовских действий магу требуется женская энергия, и, пусть символически, королевская любовница и прочие высококородные аристократки должны были непременно изображать с престарелым Гибуром кульминационную сцену шабаша — брак Сатаны с юной ведьмой. И, по видимому, шли на такое и даже приводили с собой чичисбеев*, которых, однако, не поражала слепота и глухота. Воланду, чтобы устроить памятный бал, тоже понадобилась «королева». Взяв на себя ее роль, Маргарита, чисто условно, сделалась супругой властителя ада. Поскольку практически каждый что-то знает о колдовских манипуляциях из художественной литературы, познакомимся коротко с их, так сказать, неременной аранжировкой, регламентом. Это понадобится нам в заключительных разделах, посвященных деятельности сатанистских сект современного Запада.

* Постоянный спутник состоятельной замужней женщины, сопровождающий ее на прогулках и увеселениях.

Во все в
гических
уединен
людской
требник
мещение
ет маг,
и совер
посторо
ем церк
освящал
ми от в
Если то
в описа
колдовс
лось осв
и каких
ний. Ос
ный ст
располо
стены и
белым
На тако
основн
две осв
меч (ш
вестные
защища
ждебно
вычерч
или ме
так пол
на куст
не, как
несведу
науке
блоки.
окуль
проник
Увидев
гроб с
Брут п
именно
удивит
это Н.
«...Слы
метала
зацепл
отврат
духу
только
ло как
в свои
как в

Во все века для совершения магических церемоний избиралось уединенное место, подальше от людского жилья. Все колдовские требники подчеркивают, что помещение, где священнодействует маг, должно быть закрыто и совершенно недоступно для посторонних. Перед отправлением церемонии его всякий раз освящали и очищали заклинаниями от враждебных сил.

Если только дело не происходило в описанной Фрэзером церкви, колдовскую площадку требовалось освободить от всякой мебели и каких бы то ни было украшений. Оставляли только квадратный стол с каменной доской, расположенный у восточной стены и убранный с двух сторон белым полотном.

На таком престоле «сервируются» основные атрибуты «Искусства»: две освященные восковые свечи, меч (шпага) и кадильница. Известные нам магические круги, защищающие колдуна от враждебности вызванных им духов, вычерчивали освященным углем или мелом. По крайней мере, так полагалось в темные времена кустарного чернокнижия. Ныне, как уже говорилось, к услугам несведущих в кабалистической науке «фаустов» есть готовые блоки. Считается, что никакое оккультное влияние не способно проникнуть за линию чертежа. Увидев, что в часовне летает гроб с усопшей панночкой, Хома Брут поспешил обезопасить себя именно таким манером. С какой удивительной силой изобразил это Н. В. Гоголь!

«...Слышал, как нечистая сила металась вокруг его, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов. Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос

глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ними держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками. Все глядели на него, искали и не могли увидеть его, окруженного таинственным кругом».

О, если бы только бурсак послушался внутреннего голоса и не взглянул тогда в страшные очивия! Воля теурга материализует духов, но страх размагничивает ее и разрушает силу охранных знаков. Всего в нескольких строчках образ, созданный гениальным художником, воплотил темную воду чародейных трактатов.

Кроме мага в круге могут находиться — лицом к центру — еще восемь человек. Всем им предписано нерушимое безмолвие. Один из них — страж Востока — держит чернильницу и перо.

Форма чертежа не всегда одинакова и меняется в зависимости от места и времени колдовских радений. При составлении круга принимались во внимание чин вызываемого духа и его имя, день и час, положение соответствующей планеты, а также имя управляющего часом ангела, его эмблема (печать), знак зодиака и множество прочих подробностей, известных нам по таблицам, как-то имена духов Солнца и Луны. Все это тщательно, причем колдовскими буквами, помечалось на чертеже.

Обычно он представлял собой большой квадрат с тремя вписанными в него концентрическими кругами. В пространстве между средней и внешней окружностями размещали по сторонам света имена ангельских сил, в следующем кольце — четыре имени демиурга, отделенные друг от друга крестами. Внутренний круг тоже делили на четыре сектора, обозначая восточный

греческой буквой альфа, а западный — омега.

По сути, это была маленькая законченная — от альфы до омеги — Вселенная, «первая формула» ее. Для закрепления подобия углы квадрата «запечатывали» знаками пятилучевой звезды («Ты испугался пентаграммы?»), а с внешней стороны размещали жаровни для курений.

Сообразно «второй формуле», обходились без внешнего четырехугольника, но зато вписывали два квадрата во внутренний круг, располагая больший из них ромбом по сторонам света. Его углы помечали знаком креста, а в углах малого — рисовали круги, куда тоже ставились жаровни. Часть внешнего круга, с северной стороны, оставляли открытой для прохода. Ее охранял страж с мечом. В кольце между внешней и средней окружностью соответственно к востоку и западу располагали слова «Адонай» и «Агла».

Вне чертежа, в западной стороне, в землю втыкалась шпага, а поодаль, в восточной части, вычерчивали треугольник со словом «Иеве», где должен был материализоваться вызванный дух.

При волхвованиях употреблялись следующие предметы: шпага, магическая палочка, жертвенный нож, хрустальная чаша, письменные принадлежности, свечи, венки из «планетных» цветов, курения и сосуд с водой. Все это размещали на столике позади престола.

Авторы гримуаров, вроде книги Гонория, настоятельно подчеркивали, что каждый атрибут должен быть непременно сделан либо освящен руками самого мага. Дремучим чернокнижникам и в страшном сне не могло прийтись, что настанет время промышленного производства и оптовой торговли. Да и кому ныне под силу выковать из

соответствующего «планетного» металла двуручный меч? Да еще украсить клинок шестиугольной печатью с названием планеты и именем духа внутри! На клинке гравировалось столько звезд, сколько духов предполагал потревожить маг на предстоящем сеансе. Причем эти требующие терпения работы могли проводиться лишь в строго указанные часы, когда прибывала Луна.

Не меньшего тщания требовало и приготовление жертвенного ножа, который полагалось вываривать в освященном масле. Магическую палочку маг обычно вырезал из орешника, еще не дававшего плодов и загодя украшенного кольцами из семи «планетных» металлов.

Семью металлическими гвоздиками — я так и не понял, чем заменяли при этом ртуть, — помечались и освященные свечи. Нужны целые тома, чтобы описать необходимые подробности церемониала. Даже курения подбирались в строгом соответствии с нравом потустороннего гостя и днем недели. В воскресенье жаровни заправляли красным сандалом, в понедельник — алоэ, во вторник — перцем и т. д.

Особое прилежание требовалось от мага при изготовлении сугубо личной «Книги духов». Говоря современным языком, это было подробнейшее досье на одного или же нескольких обитателей астрала. Слева рисовалось магическое изображение духа, справа же записывались анкетные и агентурные сведения: имя; свойства и качества; связанное с ними заклинание; достоинство в ангельской или же аггельской, то есть демонической, иерархии; ранг; сфера деятельности; сила и мощь.

Мало было, однако, составить такой поминальник, его требовалось еще и должным образом освятить.

«Заклина
дуть, — ка
преждают
невековой
воздухе
стке) или
Благопри
заклинан
звездам.
ся через
«Книги»,
крытой
помещае
ся на зап
Далее м
нам уже
мула». О
ко слов
Адепт б
вести св
ческую,
влияния
священн
лебимо
Если от
пункт в
весь ком
к жрецу
Гибуру,
Служит
ложены
одежды
колдовс
ва, рук
обнажен
вязка, п
обручем
угольни
таграмм
Магиче
подобни
тоят и
призыв
окропл
помаза
коснове
ми; бла
Делая
знак, м
закона
на сир
и т. д.
предна
лостив

«Заклинания должно производить, — категорически предупреждают интерпретаторы средневекового чернокнижия, — на воздухе (на известном перекрестке) или же в магическом храме. Благоприятное время и час для заклинания определяются по звездам. Освящение производится через призыв духа или духов «Книги», которая кладется раскрытой в треугольник. Маг же помещается в круге, находящемся на западе...»

Далее можно не продолжать: нам уже знакома «вторая формула». Остается сказать несколько слов о самом маге.

Адепт белой магии был обязан вести святую, то есть подвижническую, жизнь, обладать силой влияния на людей, получить посвящение в таинства и непоколебимо верить в себя.

Если откорректировать первый пункт в inferнальном духе, то весь комплекс можно отнести и к жрецу темных сил, к тому же Гибуру, например.

Служителю ангельских сил положены длинные ниспадающие одежды из белого полотна. При колдовских операциях его голова, руки и ноги должны быть обнажены, а лицо покрывает повязка, поддерживаемая золотым обручем с изображением треугольника или же четырех пентаграмм.

Магические действия, полностью подобные церковному чину, состоят из: молитв и обращений; призывов божественных имен; окропления освященной водой; помазания маслом; кадения; прикосновения магическими знаками; благословения дуновением.

Делая рукой благословляющий знак, маг всегда соотносится с законами чисел, ориентируясь на символизм бинера, тернера и т. д. Приносимые им жертвы предназначены либо чтобы умиротворить духов — тогда на за-

клание берут барана; либо очистить — козла. Для этого на престоле разжигают костер, где с соблюдением определенной последовательности сжигают жир, внутренности и мясо животного.

За неделю до намеченного события маг, с соблюдением определенных очистительных процедур, впервые входит в начертанный круг, чтобы начать моления, которые и продолжает потом день за днем. Утром седьмого дня он совершает умощения, стоя на коленях, поет псалмы. Затем поднимается и начинает вертеться волчком, пока не упадет в экстазе, выкрикивая, как на шаманском камлании, нечленораздельные слова. Колдовской чертеж уподобляется янтрам, тантрийской медитационной мандале.

Приведем несколько типичных заклинаний, извлеченных из французских гримуаров XVI—XVII веков.

Формула посвящения:

«О, Адонай, Иеве, Зебаот, о, превысший отец, творец неба и земли, четырех элементов и высших духов, заклинаю тебя, ради твоих сил и добродетелей освятить этот меч, который изготовлен для твоего блага. Я заклинаю тебя, меч, именем истины, жизни, вечности, творения, происшедшего из ничтожества, чтобы ничего не было в моем обладании, кроме непорочности и добродетели».

Оно годится для любого предмета. Меч я избрал только в качестве примера. Памятуя о страстях Франсуазы-Атенаис маркизы де Монтеспан, и также для примера, подставим соответствующие имена и в **Заклинание любви**:

«Заклинаю, чтобы Людовик соединился с Франсуазой так же, как соединены огонь, воздух и вода с землею, и чтобы помыслы Людовика направлялись к Франсуазе, как лучи солнца направляют свет мира и его

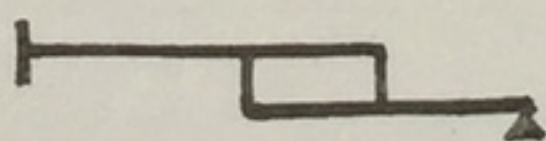
добродетель; и чтобы он, Людовик, создал ее в своем воображении и взгляде так, как небо создано со звездами и дерево — со своими плодами. И да витает высокий дух Людовика над духом Франсуазы, как вода над землею. И делайте так, чтобы упомянутый Людовик не имел бы желания есть, пить и радоваться без Франсуазы».

Если в соответствующих местах заменить утвердительные пожелания отрицательными и наоборот, то получится заклинание ненависти.

Его не раз заказывали соперницы Монтеспан, заказывала его и она сама, когда другая маркиза сумела вытеснить ее из королевской спальни.

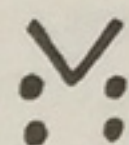
Муза истории Клио между тем шла своим путем, недоступная молениям и проклятиям.

При энвольтовании любви и ненависти, как и для других случаев, употреблялись пентакли — сделанные с соблюдением всех магических требований металлические, соответствующие планетам, кружки со священными изречениями и именами. В «Ключе Соломона» описано великое множество амулетов на все случаи жизни. Однако, коль скоро тема коснулась любовного приворота, упомяну для иллюстрации медный, надушенный вербеной диск Венеры, ангел которого именуется Монашиэлем, а имя высшей силы — Вералиан, и свинцовый пентакль противоположного по воздействию Сатурна. Дабы не разлучать любящих, умолчу о его роковых паролях. И в заключение два чисто практических рецепта: «Изготавливать во время 9-го положения Луны кольцо из золота. Вставить топаз. Гравировать на камне следующее изображение:

Освятить и окурить апельсиновой коркой. Магические свойства

кольца: носящий это кольцо, беря его в рот, делается невидимым. Слово кольца: Тонушо». Подумать только, как просто! Впрочем, любителям хорошей рыбалки заполучить искомое еще легче. Для этого требуется лишь: «Изготовить во время 15-го положения Луны кольцо из олова. Вставить горный хрусталь. Гравировать на камне следующее изображение:

Освятить и окурить мухами. Магическое свойство кольца: покровительство рыбной ловле. Слово кольца: Бальбуш».

Система знаков и колдовской язык, известные как «язык и магия Еноха», были разработаны в XVI веке английским чернокнижником доктором Джоном Ди (1527—1608) и его партнером Эдвардом Келли. Ключ к языку дают заполненные буквами фигуры: круг, семиугольник, семилучевая звезда, гексаграмма и пентаграмма. Ничего подобного до Ди в истории магии не встречалось. Недавно удалось расшифровать некоторые знаки, а буквы колдовского алфавита сопоставить с латинскими. Таким образом, многие абракадабры были разгаданы. Вот характерный пример: «Madariatza das perifa Lil cabisa micaolazoda saanire casago of fifia balzodizarasa iada».

Эта прежде бессмысленная, включающая элементы разных языков формула звучит в переводе так: «О ты, имеющая пребывать в первом воздухе, ты могучая в части земли, исполни приговор».

Не бог весть какое откровение, но хоть суть ясна. Под тарабарщиной, которую не понимали даже сами колдуны, скрывались языческие моления, обращенные к духам стихий.

«Зол

Лампад
На ба
Четыре
Но све
Прони
Спусти
Нашли
Из зол

«ЗОЛОТОЙ ВОСХОД»

Лампады свои засветили,
На башню взошли,
Четыреста зал отворили,
Но света они не нашли.
Проникли под гулкие своды,
Спустились с круч,
Нашли под закрытою дверью
Из золота ключ.

Морис Метерлинк

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ искателей мистического озарения уже не верило в тайны, открывающиеся лишь на самых верхних ступенях долгой — часто длиною в жизнь — масонской лестницы. Повсеместный расцвет науки и искусства, которым ознаменовались последние десятилетия прошлого века, заставил отбросить маски и четче обозначить границы. Анахронизм вроде алхимической лаборатории и подвижнический, почти каторжный труд уже не пленяли воображение артистической богемы. Если путь к окончательному триумфу «магистериума» лежит через магию, то нужно немедленно овладеть приемами чародейства и очертя голову окунуться во тьму — в первозданную непостижимую жуть, свободную от условностей и стыдливых оговорок. И чем страшнее, чем непрогляднее покажется мрак, тем лучше. Значит, скоро долгожданный рассвет, несказанная золотая заря, всепроясняющее утро магов.

Новый орден с симптоматичным названием «Золотой восход» был основан в 1888 году в Лондоне уже известным нам Уинном Весткоттом (1848—1925). Магу девятой розенкрейцерской степени помогал эксцентричный ассистент Самуэль Лиддел Мак-Грегор Мазерс (1854—1918), ходивший в костюме шотландского горца с леопардовой шкурой через плечо, а также разочаровавшийся под старость в науке физик Роберт Вудмен (1828—1891).

В анналах ордена сохранилась протокольная запись о визите в Лондон в мае 1887 года Блаватской, так глубоко взволновавшей жаждавшую чуда общественность, что Весткотт решил выступить со своей оккультной программой. Остановка была лишь за какой-нибудь священной реликвией.

Не прошло и пяти месяцев, как хорошо известный в масонских кругах А. Вудворт, также состоявший в обществе розенкрейцеров, передал ему шесть листов рукописи, написанной колдовским алфавитом на старой бумаге с водяными знаками 1809 года. Поднаторевший в магии Весткотт с помощью книги аббата Иоанна Тритемиуса (1462—1516) «Полиграфия» нашел необходимый ключ и расшифровал испосланный свыше манускрипт. В нем было все, что требовалось: масонский ритуал, оккультные откровения в духе новейшего европейского мистицизма, алхимия, каббала, астрология.

Фрагменты ритуала будущего братства были, таким образом, налицо. В связи с тем что в Англии нельзя было основать новую масонскую организацию без благосклонного согласия «Объединенной великой ложи», решено было избрать форму ордена. К уже известной нам розенкрейцерской иерархии были добавлены две ступени, что позволило Весткотту создать трехчленную орденскую структуру, как бы копирующую окружности магического круга, с 11 (тамплиерское число) степенями главенства.

Внешний орден

- 0°=0° Неофит
- 1°=10° Зелатор
- 2°=9° Теоретикус
- 3°=8° Практикус
- 4°=7° Философус

Второй орден

- 5°=6° Адептус минор
- 6°=5° Адептус майор
- 7°=4° Адептус эксемптус

Третий орден

- 8°=3° Магистр
- 9°=2° Магус
- 10°=1° Ипсиссимум

Титул мага основатель предназначал для себя самого, а ипсиссима — «верховного хозяина» — для мифического покровителя, на манер гималайского махатмы Блаватской.

Без учета начальной ступени неофита с нулевыми показателями посвящения градусы с номерами от 10° до 1° были задуманы в соответствии с 10 сефиротами кабалистического древа. Путем несложных экзаменов и посвятельных церемоний можно было легко получить степень 4°=7° философуса, замыкавшую внешний орден.

В первые годы своего существования «Золотой восход» был скорее детским садом для начинающих оккультистов, чем новой герметической школой. Лишь соединив «древо жизни» с алхимическим и астрологическим символизмом тарота, Весткотт, Мазерс и Вудмен добились того, чтобы орденский ритуал стал достаточно впечатляющим для рвущихся к «верхним таинствам» неофитов.

Конкуренция на ярмарке любителей чудес во все времена была довольно жесткой. Чтобы во всеуслышание заявить о своем существовании, новому ордену следовало избавиться от масонских вериг, за которые столь упорно цеплялся маг Весткотт, и обзавестись собственной «Библией». Шесть листиков, заполненных колдовскими значками, для этого никак не годились. В конце 1891 года на первый план вышел Мазерс, добавивший к своему экзотическому туалету скуфейку с наушниками. Вместе с 30 другими братьями и полусотней новых учеников он арендовал помещение, нареченное «Храмом Исиды-Урании». Решительной ломке подвергся и статут второго ордена. Так возник *Ordo Rosae Rubae et Aureae Crucis*, или «Орден рубиновой розы

и золотого креста», сокращенно R. R. et A. C. Мазерс, великий магистр его, готов был в кратчайший срок посвятить неопитов в дела наивысшей секретности. Поэтическое название, входивший в моду восточный колорит (Исида!) и обещание скорых чудес обеспечили новому начинанию необходимую рекламу. Мазерс не отягощал себя благоговейной приверженностью к старым и новым традициям и смело возвел реформированный им ритуал 5°=6° к самому Христиану Розенкрейцу.

Хартию «Храма Иисиды-Урании № 3» украсили по углам четыре кабалистические печати и расположенные по странам света символы евангелистов. «Во имя творца Вселенной», — начиналась она на масонский образец. Но это было прощанием с обрядностью «вольных каменщиков». Мазерс упорно искал собственное «утраченное слово». Еще не завоевав себе места под солнцем, он вместе с дочерью богача Анни Харнимен открыл в 1894 году уже храм за номером семь — «Ахатоор». В поисках новых идей великий магистр рассуждал о таких животрепещущих проблемах, как некромантия, лунатизм, или тешил себя яacobитскими * фантазиями, мечтая о реставрации династии Стюартов.

И наконец долгожданная «находка». В 1898 году в библиотеке парижского арсенала обнаруживается отпечатанный в 1458 году гримуар, названный «Книгой священной магии мага Абра-Мелина». Вот она, вожденная «Библия»! Заручившись щедрой финансовой помощью Харнимен, Мазерс вместе с дочерью философа Бергсона, ставшей его женой, поспешил в Париж, где перед

ним распахнулась неисчерпаемая сокровищница «египетских», совсем в духе Калиостро, магических ритуалов.

В ноябре того же 1898 года пути магистра пересеклись со звериной тропой Алистера Кроули (1875—1947), еще никому не ведомого тогда «Зверя Апокалипсиса».

Не прошло и нескольких месяцев, как Мазерс, разгадав родственную мятущуюся душу, посвятил неопита сразу во второй орден.

Кроули появился на свет в Ворвикшире в год основания «Теософского общества» Блаватской. Его отец был одним из лидеров Плимутского братства. В семье царил гнетущая атмосфера ханжества и сектантского фанатизма, пронизанного верой в грядущего антихриста и скорый конец света.

Когда незадолго до смерти Кроули спросили, почему он именует себя «Зверем Апокалипсиса», он ответил, что так назвала его мать. Подобно знаменитым предшественникам, будущий «маг XX века» скоро покинул родимый очаг, избрав бродячую, полную самых неожиданных приключений жизнь. Не удивительно поэтому, что и его властно поманил призрачным покрывалом Иисиды Восток. Однако смешно было бы в XX веке искать нездешнего откровения в Аравии или Египте. Времена Сен-Жермена и Калиостро безвозвратно прошли. Поэтому, не без влияния Блаватской, Кроули избрал Гималаи — обитель мифических махатм. Ему нельзя отказать в упорстве и мужестве. В 1902 году он совершил восхождение на Чогори, в 1905-м — на Канченджангу. Покоренный красотой и величием заледенелых вершин, Кроули попробовал себя, и не без успеха, на поэтическом поприще. Его сборники: «Аха»

* Яcobиты — приверженцы английского короля Якова II Стюарта, низложенного в ходе государственного переворота 1688—1689 гг.

(1909), «Город бога» (1913), «Прах счастья» были высоко оценены в эстетских кругах.

Вступив в Лондоне в герметический орден Мазерса, он вскоре добился равного с ним посвящения, но, так и не узнав обещанных секретов, решил установить личный контакт с «тайными руководителями». Судя по всему, в гималайских снегах он их так и не обнаружил. Поступив в Кембридж, Кроули с головой окунулся в мистическую литературу. В библиотеке Тринити-колледжа он познакомился с Эккартсгаузенем, Беме, Сведенборгом, но вскоре охладел к кабинетной учености и вновь отправился в Азию. Чередую скандальные любовные приключения с поисками откровения, он решил окончательно порвать с Мазерсом и основать собственное «дело». Озаренный вечным сиянием надоблачных вершин поэт решил взять роль провозвестника на себя. Теперь он сам станет рассказывать потрясенным неопитам о невидимых учителях человечества и населяющих иные миры ангельских раях.

Символом нового ордена *Argentum Astrum* была выбрана серебряная звезда. Познакомившись с практикой йоги и буддистскими тантрическими обрядами, Кроули «обогастил» западную магию эротическими демонстрациями, а побывав в Китае, заимствует и древние даосские суеверия, смыкающиеся с алхимическими поисками бессмертия и вечной молодости.

В 1903 году он обвенчался в Шотландии с Розой Келли. Медовый месяц молодые провели в Каире. Но этому браку не суждена была долгая жизнь. «Алой женщиной», оседлавшей отмеченного клеймом 666 «Зверя», стала Лия Хирсиг. В ее лице жрец одновременно обрел и жри-

цу, и шакти, столь необходимую ему для «выхода в астраль». Под конец жизни у него появится множество подобных «жриц» и ассистенток для рискованных демонстраций, предвосхитивших разнузданную стихию «сексуальной революции». Одна из таких партнерш — сестра Кибела (австралийка Лейла Чэддел), — позирующая с колдовским пентаклем на голой груди, станет законодательницей мод нынешнего поколения звезд колдовского стриптиза.

С удивительной легкостью, которой мог лишь позавидовать Мазерс, Кроули смешал отголоски древних служений дьяволу, шайтану и халдейским демонам с орфическими мистериями. Добавив в это сатанинское варево «телем» Гермеса Трисмегиста и абстрактные принципы даосизма, он приготовил коктейль, способный одурманить любого оккультного олуха. Причем в самом прямом смысле, потому что именно Кроули возродил древнюю практику использования наркотиков в колдовских действиях. В своих сочинениях «Теория и практика магии» и «Книга Зокана» он вздохнул расхваливает гашиш, опиум, настой мухоморов, кактус пейотль и грибы ацтеков. Опиекурительня и бордель — вот храм, куда охотнее всего являются демоны и древние боги. Позируя для афиш и сомнительного толка журналов, Кроули предстает то в плаще крестоносца, то в чалме дервиша, то в венце египетского (в стиле голливудских фильмов) жреца, то в сутане католического патера. Но ему мало быть жрецом всех храмов и капищ. Осваивая опыт адептов астрала, он, вслед за Келли и Ди, несет несусветную дичь насчет прошедших жизней и грядущего перерождения в иных мирах (книга «Видение и голос»); создает в разных частях

света магические секты и ордена. Поселившись после первой мировой войны в Сицилии, он основывает «Телемское аббатство», не подозревая, наверное, что это уже сделал однажды ловкий пройдоха Панург — наперсник и друг незабвенного Пантагрюэля. Конечно же Кроули не до Рабле. Египетские боги являются ему в облике обольстительных женщин. Это его тотемы, точнее, тантрийские каналы, из которых он черпает космическую энергию. Накурившись до одури гашишем, Кроули мнит себя Осирисом, Исидой и их сыном Гором в одном лице. Он апокалипсический «Зверь» и пророк новых эонов, величайший жрец язычества, телемства и христианства. «Делаю, что делаю, и ничего больше», — говорит он, став в позу Лютера. «Ритуалы старого времени темны, — заявляет в другой раз. — Очистим и хорошенько просветлим их».

Отдадим «Зверю» должное. Основы современного оккультизма, его системная иерархия и колдовская практика заложены и развиты именно им. В романе «Дитя луны» он описал таинство алхимических трансмутаций личности. Демоническое перерождение человека — кредо Кроули. В его магическом шоу сквозь все эпохи проходят образы коронованного сатаной ребенка и «Алой женщины», скачущей верхом на «Звере». Встретив восторженно путч чернорубашечников, Кроули тем не менее из-за трений с новым режимом оставил в 1923 году Италию. В мечтах о «магической колонии», где покорным обожателям можно являть себя разноликим демоном, он вновь объездил множество стран, но в конце концов вернулся на родину.

Во время войны Кроули написал «Книгу Тота», посвященную символизму тарота. Умер он

в Гастингсе в 1947 году. В музее волшебства на острове Мэн выставлен сертификат, выданный Кроули «Тайным орденом Мальты», с божьим оком в треугольнике, пентаграммой и гексаграммой, то есть полным набором колдовских знаков, который так отвечал его назойливому стремлению быть сразу всем.

В 1922 году он возвел себя в наивысший ранг великого магистра «Ordo Templi Orientis» (OTO) — «Ордена восточного храма», тесно связанного с германскими оккультными группами.

Среди лиц, принимавших активное участие в деятельности ордена «Золотой восход», особое место занимает Вайолет Мэри (1891—1946), чей претенциозный псевдоним Дион Фортуна (Dion Fortune), или Бог не Судьба, привлек внимание самого Мазерса. Обнаружив в себе необычные способности, она посетила Индию, где окончательно уверилась в своем оккультном предназначении. Шотландский мистик Дж. Бродие, писавший брошюры по магии, обучив Дион Фортуне кое-каким трюкам, убедил ее заняться литературной работой. Потратив несколько лет, она кое-как состряпала бульварный роман «Демон Любовник» и закусив удила ударились в восприятие всяческих ужасов: некрофилии, астрального вампиризма и полуподпольной в те времена порнографии. Ее кошмарные рассказы о колдовстве и всяческой патологии позднее составили сборник «Тайна доктора Таверира». Художница Вивиан Ле Фай Морган, считавшая себя колдуньей — «служительницей моря», написала свой автопортрет вместе с дамой, в которой можно узнать Дион Фортуна. Прямо на зрителя с полотна взирает полноватая, безвкусно одетая мешанка с чуть косящими, по-

дернутыми поволокой глазами. Кроули не раз привлекал ее к участию в «мистериях Исиды и Диониса», как он именовал свои сексوماгические оргии. Дион Фортуне уверяла потом, что получала в это время сообщения с других планет, о чем и написала в книге «Космическая доктрина», рабски копирующей «Тайную доктрину» Блаватской.

Но вернемся к начальным годам «Золотого восхода». Слухи о розенкрейцерских рукописях, расшифрованных Весткоттом, как выяснилось с помощью никому не ведомой, если не вовсе мифической Анны Спренгель из Нюрнберга, сильно взволновали экзальтированную парижскую богему.

Молодые художники и поэты, коротавшие время за рюмкой абсента в монпарнаских кафе, проявили к розенкрейцерскому наследству ревнивый и даже болезненный интерес. Кабалистическая символика удивительно отвечала чаяниям нарождающегося декаданса. Первыми это поняли поэт маркиз Станислас де Гуайта (1860—1898) и Жозефин Пеладан (1858—1918), самоуверенный господин без определенных занятий, еще в 1885 году самовольно объявивший себя «мастером Розы и Креста».

В 1888 году, то есть в момент закладки первого храма «Золотого восхода», они с Гуайта громко и оповестили об открытии нового «кабалистического ордена розенкрейцеров», содержащего всего три степени: биологии, теории и практики. Был создан совет из 12 членов, состоящий наполовину из анонимных, как это водится, лиц. В разработке орденского статута деятельное участие приняли Жерар Энкос (1865—1916), знакомый нам по его псевдониму Па-

люс, романист Поль Адан и два старых оккультиста, известных как Барле (Альфред Фуше) и Альта (Шарль Мелин).

«Я верю в идеал, традиции и иерархию», — напыщенно провозгласил на учредительном банкете Пеладан.

В отличие от английских собратьев, сразу же взявших четко выраженное оккультное направление, французские розенкрейцеры-кабалисты образовали сначала нечто вроде литературного общества, сыгравшего важную роль в становлении европейского символизма. «Роза и Крест» Блока явилась как бы дальним отголоском тех первоначальных исканий. В том, что на деятельности ордена остался неизгладимый отпечаток фарса, во многом виновен лично Пеладан с его манией величия и совершенно маниакальным пристрастием к пышным титулам и одеяниям. Блок опосредованно уловил и эту сторону раннего символизма, оставившую по себе долгую память. Я имею в виду «Балаганчик» с его печальным мистиком Пьеро. Разумеется, гениальный поэт отразил в своей небольшой пьесе совсем иное общественное явление, но как определенное понятие слово «балаганчик» поразительно точно подходит к розенкрейцерству Гуайта — Пеладана. Очень скоро Пеладан, пресытившись молотком самозваного мастера, стал называть себя — ни больше ни меньше — «царем», причем «царем ассирийским». Эту распространенную манеру околелитературного декаданса заметил, кстати, точный и беспощадный в оценках Иван Бунин.

Обрисованный им психологический тип одного третьеразрядного поэта исключительно интересен для нашей темы:

«В детстве был помешан на играх в индейцев, был необычно-

венно жив, страстен. Юношей страшно изменился: стал какой-то мертвый, худой. Злоупотреблял наркотиками — курил опиум, жевал гашиш, прыскался каким-то острым индийским бальзамом. Основал «кружок декадентов», издал книгу своих стихов: «Из книги Невидимой, или Натура Натуранс» — с совершенно нечеловеческими строками какого-то четвертого измерения».

Какая верная, какая убийственная аналогия! Метя в одно явление, Бунин пронзил стрелой и другое, сходное с ним, того же психологического, вернее, мировоззренческого порядка. Но вот перед нами другая характеристика и тоже бьющая в яблочко на обеих мишенях:

«Справедливость требует упомянуть еще Емельянова-Кохановского. Это он первый поразил Москву: выпустил в один прекрасный день книгу своих стихов, посвященных самому себе и Клеопатре (так на ней и было напечатано: «Посвящается Мне и египетской царице Клеопатре»), а затем самолично появился на Тверском бульваре: в подштаниках, в бурке и папахе, в черных очках и с длинными собачьими когтями, привязанными к пальцам правой руки. Конечно, его сейчас же убрали с бульвара, увели в полицию, но все равно: дело было сделано».

Да, дело было сделано. Как скажет впоследствии Игорь Северянин: «Я прогремел на всю Россию, как оскандаленный герой».

У меня есть упомянутая Буниным книжка, отпечатанная на розовой бумаге в 1895 году в типографии И. П. Малышева. Она называется «Обнаженные нервы». Я раскрыл ее на стихотворении «Монолог маньяка. Бред второй», где сказано буквально следующее:

Я сделать все могу! Как истая змея,
Я заражать могу отравленной слюною,
В служенье сатане — вся жизнь

и цель моя!
Болезнь красавица! Болезнь тоска
с грозою!..

И тело у меня все язвами покрыто...
Я с упоением люблю их и лелею,
Коплю в них ясный сок

для радостного сбыта
Любовницам своим за страстную
затею!

Если убрать рифмы и поломать ритмику двумя-тремя специфическими оборотами, то полученный текст станет совершенно неотличим от словесного бреда, который обрушивали на читателя оккультные журнальчики вроде «Ребуса» или «Оттуда». Взяв сразу же после сборника Кохановского книгу Д. Г. Булгаковского «Из загробного мира» (М., 1914) и также раскрыв ее наугад, я наткнулся на следующие строки:

«Некоторые умершие, при свидании с живыми, бывают весьма общительны. Они выражают свой привет рукопожатием, поклонами, поцелуями, принимают живых в свои объятия... Благодаря такой общительности некоторые живые настолько осваиваются с умершими, что иногда забывают, с кем они имеют дело. Так, один парикмахер до того забылся, что он видит перед собою умершего брата, что, закулив трубку, предложил ему покурить, но тот, конечно, отказался. «У нас, — сказал он, — не курят».

Близость психологических типов проявлялась и в поразительном сходстве рекламных приемов, бьющих на дешевый «мистический» эффект. И это тоже не укрылось от проницательного взора Бунина. В связи с тем, однако, что мы анализируем здесь не литературный процесс, но общественное явление, культуре враждебное, я позволю себе

привести соответствующую цитату без упомянутого в ней имени:

«А потом — названия поляковских изданий: «Скорпион», «Весы» или, например, название первого альманаха, выпущенного «Скорпионом»: «Северные цветы, альманах первый, ассирийский». Все недоумевали: почему «Скорпион»? И что за «Скорпион» — гад или созвездие? И отчего эти «Северные цветы» вдруг оказались ассирийскими? Однако это недоумение вскоре сменилось у многих почтением, восхищением. Так что, когда вскоре после того (...) даже и самого себя объявил ассирийским магом, все уже свято верили, что он маг. Это ведь не шутка — ярлык. «Чем себя наречешь, тем и прослывешь».

У нас есть все основания адресовать это «ассирийскому царю» Пеладану, чей образ, надеюсь, обрисовался достаточно полно. Потом «царь» придумал и имя — Меродак, обозначив его в розенкрейцеровских прокламациях. Этого ему, видимо, показалось недостаточно, и он присвоил титул «кардинала и архиепископа парижского». Насмешки и угрозы вести себя чуточку поскромнее на него не действовали. Несмотря на нарекания Гуайта и его аристократических друзей, он продолжал гнуть свою линию.

Его последний титул «Царь Меродак Пеладан, римско-католический легат», как бы объединивший оба предыдущих, проложил путь к созданию нового розенкрейцеровского ордена — католического. Рыцари, привлеченные в братство Гуайта, получили степени из рук Пеладана. Элемир Бурже подражал дендизму «царя», пишущий эзотерические романы граф Леон де Ларма выдал за него свою племянницу, а наделенный не толь-

ко громким именем, но и талантом живописца граф Антуан де Ларошфуко писал с него портреты.

Одолеваемый жаждой славы, Пеладан открыл «Салон Розы и Креста», где экспонировались английские прерафаэлиты * и молодые парижские эстеты, стоящие на крайних позициях католической реакции. На первой выставке были представлены полотна известных мастеров — Густава Моро, Пюви де Шаванна, Фелисьена Ропса, Кнопфа, Руа. Но подлинному искусству тесно в рамках обскурантизма, и последующие выставки уже не могли похвастаться картинами знаменитостей. Постепенно Пеладан остался один на один с собственной манией величия. Напрасно «ассирийский владыка, маг и римско-католический прелат» продолжает вещать о божественной функции искусства: «Красота ведет художника к богу». Сказано, конечно, неплохо. Беда лишь в том, что нельзя объявить себя ни живописцем, ни музыкантом, хотя всюду только и разговоров что о новом кумире Рихарде Вагнере и молодом Эрике Сати, торжественно провозглашенном официальным композитором ордена. Эзотерический роман тоже не получается у Пеладана, а философские опусы не приносят желаемого эффекта. Король предстает перед гогочущей толпой, как и положено, голым. И поделом: мистический балаганчик и художественная школа — совершенно разные вещи. Гуайта и его группа демонстративно покинули орден, заклеив напоследок «царя-кардинала» отступником и, что, видимо, ближе к истине, шизофреником.

* Группа английских художников и писателей XIX века, ориентировавшихся на искусство средних веков и Раннего Возрождения (до Рафаэля).

Вообще история католических розенкрейцеров была сопряжена с непрерывной цепью скандальных происшествий, в которых оказались замешаны романист Жорж Гюисманс (1848—1907) и аббат Булен, сочетавший служение господа с занятием черной магией. За убийство ребенка его даже решили было расстрелять, но паломничество в Рим позволило «лучшему знатоку Апокалипсиса» сохранить духовный сан. Папа и впрямь отпустил смертный грех черной мессы. Аббат, этот достойный потомок Гибурга, и Гюисманс, собиравший материал для очередного романа, разошлись в толковании розенкрейцерских ритуалов с версией Гуайта — Пеладана, что привело к стычке. Сначала в лучших традициях оккультизма поэт-маркиз приговорил аббата к смерти «через флюид», но, очевидно, из-за технических трудностей колдовство почему-то не сработало. А впрочем, как на это посмотреть. Жребий, предназначавшийся одному, мог вполне достаться другому.

Гюисманс, автор романа «Наоборот», герой которого аристократ Дез Эссент сделался идеалом декадентской богемы, как раз в это время пережил легкий сердечный приступ. Увлеченный идеей нового романа, «Там, внизу», посвященного колдунам и сатанистам, он сразу же решил, что Гуайта сделал его жертвой энвольтования. Оставив Лион, где ему так интересно работало, он помчался в Париж, чтобы публично заклеить Гуайта «магическим убийцей». Это дикое, совершенно смехотворное в канун XX века обвинение пылко поддержал журналист Жюль Буи, заподозрив в «гнусном энвольтовании» не только маркиза, но и его приятеля Папюса. Дело кончилось формальным вызовом. Дуэль, к счастью, за-

вершилась бескровно, что дало Буи лишний повод обвинить противную сторону в колдовских кознях: то пуля недостаточно крепко сидела в стволе, то лошади останавливались посреди дороги, путая упряжь, — словом, сплошные чары.

Истерия заразительна. Попадавшие в ее приливную волну теряют и выдержку, и остатки здравого смысла. Магия всегда летит на истерическом гребне, захлестывая, ослепляя, накрывая с головой. Редко кому удавалось невредимым выскочить из ее круговерти.

Де Гуайта, молодой и безрасудный, покончил с собой, написав несколько пухлых, никому не нужных томов о волшебном искусстве. В поисках «иного берега» он злоупотреблял гашишем, морфием, кокаином. Зловещая участь. Морфием, кстати, отравился и друг Гюисманса Эдвард Дюбу. «Дивный опиум духа, дарящий нам крылья», — как выразился Шарль Бодлер.

«Стиль розенкрейцерства» заметно повлиял на артистическую элиту Германии и Австро-Венгрии. Активным членом пражской ложи «Голубая звезда» был писатель Густав Мейринк, создавший «Голема», «Действо сверчков», «Мастера Леонарда». Знатоком каббалы и розенкрейцерского символизма, он в расцвете таланта оставил творчество и принял буддизм, но, не найдя успокоения даже в лоне самой созерцательной из религий, покончил с собой.

К розенкрейцерам примыкал и венский теософ Франц Гартман, переведший кабалистический манускрипт «Тайные фигуры».

Заканчивая историю розенкрейцерства, выродившегося в колдовской фарс, добавлю несколько слов о судьбе братства за океаном.

«Древний и мистический орден Розового Креста», который основал известный нам Левис, существует по сей день, распространив свою деятельность на ряд штатов, и прежде всего на Флориду.

Главный казначей Леон Бачелор попробовал было восстать против диктатуры «Верховного совета», куда кроме самого Левиса входили его жена, сын, провозгласивший себя впоследствии «императором», и дети от первого брака. Левису на первых порах пришлось туго, тем более что его впутали в диспут с братом Реубином Клаймером на тему истинности понятия «розенкрейцер».

Этот Клаймер был не кто иной, как Паскаль Биверли Рэндолф, популярный писатель, много потрудившийся над распространением розенкрейцерства в США и лично знакомый с мировыми светилами оккультизма. Правда, и у него были свои трудности. Его самого, например, обвиняли в примеси негритянской крови, а проповедуемое им учение, воплощавшее сексуальные новации Кроули, — в примитивизме. Однако Левиса он положил на обе лопатки.

В 1933 году Спенсер Левис попытался взять реванш на очередном диспуте. Непримиимые догматические расхождения привели к расколу, и Клаймер, чье красноречие опять взяло верх, торжественно оповестил о регистрации «истинного» ордена в штате Пенсильвания. Одержав победу, он поехал в Европу поклониться священным гробам с прахом великих предшественников, спящих в неведомых склепах. В парижском отеле «Георг Пятый» состоялась его торжественная инаугурация в «Универсальную федерацию орденов, обществ и братств», куда он был посвящен вместе с Шевильоном, наследником кабалистов Гуайта. Перед Клаймером, которого, казалось, благословили тени французских оккультистов Папюса и Элиафаса Леви, открывалась сверкающая дорога магической власти. Но началась война, и контакты со Старым Светом прервались, а в 1944 году гестаповцы расстреляли злосчастного Шевильона.

В настоящий момент у розенкрейцеров столько же гроссмейстеров, сколько храмов и лож.

Проклятие свастики

Он опустил веки, почти совсем прикрыв свои дерзкие глаза. В нем звучало «заклинание огня». И медлительным, ищущим голосом он заговорил:

— Я вижу. Вижу все яснее. Горит большое общественное здание. Вот золотой купол. Мы оба знаем это здание. Это рейхстаг.

Лион Фейхтвангер,
«Братья Лаутензак»

ПРОТОТИПОМ Оскара Лаутензака послужил гипнотизер Эрик Ян Ганнусен, с триумфальным успехом выступавший перед охваченной мистическим восторгом берлинской публикой. При содействии писателя Георга Эверса с чудотворцем познакомился будущий глава службы безопасности Рейнгард Гейдрих. Умение гипнотизера извлечь тайную информацию и в подходящий момент, словно по высочайшему наитию, выкрикнуть подходящее пророчество было для нацистских главарей настоящей находкой.

Популярность Ганнусена, который принимал у себя видных штурмовиков, промышленников и финансовых воротил, была необычайной. Сидя в центре освещенного кольца, на котором лежали дрожащие, униженные перстнями пальцы потрясенных клиентов, он открывал будущее и выводывал настоящее, о чем тут же становилось известно его нацистским покровителям. Издаваемая им «Ганнусен цайтунг» выходила тиражом 200 тысяч экземпляров, на роскошной бумаге печаталось обозрение «Иной мир», содержащее глупые пророчества назревающих катаклизмов, трактуемых, разумеется, в угодном гитлеровцам духе. В его украшенных знаками зодиака и прочими колдовскими символами апартаментах на Летценбургерштрассе устраивались разнузданные оргии духа и плоти. Наэлектризованные близостью потусторонних сил, гости как-то забывали о том, что за резными панелями могут скрываться микрофоны. Как знать, может быть, именно в этом «храме» пришла Гейдриху мысль открыть великосветский, напичканный подслушивающими устройствами публичный дом, прославившийся потом в качестве «салона Кити»?

Когда же между «величайшим предсказателем XX века» и его гестаповским антрепренером пробежала черная кошка и Ганнусен неосторожно обмолвился, что располагает кое-какими сведениями об истинных поджигателях «здания с золотым куполом», его судьба была решена.

8 апреля 1933 года газета «Фёлькишер беобахтер» поместила сообщение о том, что в потсдамском лесу нашли труп знаменитого гипнотизера, убитого неизвестными злоумышленниками.

Появление на зловещем фоне заката Веймарской республики столь одиозной фигуры, как Ганнусен, отнюдь не является случайностью.

«Он, Оскар, нужен Гитлеру», — решает Лаутензак. И это верно, нужен. Нацизм тцился предстать в облике не только политического, но и магического сообщества тоже. Свастика — знак движения Солнца и просто «движения», как именовали себя немецкие фашисты на первых порах.

Алхимические и неорозенкрейцерские братства обосновались в Австрии и Южной Германии еще в начале XVIII века. Затем возник орден «Золотого и Розового Креста» с псевдомасонским ритуалом, что позволило германским оккультистам выйти на международную арену. К началу нашего столетия в Берлине уже активно работала немецкая секция теософского общества, которую возглавлял Вильгельм Хюббе-Шлайден. Генеральным секретарем секции в 1902 году стал Рудольф Штейнер (1861—1925), увлекший немецких поклонников Блаватской своими лекциями о христианском мистицизме и оккультном значении Гёте.

Идеи «Тайной доктрины» (1888), в которой оккультные догмы средневековья перемежались индубуддийскими спекуляциями и фантастическими вымыслами,

нашли в Германии горячих поклонников. Свастика в кольце гностического змея, которую Блаватская избрала в качестве теософской эмблемы, обнаружила широкий символический спектр, объединив оккультный Восток с героическим Севером нибелунгов.

Переосмыслено было и теософское учение о «коренных расах». Если, согласно Блаватской, это были полярианы (адамиты), гипербореи, лемуры, атланты, арии и две, которые еще только грядут, то автор книги «Арии» Карл Цшаеццш сделал атлантов ариями, присвоив им неперенные «нордические» признаки: светлые волосы и голубые глаза. Волны атлантов, согласно тогдашним теософским воззрениям, бороздивших моря на ладьях в виде лебедей и драконов, подобных кноррам викингов, достигли не только Америки, но и Центральной Азии, куда по воде попасть уже было никак нельзя. Но как иначе оправдать вздорный миф о «трех корнях» человечества: полярном, азиатском и лемурийском? Как объяснить, почему символика Востока лежит в основе нордической религии Солнца? Оккультные системы не нуждаются в доказательствах, подкрепляя заведомый вымысел еще более дикой фантазией. Согласно Блаватской, половое размножение было «выдуманно» именно в Азии, тогда как жившие где-то возле полюса полярианы и гипербореи размножались, очевидно, почкованием. По-видимому, с помощью столь смелой «гипотезы» объяснялась устойчивость азиатского «корня». Теософские истины покоряли своей непосредственностью и прямо-таки обезоруживающей простотой: адамиты общались с ангелами, атланты погубили себя злоупотреблением черной магией, лемуры были телепата-

ми и по причине излишней деликатности конституции вымерли. В том же свете рисовалось и будущее Земли: шестая раса вновь заселит Лемурию, седьмая — стартует на Меркурий.

Можно лишь вновь и вновь удивляться тому, что многими все это воспринималось всерьез и даже получало развитие в квазинаучных монографиях. Профессор Берлинского университета Альберт Герман выдвинул гипотезу, что столица Атлантиды скрыта водами тунисского шельфа, профессор Герман Вирт приукрасил теософские измышления цитатами из «Эдды» и хроники «Ура-Линда», что произвело неизгладимое впечатление на рейхсфюрера СС Гиммлера.

Поворотным пунктом в эволюции немецкого оккультного движения стал 1912 год, когда Теодор Рейсс вместе с Кроули основал уже упоминавшийся «Орден восточного храма» (ОТО), который стал своего рода затравкой, сразу же вызвавшей бурную кристаллизацию. Тогда же, после шумного скандала, последовавшего за исключением из теософского общества шарлатана и авантюриста Гуго Вольрата, Рудольф Штейнер расстался с Анни Безант и, решив основать новое общество — антропософское, выступил с элитарной идеей «внутреннего круга». Ориенталистские источники, питавшие ОТО тантрийскими фокусами и сексوماгической практикой, достаточно многообразны, чтобы можно было говорить о каком-то определяющем влиянии. Здесь и демоническое воздействие Бафомета — Кроули, и осколки «тамплиерства», и модная теософия. Нельзя игнорировать и личные пристрастия Рейсса, который еще в 1902 году вывез из Англии масонский обряд Мемфис-Мизраим.

После смерти Карла Кельнера, с которым Рейсс разделял свои магические забавы, он сделался единственным хранителем и толкователем «великого герметического секрета». Штейнеровский «внутренний круг» оказался как нельзя более кстати. Тайные школы сексумагии привлекли в ОТО толпы жаждущих «сокровенного посвящения». В Англии «внутренний круг» привился в 1910 году, когда от «Золотого восхода» отпочковалась Stella Matutina — «Утренняя звезда», которую возглавил Р. Фелкин, выпестовавший Дион Фортуне. Побывав позднее в Берлине, Фелкин счел необходимым нанести визит Штейнеру, который отнесся к «Утренней звезде» с должной серьезностью и пиететом. «Внутренний круг» оказался замкнутым кругом.

Немецкий оккультизм, как мы видим, никак нельзя считать явлением изолированным. Это лишь плод, впоследствии напитавшийся смертельным ядом, выросший на адском древе. Черпая свой мистический опыт из самых разных источников, немецкие оккультисты в свою очередь передавали его единомышленникам в других странах. Посетивший в 1906 году Россию Рудольф Штейнер совершенно очаровал Д. С. Мережковского и Зинаиду Гиппиус, ставших активными проводниками его учения. В тот же период, когда организационно оформились основные центры: антропософское общество и ОТО, Теодор Фритч и Герман Поль, по-своему истолковав идею «внутреннего круга», сформировали секретный «германский орден». Это была скорее политическая партия крайне правого толка, а не мистическое объединение, хотя многие члены ордена прошли оккультную школу Гвидо фон Листа (1848—1918) и Йорга Ланца фон Либенфельса (1874—1954).

Идейный вклад Листа в новое движение выразился в магическом истолковании скандинавских рун, Либенфельса — в расистских проповедях и мистической идее «священной немецкой крови». Основные компоненты нацизма вполне созрели, как мы видим, уже к началу первой мировой войны.

«По тем отрывочным данным, которыми мы располагаем,— пишут Д. Мельников и Л. Черная в книге «Преступник № 1»,— Гитлер читал в Вене много, но крайне беспорядочно. Читал книги по оккультизму, астрологии, зачитывался приключенческими романами Карла Мая и жадно поглощал бульварные венские журнальчики и брошюры, издаваемые различными реакционными организациями. На одном из этих журналов, а именно на антисемитском журнале под названием «Остара», который издавал один из проповедников расизма и антисемитизма в Австрии — бывший монах Георг Ланц, он же Йорг Ланц фон Либенфельс, придется остановиться подробнее. Ибо бросается в глаза тождество высказываний Гитлера с теми «теориями», которые проповедовали венские расисты. Уже в грошовых брошюрах Ланца движущей силой истории объявлялась война между «белокурой расой господ», которую Ланц называл просто «хельдингами», от немецкого слова Held — герой, и прочими, неполноценными расами под названием «аффлинги», от немецкого слова Affe — обезьяна. Ланц призывал «хельдингов» сторониться «обезьяноподобных», дабы предотвратить смешанные браки. Он считал чудовищным «расовым позором» связь белокурой женщины «высших рас» с «недочеловеками» из породы «обезьяноподобных». Между прочим, Ланц рекомендовал представителям «высших

рас» иметь много жен, не обращая внимания на церковную мораль. По теории Ланца, «хельдинги» должны были устраивать специальные питомники для выведения чистых арийцев.

На протяжении 12 лет нацисты пытались проводить в жизнь подобные теории. Гитлер был одержим идеей «улучшения расы» и давал в этой связи практические рекомендации, которые звучали ничуть не более грамотно, нежели рассуждения венских бульварных газетчиков... И наконец, уже в грязных журнальчиках, издаваемых в Вене до 1914 года, намечена программа уничтожения «низших рас», взятая на вооружение Гитлером.

Сюда же следует добавить, что Ланц отбирал кандидатов в основанный им новый «тамплиерский» орден по принципам, которыми впоследствии руководствовались в СС. Разработав церемониал Грааля, он ввел процедуру «проверки чистоты крови», что стало в нацистской Германии повседневной практикой.

Декларативно националистический и антимасонский орден Фритча — Поля строился, однако, по масонскому образцу и располагал ложами во всех городах Германии. Это был «внутренний круг» грядущего фашизма, с его культом силы и практикой геноцида; союз молота — «хаммер-бунд». Храмы ордена были расположены поблизости от готических руин Верфенштайна на Дунае, в Мариенкампе возле Ульма и на острове Рюген. Ностальгическая тяга к развалинам замков псов-рыцарей тоже не пройдет бесследно для «третьего рейха». Усилиями главы «Гитлерюгенда» Бальдура фон Шираха в короткий срок была создана система «орденсбургов», в которых проходили

подготовку
веки». Так
были постро
(Рейнланд),
рия) и
Пруссия).
В своих
нинг прив
«В моих о
растает мо
нет мир. М
жаждущая
кого не
Свободный
зверь дол
глаз... Мн
Знания по
дежь».
И он полу
Германски
культ Во
тился в
религию,
национал
ния. Окку
сделался
пропаганд
речиво с
щиеся в
ном арх
ские доку
Звенном,
кнувшим
нарожда
раноидн
тиков вр
ство Ту
крайняя
античны
дию, не
северну
мюнхен
чавших
магию с
«Туле»
ческой
расы».
прожж
дольф
1945),
натичн
убийц
Во вре
тий 19

подготовку молодые «сверхчеловеки». Такие замки-монастыри были построены в Фогельзанге (Рейнланд), Зонтхофене (Бавария) и Крессинзее (Восточная Пруссия).

В своих воспоминаниях Раушнинг приводит слова Гитлера: «В моих орденских замках подрастает молодежь, которая ужаснет мир. Мне нужна молодежь, жаждущая насилия, власти, никого не боящаяся, страшная... Свободный, прекрасный хищный зверь должен сверкать из ее глаз... Мне не нужен интеллект. Знания погубили бы мою молодежь».

И он получил желаемое.

Германский орден, возродивший культ Вотана, который превратился в своего рода партийную религию, стал составной частью национал-социалистского движения. Оккультизм, таким образом, сделался орудием политической пропаганды. Об этом красноречиво свидетельствуют хранящиеся в Германском федеральном архиве в Кобленце орденские документы.

Звенном, непосредственно сомкнувшим преступную практику нарождающегося фашизма с параноидными изысканиями теоретиков вроде Поля стало «Общество Туле». «Ултима туле» — крайняя земля — так называли античные авторы не то Шотландию, не то Исландию: самую северную точку ойкумены. Для мюнхенских оккультистов, начавших в 1918 году изучать магию скандинавских рун, слово «Туле» стало символом мифической колыбели «нордической расы». Возглавлял общество прожженный авантюрист Рудольф фон Зеботтендорф (1875—1945), самозванный барон и фанатичный фашист, воспитавший убийц Ратенау.

Во время революционных событий 1918—1919 годов Зеботтен-

дорф использовал общество для прикрытия заговорщической деятельности. В Немецкую рабочую партию, возглавляемую Антоном Дрекслером, он вступил даже раньше Гитлера, получившего почетный билет номер семь. Эта группка, собиравшаяся в небольшой мюнхенской пивной «Штернеке», стала зародышем национал-социалистского движения, в плоть и кровь которого вместе с оголтелым расизмом вошла руническая мистика. Создавая СС, Гиммлер выбрал в качестве эмблемы не латинские буквы, а напоминающие молнию знаки \mathfrak{H} . Германа Вирта, который так понравился Гиммлеру своим знанием древнегерманских обрядов, рейхсфюрер поставил во главе специального исследовательского учреждения, получившего название «Аненербе». Призванный всемерно пропагандировать «немецкое родовое наследие», этот институт, как и «Общество Туле», находился под личным патронажем главы гитлеровских карательных органов. Не удивительно, что сам Вирт вскоре получил высокий эсэсовский чин.

В его распоряжении находились специалисты по различным разделам оккультных наук. Они были призваны изучать опыт тиранов и диктаторов прошлого, обобщать накопленную тайными обществами всех времен и народов мудрость и давать соответствующие рекомендации. Мир еще не знал подобного сборища полубезумных чернокнижников и отъявленных мракобесов.

Не видя принципиальных различий между научной гипотезой и фантастическими спекуляциями, нацистские оккультисты в профессорских мантиях на все лады разглагольствовали о «вриле» — таинственном флюиде, якобы пронизывающем все мироздание. Едва ли английский

писатель Булвер-Литтон, впервые употребивший само это название в романе «Грядущая раса», полагал, что кто-то отнесется к его выдумке всерьез. «Атмосфера сумасшедшего дома», о которой упомянул Уолтер Ширер, описывая обстановку в гитлеровском бункере, окружала фашизм на всех его этапах.

«Врил», оккультная антропология, атлантомания, «коренные расы», единство религии и науки — все эти животрепещущие проблемы дебатировались еще в Мюнхене в первых нацистских кружках. Мещанам, которые, надев коричневую униформу, возомнили себя «белокурыми бестиями», «сверхчеловеками», не терпелось утвердить свою преступную волю не только над человечеством, но над временем и пространством. Для этого и нужен был мифический «врил». Из подобных спекуляций целиком вытекает и поражающее своим вопиющим невежеством «учение» Гербигера, которого Гитлер считал «одним из трех великих космологов».

Летом 1925 года многие ученые Германии и Австрии получили следующее письмо:

«Выбор надо сделать сейчас, быть с нами или против нас. В то время как Гитлер очистит политику, Ганс Гербигер сметет лживые науки. Доктрина вечного льда будет знаком возрождения немецкого народа. Берегитесь! Вставайте в наши ряды, пока еще не слишком поздно!»

Человеку, который осмелился бросить такой вызов, было 65 лет. Его учение уже получило известность среди широкой публики под названием ВЕЛ (Вельтайслере: учение о вечном льде). «Арийская космогония» противоречила общепринятым астрономическим и математическим данным, но зато оправдывала древние мифы.

«Объективная наука есть изобретение вредное, она — тотем упадка», — писал Гербигер. Он считал, как и Гитлер, что «главный вопрос любой научной деятельности — знать, кто хочет знать». Только пророк может претендовать на новое слово в науке, ибо он просветлен, вознесен на высшую ступень сознания. Ганс Гербигер не выносил ни малейшего сомнения, ни малейшего намека на противоречие. Его сотрясала священная ярость. «Вы доверяете уравнениям, а не мне! — бесновался он. — Сколько времени нам надо потратить на то, чтобы увериться в том, что математика — ложь, не имеющая никакой ценности?»

Гербигер не был одиноким. Другой нацистский космолог утверждал, что мы живем на внутренней поверхности сферы. Третий кричал, что земля плоская, что и побудило в конце концов послать на Арарат экспедицию за ковчегом.

За несколько лет основанное Гербигером движение опубликовало три огромных тома с изложением учения, 40 популярных книг, сотни брошюр. Оно издавало ежемесячный журнал «Ключ мировых событий». Гербигеру, который умер в 1932 году, наследовал его сын Ганс Гербигер-младший, связанный тесными дружескими узами с главарями штурмовиков. После прихода к власти Гитлера сопротивление ВЕЛу резко пошло на убыль, хотя университеты по-прежнему преподавали ортодоксальную астрономию. Известные инженеры и ученые присоединялись к доктрине вечного льда. Среди них были Ленард, претендовавший на приоритет в открытии рентгеновских лучей, физики Оберт и Штарк, чьи исследования в области спектроскопии были всемирно известны.

«Наши нордические предки окрепли в снегах и льдах,— писалось в одной листовке,— вот почему вера во всемирный лед является естественным наследием нордического человека».

Доктрина Гербигера объясняла появление Солнечной системы, Земли, жизни и духа. Она описывала все прошлое мира и указывала на его будущие изменения. Она отвечала на три главных вопроса: «Кто мы? Откуда мы явились? Куда мы идем?»

Учение исходило из натурфилософской идеи непрерывной борьбы между льдом и огнем, между силой отталкивания и силой притяжения. Эта борьба, это меняющееся напряжение между противостоящими принципами, эта вечная война в небе, являющаяся законом планет, правит также Землей и живой материей, определяя историю человечества. Гербигер описывал череду подъемов и падений, в которых фигурируют люди-боги, гиганты, сказочные цивилизации. Его доктрина циклов и квазимагических отношений между человеком и миром опиралась на древние пророчества, оккультное учение об астрале, древнеиндийскую мистику, астрологию и демонологию.

В письме к рейхсляйтеру Лею Гербигер писал, как, будучи молодым инженером, «наблюдал однажды падение струи расплавленного металла на мокрую заснеженную землю: земля взорвалась с замедлением и большой силой». Это все. Из этого зернышка вырастает его учение.

В небе существовало огромное тело высокой температуры, которое было в миллионы раз больше нынешнего Солнца. Оно столкнулось с гигантской планетой, появившейся в результате скопления космического льда. Масса льда проникла глубоко в недра суперсолнца. Сотни тысяч лет все оставалось по-прежнему.

Потом произошел грандиозный взрыв.

Осколки были отброшены так далеко, что исчезли в ледяном пространстве. Другие либо упали обратно на центральное тело, либо задержались в средней зоне, став планетами нашей системы. Их было 30. Луна, Юпитер, Сатурн состоят из льда, а каналы Марса — ледяные трещины. Только Земля не полностью захвачена холодом: на ней продолжается борьба льда и огня.

На расстоянии втрое большем, чем от Солнца до Нептуна, находится огромное ледяное кольцо. Официальные астрономы упорствуют, называют его Млечным Путем, потому что сквозь него просвечивает несколько звезд, похожих на Солнце. Но фотографии отдельных звезд не более чем мошеннический трюк. Это куски льда, сияющие отраженным светом.

Солнечные пятна, меняющие форму и месторасположение, происходят от падения ледяных осколков, отрывающихся от Юпитера, который замыкает свое обращение каждые 11 лет.

Лед и огонь, отталкивание и притяжение вечно борются в мире. Эта борьба определяет жизнь, смерть и бесконечное возрождение космоса.

Западногерманский писатель Элмар Брюгг издал в 1952 году труд, посвященный Гербигеру, где он писал:

«Ни одна из доктрин изображения мира не пользовалась принципом противопоставления, борьбы двух противоположных сил, которыми питается душа человека вот уже много тысячелетий. Незабываемое достоинство Гербигера в том, что он возродил интуитивное знание наших предков о вечном конфликте огня и льда, воспетое «Эддой». Он изложил этот конфликт нашим

современникам. Он научно обосновал этот грандиозный образ мира, связанного с дуализмом материи и силы: отталкивания, которое рассеивает, и притяжения, которое собирает».

Луна, согласно Гербигеру, который лишь повторял Штейнера, в конце концов упадет на Землю. Несколько десятков тысячелетий расстояние одной планеты от другой кажется неизменным, но спираль неуклонно сужается. Постепенно усилится гравитационное воздействие Луны на Землю. Воды океанов поднимутся и в постоянном приливе покроют сушу, затопят тропики, окружив высочайшие горы. Живые существа ощутят постепенное уменьшение своего веса. Они вырастут. Космические лучи станут более мощными. Действуя на гены и хромосомы, они вызовут мутации. Появятся новые расы, животные, растения и люди-гиганты.

Луна взорвется от большой скорости вращения и станет кольцом из скал, льда, воды и газа, которое будет вращаться все быстрее и быстрее. Когда же кольцо обрушится на Землю, настанет объявленный Апокалипсис. Если люди переживут его, то самым сильным, лучшим, избранным предназначено увидеть ужасающие картины конца мира.

На протяжении тысячелетий лишенную спутников Землю ожидают потрясающие наслоения новых рас гигантов и невероятные катаклизмы. В конце концов Марс достигнет орбиты Земли. Слишком большой, чтобы стать спутником, он пройдет мимо и рухнет на Солнце. Земная атмосфера будет похищена Марсом и рассеется в пространстве. Океаны вскипят, смоют все, и земная кора лопнет. Мертвая планета столкнется в небе с ледяными планетоидами, станет ги-

гантским ледяным шаром и тоже рухнет на Солнце. После столкновения настанет великое молчание, великая неподвижность, а внутри пылающей массы миллионами лет будут накапливаться водяные пары. Наконец, произойдет новый взрыв яростных сил космоса.

Такова судьба Солнечной системы в видении параноика, которого национал-социалистские бонзы называли Коперником XX века. Они относились к его истерическим фантазмам с полным доверием. В подписанном 19 июля 1936 года «Пирмонтском протоколе» ВЕЛ признавался «подлинным сокровищем германского интеллекта».

Молодой «айслере-фюрер» Ганс Роберт Гербигер в очередном припадке словоизвержения изрек: «Теория относительности так относится к мировому льду, как Талмуд к Эдде».

Для подтверждения правоты арийской космогонии Гиммлер послал Эдмунда Кисса в Абиссинию, организовал специальный отдел в «Аненербе», во главе которого поставил Ганса Скультетуса, и даже снарядил экспедицию в Гималаи на гору Нанга Парбат.

Феномен Гербигера не может быть понят вне общей «атмосферы сумасшедшего дома». Без оккультной истерии, сопровождавшей борьбу нацистов за власть, не было бы и «ледяного пророка».

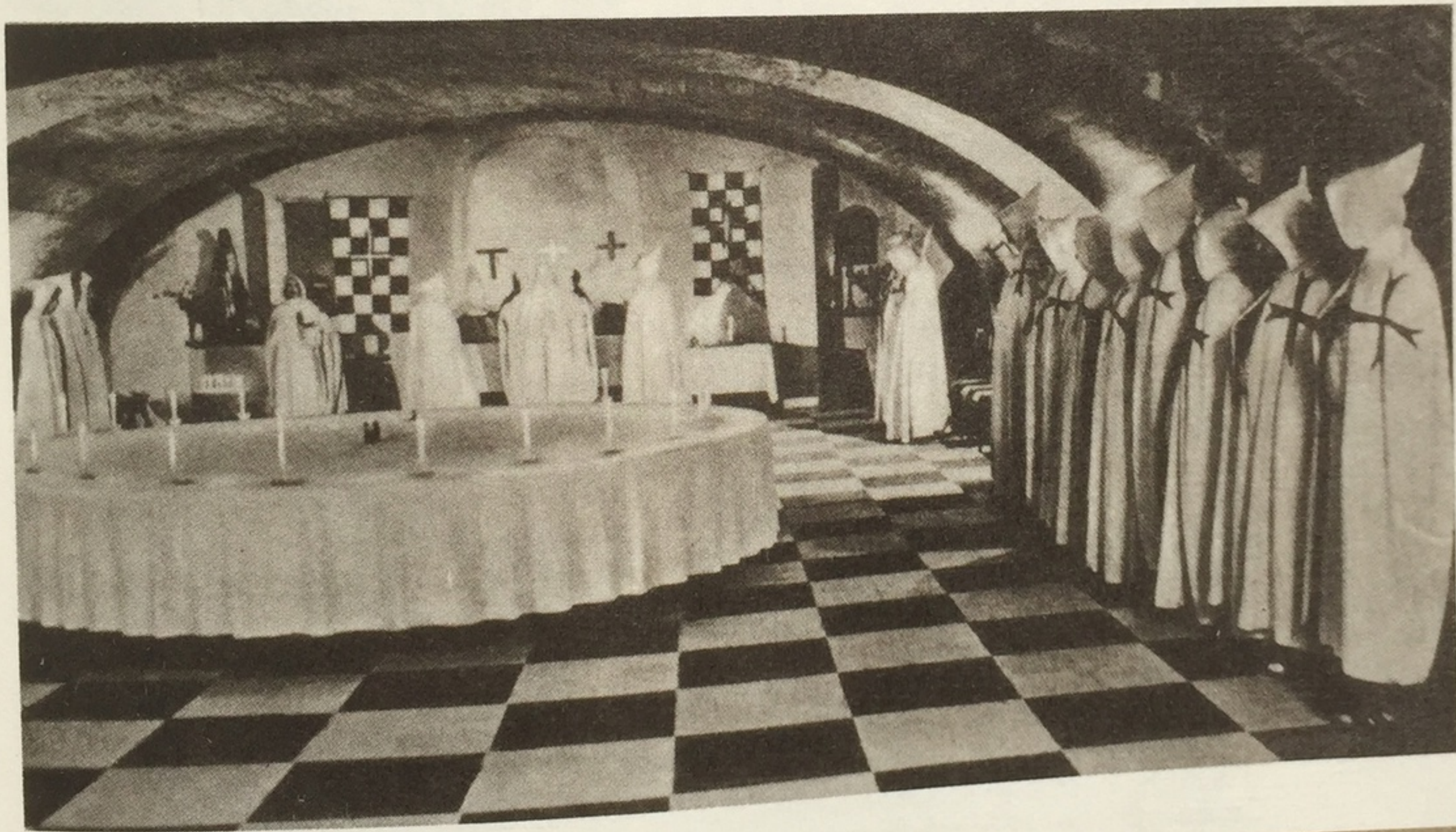
В качестве первого «импресарио» наводнивших еще Веймарскую республику оракулов и чудотворцев выступил букинист Генрих Тренкер, специализировавшийся на торговле редкими розенкрейцерскими и астрологическими изданиями. В 1923 году он организовал в Берлине братство «Коллегиум Пансофикум» с «Великой восточной ложей», построенной по образцу второго

ордена «Золотого восхода». Подражая Мазерсу, он живо усвоил эксцентричные манеры и провозгласил себя магом. Рейсс, остро нуждавшийся тогда в собственном кудеснике, даже предложил ему возглавить «Орден восточного храма». После смерти последнего Тренкер прибрал к рукам архивы ОТО, потребовав у фрау Рейсс все принадлежавшие покойному материалы.

Алистер Кроули появился на немецкой сцене в 1925 году. Его выступления перед рыцарями «внутреннего круга» произвели настоящую сенсацию. И хотя сексомания уже давно не была новинкой, артистизм «Зверя» завоевал ему множество поклонников. За его книгами и акварелями началась настоящая охота.

Заполучив такого кита, Тренкер стал подумывать о том, чтобы оформить «внутренний круг» в отдельную организацию. Среди адептов, из которых состоял тайный совет, были члены берлинского коллегiums Албин Грау (мастер Пацитиус) и Ойген Гроше (брат Григориус), мастер Герхарди и Марта Кейнтцель, представлявшая теософские круги из Данцига.

Так возникло «Братство Сатурна», просуществовавшее до захвата власти нацистами и вновь возобновившее свою деятельность в 1945 году. Этот влиятельнейший оккультный трест вскоре располагал издательством «Телем» и большим книжным магазином, открытым Гроше в Берлине. Торговля магическими

Руководители ОТО и сам Тренкер сразу же поняли, что обрели в лице Кроули долгожданного мастера. «Зверю» тоже пришлась по нраву решительность германских братьев, и он поселился в доме Тренкера в тюрингской деревне Хохенлейбен.

*Воскрешение призраков,
канувших в Лету.
Ностальгический побег во мрак.
Пробуждение темных
инстинктов.*

рецептами и астрологическими таблицами сексуальных поз оказалась необыкновенно прибыльным делом. «Братство Сатурна» продавало талисманы, пентакли и даже сперму отборных арийцев-производителей. Вопрос о том, какое положение должны занимать любовники в момент противостояния Марса и Сатурна, почему-то казался необычайно актуальным в разоренной войной стране, охваченной экономическим кризисом.

По широте размаха и смелости постановки дела «Братство Сатурна» далеко обогнало «Золотой восход», связи с которым прервались в 1933 году. Любую тайную организацию гестапо подозревало либо в шпионаже, либо в принадлежности к масонству.

Детали ритуалов сексомагии, граничащей с отъявленной порнографией, и «сатурналии» братства подробно описаны в беспрецедентной книге, изданной незначительным тиражом Адольфом Хембергером во Франкфурте-на-Майне в 1971 году.

«Финансовый маг» братства Гроше умер в 1964 году, но организация благоденствует по сей день, используя подходящую для порнобизнеса конъюнктуру. Это далеко не единственное оккультно-сексуальное общество в ФРГ. «Новые иллюминаты» оборудова-

ли свой храм в частном доме на Адальбертштрассе во Франкфурте-на-Майне, большую активность развивают «телемиты» — последователи Кроули, анонимные лица щедро финансируют сомнительного свойства журнальчик «Эзотера», пропагандирующий достижения «Золотого восхода». Этот орден все еще действует в Англии и некоторых других странах, равно как и ОТО, чьи «закрытые» ложи существуют помимо ФРГ в Австрии и Швейцарии.

Публичные сексомагические спектакли по-прежнему приносят неизвестным инвеститорам высокие дивиденды.

На фоне оккультной, сексуальной и неонацистской вседозволенности, напоминающей мрачные времена накануне 1933 года, не замедлил воскреснуть и Эрих Ян Ганнусен, вернее, Ганнусен II, чей проспект «чудесных предсказаний», отпечатанный почему-то в Лихтенштейне, можно бесплатно получить в магазине Гроше.

По сообщениям печати, Ганнусен II, за бесценок скупавший лекарства в соседней аптеке, а затем втридорога сбывавший их как «волшебные снадобья», привлечен за мошенничество к уголовной ответственности. Воистину замкнутый, вернее, порочный круг.

Бог Сатана

...дьявольский шабаш, где мерзкие
Чей-то выкидыш варят, блудят хари
Молодятся старухи и в пьяном
Голой девочке бес надевает чулки.

Шарль Бодлер,
«Маяки»

В ЭТИХ коротких строчках заключено все, что стоит знать о картине грандиознейших церемоний средневековых дьявольских шабашей. Остальное — только детали, интересные лишь для этнографа или психиатра, занимающегося помешательствами на религиозной почве. Впрочем, пригодиться могут и детали. Без них не понять, почему, например, в современных энциклопедиях и монографиях, посвященных колдовству, так часто воспроизводятся цветные фотографии обнаженных красавиц, гарнированных, словно редкостное блюдо, изысканными фруктами.

Реклама сатанистского ведомства? Окруженная обожателями королева шабаша на фоне праздничного застолья? Думаю, мы не ошибемся, дав утвердительный ответ сразу на оба вопроса.

В ведовских процессах инквизиторы пытками заставляли обвиняемых рассказывать всевозможные подробности нечестивого веселья, в котором вместе с колдунями и ведьмами участвовали и черти. Если добавить к подобным описаниям гравюры Ганса Бальдунга Грюна, Альбрехта Дюрера или «Шабаш» Франсиско Гойи, то вырисовывается следующая картина.

Шабашы устраивались ночью в каком-нибудь уединенном месте: в горах (Брокен — в Германии, Блокула — в Швеции, Лысая гора — возле Линца), в лесу или на пустынной равнине. С помощью дьявола ведьмы и ведущие переносились туда по воздуху в мгновение ока. Часто они усаживались для этого на кочергу или метлу, иногда дьявол посылал им козлов и драконов.

После традиционного поцелуя, коим колдовская рать изъясляла свою преданность дьяволу, начиналась раздача адского зелья, из которого изготовлялись потом всевозможные отравы и приво-

ротные средства. Для этого дьявол, у которого меж рогами всегда играет синее пламя, сжигал самого себя, а его подданные собирали образовавшуюся золу. По свидетельству демонологов, она считалась крайне опасной для простого человека.

Представ вновь невредимым, увитый гирляндами роз, черный козел — иным он казался прекраснейшим принцем — выводил в центр круга обнаженную, сияющую красотой королеву бала. Совершив обход гостей, он укладывал ее на алтаре, который тут же обращался в брачное ложе. Однако перед этим «детей посылали пасти лягушек», а духи воздуха деликатно закрывали сцену непроницаемой паутиной.

Затем совершалась уже известная черная месса. При этом кусочки гостии, которые тайно приносили с собой колдуньи, смоченные брачной кровью королевы, кощунственно выплевывались в котел, где варились зародыши. Шабаш заканчивался роскошным пиром, на котором, разумеется, вовсю лакомились человечиною. В перерывах между возлияниями ведьмы и колдуны скакали, повернувшись друг к другу спинами.

«Мессир, мессир, дьявол, дьявол, прыгни здесь, прыгни там, скакни здесь, скакни там, играй здесь, играй там».

Под эту разудалую песенку каждый бес находил приглянувшуюся ему ведьму. Так плодилась и множилась на земле сатанинская сила.

Хотя авторы «Молота ведьм» и прочих инквизиционных инструкций ни на йоту не сомневались в абсолютной реальности описанного действия, оккультисты нового времени вынуждены были пойти на компромисс.

«В большинстве случаев видения и сцены шабаша объясняются просто воображением колдуний

и колдунов, — стыдливо пояснял Тухолка. — Для отправления на шабаш они мазали свое тело особыми мазями, содержащими в себе травы, которые, усыпляя, в то же время возбуждают воображение и чувственность. Затем они засыпали и во сне видели в астрале созданные ими и другими суеверными лицами образы...»

Технология шабаша, причем без привлечения мистического астрала, исчерпывающе изложена в «Тиле Уленшпигеле» Шарля де Костера, кропотливо собиравшего предания фламандской старины.

«Что касается моего светящегося лица, то вам известна его тайна. Я не колдун и никогда не был колдуном: я только прикинулся дьяволом, а состав мази, не считая белены, растения ядовитого, исключительно снотворный. Когда эта женщина, подлинная колдунья, применяла снадобье, она погружалась в сон, и тут ей виделось, что она летит на шабаш, кружится там спиной к середине вращения и поклоняется дьяволу в образе козла, стоящему на алтаре. По окончании хоровода — так ей казалось — она, как делают все колдуны, целовала его под хвост, чтобы затем предаться со мною, ее возлюбленным, противоестественным наслаждениям, пленявшим ее извращенный дух».

Гансик сказал правду, хоть и оговорил при этом Катлину, назвав ее колдуньей. Кого только не обвиняли «охотники за ведьмами» в смертном грехе сатанизма! Богомилов, катаров, тамплиеров, нераскаившихся манихеев и просто бедных знахарок вроде Катлины. Между тем отдельные тайные секты, практиковавшие служение дьяволу, действительно существовали, укрываясь большей частью под сенью дворцов и монастырей. Повальное увлечение сатанизмом началось, однако, с середины XVII века, когда поставка

младенцев для черных месс превратилась в Париже в доходный промысел.

И это еще один парадокс исследуемого предмета. Ужасы, которые упорно приписывают «мрачному средневековью», стали чуть ли не будничным делом именно в новые времена. Для осмысления подобных вывихов общественно-го сознания уместно вновь остановиться на генезисе сатанистского культа.

Черная месса, как и прочие ритуалы сатанистского культа, представляет собой точное воплощение древнего принципа дуализма, зеркальное отражение церковного обряда.

Сердцевиной христианской литургии является, как известно, причастие крови и телу Христову вином и хлебом. Этот магический акт способствовал распространению веры в реальное присутствие святого гостя во время богослужения. Столь кощунственное в основе своей суеверие нашло отражение уже в схоластических доктринах VII века. Оставалось сделать всего один шаг, чтобы попытаться навязать волю священнослужителя-теурга трансцендентным силам иной природы. Это и было достигнуто в черной мессе, противоположной заупокойной, предназначенной для страждущих в адской бездне душ. Примечательно, что около 700 года совет города Толедо категорически запретил использование реквием-мессы для «убийства живых людей». Гримуар Гонория содержит множество таких смертоносных заклинаний.

Насколько можно судить по литературе, обряд материализации демона начинался с подобию мессы святого гостя, вернее, с пародии на нее, потому что соответствующая молитва читалась наоборот. При этом использовались оскверненные вино и облатки,

а также слезы, взятые из глаз живого петушка. Весьма примечательная деталь, достойная кровавых обрядов вóду.

Чарлз Вильямс упоминает о ней в книге «Колдовство», где также говорится о богохульстве, сопровождавшем «черный» обряд.

В книгах итальянского демонолога XVII века Франческо Марии Гуаццо мне удалось найти описание пакта, который заключали с дьяволом его поклонники. Перечисленные в договоре 11 статей дают обильную пищу для размышлений. Они излагаются в следующем порядке: отречение от христианского учения; перекрещение в имя дьявола, которое уничтожает прежнее имя; символическая перемена крестных святынь дьявольским прикосновением; отречение от крестного отца и матери и получение новых покровителей; приношение клочка одежды дьяволу как знак почитания; клятва верности дьяволу, данная в магическом круге посредством отречения от прежних идеалов; включение имени посвященного в «Книгу смерти»; обещание посвятить дьяволу детей; обещание платить дань дьяволу в виде угодных ему предметов и деяний; ношение знаков посвящения дьяволу; особого обряда клятва, включающая обещание хранить тайну шабашей и осквернения христианских реликвий.

Юридически документ составлен безупречно. С оглядкой на те времена, когда даже процессы над животными совершались с соблюдением всех предписанных процедур, его можно счесть и вполне логичным. В сущности, речь идет всего лишь о перемене хозяина, о переходе из одного ведомства в другое, равноправное.

Этот схоластический принцип полного равенства лежит и в основе гротескного ритуала нынешних дьяволоманов. Полностью

игнорируя моральную, нравственную сторону проблемы, они все сводят к подобию, вернее, антиподобию дьявола, богу. На такой игре в перемену полюсов как раз и построены вызвавшие невиданный ажиотаж фильмы, живописующие изуверскую практику сатанистских, колдовских, каннибальских и прочих сект. «Ребенок Розмари» Романа Поланского, «Экзорцист» Уильяма Фридкина, «Ужасная судьба Гийомета Бабен» Гийома Радо, «Духи дамы в черном» Франческо Баррили, «Гонки с дьяволом» Старрета — это сегодня вершины, возвышающиеся одинокими маяками над взбудораженным месивом порносадизма, полностью подчинившего себе индустрию видеокассет. Порок сатанистских лент не столько в избранной теме, сколько в нарочитой отстраненности от морали, причем не обязательно христианской. Зашифрованный в них смысл до ужаса прост. Стоит лишь сменить алтарь, как меняют фирму, и то, что считалось запретным, отвратительным, позорным, станет дозволенным: убийство, насилие, циничное измывательство, половые извращения — словом, все. Одиннадцать пунктов пакта не только оправдывают любой аморальный поступок, но и вменяют его в обязанность, превращают в «моральный».

У писателя Уильяма Питера Блетти, по чьему роману Фридкин поставил своего «Экзорциста», есть рассказ, в котором группа учеников колледжа приносит в жертву дьяволу своего учителя-девственника. В нем показан, по существу, параллельный мир, живущий по принципу полной перестановки знаков. Достаточно тонко и ненавязчиво автор дает понять, что общество, которое управляется на основе статей известного нам пакта, не только имеет право на существование,

но и ничуть не хуже нынешнего.

Это ли не свидетельство полнейшей нравственной деградации? Сатанистский пароксизм вызвал повышенный интерес печати. Французский журнал «Синервю» опубликовал целую подборку «Во власти дьявола», посвященную «новой волне черной магии и сатанизма». В ней есть весьма симптоматичное предостережение священника Брайана Тейлора, обращенное к прихожанам: «Ваши дети в опасности, они могут быть заражены культом демона. Это так же вредно, как наркотики, и в скором времени станет огромной проблемой. Дети, чуткие к таинственному, естественно окажутся жертвами сил, которые не смогут контролировать».

Я обратил внимание на предостережение по поводу культа демона прежде всего потому, что оно почти дословно перекликается с сетованиями пастора из Рок-Айленда (штат Иллинойс) насчет экзорцизма: «Мода на изгнание дьявола превратилась в эпидемию вроде... наркомании и порнографии».

Казалось бы, стоило прислушаться и сделать определенные выводы, чтобы оградить молодое поколение от этого яда. Реакция официальной церкви оказалась, однако, довольно-таки своеобразной.

«В наискором времени,— заявил в 1972 году епископ Роберт Мортимер,— необходимо открыть училища, в которых будут обучать людей, могущих изгонять дьявола и злых духов».

Год спустя парижский экзорцист аббат Дебурже уже принял участие в телевизионной дискуссии по поводу очередного сатанистского фильма. Это все тот же порочный круг, в котором неразличимо слились следствия и причины. Между привлечением дья-

вола и его изгнанием нет различий.

«Экзорцисты как представители «Черного Искусства» становятся распространенным явлением», — бесстрастно констатировала недавно лондонская «Санди телеграф». Активная деятельность сатанистских групп Бирмингема; в частности, вынудила епископа Астонского открыть специальные курсы заклинателей. Епископ Лондона поручил сделать это преподобному Гарри Куперу, шестидесятипятилетнему ректору собора Сент-Джордж в Блумсбери.

Какая поразительная верность традициям! Точно так же поступила лондонская епархия, когда в XVIII веке разразился скандал вокруг клуба «Адский огонь», в котором некие Дешвуд и Уилкис устраивали для приятелей богохульные оргии.

Восстановим поэтому прерванную связь времен, чтобы сказать несколько слов об уже известном нам аббате Булле. Впервые он привлек к себе внимание парижан, когда вместе со своей любовницей Адель Шевалье основал «Общество возмещения душ», где практиковал экзорцизм крайне странного и непристойного вида. Для привлечения сатаны святой отец обрызгивал участников церемонии человеческими нечистотами, перепутав, по видимому, обряд изгнания с черной мессой.

Да и немудрено перепутать, потому что принципиальной разницы между ними не существует: и то и другое — дьяволопоклонство. Не приходится удивляться поэтому, что в январе 1860 года Булле отслужил и черную мессу, на которой, как уже говорилось, был принесен в жертву ребенок. Получив отпущение грехов в Ватикане, он в 1875 году основал сатанистскую церковь Кармель. После смерти экзорциста-дьяво-

лопоклонника она стала открыто называться «Храмом Сатаны». Обряды храма включали в себя страшные церемонии, сопровождаемые не менее страшной руганью. Дьявольские колдуны приносили на алтарь «Идола мистического Содома» истекающих кровью козлов и баранов, которые незадолго до этого были объектами разнузданной оргии, где сектанты перевоплощались в суккубов, инкубов и прочих сексуальных демонов средневековья. Гюисманс, чью сторону в поединке с Гуайта держал Буллен, описал потом черные мессы и шабаши, в которых использовали глупеньких проституток, взятых прямо с панели. Отвратительные подробности дьявольских оргий приводятся и в книге А. Е. Масона «Заклученный в опале».

20 апреля 1884 года папа Лев Тринадцатый обнародовал энциклику «Humanum Genus» — «Род человеческий», в которой обрушился на масонов, причисленных им к «царству дьявола». Непосредственным поводом для анафемы послужила принятая в том же году конституция «Великого Востока Франции». Ее первый параграф гласит: «Масонство есть учреждение филантропическое, философское и прогрессивное. Оно имеет задачей искание истины, исследование нравственности, упражнение в солидарности... Принципы масонства — взаимная терпимость, уважение своего и чужого достоинства, абсолютная свобода совести. Масонство, полагая, что метафизические понятия есть личное дело каждого, отказывается от догматических утверждений. Его девиз — свобода, равенство, братство».

Энциклика, названная главой римско-католической церкви «инквизиционным декретом», объявляла масонские ложи «главной квартирой» почитателей сатаны и призывала всех добрых католи-

Обложка французского
журнала «Дьявол в XIX веке»

Лео Таксиль вместе с напарником Карлом Хаксом, выступавшим под именем доктора Батайля, приступил к выпуску иллюстрированного бюллетеня с кричащим заглавием «Дьявол в XIX веке».

ков под угрозой отлучения обратиться сердца к «царству бога». Столь яростный взрыв мрачного фанатизма хоть и не разрушил адские капища, зато подтолкнул на дерзкую проделку одного отчаянного авантюриста. В апреле 1885 года, к вящему удивлению как друзей, так и недругов, с заявлением о раскаянии в богопротивной деятельности выступил не кто иной, как Габриель Антуан Жоган-Пажес (1854—1907), писавший под псевдонимом Лео Таксиль. За свои сочинения, в которых епископы и кардиналы подвергались почти нецензурной брани, он не раз попадал в тюрьму и вообще считался заклятым врагом клерикалов. Оштрафованный на крупную сумму за публикацию книги «Любовные приключения папы Пия Девятого», он сумел добиться отмены приговора, и буквально накануне сенсационного раскаяния она вышла вторым изданием. К негодованию святейшего престола, вместе с книгой были выпущены и афиши, на которых Пий Девятый предстал в венке из женских головок. Ради справедливости упомянем, что почти все приведенные Таксилем эпизоды были высосаны из пальца. Ради саморекламы он шел на все, в том числе и на откровенный скандал. И не ошибся — успех превзошел все ожидания. Папский нунций ди Риенде, к которому Таксиль явился, чтобы смиренно просить о прощении, был вне себя от изумления, но скоро оправился и освободил «блудного сына» от церковного проклятия. С этого момента пламенный антиклерикал обратил свой разящий меч на масонов. Его и без того не знавшая удержу фантазия перехлестнула все мыслимые пределы. Новый труд Таксиля, где разоблачались секреты тайных дьяволопоклонников-люциферитов, побил рекорды его антипапских изданий. Он был пе-

реведен на все европейские языки, хотя немецкий переводчик иезуит Грубер и сократил из-за крайней скабрёзности целую часть, посвященную «масонским сестрам».

Сам Лев Тринадцатый тепло принял раскаявшегося грешника, чьи леденящие кровь разоблачения уже стояли на видном месте в ватиканской библиотеке. Реакционеры и черносотенцы всех мастей немедленно взяли их на вооружение, обрушив под предлогом борьбы с «сатанинским заговором» репрессии на прогрессивные и свободомыслящие организации. Продолжая ковать еще горячее железо, Лео Таксиль вместе с напарником Карлом Хаксом, выступавшим под именем доктора Батайля, приступил к выпуску иллюстрированного бюллетеня с кричащим заглавием — «Дьявол в XIX веке».

Описывая свои вымышленные путешествия по экзотическим странам, Батайль проникал в подземные храмы, где масоны служили Люциферу, Бафомету и Вельзевулу, и живописал виденные там ужасы. В Сингапуре он участвовал в четвертовании китайского масона-отступника, чья отсеченная голова долго вращала глазами, в Индии видел, как плясали выскочившие из гроба скелеты, в пещерах Гибралтара раскрыл фабрику микробов, которых масоны готовились выпустить в мир. Вместе с самим Сатаной он даже летал на Сириус, а когда враг человеческий, надумав женить на себе масона, обратился в красотку, наслаждался ее игрой на фортепьяно. Превращение девицы в громыхающего по клавишам крокодила тоже не смутило бывалого путешественника, видевшего чудеса и почище: дьявола о трех головах и превращающихся в змей и акул демонов.

Приведу первый попавшийся образец этой «Баталиады» в изло-

жении М. А. Орлова (История сношений человека с дьяволом, СПб, 1904):

«...На обнаженной стене появился огромный белый круг, который... должен был изображать собою католическую причастную облатку. Круг этот начал вращаться сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее и наконец разлетелся на тысячи кусков, но без малейшего шума. На месте круга появился силуэт черной курицы, которая со всех ног бежала куда-то, раскрыв клюв и как бы в ужасе подняв перья; за курицей гналась большая очковая змея, которая наконец настигла курицу и укусила ее. Курица тотчас повалилась на спину, одиннадцать раз свела и развела лапы и подохла. А змея после того медленно ее проглотила, причем видно было, как от массивного тела курицы вздувается тонкое тело змеи. После того змея, как бы постепенно потухая, пропала из глаз. На месте змеи и курицы появилась летучая мышь, которая пролетела в левый угол стены и исчезла. Дальше появился козел, который...»

Дождавшись пришествия в масонскую ложу сатаны, мы можем смело поставить точку.

Сказочные импровизации Таксила — Хакса достигли кульминации с появлением прабабушки грядущего антихриста Софии Вальдер и inferнальной красавицы Дианы Воган, дочери дьявола Битру, невесты самого Асмодея, ставшей еще в десятилетнем возрасте масонским великим мастером. В ее разоблачительных «мемуарах» не только рассказывалось о полете на Марс и способах вызывания главарей аггелского сонмища, но даже воспроизводился слепок личной печати папаши Битру, копии с которой Лев XIII велел разослать всем монастырским экзорцистам. Со времен Лойолы не было у церкви

более преданных и активных защитников, чем фирма Таксиль и К^о.

Решив порвать с адом и приобрести святых даров, к чему склонила ее сама Жанна д'Арк, прелестная Диана вызвала ликование всей римской курии. Кардинал Парокки передал ей личную благодарность и благословение его святейшества. Дамы-патронессы бесчисленных благотворительных обществ со слезами на глазах возносили господу благодарственные молитвы. Подумать только: бедняжка, родившаяся на свет божий 29 февраля (?) 1873 года, который никак нельзя было посчитать високосным, спасена для вечного блаженства!

Можно представить себе, каково было нетерпение публики, собравшейся 19 апреля 1897 года в зале географического общества в Париже, чтобы своими глазами увидеть мужественную маленькую женщину, бросившую вызов самому Сатане! Однако вместо объявленной Дианы Воган на трибуне появился Таксиль, пущен денег обожавший острые ситуации. Первые же слова его речи потонули в воплях негодования, проклятиях и совершенно гомерическом хохоте.

Произнес же он буквально следующее:

«Достопочтенные отцы, милостивые государины и государи! Вы желали видеть Диану Воган? Взгляните на меня: я эта дама!» Всеобщее недоумение. «С детства, — продолжал Таксиль, — я любил обманывать людей и шутить над ними шутки. Однажды я еще мальчиком напугал всех жителей Марселя, рассказывая, будто видел акул в гавани, в другой раз, юношей, я всполошил археологов, уверив, что нашел на дне Женевского озера целый подводный город из свайных построек. Но все это было ребячество по сравнению с тем, что я морочил все като-

лическое духовенство в течение 12 лет!»

О гневe святейшего престола, не поддающемуся никакому описанию, можно судить по тексту формального отлучения, отнявшего у Лео Таксиль надежды на райские кущи:

«...Да будет проклят волос его и мозг его, мозжечок его, виски его, лоб его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, нос его, кисти рук и руки его, пальцы его, грудь его, пах его с прилегающими частями, бедра его, колени его, ноги его, ногти его. Да будет он проклят во всех суставах членов его...»

Под скандальную брань и грохот петард «сатанинского скандала» шел на ущерб просвещенный XIX век. У него не оставалось времени, чтобы подвести хотя бы итоги действительным и мнимым дьяволиадам, которые беспрепятственно перекочевали в наше столетие.

Кроули, стоявший у колыбели современного дьяволопоклонства, не устал повторять: «Сатана — не враг человека. Он Жизнь, Любовь, Свет». Так мог говорить о Христе благонамеренный баптистский проповедник. Ныне совершенно легальные объединения сатанистов существуют во многих городах США и Англии, Франции и Италии, хотя не им принадлежит партия первой скрипки в разноголосом и пестром оркестре лож, группировок и сект самого разнообразного толка. Основные центры «Церкви бога Сатаны» — так звучит официальное название — расположены в Манчестере и Сан-Франциско. Примечательно, что в ритуальных отправлениях используются все атрибуты христианства, равно как и расхожие лозунги о милосердии и любви.

Так называемые «ортодоксальные дьяволисты», ищущие острых ощущений и особых «психологических наслаждений», про-

должают придерживаться регламентации шестой степени ритуалов Кроули, подробно описанных в книге Джона Симондса «Великий зверь». В общих чертах мы с ними уже знакомы. Кроули первым присоединил к священным символам разных эпох переосмысленные фашистами индоарийские и римские эмблемы. Излюбленной «кроулианской иконой» стало изображение креста с распятым на нем отвратительным змеем.

Теория и практика сатанистов остались неизменными. И если вместо живых младенцев они пользуются куклами, то это не значит, что с ритуальными убийствами покончено. Случаи, о которых говорилось вначале, свидетельствуют об обратном. Кстати, заменяющие детей фигурки поставляет современный «черный патер» Сесил Вильямсон. По просьбе оккультного журнала он продемонстрировал все стадии своей работы: добычу воды и земли с кладбища, вдухание «духа» через трубочку для коктейля, «крещение» в купели, «намагничивание», сожжение и т. д.

Американцы — в общем здоровый народ и по-настоящему интеллигентные люди — брезгливо сторонятся сатанистов, справедливо причисляя их к подонкам общества: сексуальным маньякам, наркоманам, фашистам. Но недооценивать представляемую ими опасность было бы близорукостью.

Щеголяя нацистскими эмблемами «агрессии и силы», дьяволоманы наряду с восхвалением своего кумира повсюду, где только могут, сеют плевелы классовой и расовой ненависти. Как это было уже множество раз в далеком и близком прошлом, вокруг Ла Вей складывается уголовно-мистическая легенда. Его тщатся изобразить новоявленным пророком, «сверхчеловеком», воплощенным демо-

ном. Когда в автомобильной аварии погибла вместе с любовником гордость сатанистской церкви эстрадная дива Джин Мэнсфилд, кто-то распустил слух, что дьявольский жрец предостерег ее об этом еще за неделю. Возможно, это и так, хотя репортеры, поспешившие раздуть столь куцую

Верховный жрец
сатанистской церкви
Ла Вей (США)

БОГ САТАНА

*«Магические формулы»
и всякого рода бредовые идейки,
изрядно пропахшие нафталином,
время от времени встряхивает
на белый свет новоявленный духовидец
или политический демагог.*

сенсацию, не исключали и личной причастности фюрера сатанистов, которых красotka Джин покинула ради Сэма Броди. Считающий себя, как и всякий фашист, суперменом, Ла Вей, безусловно, был уязвлен этой изменой. Авария дала ему прекрасный повод для рекламных дефиниций о вине и воздаянии.

В прошлом полицейский фотограф, а затем укротитель львов, он «обогатил» деятельность сатанистов своим знанием и жизни, и смерти. Не только с рядовыми сектантами, но и с членами «совета девяти», в котором первенствует, Ла Вей ведет себя, как на арене с хищниками, явно предпочитая магическому мечу плетку и бич. Храм, в котором, как в криминалистическом музее, расставлены витрины с высушенными мумиями и всякого рода костями, декорирован в черный и красный цвет. Примерно так были обставлены «адские трюки» в шапито тридцатых — сороковых годов.

Дочь Ла Вея Карла тоже пошла по стезе отца. Эффектные кладбищенские номера и фотогеничное личико быстро выдвинули ее в первые ряды «жриц ада» — всякая власть, основанная на иерархических принципах, стремится стать наследственной, особенно преступная власть.

«Есть идеи, — писал в 1913 году П. Д. Успенский, ближайший ученик вновь популярного на Западе мистика Георгия Гюрджиева, — которые затрагивают все самые интимные уголки нашей души и,

раз затронув, навсегда оставляют в них след. И при этом если идея была взята неправильно, то и след остается неправильный, сбивающий с прямого пути, отравляющий жизнь... Так именно действует неправильно воспринятая идея «сверхчеловека».

Ни сам Успенский, ни Гюрджиев, ни Рудольф Штейнер не были фашистами (последний даже из-за нападок фашиствующих хулиганов покинул Германию). Фридрих Ницше, провозгласивший устами своего Заратустры, что «бог умер», и которого гитлеровцы записали в свои учителя, тоже был далек от расистских бредней. Но мир слишком дорогой ценой заплатил за попытку реализовать оккультное в конечном счете учение о «сверхчеловеке».

Идеи, как известно, живут независимо от их творцов. Об этом, кстати, прекрасно знал хотя бы тот же Штейнер, написавший в своей «Мистике» следующие слова: «Есть магические формулы, которые на протяжении столетий истории духа продолжают действовать неизменно, как новые».

В бесславной шеренге лжепрофетов, стремившихся отвлечь пролетариат от классовой борьбы, суля ему воздаяние в потустороннем мире, ни Гюрджиев, ни Штейнер не были первыми. Но и стать последними им не сулила судьба. «Магические формулы» и всякого рода бредовые идейки, изрядно пропахшие нафталином, время от времени вытряхивает на белый свет новоявленный духовидец или политический демагог.

Ведовской балаганчик

Природа — некий храм, где от
живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят
временами.
Как в чаще символов, мы бродим
в этом храме,
И взглядом родственным глядит
на смертных он.

Подобно голосам на дальнем
расстоянье,
Когда их смутный хор един, как
тьма и свет,
Перекликаются звук, запах,
форма, цвет,
Глубокий, темный смысл обретшие
в слиянье.

Шарль Бодлер,
«Соответствия»

В ОДНОМ из книжных магазинов, торгующих оккультными изданиями, я взял анкету, предназначенную для вербовки неопитов.

«Хотите стать волшебником?» — заманчиво вопрошал набранный жирными готическими литерами заголовок. Желая ответить на 20 вопросов:

1. Обладаете ли вы счастливым очарованием, удачливостью?
2. Имели ли вы видения прошлых жизней, чувствовали когда-нибудь, что с вами это уже было?
3. Верите ли в силу вашего желания?
4. Являетесь ли ярко выраженной магической личностью?
5. Имели ли опыт прямого использования вашей психической силы? (Например, смогли заставить кого-нибудь сказать или сделать то, что вам хотелось.)
6. Верите ли в слова, наделенные мощью?
7. Верите ли в силу внушения?
8. Тянуло ли вас к оккультным наукам? (Возможно, ощущение жгучей привлекательности этого.)
9. Где вы заразились интересом к оккультизму?
10. Волшебство — древняя религия земли. Цените ли вы это?
11. Ощущаете ли производимый вами эффект?
12. «Суеверны» ли вы в таких вещах и умеете ли управлять ими?
13. Привлекает ли вас использование трав для приготовления пищи и лекарств древней медицины?
14. Оказывают ли на вас воздействие определенные места?
15. Волшебники творят волхования голыми. Чувствуете ли вы себя достаточно естественно и удобно без одежды?
16. Верите ли в перерождение?
17. Есть ли у вас тайное имя, которым зовете себя, и хотите ли иметь его?
18. Говорите ли вы с растениями, с вашей кошкой и собакой и верите ли в то, что они и прочие вещи в вашем доме обладают личностью, индивидуальностью?
19. Верите ли в группу людей, могущих совместно концентрировать мощь психических сил?
20. Хотите, чтобы другие относились к вам как к волшебнику?

Я не знаю, как и с помощью какого компьютера обрабатываются такие листки. Но анкета составлена со знанием дела и с тонким пониманием человеческой психологии. Уверен, что тщательный анализ ее сослужит добрую службу научному атеизму, одной из главных задач которого является проникновение в сущность религиозного, оккультного в данном случае, сознания. Его природа не изменилась за прошедшие тысячелетия, как не изменилась в своей основе и сама магия.

«В новейшей мистике нет принципиально ничего нового,— пишет М. И. Шахнович в книге «Современная мистика в свете науки».— Под видом «новой науки» оккультисты предлагают старую лженауку — эту гальванизацию, казалось бы, давно похороненного трупа. Термин «философия оккультизма» впервые употребил советник короля Карля Пятого Агриппа Неттесгеймский, который в XVI веке стремился придать магии вид естественной науки».

На протяжении всего повествования мы были свидетелями преемственности основополагающих идей и принципов оккультизма. Такая же преемственность легко прослеживается и в ритуальной магии.

В изданной в 1801 году книге французского мистика Франсуа Барре «Маг или небесный мудрец» был обобщен весь опыт предшествующих веков: «Ключ Соломона» и «Книга истинной черной магии», системы Парацельса и Джона Ди, исконные народные суеверия. Барре оказал неизгладимое влияние на Элиафаса Леви, который уже в свой черед систематизировал оккультное наследие, елико возможно осовременил его, придав некую наукообразность (Догмат и ритуал высшей магии, 1856).

Мистическая воля теурга для Леви не столько абстрактное начало, сколько вполне материальная сила, «как пар или струя гальванизма». Это не оригинальная концепция, ее проповедовали еще месмеристы, видя в баке с отводами конденсатор магической мощи. «Краеугольный камень магии есть глубокое практическое знание магнетизма и электричества»,— напишет потом Блаватская в «Разоблаченной Изиде». Оккультизм из кожи вон лез, чтобы не отстать от науки, но грош цена этим тщетным стремлениям, ибо понимание Блаватской природы электромагнитных явлений было под стать «лейкоцитам» Папюса.

«Всякая человеческая мысль,— писал французский оккультист А. П. Синне,— переходит в минуту ее развития в мир внешний. Человек непрерывно населяет путь, проходимый им в мировом пространстве, множеством образов, представляющих детища его фантазий, желаний, стремлений и страстей. Этот ток (вот какое электричество имеется в виду! — Е. П.) оказывает воздействие, пропорционально своей напряженности, на всякую чувствительную или нервную организацию, которая находится с ним в соприкосновении».

Словом, от чего ушли, к тому и пришли. Еще неоплатоник Прокл (V в.) учил, что «все первично движущее само себя способно возвращаться к самому себе». Его сугубо идеалистическая концепция была выражена с предельной ясностью и без затемняющих смысл ссылок на электричество или пар:

«Выше всех тел — сущность души, выше всех душ — мыслительная природа, выше всех мыслительных субстанций — единое».

Это «единое» — телом Гермеса Трисмегиста, астраль, одическая

сила месмеристов-спиритов, «врил» — и составляет магическую субстанцию, позволяющую теургу творить дальное действие, вознестись над временем и пространством. И хотя едва ли можно сопоставить умозрительную гипотезу с заведомой выдумкой, телем наводит на мысль об эфире доэнштейновской физики, сама идея которого была опровергнута прямым опытом Майкельсона — Морли в 1887 году и навсегда похоронена теорией относительности.

Не наука с ее великолепно развитым математическим аппаратом и захватывающими дух свершениями, но боги и суеверия всех народов и времен составляют теоретическую основу магии. Как и в доисторическую эпоху, она исходит из догматических принципов всеобщей связи и полного соответствия целого его подобию или отдельной части.

Поэтому и Мазерс с его Абра-Мелином, и Кроули, воскресивший древний фаллический культ, оставили в неприкосновенности всю магическую триаду: веру в чудотворное проявление воли, астраль, на который она воздействует, и мистические соответствия, навсегда приковавшие Козерог к колену, а Скорпион — к человеческим гениталиям. Звезды, судьбы, части тела, цвета, металлы, числа, время, звуки магических формул, животные, растения, запахи, камни — все звенья замыкаются в единую цепь.

Нужно, скажем, вызвать дух планеты Меркурий? Нет ничего проще. Его труднопроизносимое имя Тафтхартхаратх находят, словно в телефонном справочнике, в колдовских таблицах и, как через систему своего рода паролей, соединяются через номер 8, оранжевый цвет, белое вино, змею, рыбу и множество других вещей с искомым абонентом. Я ничего не утрирую, не искажаю, а лишь добро-

совестно воспроизвожу рекомендации, содержащиеся в справочнике, изданном в 1977 году.

Не приходится удивляться тому, что на Западе не переводятся охотники воспроизвести такое действие в натуре. Сравнительно недавно четверо англичан решились вызвать упомянутого Тафтхартхаратха к себе на лондонскую квартиру. Познакомимся поближе со смельчаками, решившимися удариться в черную магию без какой бы то ни было предварительной подготовки. Душой всего предприятия был Чарлз Роше, подвизавшийся одно время в качестве врача при марокканском дворе, где ему удалось усовершенствовать ватерклозет с помощью добавочной системы промывки. Ему помогали биржевой маклер Фредерик Гарднер, одержимый страстью к алхимии, которая в конце концов разорила его, ибо в мечтах о «красном льве» он утратил деловое чутье, актриса Флоренс Ферр, совмещавшая астральные блуждания с увлечением велосипедом, и страдавший астмой инженер-электрик Алан Беннет, решивший сделаться буддийским монахом.

Они решили действовать точно по науке. Нарисовали оранжевым мелом не слишком правильный, но зато просторный восьмиугольник, в углах которого поместили лампы, заправленные оливковым маслом, смешанным с жиром змеи. За периметром в юго-западной стороне изобразили положенный треугольник, куда должен был прибыть вызываемый дух, не забыв поставить в вершинах кадилыницы, где на углях испарялась ртуть. О токсичности ртутных паров они, по-видимому, не знали, но не об этом речь. Можно и рискнуть, если только из этого дыма способен построить свое тело астральный гость, сгуститься, как джинн из бутылки. Для лучшего эффекта в центре восьми-

угольника был помещен медный котелок с пылающим спиртом, настоящим на змеиных головках. Этот адский суп олицетворял субстанцию Меркурия, которая должна была обрести плоть в ритуальных, окутанных ртутными испарениями огнях. Кровь змей символизировала магическое слово «мессия». Особые надежды возлагались на жуткое заклинание, зашифрованное в буквах StiBeTTChePhMeFShihSS.

Короче говоря, группа Роше соблюла все мыслимые и даже немыслимые тонкости, но... Не помогло и злое повеление Wargom, заимствованное у каких-то арабских чародеев.

Обычно сложности отпугивают неофитов, которые бросаются творить чудеса, еще не дочитав до конца наставления из популярной серии «Сделай сам». Скорее всего, именно по этой причине в США и Западной Европе такую популярность снискала «абрамелин-магия». Причудливая и во многом отличная от традиционной, она обходится без обязательного магического круга, довольствуясь деревянным алтариком где-нибудь в уединенном уголке, окруженном кустарниками или цветами. На худой конец сгодится и комната, ведущая на террасу. Правда, для беспрепятственного общения со «святой ангельской гвардией» необходимо пройти кое-какую подготовку. Шестимесячная йогическая практика с чтением священных текстов считается «техминимумом».

Ангельские послания «абрамелин-магии» принимают через посредство медиумов-детей, которые во все века считались лучшими генераторами спиритической мощи. Их тоже учат «искусству» читать загадочные слова и фигуры, начертанные нездешней рукой. «Опиум духа», усвоенный в ранние годы, необратимо калечит психику. Дети «великих жрецов»

и «жриц», как правило, навсегда остаются в плену магического круга.

Затем наступает обещанная в наставлениях «неделя невиданных феноменов», когда адепт узнает, разумеется от ангелов, тайну власти над добрыми и злыми силами. Описываемые при этом видения: красная змея под кроватью, красный обелиск на западной стене спальни — напоминают симптомы белой горячки. И немудрено, потому что для выхода в астраль используются не только защитные «абрамелин-талисманы», изготовленные со всевозможным тщанием, но разные одурманивающие средства и «сокрушительные — цитирую точно по подлиннику — сексуальные аттракционы», также совершаемые при помощи незримых ратей. Тут уж в полной мере проявляется растленное наследие Кроули, который еще в 1914 году заставил Юпитера и Гермеса проявить себя в гомосексуальной акции.

О случаях умопомешательства в среде магов сообщают даже профессиональные их издания вроде «Оккультного ревю». Сетывая по поводу «несоблюдения строгих условий опыта», маги-наставники предупреждают о необходимости талисманов и советуют прибегнуть к помощи «хорошего друга, который знает, как это делается». В предвоенные годы некто Агапе Джордж из Калифорнии и Джек Парсонс, химик и психолог по образованию, поставили сексоматическое шоу на прочные коммерческие основы и придали ему должный размах. Парсонс, в частности, так сформулировал существо «своей» религии «Огня и Силы»:

«Культе солнца, мужской и женской силы, древние языческие обряды в прекрасной стране, которую вы можете создать у себя дома».

За претенциозными, выпренными фразами скрываются тесные квартирки в многоэтажных домах и голые парочки, скачущие вокруг заставленных магическими предметами столиков. Две, три, четыре таких пары в одной колдовской «семье» — вот и весь секрет «пламенного язычества».

Парсонс возродил розенкрейцерские элементарии, которые, оказывается, нуждаются для воплощения в обычном женском теле. Поэтому не составляет труда затеять очаровательные секс-игры с невидимыми существами, воспользовавшись для этого хотя бы услугами «ночных бабочек». Успешные гастролы Парсонса привели к тому, что «чудесный дух» наконец-то избрал себе тело зеленоглазой и рыжеволосой поэтессы из Нью-Йорка. Обретя достойную партнершу, маг даже сменил имя и стал называть себя Беларион Армилусс Аль Дайял Антихрист. Во как! Лишь в 1952 году, когда его силы увяли и он не смог оживить себя блеском Меркурия, партнерство расторглось.

После смерти Парсонса опыт продолжал совершенствоваться, слившись с возрожденной для новых подвигов системой Кроули, которая насчитывает не менее 10 тысяч активных сторонников в Англии и, видимо, вдвое больше в США.

Следующий шаг для возрождения колдовских вакханалий сделал англичанин Джеральд Гарднер (1921—1964), которого пресса характеризовала как садо-мазохиста и эксгибициониста. Под его бичом соединились сексуальные маньяки всех мастей, помешанные на нудизме, одержимые приапизмом* и нимфоманией. Для них колдовство сделалось не только красочной ширмой, но и великолепным полем охоты, брачным

рынком. Мужеподобные «львицы» с набором плетей и роскошные «вампиры» в кожаных со стальными шипами жилетах обрели в нем второго Кроули. Но Гарднер пошел дальше «Зверя». Развев последние волокна герметических «киммерийских теней», он впервые в истории сделал откровенное техническое пособие для будущих колдунов. Изданный в 1954 году учебник «Колдовство сегодня» скопом посвятил своих читателей в орфические мистерии современного капиталистического города.

В Англии группы «коувенс» — пещерных колдунов в стиле Кроули — Гарднера распространены повсеместно. В популярности они уступают лишь любителям лесных полей «шабашникам» — не от слова «шабашить», то есть подхалтуривать, а от мистического древнего шабаша в волшебную ночь полнолуния.

Ритуалы, инструкции, короче, всю технологию колдовства, изложенную Кроули в «Книге теней», могли использовать все, кому не лень. И не замедлили пустить в дело. Не только ловкие шарлатаны, но и помешавшиеся художники, одержимые маниакальной идеей неудачники, слепо идущие на зов из тьмы, даже школьники и школьницы, в которых едва проснулась взаимная тяга, знают теперь, какими декорациями можно обставить первый опыт.

И неважно, что откровения «религии телема» и гностические формулы соседствуют у Кроули с образами, заимствованными из книги К. Лейланда, посвященной исследованию итальянского фольклора. Кого это волнует? Кому дано это знать? Если молодой человек и перепутает именно Астарту с Мелузиной, а Диану — с Арианродом, ничего страшного не случится. Так или иначе, но он все равно

* Приапизм — по имени древнегреческого бога Приапа.

услышит зов полной Луны — властительницы волхвований, зовущей на ночные поляны, где ждет волнующее, щекочущее нервы приключение. Порочный, на грани преступности обряд и страшная клятва сделают его покорным рабом, но это будет сладкое рабство в ночном раю, где экстатические танцы, маски, сводящая с ума музыка и свободная — вне всяких запретов — любовь. «Для источника экстаза духа, для бьющего из самой земли ключа наслаждений есть один закон — желание и любовь, — устами самой богини Луны заклинал Кроули. — Мой источник — это тайная дверь юности, это чаша вина жизни, волшебный кладезь, Священный Грааль».

А вот еще одна характерная выдержка, переведенная с максимальным стремлением дать точный образец духа и стиля «Книги теней»:

«Я грация, которая дарует наслаждения сердцу мужчины. На земле я даю невообразимые удовольствия; после смерти я даю мир, отдых и экстаз. Я не требую взамен никаких жертвоприношений».

Этот вполне аутентичный текст, если не считать некоторых практически невоспроизводимых тонкостей английского языка, лжив от начала и до конца. Даже ничтожная капля из отравленной чаши не может быть свободна от яда.

Лунной богине, вещающей через своего медиума Кроули, — он чаще всего именует ее Дианой — приносили на алтарь кровавые жертвы. В ипостаси же покровительницы волшебства она забирала человека целиком.

«Эй, гляди! — понукает через своего эксцентричного посредника девственная Артемида. — Какая есть я вначале и какая стану, колдуя, в конце, когда получу желаемое».

Что Кроули Диана, которую он спутал с Арианрод почтенного Лейланда, когда в спешке передирал у него целые страницы! Правильно, лучше было бы воспользоваться Апулеем, его бессмертными «Метаморфозами».

«Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, вышедшая из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся Вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества, зовут меня Пессинутской матерью богов, тут исконные обитатели Аттики — Минервой Кекропической, здесь киприане, морем омываемые, — Пафийской Венерой, критские стрелки — Дианой Диктиннской, трехязычные сицилийцы — Стигийской Прозерпиной, элевсинцы — Церерой, древней богиней, одни — Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой, эти — Рампузией, а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца, арии и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем — царственной Исидой».

Из простого сравнения текстов видно, что примитивный колдовской ритуал ничего общего не имеет с герметическими таинствами эллинов и египтян. Он куда более напоминает убогие церемонии уголовной шайки, или же «рыцарей невидимой империи», в просторечии именуемой ку-клукс-кланом.

В современном чародействе три ступени посвящения, восходящие

по степени важности: жрец и волшебник великой богини; королева-волшебница, а если речь идет о мужчине — маг и, наконец, высшая жрица или высший жрец. При начальном посвящении обнаженным кандидатам связывают за спиной руки и завязывают глаза. Затем по знаку высшего жреца их вводят в «круг силы». После произнесения различных заклинаний от главы «шабашников», именуемого злыми языками «колдовской задницей», неопит получает четыре перекрестных поцелуя (ноги, колени, грудь, губы) и еще один — а-ля мессир Леонард, как бы рушащий последние запреты. Затем следуют четыре удара кожаным бичом, и будущий жрец и волшебник произносит такие патетические слова:

«Я, имярек, в настоящем один из могущественных, по моей свободной воле и в согласии с торжественной клятвой, буду хранить в тайне и никогда не разглашу секреты Искусства, исключая посвященных должным образом лиц, если за них ручаются братья и сестры по Искусству. Я клянусь моими надеждами на будущую жизнь исполнить мои намерения, и пусть поразит меня магическое оружие, если я нарушу эту торжественную клятву».

Настоящая присяга на верность родному флагу. На поверку, впрочем, совершенно бессмысленная, ибо тайны магического «Искусства» давным-давно разглашены миллионами книг, прессой, кино и телевидением. Равно как и сами слова «секретной» клятвы. Пока кандидат отбарабанит требуемое, ему успеют вручить «атрибуты Искусства»: нож с черной рукояткой — атаме и чертеж, сделанный по указаниям Кроули — Гарднера и известный как «ключ Соломона». Высший жрец поясняет, что с помощью этих предметов можно поработать и карать всех

мятежных духов и демонов и убеждать ангелов и добрых духов.

В конце церемонии объявляется, что кандидат стал жрецом и волшебником великой богини.

Вторая степень требует уже своего рода «очищения», если такое слово уместно в отношении черного ремесла. Жреца и волшебника спрашивают, желает ли он «страдать и очищаться, постигая орденовое учение»? После положительного ответа он тут же получает 40 ударов по мягкому месту.

Закончив экзекуцию, исполнитель отдает плетью и со словами:

«В колдовстве нужно троекратно воздавать за полученное» — покорно подставляет спину. И только

Посвящение
в колдуны

Исполнив предписанные действия, испытываемый обходит круг, что именуется «одним из могущественных элементов», и уже как новый маг или королева принимает поздравления.

Магический круг

ко что выпоротый кандидат на вторую ступень начинает отсчитывать свои 120 ударов. Эта процедура носит название «Легенды богинь» и воспринимается как важнейшая акция. В ней действительно можно различить отголосок классического мифа о Персефоне, о чем напоминают и заклю-

чительные слова обряда: «Есть три великих события в жизни человека — любовь, смерть и воплощение в новое тело. Маг управляет всем этим. Для совершенной любви нужно вернуться в то же самое время и место, где вы любили однажды, вспомните прошлое, и любовь вновь придет к вам».

Исп
вия,
что
щес
как
ним
Трет
на
аль
вол
опус
вами
ны,
Сов
спра
нун
век
ноч
освя
всех
ние
жая
стви
дни
стоя
ря.
По
пра
пол
пах
нии
явл
ной
же
цук
в к
вся
ное
мен
но
жа
меч
вой
он
ке
лич
ром
лик
нар
ды
ды
че
нар
све

Исполнив предписанные действия, испытываемый обходит круг, что именуется «одним из могущественных элементов», и уже как новый маг или королева принимает поздравления.

Третья степень концентрируется на обряде, имитирующем сексуальное сближение мага с высшим волшебником. В чашу с вином опускают магический нож со словами: «Как жещина для мужчины, так чаша для атаме».

Современные колдуны ежегодно справляют восемь шабашей. Канун мая, или, согласно средневековой легенде, Вальпургиева ночь, празднуется 30 апреля; освящение, или ночь в канун дня всех святых, — 31 октября; сретение — 2 февраля; праздник Урожая — 2 августа; два равноденствия — 21 марта и 21 сентября; дни летнего и зимнего солнцестояния — 21 июня и 21 декабря.

По колдовскому обыкновению празднество начинается за час до полуночи. Великая жрица в распахнутом спереди газовом одеянии, имитируя полет ведьмы, появляется на метле с фаллоподобной ручкой. Голые колдуны, тоже с метлами и фонарями, танцующими шагами заключают ее в круг и принимаются скакать, всячески выказывая свое безумное ликование. В надлежащий момент из тьмы и всегда неожиданно возникает великий жрец, держа в правой руке освященный меч и деревянный фаллос — в левой. В зависимости от надобности он может явиться в козлиной маске или под другой устрашающей личиной. Обменявшись с партнером пятикратным поцелуем, великая жрица обращается с заклинанием к небу: «Страшный владыка смерти и воскрешения, владыка жизни, дающий жизнь, ты, чье имя есть тайна тайн, ободрь наши сердца! Засияй чистейшим светом в нашей крови! Принеси

нам воскрешение! Нас нет вне богов! Снизойди, мы молим, на слугу твоего и жреца!»

Обряд воплощения, если его решаются выполнить, предполагает любовное соединение жреца и жрицы. Церемония освящается трапезой, пародирующей христианское причащение. Обычно употребляют сладкий шерри, то есть вишневую наливку, и освященный верховной жрицей пирог, выпеченный в виде полумесяца. Современные колдуны считают, что это делается в честь лунной богини, хотя еще древние египтяне готовили серповидные лепешки, посвященные Гору. В тесто для пирога замешивают соль, мед, вино, крупного помола муку и кровь, взятую у всех членов колдовского братства.

Такое же угощение готовят и для оргий в честь лунной богини. Вот, собственно, и все колдовские «секреты», нечистые, глупые и убогие, как само «Черное Искусство».

После смерти Гарднера созданный им «орден» распался на разнородные группки — «семьи» и растворился, по крайней мере в Америке, среди десятков похожих сект. Впрочем, Гарднер, упрощая наследие Кроули, и не претендовал на единственный путь. Набор его садо-мазохистских штучек меньше всего применим к понятиям «система» или «искусство», даже если это «искусство колдовства». Среди ближайших учеников и последователей Гарднера звездой первой величины считается Алек Сандерс (от слова «Александрийский»), чей колдовской псевдоним указывает на причастность к изначальным герметическим таинствам. Он родился в Манчестере и был посвящен в «Искусство» в девятилетнем возрасте на кухне своей бабушкой. Невзирая на столь экстравагантное «посвящение», Алек именуется себя «великим жрецом

и королем колдовства». Простой, но испытанный способ выдвигаться. Подмешав к вареву Гарднера немножко современных спиритических новинок, Сандерс сумел завоевать место под волшебной луной, где конкуренция, повторяю, довольно жесткая. Он постоянно курсирует между Ста-

Алек и Мексин строго блюдут чопорный протокол средневековых волшебников, выступая всегда в изящных рыцарских плащах и с атрибутами власти, от которых за версту разит бутафорией.

рым и Новым Светом, наставляя своих заокеанских коллег в тонкостях ритуала. У него есть поклонники в ФРГ и во Франции, а в США даже выходит газетенка под названием «Александриан ньюс-леттер». Внешность у него самая заурядная: низкорослый, субтильный, с заметной лысиной. Зато его жена, великая жрица Лондона Мексин, насколько можно судить по снимкам, очаровательна.

Алек и Мексин строго блюдут чопорный протокол средневековых волшебников, выступая всегда в изящных рыцарских плащах и с атрибутами власти, от которых разит за версту бутафорией.

Теперь уже Мексин, открывая очередной карнавал в честь богини Луны, читает выпренье вирши «Дианы»: «Эй, гляди! Какая есть я вначале...»

Просматривая журналы, могущие иметь хоть какое-то отношение к оккультизму, я натолкнулся на объявление, которое живо напомнило мне стиль Алистера Кроули:

Праздник князя Ямм

«Я — демоница. Я колдунья, я сестра Лилит, первой волшебницы, и чародейки Цирцеи. Я кузина рейнской Лорелеи. Я волшебная женщина всех спектральных сил. Дочь Эльфона и Эльвиры, моей матери, которая передала мне секреты еще в колыбельке. Я также просто ЖЕНЩИНА. Я могу любить, ненавидеть, плакать и смеяться.

И на эту вашу землю я пришла с любовью и посвятила себя борьбе с силами некроманта дьявола и черной магии волшебниц, которые приходят время от времени из уголков космоса и астральных миров и окружают всех нас. От страшной опасности, которая угрожает нам от этих планет и этих людей...»

Попробуйте угадать, кто она, эта кудесница? Великая жрица новой секты? Вторая Диана Воган?

Окон
релко
Увы,
стрип
Но к
на кр
вещь.
Во в
ной д
чатле
го по
риту

Эко,
Бачаб
Ламан

Мног
к Д
возм
дово
вкр
нает
Бол
пери
ва.
древ
поэм

Брун
Пид
Сици
Пенч

А Э
Эмч

За п
сиво
поэ
ваю
шам
Нар
Кро
суц
пра
дру
тю
спр
цес
гль
не
кой
и в
вы

Окончательно сбрендившая тарелкоманка?

Увы, нет. Это всего лишь звезда стриптиза.

Но какова сила моды! Просто на красивое тело уже не зазовешь.

Во время демонстрации очередной документальной ленты, запечатлевшей церемонию колдовского посвящения, я записал слова ритуальной песни:

Эко, эко Азарак, эко, эко Зомелак
Бачабе лача бачабе
Ламак ках ачабаче...

Многие заклинания восходят к Древнему Вавилону. Вполне возможно, что и эта бессмыслица, доводящая до экстаза пляшущих вокруг костра нудистов, напоминает каких-то халдейских бесов. Больше всего она похожа на эксперименты Велемира Хлебникова. Вот как говорит, например, древнеславянский бог Велес в поэме «Зангези»:

Бруву ру ру ру ру!
Пице цане сэ сэ сэ!
Сици, лици, цицици!
Пенчь, панчь, пенчь!

А Эрот ему отвечает:

Эмчь, Амчь, Умчь!

За поэтическими мифами, за красивой обрядностью язычества поэт прозорливо уловил пронизывающее экстатические мистерии шаманство.

Наряду с радениями по системе Кроули — Гарднера в Англии существуют колдовские группы, практикующие древнекельтское друидическое волхование. Костюмированные пляски, ежегодно справляемые в день летнего солнцестояния среди величественных глыб Стоунхенджа, стали чуть ли не главной туристской приманкой. Нечто подобное происходит и в Оксфордшире, где сохранился выложенный камнями круг, став-

ший храмом местных вики. Некая миссис Бони, выступающая в белоснежных одеждах, наставляет их по части исконно английского чародейства, придававшего особое значение оме, трилистнику и остролисту. На холме Брекшир Даунс, снискавшем известность благодаря циклопическому изобразительному «белой кобылы», приносят жертвы богине луны Эпоне, в Гластонбери вызывают дух чародея Мерлина. Колдуны-традиционалисты, возглавляемые Моникой Вильсон, известной в мире «Искусства» как леди Ольвен, открыли свой храм в Шеффилде.

Леди Ольвен собрала целую библиотеку гарднеровских изданий и редкую коллекцию магического холодного оружия: мечей, ножей с белой и черной ручкой, шпаг. После нескольких успешных выставок она открыла постоянно действующий музей волшебства. Вместе с мужем, бывшим летчиком, которого друзья ласково называют «Скотти — летающий хрен», она ведет обширную переписку с колдунами со всего света.

За какие-нибудь 20 лет лагеря, кемпинги и ярмарки всевозможных «шашников» стали почти неотъемлемой частью английского пейзажа. В народе новоявленных нудистов зовут «ограбленными». Массовость нынешних колдовских мероприятий не на шутку встревожила респектабельных герметистов старшего поколения. Вспоминая напыщенные псевдонаучные пассажи «Книги теней» Кроули и «Белой богини» Грейвека и Регардье, они на все лады поносят «гарднеровскую ересь». Недавно и в страшном сне не могло присниться, что «официальная» колдовская церковь начнет охоту на волшебников-сектантов! Все повторяется в мире, но, как известно, лишь в виде фарса.

Пан, страстью вновь горя, во мгле
 родных лесов
 За девою крадется, бродящей меж
 кустов,
 Хватает на бегу и, радость бурно
 клича,
 В сиянии луны несет свою добычу.

(Леконт де Лиль, «Пан»)

Каким чудовищным уродством
 и грязным шутовством оберну-
 лись романтические грезы...

* * *

Один из последних опросов, проведенных в странах Западной Европы Институтом Гэллапа, показал, что в существование дьявола и ада верят от 17 и 22% опрошенных (Франция) до 38 и соответственно 36% (Норвегия). Греция, где на предложенные вопросы утвердительно ответило большинство (67 и 62), составляет исключение. Несмотря на то что акции на адской бирже котируются не слишком высоко, массив, откуда черпают дьявольскую мощь всевозможные маги и колдуны, к сожалению, достаточно представителен. Миллионы людей все еще отдают дань кошмарным страхам и вымыслам.

Иллюзии здесь были бы неуместны. Демонов, как и богов, питает вера, и, пока существует спрос, будет существовать и предложение.

«Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы!» — с горечью признал Булгаковский Мастер.

Сопоставляя пробуждение нездорового интереса к оккультизму вообще с повальным увлечением экзотическими восточными культурами, о чем шла речь в «Богх лотоса», я могу лишь вновь повторить, что такое уже было, и не раз, на протяжении человеческой истории. Аналогия, конечно, еще не доказательство, но вспоминать время от времени про-

шлое, даже отдаленное, никогда не вредно.

В западной прессе все чаще проскальзывают многозначительные уподобления состояния современного мира той агонии, которая парализовала Рим периода упадка. Тогда тоже не было недостатка в проповедниках, пришедших из восточных пределов империи. Отшатнувшись от олимпийцев, римское общество спешно принялось воздвигать алтари в честь иноземных богов и демонов. В тайных капищах приносились обильные жертвы на алтари Митры и Великой Матери, Осириса — Сераписа и сирийской богини, египетской Исиды, ведического Варуны, иранского Ахурамазды. В подземельях римской церкви Сан-Клементе сохранилось нетронутое митраистское убежище с великолепным барельефом кровавого солнечного божества.

Все, таким образом, было во времена оны, как горько заметил Екклезиаст: восторг перед экзотическими кумирами, дикие жертвоприношения, проповедь аскетизма и презрения к миру. Равно как и разнузданные оргии, получившие название «сексуальных мероприятий» у хиппи и «Дианиных мистерий» — у современных «жрецов Великой Матери».

Жан Ревиль в своем капитальном труде «Религия в Риме при Северах» писал по этому поводу:

«Для удовлетворения многосложных религиозных потребностей, волновавших римское общество III века, недостаточно было богов Греции и Рима, культа божественных Августов, толпы гениев, демонов и обоготворенных абстракций. Исчерпав весь жизненный сок своих собственных религиозных и философских принципов, разлив во всех возможных направлениях свою собственную религиозную традицию, это общество, жаждавшее душевных

волнений и верований, страстно предавалось многочисленным восточным культам, последовательно укоренявшимся в столице».

Как поразительно похоже!

Словно клинический диагноз одной и той же болезни. Недаром в «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббон с присутствием ему бесстрашием замечает: «Различные культы... верующими рассматривались как равно истинные, философами — как равно ложные, а властями — как равно полезные».

У каждой исторической эпохи свое обличье. При всем сходстве недугов, поражавших время от времени общественное сознание, есть у нашего века только ему присущие отличительные черты. Именно о них мы и вели разговор на первых страницах книги, исследуя феномен сатанистского ренессанса.

Вполне уместно поэтому, прежде чем поставить, как принято говорить, последнюю точку, вернуться ненадолго к некоторым из наших «героев», живым и покинувшим свет. Это отнюдь не лишне, потому что каждый день приносит что-нибудь новое в их биографии.

Начнем с современников... Например с тех из них, которые значились в секретных списках «ложи П-2», извлеченных при обыске из сейфа на вилле «Ванда».

Арестованный швейцарской полицией Личо Джелли ухитрился с помощью надзирателя бежать из тюрьмы и, перебравшись во Францию, вылетел на частном самолете в Южную Америку. В тюрьму угодил и сидит пока в камере «черный масон» Микеле Синдона, подручный главы американского гангстерского синдиката Лаки Лючано, при тайных обстоятельствах убит банкир Роберто Кальви, слишком много знавший о заговоре против Итальянской Республики. Но это

лишь верхушка айсберга, плавающего в грязных водах политики, поставившей на службу своим преступным целям закамуфлированный мистическим флером терроризм. Ее вдохновители и стратеги по-прежнему таятся в тени правительственных кабинетов и конспиративных квартир всевозможных «служб безопасности». «Джелли потерпел поражение, — отмечают в этой связи Джанил Росси и Франческо Ломбрасса в недавно опубликованной в Италии книге «Именем «ложи», — и на него возлагают ответственность, которую должны нести те, кто им руководил, или те, кто в течение многих лет никак не мешали его действиям. Хирург, которому поручили при помощи ланцета вырезать раковую опухоль на теле итальянского общества, ограничился только тем, что надрезал кожу. Империя Джелли осталась в неприкосновенности. Она только ждет, когда ее возглавит новый император...»

За «императором» дело, надо думать, не станет. Тем более что влиятельные круги, близкие к НАТО, практически сорвали готовившийся судебный процесс. И это понятно. Помимо боязни неизбежной огласки, тайными покровителями главаря «ложи П-2» владеет и «братская» солидарность. «Братьями» Джелли по масонству шотландского ритуала были такие видные деятели, как директор ЦРУ Аллен Даллес, генеральный секретарь НАТО Манлио Брозио, мэр Нью-Йорка Ла Гуардия и даже бывшие американские президенты Гарри Трумэн и Джеральд Форд. Ничего не скажешь, громкие имена! Конечно, кое-кого уже нет в живых, а остальные отошли от активной политической деятельности, но ведь есть и другие, еще не названные. Они-то и стараются всеми силами сорвать процесс. Нет нужды напоминать, что поле их дея-

тельности охватывает не одну Италию. Уже упомянутый банкир Кальви, издававший при Муссолини фашистскую газетенку, погиб при загадочных обстоятельствах в Лондоне. Убивают, идя на любой риск и не считаясь с расходами, не только сообщников. Любой потенциальный свидетель автоматически превращается в дичь, на которую ведется безжалостная облава.

Пулями неизвестных убийц был прошит директор журнала «Осерваторе политико» Мино Пекорелли. О причинах можно не спрашивать. Написав статью «Правда о достопочтенном мастере масонской «ложи П-2», он в буквальном смысле слова напросился на пулю. Не прошло и нескольких дней, как его убрали, несмотря на все меры предосторожности. Подоплека убийства станет предельно ясна, если обратиться к статье итальянского журналиста, к его предсмертным словам:

«Промышленники и финансисты, политические деятели и судебные чиновники, принося клятву верности масонству, тем самым становятся на службу ЦРУ США, чтобы любым путем преградить ИКП доступ к власти».

Здесь каждое слово звучит как обвинительный приговор.

В своей зоологической ненависти к коммунизму, к прогрессивным движениям вообще реакция не брезгует ничем. В том числе и шутовским гардеробом мистических «братьев». Извлеченные из мусорной ямы истории, реставрируются и наспех подновляются под современность самые отвратительные лохмотья.

Пряча под ними автоматы и бомбы новейшего образца, встают под бесславные знамена всевозможные «рыцари» и «кавалеры». Едва ли можно посчитать случайным тот факт, что за время пребывания у власти нынешней

вашингтонской администрации в несколько раз выросла численность «невидимой империи» ку-клукс-клана. Ныне ее ударные отряды насчитывают около 50 тысяч активных членов. Впервые с 1925 года клан осмелился открыто пройти по улицам американской столицы. И удивляться тут нечему. «Клавалеры» — так именуют себя погромщики — восприняли объявленный президентом «крестовый поход» против коммунизма как руководство к действию. Огненные кресты пылают ныне чуть ли не в каждом втором штате. И рвутся пластиковые заряды, и свистят бандитские пули, и падают в почтовые ящики отравленные расовой ненавистью прокламации.

Вновь наливаются кровью вставшие из могил вампиры. Все идет в употребление, ничьи истлевшие останки не остаются без внимания реаниматоров, так или иначе связанных с штаб-квартирой ЦРУ в Лэнгли. Неутихающий скандал вокруг «ложи П-2» все же сорвал кое-какой маскировочный реквизит. И белые с черным крестом балахоны клана и черные с белым крестом мальтийские церемониальные плащи оказались из одного пошивочного ателье. О тесных связях ложи и экстерриториального владения на улице Кондотти уже шла речь. Судя по некоторым сведениям, просочившимся в американскую прессу, связи эти намного многообразнее и шире, чем можно было предполагать ранее. Выяснилось, в частности, что «американская колония» мальтийских рыцарей, насчитывающая свыше 300 членов, не только скомпрометировала себя сотрудничеством с Джелли, но и прямым пособничеством агентам ЦРУ. Нелишне заметить по этому поводу, что многие руководители американской разведки, как бывшие, так и нынешние, и сами состоят в рыцарском сане,

пройдя вс
по древн
Примечат
Кто тольк
на охвач
шутовско
только те
пленных
манты». I
битах по
самозван
через п
распутин
куются
Гитлера,
причисл
лая Ром
вающий
Не остае
рый зна
И дня
тенному
То один
ставляе
дудку.
Прожив
ский ас
постави
ный ре
ри-Мат
нострад
ских ц
нелегко
на бесп
память
в НАСА
теру.
Впроче
новым
и могл
у ее д
бивши
акцент
в Евр
вариан
зывае
придв
Медич
ниями
нюдь
весьм
енны
доват
Окку

пройдя все требуемые церемонии по древнему обряду иоаннитов. Примечательный факт!

Кто только не подвизается теперь на охваченной истерией сцене шутовского балаганчика. Каких только теней не вызвали из похороненных гробов ретивые «некроманты». Вновь появляются на орбитах потустороннего карнавала самозванные ганнусены, вещают через припадочных медиумов распутины и калиостро, публикуются фальшивые «дневники» Гитлера, и «письма» Муссолини, причисляют к лику святых Николая Романова. Гнусный, пахнущий мертвецкой фарс.

Не остается без работы и наш старый знакомец Мишель Нотр-Дам. И дня не дают отдохнуть почтенному магистру из Монпелье. То один, то другой шарлатан заставляет плясать его под свою дудку.

Проживающий в США французский астроном Морис Шателен поставил в этом деле своеобразный рекорд, опубликовав в «Пари-Матч» очередное толкование нострадамусовых «Астрологических центурий». На сей раз это нелегкое бремя было возложено на беспристрастную электронную память, благо Шателен трудится в НАСА и имеет доступ к компьютеру.

Впрочем, ничем принципиально новым ЭВМ не порадовала. Да и могло ли быть иначе, если даже у ее двоичного кода оказался набивший оскомину антисоветский акцент? «Русские вторгнутся в Европу», — гласил машинный вариант расшифровки. Вот, оказывается, каким провидцем был придворный астролог Екатерины Медичи! Но подобными откровениями прогностическая мощь отнюдь не исчерпывается. Обычно весьма пессимистически настроенный, Нострадамус спешит порадовать благополучной концовкой. Оккупированной Европе, оказы-

вается, поможет обладающий совершенной военной техникой океанский союзник.

Одним словом, продолжай принимать американские ракеты, старушка Европа, и все будет о'кей! Можно подумать, что покойного лейб-медика зачислили в штат Пентагона. Такая уж выпала ему горестная планида: служить ширмой беспардонной политической клевете.

«И снова, как в прошлом, Париж освободили американцы», — бесстыдно врет от его имени печатающее устройство. Нострадамусу простительно было ошибаться, проницая дали времен. Прошлое, о котором идет речь ныне, таилось от него за горизонтом далекого будущего. Однако сегодня любой француз знает, что американцы никогда не освобождали славную столицу Франции. Ее освободили сами восставшие парижане, подняв трехцветное знамя не только до прихода американских войск, но и до вступления французской танковой бригады генерала Леклерка! Кстати сказать, под актом о приеме капитуляции вместе с Леклерком поставил свою подпись и герой Сопротивления коммунист Роль-Танги. Именно это *прошлое*, дорогое всем честным патриотам, тщится оболгать мосье Шателен, выставляя жалким лгунишкой раздерганного всяческими спекулянтами Нострадамуса и впутывая в бесчестные махинации даже бесстрастный машинный интеллект. Таковы парадоксы века кибернетики и атома.

Резонансное совпадение пароксизма сатанистских и прочих культов средневековья с термоядерной лихорадкой — закономерный синдром.

Еще древние заметили, что неблагоприятным замыслам зачастую сопутствует извращенность речений. В американской печати проскользнуло сообщение о новом

поколении «думающего» оружия. Поверить в то, что бомба, даже сращенная с самым быстродействующим компьютером, и впрямь способна думать, может лишь окончательно оглушенный «шизофренирующей» пропагандой простак. Невзирая на семантическое сходство, такие понятия, как «осмысленный выбор цели» или «принятие самостоятельного тактического решения», отнюдь не однозначны, скажем, «свободе воли». Есть все же различия между полетом мегатонной боеголовки и полетом мысли!

Трудно отделаться от ощущения, что, не успев народиться на свет, новое оружие уже совершает свою разрушительную работу, стремясь стереть в сознании людей границу между истреблением и творчеством, опустошением и созидательным трудом.

«Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. — И будущее

человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы» *.

Нет и не может быть никаких компромиссов в таком единоборстве.

«Да здравствует разум!.. Да скроется тьма!»

Бессмертные пушкинские слова входят в нашу кровь и плоть с детства. И это прекрасно, потому что, не побоюсь повторить, «сон разума порождает чудовищ».

Особый, можно сказать, всеобъемлющий смысл придает бессмертному лозунгу наша трудная эпоха. В человеческих отношениях, в научном и художественном творчестве, в международной политике — всюду должно восторжествовать разумное начало. Иначе и впрямь Земли завладеют кошмарные монстры.

* Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 7.

Краткий словарь специальных терминов

Аббат — настоятель католического монастыря; в современной Франции так именуют всякого католического священника.

Ангелы — *ангелы*, отпавшие от бога; сатанинское воинство.

Алёмбик — алхимический сосуд.

Алхимия — зачаточная химия средних веков, ставившая своей задачей «Великое деяние» — отыскание так называемого «*философского камня*».

Альбигойцы — последователи еретического движения в Европе XII—XIII веков, выступавшего против католической церкви.

Амулет (талисман) — предмет, которому приписывается сверхъестественная, магическая сила.

Ангелы — бесплотные посредники между богом и людьми, возвещающие им «*божью волю*».

Андрогин — двуполый.

Анимизм — вера в существование души и духов.

Антропософия — мистическое учение о скрытых возможностях человека, путем развития которых можно достичь господства над природой.

Астраль (астральный свет) — в *оккультизме* тончайшая субстанция, пронизывающая мироздание.

Астрология — мистическое учение о влиянии небесных светил на жизнь и судьбы отдельных людей и народов.

Атамé — ритуальный магический нож.

Атонор — алхимический сосуд.

Аура — в *спиритизме* якобы наблюдаемое энергетическое истечение вокруг человеческого тела. В медицине — симптомы приближающегося припадка эпилепсии.

Богомилство (по имени священника Богомила) — антифеодальное движение в форме религиозной ереси, возникшее в X веке в Болгарии.

Ваганты — странствующие составители и распространители латинских стихов, воспевавших радости жизни и высмеивавших папу и феодалов.

Вакханалии — древнегреческие празднества в честь Вакха-Диониса, сопровождавшиеся оргиями.

Вальдэнсы — приверженцы еретического движения в XII веке на юге Франции, основанного лионским купцом Петром Вальдо.

Вампир (упырь, вурдалак) — по народному поверью — мертвец, высасывающий кровь у спящих людей.

Ведовство — вредоносное колдовство.

Ведьма — по суеверным представлениям, восходящим к язычеству, женщина-колдунья, заключившая союз с нечистой силой.

«Великое деяние» — см. *Алхимия*.
Вики — кличка колдунов в современных Англии и США.

Виклифисты — последователи идеолога бюргерской ереси, английского богослова XIV века Джона Виклифа.

Воду — синкретический афро-христианский культ духов.

Волхование — то же, что магия, чародейство, колдовство.

Гексаграмма — шестиугольный символ, широко распространенный в магии и алхимии.

Гематрия — см. *Каббала*.

Генитюра — астрологический чертеж (см. *Астрология*, *гороскоп*).

Герметический — в узкоалхимическом смысле — наглухо закупоренный, в расширительно оккультном — закрытый, тайный. Образовано по имени Гермеса Трисмегиста, мифического родоначальника оккультных наук. См. *Эзотерический*.

Гипербореи — по представлениям древних греков, мифический народ, населявший крайний Север.

Гностики — представители религиозно-теософического движения поздней античности. Учения гностиков оказали сильное влияние на *манихейство* и дуалистические ереси средних веков (*павликианство*, *богомилство*, *катары* и т. д.).

Гомункулус — искусственный человек, который, по алхимическому поверью, может быть выращен в колбе.

Гороскоп — таблица расположения светил в момент рождения человека (см. *Астрология*).

Госпитальеры — (иоанниты) — члены католического духовно-рыцарского ордена, основанного в XII веке в Палестине.

Гостия — облатка из пресного пшеничного теста, употребляемая в католическом обряде причастия.

Грааль — мифическая чаша.

Гримуар — см. *Чернокнижие*.

Гроссмейстер (великий магистр) — глава духовно-рыцарского ордена.

Гуситы — участники антифеодального национально-освободительного движения в Чехии в XIV—XV веках, последователи Яна Гуса.

Демиург — по Платону, божественная сила, создавшая мир, у гностиков — творец греховного материального мира.

Демоны — фантастические существа, олицетворяющие злую, «нечистую» силу — черти, бесы, дьяволы и т. д. Иудео-христианское предание отождествляет демонов с отпавшими от бога ангелами, или *аггелами*.

Друиды — кельтские жрецы.

Духовно-рыцарские ордены — организации монашеского типа, объединившие рыцарей — участников крестовых походов. Наиболее известны *госпитальеры*, которые стали впоследствии называться мальтийскими рыцарями, *тамплиеры* (храмовники), Тевтонский и Ливонский ордены.

Дьяблэрии — средневековые представления с участием ряженых бесами.

Евхиты (мессалиане, или молящиеся) — сектантское, сугубо аскетическое движение, зародившееся в IV веке на Востоке.

Иезуиты — члены католического монашеского ордена «Общество Иисуса», основанного в 1534 году.

Иерарх — глава жрецов, высшее духовное лицо. В католицизме — папа, кардиналы, епископы.

Иератический — жреческий, священный.

Иерофант — верховный жрец древнегреческого элевсинского культа.

Иллюминаты (просветленные) — примыкающая к масонству (см. *Масоны*) тайная организация (орден), основанная в 1776 году в Баварии.

Инициации — посвящения в культовые таинства; возрастные посвятельные церемонии.

Инквизиция —
кой церкви, с
борьбы с ере
Инкуб — дем
павший, по с
в любовную
Инкунабулы
оттиснутые
книгопечата
Интэлии —
бражения на
ценного кам
Инфэрно —
ный — адск
Иоанниты —
ховно-рыца

Каббала —
мистическо
пространен
женцев иу
ской практ
Особенно
всеобщего
ловых и
гематрия.

Кандомбл
ность кул

Кальвини
с лютеран
новых т
нявшее и

Капитул
ство мон
скими ор

Катары —
XIV век
ствована

Кватерн

Киммер
ских оп
скорого
софског

Колдов
чароде

Консте
ние не

Лемур
погибл

Логос

горя

тично

и им
в кон
озны

Инквизиция — трибунал католической церкви, созданный в XIII веке для борьбы с ересью.

Инку́б — демон мужского пола, вступающий, по средневековым поверьям, в любовную связь с женщинами.

Инкунабулы — первопечатные книги, оттиснутые за время от изобретения книгопечатания до 1501 года.

Инта́лии — глубоко вырезанные изображения на отшлифованной стороне ценного камня.

Инфе́рно — ад, откуда inferнальный — адский.

Иоанниты — см. *Госпитальеры и духовно-рыцарские ордены*.

Кабба́ла — средневековое религиозно-мистическое учение, получившее распространение сначала среди приверженцев иудаизма, а затем в магической практике средневековой Европы. Особенно широко использовалось для всевозможных гаданий; методы числовых и буквенных подстановок — гематрия, нотарикон.

Кандомбле — бразильская разновидность культа *вóду*.

Кальвини́зм — одно из трех, наряду с лютеранством и англиканством, основных течений протестантизма, принявшее идеи Жана Кальвина.

Капиту́л — коллегиальное руководство монашескими и духовно-рыцарскими орденами.

Ката́ры — еретическая секта XI—XIV веков. Догматика катаров заимствована ими у *богомилства*.

Кватерне́р — магическая четверка.

Киммерийские тени — в алхимических опытах так называли признаки скорого появления в сосуде «философского камня».

Колдовство́ — см. *Ведовство, магия, чародейство*.

Констелля́ция — взаиморасположение небесных тел. См. *Астрология*.

Лему́рия — по теософским учениям, погибший континент.

Лóгос — слово, понятие, разум. Категория, широко употреблявшаяся в античной и средневековой философии и имевшая различное содержание в конкретных философских и религиозных системах.

Ма́гия (колдовство) — действия и обряды, совершаемые с целью повлиять сверхъестественным образом на явления природы, человека, животных и т. д.

Мальтийский орден — см. *Госпитальеры (иоанниты) и духовно-рыцарские ордены*.

Манде́и — религиозная секта, возникшая на берегах Евфрата во II—III веках. Взгляды мандеев имели много общего с *гностиками*, а также с *манихейством*. Сохранилась до настоящего времени в Ираке.

Манихе́йство — дуалистическая гностическая религия, возникшая в III веке в Персии, основателем которой считают легендарного проповедника Мани (216—277 гг.).

Ма́нтика — гадание, различные способы узнавать неизвестное или предсказывать будущее.

Масо́ны — религиозно-философское течение, возникшее преимущественно в аристократическо-буржуазной среде в начале XVIII века и выразившееся в создании тайных обществ (лож), построенных по образцу средневековых цеховых объединений «каменщиков».

Матрику́лы — списки членов какого-либо общества.

Ме́диум — в *спиритизме* (см.) посредник между людьми и миром духов, способный якобы вызывать души умерших.

Миннези́нгеры — лирические поэты в Германии XII—XIII веков, «певцы любви». Соответствуют провансальским трубадурам и французским труверам.

Ми́стика (мистицизм) — в широком смысле — учение о таинственном, сверхчувственном; в узком — вера в непосредственное сверхчувственное общение людей со сверхъестественным.

Некрома́нтia — мнимое искусство вызывать дух умерших.

Нумероло́гия — гадание по числам.

Оккульти́зм — мистическое учение о безличных сверхъестественных силах, которые якобы существуют в природе, персонифицируются под влиянием заклинаний и обрядов и могут быть подчинены человеку.

Орфические мистерии — мистико-религиозные церемонии в Древней Греции, названные по имени мифического песнопевца Орфея.

Павликиане — еретическое движение в христианстве, возникшее в VII веке в Армении. Название получило предположительно по имени апостола Павла.

Пандемониум — (в магии) местопребывание демонов.

Пантакль (пентакль) — амулет (см.) с заклинанием для вызывания духов.

Пентаграмма — пятиугольный символ, широко распространенный в магии и алхимии.

Пифагорейзм — древнегреческое религиозно-философское учение, получившее свое название по имени Пифагора. Исходило из признания числа первоначалом сущего, а математических закономерностей — основой мироздания.

Платонизм — учение Платона и направление в античной философии, связанное с его именем.

Понтифик — титул римского папы.

Прерафаэлиты — английская школа живописи и поэзии середины XIX века.

Приапизм — подражание Приапу, богу плодородия. Символ мужской необузданности.

Рака —местилище мощей.

Реквием — заупокойное служение в католической церкви.

Розенкрёйцеры — оккультное религиозно-философское течение, примыкающее к масонству (возникло в XVI—XVII вв.).

Сабейзм — доисламская религия ряда арабских племен, обожествлявших небесные светила.

Сакральное — священное, святое.

Сефироты — основные элементы учения каббалы.

Симония (от имени евангельского Симона Волхва) — распространенная в средние века торговля церковными должностями.

Спагирическое искусство — см. Алхимия.

Спиритизм — вера в посмертное существование душ и в возможность контакта с ними медиумов.

Стигматы — кровоподтеки, язвы и т. п., появляющиеся на теле глубоко верующих людей в тех местах, где были раны у распятого, согласно евангельской традиции, Христа.

Суккуб — демон женского рода (см. Инкуб).

Талмуд — свод религиозных трактатов, закрепивших идеологические, культовые и религиозно-правовые положения иудаизма.

Тамплиеры (храмовники) — духовно-рыцарский орден, основанный в 1119 году в Иерусалиме вблизи места, где, по преданию, находился храм Соломона.

Тантризм — сокровенные магические тексты индуизма и буддизма ваджраяны, связанные с йогической практикой.

Тарот — набор специальных карт для гаданий.

Теология — богословие.

Теософия — религиозно-философское учение о непосредственном постижении божества с помощью мистического откровения.

Тернер — магическая троика, триада.

Теургия — мнимая способность заклинать духов. См. Магия.

Трубадуры — см. Миннезингеры.

Фетишизм — религиозный культ неодушевленных предметов, которым приписывают магическую силу.

«Философский камень» — вещество, которое, по представлениям алхимиков (см. Алхимия), могло обращать неблагородные металлы в золото и серебро, а также давало бессмертие.

Флюид — в спиритизме (см.) мнимое наблюдаемое истечение магической энергии; «животный магнетизм» Месмера, «одическая сила» Рейхенбаха.

Хиромантия — ложное искусство предсказания судьбы человека по линиям на ладонях рук.

Цистерцианцы — члены католического монашеского ордена, основанного в конце XI века бенедиктинцем Робертом Молезмским.

Чародейство — основанные на собственной воле судьбы людей Магия.

Чёрная месса — тане, пародия на литургию — вред.

Чернокнижие — доовских целях содержащими вания добрых возможного колдоре наиболее ломона» и гр книги».

Шабаш — согованиям, п Сатане, на ко тая» сила.

Шакти — в ваджраяны начало.

Шаманство — тических веррых находит между людьми ман).

Чародейство — магические действия, основанные на вере в сверхъестественную возможность влиять на судьбы людей и силы природы. См. *Магия*.

Чёрная месса — обряд служения Сатане, пародирующий католическую литургию — мессу. *Реквием* по живому человеку с целью причинить ему вред.

Чернокнижие — пользование в колдовских целях особыми сборниками, содержащими руководства для вызывания добрых и злых духов и всевозможного колдовства. В Западной Европе наиболее известны «Ключ Соломона» и гримуары, или «черные книги».

Шабаш — согласно средневековым верованиям, празднество поклонения Сатане, на которое слетается «нечистая» сила.

Шакти — в индуизме и буддизме ваджраяны женское энергетическое начало.

Шаманство — широкий круг анимистических верований, в центре которых находится колдун — посредник между людьми и миром духов (шаман).

Эзотерический (внутренний) — предназначенный исключительно для посвященных в тайны.

Экзотерический (внешний) — предназначенный для непосвященных.

Экзорцизм — обряд изгнания бесов, выполняемый специально подготовленным священником — экзорцистом.

Элементалии (элементалы) — в учении *розенкрейцеров* — низшие духи природы.

Элксаты — гностическая секта.

Эльфы — в германо-скандинавской мифологии воздушные существа, духи природы. Эльфы отождествляются с гномами, кобольдами, феями, сильфами и т. д.

Эманация (истечение) — в древнеримской философии — объяснение происхождения мира путем мистического истечения творческой энергии божества.

Энвольтование — «черный» магический обряд с целью причинить кому-либо вред, внушить отвращение, ненависть.

Эоны — у *гностиков* божественные начала, посредники между человеком и божеством.

Парнов Е. И.

П18 Трон Люцифера: Критич. очерки магии и оккультизма. — М.: Политиздат, 1985. — 303 с., ил.

В настоящей работе писатель Е. Парнов обращается к теме повального увлечения мистикой на буржуазном Западе. В ярких по форме очерках автор рассказывает об истоках западноевропейского мистицизма, в частности магии и оккультных учений, о том, что мистицизм во все века использовался самыми реакционными силами в борьбе против разума и прогресса, о том, как возрожденные химеры прошлого используются современными империалистическими политикой и пропагандой.

Книга рассчитана на массового читателя.

П 0400000000—260
079(02)—85 147—84

86.30
25

Еремей Иудович Парнов
Трон Люцифера

Заведующий редакцией А. В. Белов

Редактор Л. И. Волкова

Младший редактор С. О. Овчинников

Художник Г. Д. Расторгуев

Художественный редактор В. А. Бондарев

Технический редактор Ю. А. Мухин

ИБ № 4064

Сдано в набор 01.12.83. Подписано в печать 18.06.84. А 00112. Формат 70 x 90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура „Журнальная”. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,23.
Усл. кр.-отт. 125,48. Уч.-изд. л. 22,55. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 4025. Цена 2 р.
Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набор и диапозитивы изготовлены
в ордена Ленина типографии „Красный пролетарий”.
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с диапозитивов в типографии издательства „Уральский рабочий”.
620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49. Заказ № 649.

магии и оккультиз-
ил.

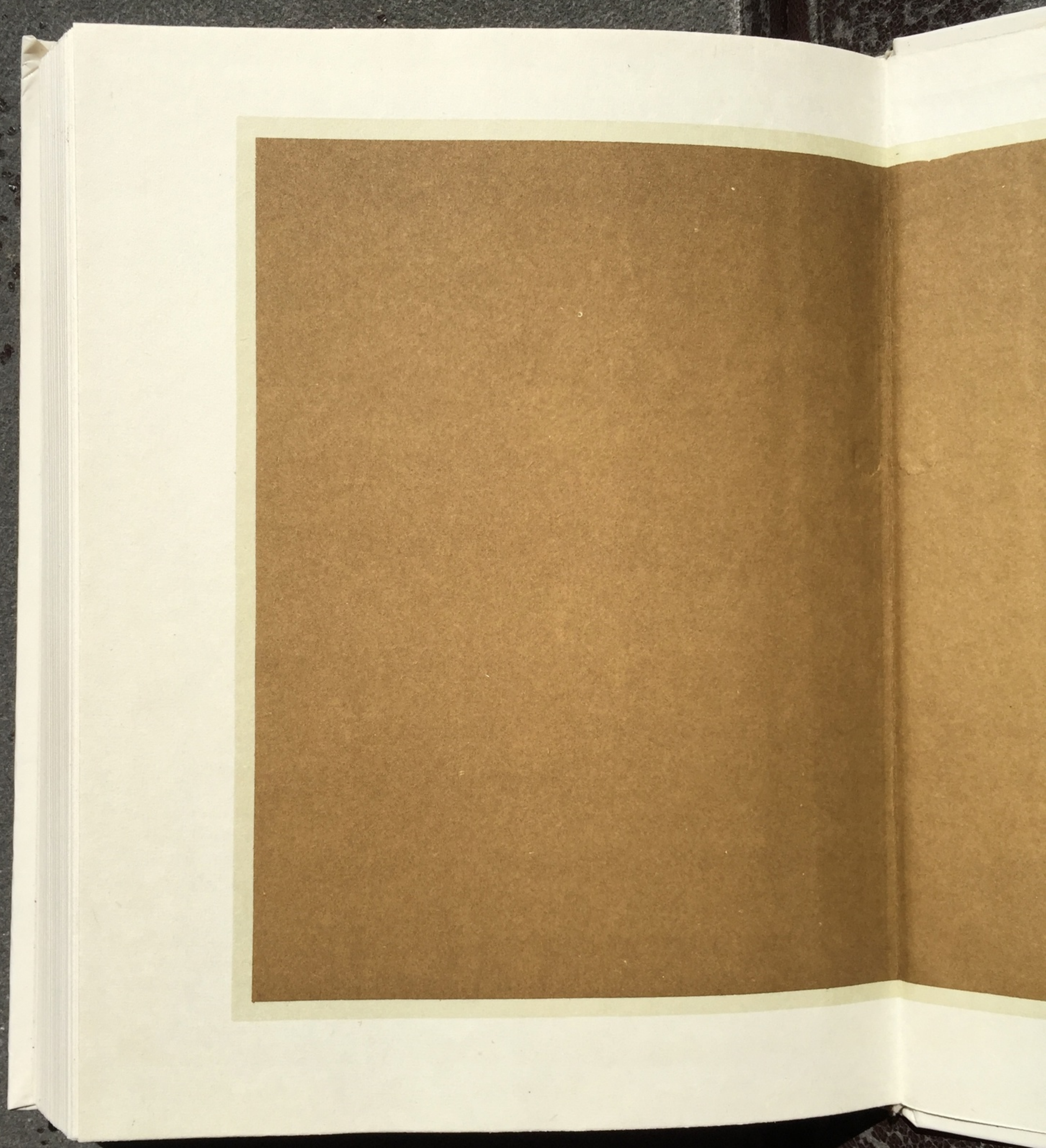
ищается к теме повального
их по форме очерках автор
ицизма, в частности магии
ека использовался самими
прогресса, о том, как воз-
енными империалистиче-

86.30
25

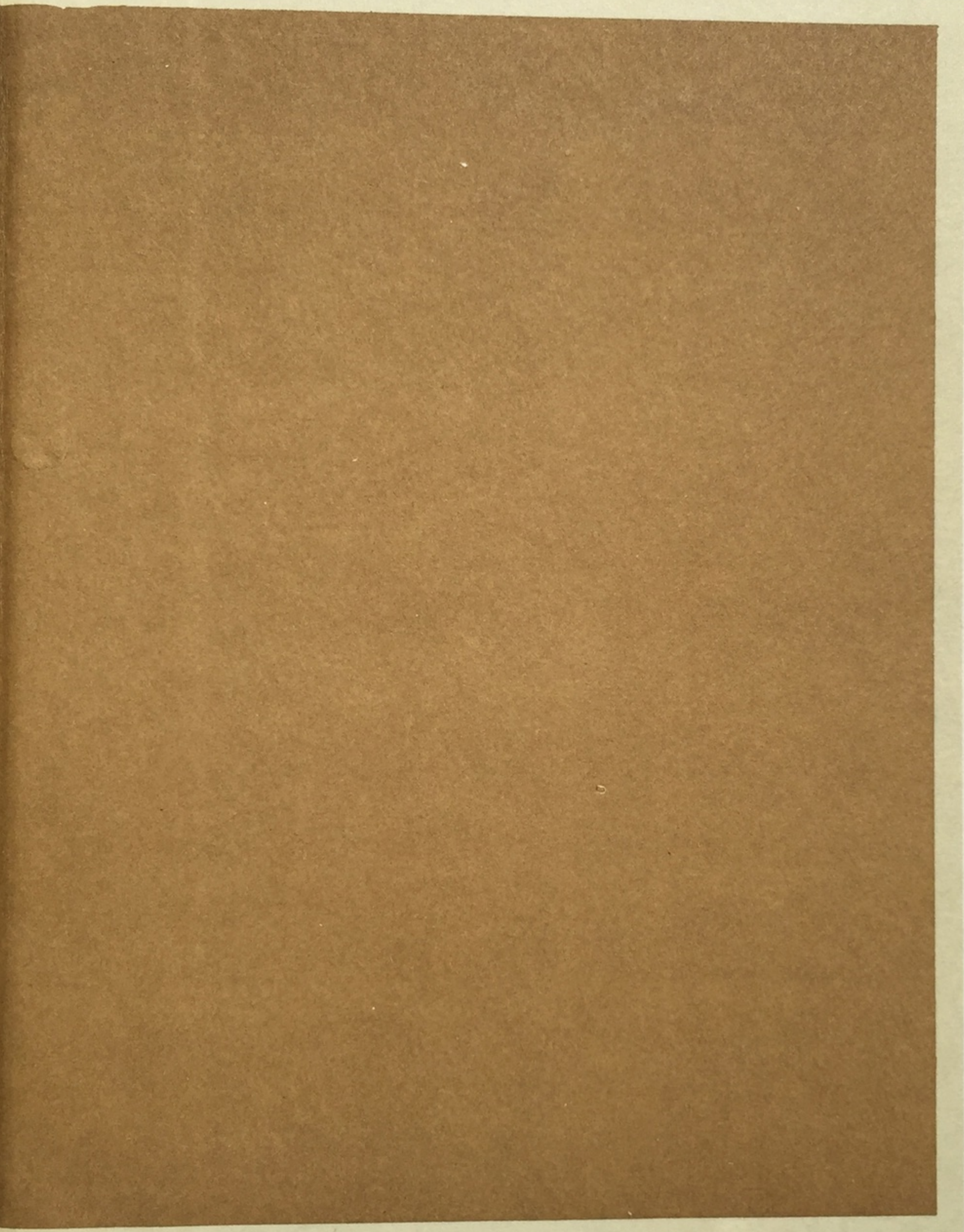
0 x 90¹/₁₆.
22,23.
на 2 р.

и".

250

2 руб.

Трон Люцифера

У каждой исторической эпохи свое обличье. При всем сходстве недугов, поражавших время от времени общественное сознание, есть и у нашего века только ему присущие отличительные черты. Интерес к оккультизму на Западе, в течение десятилетий не выходивший за пределы крайне ограниченного круга избранных, внезапно превратился в поистине массовое явление. Магия во всем комплексе составляющих ее „тайных“ наук ныне не только игрушка пресыщенных умов. Она, как и во времена Варфоломеевской ночи, остается орудием политической борьбы, бережно сохраняемым в арсеналах самой крайней реакции.

Еремей ПАРНОВ РОН ЛЮЦИФЕРД

Критические
очерки магии и
оккультизма